B 154 —
-1- 122

3154
122
24a
947.5

Л. МЕНЬЩИКОВ

ОХРАНА и РЕВОЛЮЦИЯ

К ИСТОРИИ ТАЙНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, СУЩЕСТВОВАВШИХ ВО ВРЕМЕНА САМОДЕРЖАВИЯ

ЧАСТЬ I

ГОДЫ РЕАКЦИИ

1885—1898 гг.

* КОММУН. УНИВЕРС. НАЦ. МЕН. ЗАП. * КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА
947/5
М-51
ОЧЕНА
ПРОВ.

1925

Отпечатано в 5 й типо-литографии „Мосполиграф“,
Мыльников пер., дом 14,
в количестве 5.000 экз.
Главлит № 41570. Москва.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

М

647688

ОТ РЕДАКЦИИ

В литературе по истории русского революционного движения книга Леонида Меньщикова „Охрана и революция“ займет особое место. Обычно к изображению и исследованию фактов нашего революционного прошлого обращаются или непосредственные участники движения, вспоминающие о своих былых делах и днях, или специалисты-историки. Автор книги „Охрана и революция“ не принадлежит ни к тем ни к другим. Арестованный в 1887 г. он дал откровенные показания был освобожден и поступил на службу в Московское охранное отделение. Поднимаясь постепенно по иерархической лестнице, он переходит на службу в Особый отдел департамента полиции, в отдел, в котором концентрировалось руководство всем политическим розыском в Российской империи. Более 20 лет продолжалась служба Меньщикова в розыскных учреждениях. За это время он успел приобрести такой опыт в своей профессии и такую осведомленность в делах русских революционных организаций, какие делали его ценнейшим работником царской охранки. И тем сильнее был удар, нанесенный Меньщиковым царскому режиму, когда в 1919 г., уехав за границу, он выступил с сенсационными разоблачениями против русского правительства. Что же толкнуло его на этот шаг? По словам Меньщикова, еще в 1887 г., поступая на службу в Московскую охранку, он преследовал особую цель. Разбираясь в обстановке своего ареста, он пришел к убеждению, что неудача революционеров часто обусловливается их почти полным незнанием того оружия, которым владеет их враг в борьбе с ними. Поэтому, „чтобы избежать напрасной затраты сил, лишних жертв, необходимо прежде всего тщательно изучить средства, приемы и систему борьбы противника“; сделать же это можно легче и лучше всего, находясь в его лагере. Придя к такому заключению, Меньщиков решил, ценою откровенных показаний, добиться приема на службу в охранку, изучить в деталях постановку политического розыска, проникнуть во все секреты охранки, ознакомиться с ее секретными сотрудниками, а вслед за тем снять с себя маску и выступить в роли обличителя. Другими словами, свою службу в охранке Меньщиков об'ясняет, как своеобразное служение революции. Для нас не имеет особого интереса вопрос о мотивах, которые побудили Меньщикова пойти на службу в царскую охранку. Для нас важно другое. Важно то, что выступив со своими разоблачениями, Меньщиков нанес весьма ощутительный удар русскому царизму. Важно то, что его разоблачения десятка крупных и мелких провокаторов, присосавшихся к русскому революционному движению, принесли несомненную пользу делу русской революции. Когда бы ни зародилась у Меньщикова мысль выступить со своими разоблачениями, он с самого начала своей работы в охранке начал собирать, копировать и систематизировать материал, рисующий постановку политического розыска и компрометирующий царское правительство и его агентов. А это было делом небезопасным.

Накопленный и разработанный Меньщиковым материал и лег в основу настоящей его книги. Этим обусловливается особый ее характер. Базируясь таким образом на материалах розыскных органов, Меньщиков тем самым дает одностороннее освещение изображаемым в его книге событиям,—все же истории русского революционного движения он дает очень много. Даже хорошо осведомленный в русской историко-революционной литературе читатель найдет в книге Л. Меньщикова массу новых для него сведений и о событиях нашего революционного прошлого, и о крупных и мелких участниках борьбы против царского правительства, и о постановке политического розыска и провокации в царской России. Все это вполне оправдывает появление в свет книги Меньщикова.

Подробный именной указатель будет приложен ко второй части книги, охватывающей период с 1898—1905 гг., которая подготовляется к печати.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.

Аг.—агент.
Аг. пс.—агентурный псевдоним.
Ар.—арестован.
Б.—бывший.
Бр.—брошюра.
В.—волость.
В.-о. с.—военно-окружной суд.
В. п.—высочайшее повеление.
В. Сб.—Восточная Сибирь.
Г.—год
Гб.—губерния.
Гект.—гектографированный.
Г. ж. у.—губернское жандармское управление.
Г. н. п.—гласный надзор полиции.
Д.—деревня.
Дрн.—дворянин.
Д. п.—департамент полиции.
Ж.-д.—железно-дорожный.
Ж. о.—жандармский офицер.
Ж. у.—жандармское управление.
З. аг.—заграничная агентура.
З. Сб.—Западная Сибирь.
Кр. кл.—кружковая кличка.
Крн.—крестьянин.
К. р.—каторжные работы.
Лит.—литографированный.

Лит. пс.—литературный псевдоним.
М. в. д.—министерство внутренних дел.
Мим.—мимеографированный.
Мщн.—мещанин.
Н. п.—нелегальный паспорт.
Н. ф.—нелегальная фамилия.
Нач.—начальник.
О.—Обзор важнейших дознаний (официальное издание).
О. О.—охранное отделение.
О. С.—Особое Совещание при м. в. д.
П. Ак.—Петровская Академия.
П. п. г.—потомственный почетный гражданин.
Прб.—приблизительно.
Пс.—псевдоним.
Раб.—рабочий.
Р. кл.—революционная кличка.
Рд.—родился.
С.—село.
С.-д.—социал-демократ.
С. к.—сын купца.
С. св.—сын священника.
С. ч.—сын чиновника.
С.-р.—социалист-революционер.
С. с.—секретный сотрудник (охраны).
Т. уч.—Техническое училище.
Т. з.—тюремное заключение.
У.—уезд.
Ун.—университет.
У.-о.—унтер-офицер.
Уч.—учитель (учительница).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая вниманию читателей свой труд: «Охрана и революция» (К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия), я считаю необходимым сделать несколько пояснений.

В настоящей моей работе я вовсе не задаюсь целью изложить историю революционных организаций, существовавших в России; моя книга имеет в виду более скромную задачу: дать необходимый материал для будущего историка, который займется вышеупомянутой темой.

Настоящие очерки основаны, главным образом, на моих личных воспоминаниях и на документах, которые во времена самодержавия были секретными, но к которым я, в силу своего особого служебного положения, имел свободный доступ.

Прошлое русского освободительного движения было скрыто под двойной печатью запрета: с одной стороны, оборонительные конспирации революционных партий, загнанных в подполье; с другой—секреты охранной полиции царского правительства; перипетии борьбы этих двух сил, происходившей под знаком тайны, и составляют материальную ткань истории русского революционного движения.

Особенное происхождение данных, легших в основу настоящей книги, невольно придает ей специфический характер: мои очерки трактуют предмет исключительно в плоскости репрессивной деятельности так-называемой «охраны»; они приподнимают завесу лишь с одного конца, показывают предмет с его тыловой стороны. Люди, принимавшие прямое, непосредственное участие в революционной борьбе, могут осветить историю последней в отношении внутреннего содержания, идейной ее сути; в их воспоминаниях, надеюсь, историк найдет то, чего в моей книге не будет хватать.

Много данных по истории движения содержится в об'емистых «Обзорах» и «Ведомостях» дознаний, производившихся жандармскими управлениями по делам политическим. Эти официальные анналы издавались департаментом полиции, начиная с 1882 года, периодически, и, пользуясь ими, можно было бы написать связную хронику русского революционного движения.

В моем архиве вышеназванные «Обзоры» и «Ведомости» имеются; но я в своей работе базировался не на них. Дело в том, что в этой «летописи» департамента полиции зарегистрированы лишь те дела о «государственных преступлениях», относительно которых были учинены «формальные дознания»; между тем, многие политические «дела» производились в порядке «охранных расследований» и разрешались административно, через «особое совещание» (министров); этот способ часто практиковался, когда в деле была замешана черезчур близко «внутренняя агентура», или же когда обстоятельства требовали быстрой расправы (студенческие беспорядки, демонстрации, стачки).

С другой стороны, «Обзоры» и «Ведомости» фиксировали «дела» лишь в заключительной их фазе (дознание);

наиболее же интимная часть предварительного розыска— агентурные сведения и «дневники» наружного наблюдения —попадали туда в самом ограниченном размере, да и то в обработанном, ретушированном виде.

Наконец, многие «дела» являлись мертворожденными и не выходили из зачаточного состояния; они совсем не попадали в «Обзоры» и «Ведомости», теряясь в архивных дебрях охранных учреждений; между тем, иные из таких «дел» представляются весьма типичными и заключают в себе не лишенный значения исторический материал.

Следует еще заметить, что целый ряд фактов из секретной деятельности охраны вообще никакого бумажного следа по себе не оставил. И в этих случаях, мне кажется, будет весьма уместным мое свидетельское показание, тем более, что из лиц, близко знавших закулисную работу охраны, многие (Семякин, Зубатов, Рачковский, Ратаев, Гурович, Медников) уже сошли в могилу. Да и сомнительно, чтобы эти печальные герои политического безвременья захотели бы, будь они живы, правдиво рассказать о подвигах политической полиции, которую они создали и которой руководили.

Соображения, изложенные мною выше, определяют характер и самые рамки моих очерков.

Я буду рассказывать о жизни революционных организаций, кружков и начинаний, поскольку она выявилась в свете розыскных операций охраны. Мой рассказ коснется, главным образом, тех политических «дел», относительно которых я наиболее осведомлен, которые протекали в поле моего наблюдения, и к которым я имел то или иное личное касательство.

Как исследователь, я буду в своем повествовании придерживаться исключительно фактической стороны дела. Как свидетель, я постараюсь руководствоваться положением, высказанным еще в предисловии к моей книге «Минувшее»: «настоящая история не требует бенгальских огней, ни синих, ни красных; ей нужен только белый дневной свет об'ективной истины».

Л. Меньщиков.

ГЛАВА I

Кризис народовольчества.—Московские издательские кружки Александрова и Сотникова.—Тайные типографии в Москве и Туле.—Провокатор Зубатов и его жертвы.—„Клин клином вышибай“

КРИЗИС НАРОДОВОЛЬЧЕСТВА

Первые годы моей сознательной жизни, а следовательно, и самые ранние мои воспоминания, могущие иметь какое-либо значение, относятся к тому смутному времени русской общественности, которое наступило после восшествия на престол печальной памяти императора Александра III.

Геройская борьба, которую вела с деспотизмом партия «Народной Воли», кончилась для нее Пирровой победой: царь-«освободитель» был казнен, но вместе с ним были убиты и всякие надежды на какие-либо уступки со стороны правительства. Проект «конституции» (как говорили—«куцей»), находившейся уже в портфеле графа Лорис-Меликова, преемник Александра II положил, после недолгого раздумья, «под сукно» и, с благословения Победоносцева, открыто вступил на путь беззастенчивой реакции. «Народная Воля», не имевшая прочных связей в широких низах, не поддержанная в критическую минуту массами, принуждена была покинуть поле битвы и, в конце концов, сложила оружие.

Восьмидесятые годы являются сплошным мортирологом народовольческой организации. Оправившись от перепуга, вызванного мартовской катастрофой, царское правительство поспешило реорганизовать свой защитительный аппарат. Во главе департамента полиции, заменившего собою архаическое III отделение, стал Плеве—человек твердый, жестокий, с чисто жандармской душой. При столичных полицейских управлениях были учреждены вместо примитивных секретных отделений специально розыскные органы—«по охранению порядка и общественной безопасности»; начальниками охранных отделений назначали опытных в сыске офицеров: Судейкина—в Петербурге и Скандракова—в Москве. С новыми силами, с удвоенной энергией правительство предприняло генеральное наступление против «крамолы», пустив в ход свои излюбленные средства: военные суды, казни, тюрьму и ссылку.

Поход увенчался успехом. Провалы следовали за провалами. Разбивались кружки, рушились предприятия: за одно первое пятилетие партия потеряла более десяти типографий. Почти вся «старая гвардия» народовольчества оказалась в плену. Из боевых выступлений удалось лишь одно: убийство Судейкина руками предателя Дегаева. Но это был уже не красивый жест, которым Исполнительный Комитет когда-то не раз пленял молодые умы, а страдальческая гримаса умиравшей партии...

Не имели успеха и все старания поставить организацию снова на ноги, вернуть ее старый престиж. Некоторые из таких попыток приводили даже к совершенно обратным результатам, как, например, известное турнэ Г. А. Лопатина, закончившееся тем, что у него, при аресте, полиция захватила 101 адрес (всю наличность восстановленных им организационных связей), благодаря чему жандармы получили возможность привлечь к ответственности еще 97 человек.

Такое положение дела дало основание составителю «Обзора важнейших дознаний», производившихся в 1887 году, хвастливо заявить: «по мере качественного и количественного улучшения полицейской деятельности, за последние годы сделалось почти невозможным установить и правильно поддерживать революционные связи и сношения: попытки в этом направлении пресекались в самом начале, проживание на нелегальном положении было сопряжено с неодолимыми препятствиями и все стремления устроить какое-либо общее «революционное предприятие», стоящее в зависимости от «партии», не имели прочного успеха»...

Но причина неудач, жестоко преследовавших «Народную Волю» в последние годы ее существования, лежала не столько в «качественном и количественном улучшении полицейской деятельности», сколько в том изменении политической атмосферы, которое принесла с собой наступившая общая реакция. Неудовлетворительный исход народовольческой кампании, несбывшиеся надежды, жестокие репрессии правительства, бесконечные потери в людях действовали угнетающе на психологию среды, в которой революционное движение черпало свои силы. Под влиянием этих настроений, более зрелые умы, потеряв веру в старые методы, занялись поисками новых путей; многие, окончательно упавшие духом, отошли в сторону от дел. Наконец, иные из партийных деятелей, совершенно деморализированные, отреклись от своего прошлого и даже перешли на сторону врагов. Действительно, эпоха развала народовольчества сопровождалась небывалым расцветом предательства,—достаточно вспомнить имена Сергея Дегаева, выдавшего В. Фигнер, Дмитрия Петрова и Василия Шейдеванта, разоблачивших организацию военных в Одессе и Киеве Ивана Гейера и Антона Остроумова, указавших склады разрывных снарядов на юге, Петра Елько, уличавшего своими откровенными показаниями участников процесса Лопатина...

Обилие фактов предательства само по себе уже свидетельствовало, как фурункулы на нездоровом теле, что партия тяжко больна, что дни ее сочтены. Исполнительный Комитет был уже почти фикцией, правильной орга-

Государств. публичная
историческая
библиотека
ИСКЛЮЧЕНА

низации не существовало. Историческая роль «Народной Воли» была сыграна...

Когда я, будучи шестнадцатилетним юношей, вступил в средине 80-х годов, в ряды московской революционной молодежи, состоявшей почти исключительно из учащихся обоего пола, народовольческие лозунги еще пользовались в этой среде широкой популярностью. Ходившие по рукам нелегальные издания носили марку старой фирмы, которая, в действительности, почти уже не существовала. Люди, игравшие руководящую роль, продолжали звать под старые знамена, которые, в сущности, уже некому было держать.

Правда, начавшееся «на верхах», главным образом— в эмигрантских кругах, ревизионистское движение уже стало проникать в периферии; но умы большей части революционной «зелени» продолжали питаться старыми иллюзиями: перед ними еще витала в ореоле грозная тень неуловимого Исполнит. Комитета «Народн. Воли». Очень яркое выражение переживаний молодежи того времени мы находим в записке лидера одесского кружка Давида Кобермана, составленной им в 1887 году в ответ на опросные листки, разосланные по России некоторыми членами группы «Освобождение Труда». Коберман писал, между прочим: «Только люди, живущие за границей и потерявшие знание русской жизни, могут предлагать социал-демократические программы для России. Теперь пора социалистов-революционеров, а не социал-демократов; последним, может быть, принадлежит будущее, первым—настоящее». (XII-й «Обзор», стр. 6).

Тем не менее, надо признать, основа народовольческой боевой тактики—центральный террор уже не привлекал в конце восьмидесятых годов, как прежде, исключительного внимания. Этому способствовала, отчасти, и трагическая неудача, постигшая заговор на жизнь Александра III (1887 г.), кончившаяся пятью виселицами, в том числе и для молодого, талантливого А. И. Ульянова.

Зато сознание необходимости расширить базу революционного движения, подвести под него солидный фундамент, постепенно росло, а в связи с этим приобретала первенствующее значение другая сторона революционной акции—пропаганда и, в особенности, пропаганда печатным словом.

КРУЖКИ АЛЕКСАНДРОВА и СОТНИКОВА

Я уже упоминал о тайных типографиях, арестованных в первой половине 80-х гг. Взамен их быстро возникли новые печатные станки—в Таганроге (Сигиды), в Казани (Муратова), в Туле (Богораза), две в Москве, одна в Самаре. Независимо от типографских предприятий, в разных местах было организовано издание так называемой нелегальной литературы при помощи литографии и гектографии.

Особенно энергичную издательскую деятельность проявили московские кружки. После разгрома (1884 г.) общестуденческого «Союза»[1]), выпустившего в свет один номер журнала того же именования, а также брошюры: «Программа рабочих» и «Сущность конституции» Лассаля, «Что такое заработная плата» и др., Александр Александров организовал новый кружок, в котором приняли участие: Соломон Пик, Исаак Эдельман, Анисья Болотина, Фрума Гурвич, Михаил Волошинов и В. Ржевский. На квартире Николая и Надежды Губаревых Пик устроил гектограф, на котором, при содействии Елизаветы Победимской и других членов кружка, были оттиснуты брошюры: «Подготовительные работы партии» («Н. В.») и «Так что же нам делать». Предполагалось еще издавать журнал «Народное Обозрение», но 14—IV—1885 г. Александров умер, отравившись (нечаянно) карболовой кислотой. Гектографию пришлось спешно убрать. Ее перенесли: часть к студенту Николаю Стефанову, часть к Михаилу Прозоровскому[2]).

После смерти Александрова его руководящая роль перешла к Ивану Сотникову, который числился главным кассиром московских народовольцев. При помощи Пика, Сотников отлитографировал «Обзор научного социализма» К. Маркса и статью «О Судейкине» (из № 2-го «Вестника Народной Воли», где она была помещена под заглавием: «В мире мерзости запустения»). Деятельность этого кружка продолжалась недолго: вскоре Сотников был арестован одновременно с группой Софьи Лазаревой—содержательницы кухмистерской, служившей местом конспиративных свиданий (здесь бывали «нелегальные» С. Иванов, Б. Оржих и другие).

НАРОДОВОЛЬЧЕСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В МОСКВЕ

Несмотря на удары, сыпавшиеся на головы московских народовольцев, издательская предприимчивость их не убывала. В сентябре того же 1886 г., благодаря энергии Мовши Гоца, в Москве были поставлены две типографии сразу: одна—у Александра Синовича, другая у Николая Дмитриева [3]), служившего корректором в частной типографии Волчанинова; кроме того, член того же кружка Мордух Слепян устроил у себя на квартире гектографию.

Хотя новые типографии оборудованы были в техническом отношении плохо, кружку удалось, однако, в короткое время отпечатать на них 700 экземпляров «Сборника песен» (революционных), а также листовки: «Современному поколению» (стихи) и «Отголоски революции». Эти издания, вышедшие под народовольческой фирмой, были распространены при содействии студента Сергея Казанского, учительницы Софьи Главацкой, Отилии Гофман, Людмилы Ефимовой и др. лиц.

Издательское предприятие Гоца просуществовало всего лишь месяц: 5-го октября 1886 г. группа была ликвидирована, при чем у Дмитриева и Синовича отобрали более 9-ти пудов шрифта, другие типографские принадлежности и склад изданий. Помимо упомянутых лиц, тогда же были арестованы: Иван Емельянцев (у него происходили собрания), Феликс Яворский, заведывавший кассой «Петровского отдела Общества вспомоществования политическим ссыльным и заключенным», Алексей Макаров, добывавший шрифт, Людвиг Нагель (по агентурным сведениям послал в Харьков Бражникову 200 руб. на революционные дела) и Григорий Старцев (отобрана рукопись «о пропагаторской деятельности вообще и, в частности, среди рабочих»), Серафима Ежовская (найдены нелегальные издания) и Вера Соколова.

Ликвидация 5 октября сопровождалась еще задержанием одного «нелегального» (революционер с «фальшивкой» для каждого охранника представлялся лакомым блюдом); это был Виктор Данилов [4], бежавший из Сибири и скрывавшийся некоторое время в Рязани и Москве; получив от Гоца новенький паспорт на имя Голикова и 65 рублей денег, он собирался уже уезжать по Николаевской ж. д., но был задержан [5]).

Московское о. о., возглавляемое (с 1884 г.) ретивым жандармским ротмистром Бердяевым, торжествовало победу, так дешево ему доставшуюся, благодаря ценным услугам нового «сотрудника» Сергея Зубатова (с которым Гоц был тогда в хороших отношениях).

ТИПОГРАФИИ В МОСКВЕ и ТУЛЕ

В то время, когда Бердяев распределял по тюрьмам богатый октябрьский улов, недалеко от Москвы, в провинциальном городе, начала работать новая народовольческая типография, обставленная более солидно. Через месяц, впрочем, д-т. п. уже почуял новую добычу и предпринял разведку.

Благодаря предательским показаниям А. Остроумова, охране была известна крупная роль, которую играл в южных народовольческих кружках Натан Богораз, работавший, между прочим, и в таганрогской типографии, арестованной 23-го января 1886 г. Внимание розыска было направлено на скорейшее задержание этого революционера; благодаря содействию одного секретного сотрудника департамента полиции, действительную фамилию которого мне, к сожалению, установить еще не удалось, эти розыски довольно скоро увенчались полным успехом.

27-го ноября 1886 г. начальник петербургского охр. отд. телеграфировал Бердяеву, прося принять в наблюдение неизвестного, выехавшего со станции «Тосна»; одновременно д. п. сообщил, что наблюдаемого зовут Дмитрием Семеновичем, а живет он в здании Строгановского училища, и что «завтра приедет в Москву известный Вам Попов и вечером должен увидеться с ним. Не компрометируя его, не упускайте из виду Дмитрия Семеновича. Не мешая деятельности Попова, выясните братьев Иеронимовичей, живущих на Сретенке». Через два дня Бердяев получил дополнительные сведения: «По сообщениям Попова, Д. С. Богданов должен видеться с Богоразом, который вскоре прибудет в Москву. Проследите, арестуйте».

На эти телеграммы московское охр. отд. ответило: «Богданов встречен, но чувствует себя неспокойно, посетил Антона и Федора Иеронимовичей Калишевских. Попов прибыл и остановился в гостинице «Рояль».

Тогда же московскому охр. отд. сделалось известным (вероятно, из того же источника) о приезде в столицу «нелегального, издающего на юге № 3-й «Листка Народной Воли» и «Варшавский процесс 29-ти».

Предсказания агентуры сбылись. 3-го декабря в кругу наблюдаемых лиц появился неизвестный, который сразу обратил на себя внимание своей необычайной подвижностью и непрерывными свиданиями; на пятый день пребывания в Москве наблюдаемый был арестован; он был схвачен на Садовой улице, пытался вырваться, но филер Полторацкий, человек большой силы, схватил его за горло, полузадушенного усадил в пролетку и доставил в охранку; это был В. Г. Богораз (в литературе—Н. Тан).

Одновременно были арестованы все лица, с которыми «нелегальный» виделся: А. Орлов, Р. Гурвич, Н. Приселков, П. Рубцов, Р. Циммерман, И. Климшин, В. Озон, М. Фундаминский и П. Лопатин.

Однако, указаний на местопребывание тайной типографии эти аресты не принесли; и двумя месяцами позднее охрана знала только, что она—«на юге». Так, в записке от 15-го февраля 1887 г., Бердяев писал в департамент полиции: «Иконников был близок прежде с сотрудником Сергеевым... и вот от Иконникова-го вчера Сергеев и услышал опять о типографии, что слышал и от Соломонова (что она в Харькове); адрес ее у Иконникова Сергееву спрашивать неудобно, тем более, что Сергеев известен Иконникову за человека, несочувствующего программе «Народной Воли»... Осмеливаюсь просить командировать в Харьков сотрудника Попова».

Зубатову (он и есть «Сергеев») в конце-концов повезло: от упомянутого выше студента Петровской Академии Меера Соломонова он узнал, что в конце января (1887 г.) в Москву должен приехать новый «нелегальный».

Разумеется, за Соломоновым была установлена неотступная слежка, которая выяснила, что наблюдаемый 25-го января вечером встретился на Никитском бульваре с неизвестным лицом; подождав прихода студента А. Ижевского, все трое отправились на квартиру Соломонова—в Петровско-Разумовское. Через день неизвестный, купив две стопы бумаги, сдал покупку багажом в г. Тулу, взял билет до этого города, но был арестован и оказался, «как и предполагалось», разыскиваемым З. Коганом. При обыске у арестованного нашли несколько документов на жительство, листки для сбора пожертвований в пользу партии «Н. В.», чертеж типографского станка и пр.

Официальный летописец, повествуя об этом деле («О». XII, стр. 35), глубокомысленно отмечает: «Обстановка ареста Когана, а также вещественные доказательства, отобранные как у него, так и у Натана Богораза, свидетельствовали, что подпольная типография должна находиться в г. Туле или где-нибудь около него»... Заключение совершенно правильное. Это подтвердилось и на деле, но обнаружилось совершенно случайно.

В июле месяце 1886 г. у тульского домовладельца Бородинского, на Георгиевской ул., сняли дом супруги Минялго, у которых поселился Н. Кудриченко, а в декабре—и брат его Василий. В начале апреля (1887 г.) домовладелица Бородинская, проходя мимо квартиры Минялго, стала замечать, что в доме никого нет, о чем в конце-концов заявила полиции. При осмотре покинутой квартиры были обнаружены все принадлежности для печатания, набор, готовый к оттиску номера 3-го «Листка Н. Воли», обложки брошюры «Варшавский процесс 29-ти», паспортное бюро и пр.

Нетрудно было, разумеется, установить возникшему по этому поводу дознанию, что под именем братьев Кудриченко в Туле жили Н. Богораз и З. Коган. Хозяйку квартиры тоже выяснили—это была скрывшаяся из-под надзора Вера Обухова [6]).

Так погибло, можно сказать, неестественной смертью последнее техническое предприятие старых народовольцев.

В истории тульской типографии одно обстоятельство остается далеко не выясненным: что собственно заставило обитателей тульской конспиративной квартиры покинуть типографию два месяца спустя после ареста Когана, когда ей, как мы видели из предыдущего, ничего почти не угрожало? И почему квартира была брошена так спешно, что в ней остались и паспортное бюро, и даже тетрадь с адресами двадцати с лишком лиц, в том числе Гоца, Нагеля, Дмитриева и др. москвичей? Это было, во всяком случае, очень неосторожно: найденные документы дали жандармам лишний материал, благодаря которому были привлечены к дознанию Гавриил Лопатто и Никифор Лукьянович, снабжавшие народовольцев материалом для фабрикации подложных паспортов, и другие лица.

ПРОВОКАТОР ЗУБАТОВ

При ознакомлении с делом тульской типографии у читателя может навернуться и другой вопрос: почему московская охрана, при наличии имевшихся у нее столь веских данных, не направила своих розысков на Тулу и, как мы видели выше из записки Бердяева, даже в феврале месяце продолжала думать, что типография находится в Харькове.

Ответ заключается в следующем. После провала кружка М. Гоца, на Зубатова пала тень подозрения; особенно недоверчиво к нему относился И. Иконников, которому он обещал издать переведенный им труд Г. Джоржа «Прогресс и бедность». В поисках новых секретных сотрудников, Бердяеву пришла в голову мысль, вероятно, по совету самого Зубатова, пригласить Иконникова «на чашку чаю»; в таких полуофициальных беседах начальник охраны запугивал, обыкновенно щеголяя своей осведомленностью, намеченную жертву и старался завербовать ее в число своих агентов.

На этот раз охранники ошиблись в своих расчетах: сотрудничать Иконников не согласился, но, выслушав внимательно разглагольствования Бердяева, вышел из охраны с полным убеждением, что Зубатов—провокатор; поэтому, когда последний стал приставать к нему с расспросами, он умышленно ввел его в заблуждение, сообщив, что типография находится в Харькове. Таким же образом поступал и Соломонов, который после ареста З. Когана тоже заподозрил Зубатова (между тем, он хорошо знал о действительном местопребывании «техники», ибо сам, когда типография, за недостатком денег, прекратила работу, перевозил, при участии К. Терешковича, в Москву некоторые ее принадлежности). [7])

Бердяев, однако, не понимал, что его дурачат, и принимал рассказы Иконникова и Соломонова за чистую монету. Вскоре он сообразил, впрочем, что «Сергееву» окончательно не доверяют, и начал утилизировать его агентурные указания уже без всяких стеснений. Весна 1887 года была сплошной полосой обысков и арестов.

В первую очередь попал автор этих строк с некоторыми своими приятелями. Я тоже имел несчастие принадлежать к числу знакомых Зубатова. Познакомился я с ним у В. А. Денисова[8]), жившего на окраине Москвы, в собственном домике, где я и мои товарищи, П. В. Ивлев и Н. Н. Вольский, собирались иногда потолковать о политике. В одно из таких собраний пришел молодой человек «приятной наружности», которого хозяин дома отрекомендовал нам просто «Сергей Васильевич»; гость принес с собой рукопись «О Земском Соборе» (творение Гольцева), которую и стал читать, терпеливо выслушивая наши выпады на излишнюю умеренность этой программы. Другой раз я видел Зубатова, когда по рекомендации Василия Морозова[9]) явился однажды в библиотеку его жены, Михиной (ва Тверском бульваре), чтобы получить от него «литературу», которую я думал отправить на Кавказ вместе с уезжавшим туда товарищем моим, Е. Барановым...

5-го февраля 1887 г. я был арестован. По обыску в комнатке, которую я занимал, нашли два плохеньких револьвера и кинжал, данные мне на сохранение одной курсисткой, 35 нелегальных брошюрок и компостер в 7 линий с полусотней металлических букв,—поличное, которое могло, казалось бы, удовлетворить охранников. Но помощник Бердяева, поручик Поярков, руководивший обыском, был, повидимому, недоволен; приказав составлять протокол, он куда-то исчез, а вернувшись, предпринял осмотр всей квартиры. В комоде, принадлежавшем мне и находившемся в кухне моей квартирной хозяйки, нашли некоторые принадлежности металлографии (цинковые доски, вал, бумагу)—остатки «техники» общестуденческого «Союза», валявшиеся прежде где-то в Зарядьи и помещенные у меня на сбережение.

„КЛИН КЛИНОМ ВЫШИБАЙ“

Сидя в тесной камере Сущевского полицейского дома, я, естественно, прежде всего поставил себе вопрос: кто же меня выдал?

Первое мое подозрение пало на А. Крашенинникова, который торговал (по его словам) в разнос пакетами для гастрономических и пр. магазинов, а также компостерами и медными буквами, которые употреблялись торговцами для отпечатков на пакетах их фирмы. Крашенинников сам навязался мне доставить необходимое для печатания одной страницы количество шрифта и помочь устроить таким путем «карманную типографию»... И я вовсе не был удивлен, когда впоследствии, проходя через «сборную» комнату московской охранки, в толпе филеров увидел красную, глупо ухмыляющуюся физиономию «товарища Алексея».

Но провокация Крашенинникова не об'ясняла всего. Вышеописанная обстановка обыска указывала, что охранники искали у меня именно цинкографию; а о том, что она у меня хранилась, знали от меня лишь немногие знакомые, которым я вполне доверял, от которых у меня не было секретов; к числу таких лиц принадлежал, прежде всего, Денисов; но от последнего я сам слышал незадолго перед своим арестом: «если меня заберут—это Зубатов»... Вывод напрашивался сам собой...

В начале мая (1887 г.) наша тюремная компания вдруг пополнилась многочисленными новыми узниками. Бердяев после того, как обнаружилась—сама собой—типография, которую он так упорно искал, учинил «ликвидацию» остатков; были арестованы: К. Терешкович, С. Стечкин, П. Пегеев, О. Шкапский, Г. Гауенштейн, сестры Анна и Рахиль Скудины, Н. Болотин и др.

Рядом со мной, помню, через камеру, посадили одного из новоприбывших—И. Иконникова, который упоминался выше. Этот умный, немного желчный сибиряк первый твердо и во всеуслышание вскоре заявил: «Зубатов—шпион»... И по мере того, как на допросах выяснялась удивительная осведомленность жандармского управления, крайняя интимность сведений, которыми располагали офицеры, производившие дознание, для всех становилось ясным, что Иконников прав. Да и сам Зубатов, видя свой неизбежный провал, в это время не думал уже о реабилитации, а прямо заявлял (если верить его рассказам) своим знакомым: «я служу в охране»...

Для меня лично открытие Иконникова, как видно из предыдущего, не было совершенной неожиданностью. Но самый факт предательства Зубатова произвел на меня огромное впечатление; моральный удар был очень силен и пришелся по больному месту.

Прежде всего было крайне обидно, что я так нелепо «влопался», попавши сразу на удочку двух провокаторов; но я находил себе оправдание в своей молодости. Гораздо больнее было переживать сознание, что и люди зрелые, с несравненно большим революционным опытом, сделались жертвой предательства гимназиста и, более того, обрекли на ту же участь своих юных товарищей, неосмотрительно введя их прямо в сферу наблюдения зорких агентов охраны.

Разбираясь в обстановке своего ареста и «провала» других лиц, я скоро пришел к заключению, что неудачи революционеров часто являются результатом их собственных ошибок; что главная причина этих ошибок—почти полное незнание оружия врага; из этой предпосылки естественно вытекал один вывод: чтобы избежать напрасной затраты сил, лишних жертв, необходимо прежде всего тщательно изучить средства, приемы и систему борьбы противника и что сделать это можно лучше всего, лишь находясь в его лагере...

И я задумал это сделать. «Клин клином вышибай»—решил я.

Я дал так-называемые «откровенные показания»—рассказал то немногое, что знал и что в большей, существенной части было и без того уже известно охране. При этом меня снова обманули: уверили, что показания нужны лишь, как доказательство искренности моего раскаяния, а на самом деле ввели их, как материал, в дознание.

22-го августа 1887 г. я был освобожден из тюрьмы под гласный надзор полиции. Бердяев предложил мне поступить в секретные сотрудники—я категорически отказался; меня взяли ради испытания, вероятно, на некоторое время в филеры, затем назначили в канцелярию и зачислили околоточным надзирателем резерва московской полиции.

Так началась моя официальная карьера.

ГЛАВА II

«Земский Собор» и «постепеновщина».—В. А. Гольцев и провокатор Шелонский. — «Социалисты-федералисты». — «Самоуправление». — Опять секретный сотрудник «Попов».—Нелегальный Золотов (Бычков). — Предатель С. Виноградов.—Неудачная попытка спасти «самоуправленцев».

„ЗЕМСКИЙ СОБОР“

Умственный и моральный развал, переоценка идейных ценностей и полный разброд общественных сил, которыми сопровождалась реакция 80-х годов, способствовали росту политического минимализма, так-называемой «постепеновщины». Ярким образчиком идеологии этого направления является программная статья «Земский Собор», о которой я упомянул в предыдущей главе. Насколько мне известно, статья эта, принадлежащая перу покойного В. А. Гольцева, нигде опубликована не была, и потому я позволю себе привести здесь некоторые выдержки из этого любопытного документа.

«В воздухе носится,—начинает автор,—недовольство старыми путями, искание новых. Возникают новые учения, новые программы. Трудно разобраться во всех нарождающихся направлениях. Но разобраться необходимо, чтобы положить конец томительному исканию и облегчить переход к положительной работе. Нам кажется, что во всех этих новых учениях замечается поворот к чему-то, что обще им всем и может примирить их. Попытку наметить такую общую программу и представляет настоящая статья».

Затем автор анализирует исходы из тяжелого положения России, «которые считаются различными оппозиционными группами за желательные». Именно: 1) «Внешняя война, которую на этот раз пришлось бы вести с немцами»; являясь бедствием для страны в экономическом отношении, такая война, «если бы даже, что весьма возможно, династия Романовых пала под взрывом негодования после первых неизбежных поражений, выдвинула бы нового цезаря и прочно усадила бы его на троне». 2) «Народный бунт невозможен в настоящее время в виду недостаточности в народе ясного понимания своего положения, понимания—кто его враги и кто его друзья». 3) «Революционный переворот прежде всего фактически неосуществим».

Между тем, в России, по мнению автора, «накопилось уже достаточно положительных сил, необходимых для нового энергического движения вперед». Каким путем? «Террористические стремления молодежи могли бы ослабить только возникновение достаточно могущественного направления, которое указало бы мирный исход из теперешней сумятицы... Программа централизованного заговора не найдет более сторонников в революционных кружках... Только возникновение сильной партии реформ может возвратить молодежи веру в мирный исход».

«Для возникновения такой партии», говорится далее в статье, «созрели необходимые условия и накопилось достаточно элементов. И никогда еще не было такого удобного момента для соединения всех прогрессивных сил под одно знамя реформы и борьбы с реакцией».

«Недоверие общества к социалистам», продолжает автор, «тоже исчезнет, как только последние откажутся, под условием осуществления необходимых реформ, от своей террористической борьбы, а главное—от мысли о захвате власти, перевороте, народном бунте и социальной ликвидации. Социалисты же откажутся от всего этого, когда почувствуют больше доверия к обществу, к возможности мирных реформ, когда увидят образование сильной партии, сплотившейся под знаменем Земского Собора».

Таким образом, «когда все прогрессивные силы сплотятся воедино, не замедлит появиться орган. Разрабатается план созыва Земского Собора. Создастся стройная программа реформ. Общественное мнение встрепенется, подымется общественный дух и под его напором рухнет реакция... Царь созовет Земский Собор, который положит начало новому народническому периоду русской истории»...

Вполне понятно, почему Зубатов носился с этой программой: он ею пользовался, как пробным камнем, на котором выявлялась степень «неблагонадежности» его собеседников, так как, само собой разумеется, ни один искренний революционер не мог спокойно, без возражений, слушать эти «постепеновские» призывы к «умеренности и аккуратности».

Когда я перечитывал теперь «Земский Собор», то мне все время казалось, что главной целью этого произведения было не столько об'единение прогрессивных элементов в партию реформ, сколько желание дискредитировать террор и внести еще больший разлад в среду защитников революционных методов борьбы с абсолютизмом. И если бы я не знал, что автором «Земского Собора» был почтенный редактор когда-то очень популярного журнала «Русская Мысль», я подумал бы, что эта статья написана «на заказ», по какому-то специальному поручению.

ПРОВОКАТОР ШЕЛОНСКИЙ

Несмотря на то, что В. А. Гольцев к числу людей «крайнего направления» не принадлежал, он, тем не менее, был под наблюдением охраны, при чем на этой почве разыгралось своеобразное «недоразумение».

9 июня 1889 г. начальник московского охранного

отделения получил письмо от В. Гольцева следующего содержания: «Несколько дней назад явился ко мне неизвестный в фуражке с синим околышем и сразу приступил к «делу»: обо мне, сказал он, написан известным мне Зубатовым, занимающим какое-то мудреное место в охранном отделении, доклад, где я изображен неустанным и деятельным агитатором и что начальник охранного отделения, будто бы, ездил в Петербург, где представил доклад Черевину и получил разрешение арестовать меня»; в заключение Гольцев описал приметы «неизвестного».

Бердяев легко догадался, о ком идет речь в этом письме; по его распоряжению обыскивают городского учителя Шелонского, который 26-го июня подает заявление о том, что «с Гольцевым он познакомился год тому назад у Д. А. Дриля и затем работал с обоими по устройству образцового учебного заведения».

В чем же дело?—спросит недоумевающий читатель.

Раз'яснение находится в донесении начальника московской охраны директору департамента полиции от 15 февраля 1890 г.: «Николай Николаевич Шелонский явился в охранное отделение в ноябре 1888 г. и предложил услуги в виду, якобы, хороших отношений своих к Гольцеву и Чупрову... Так как за шесть лет не было случая, чтобы хотя один из агентов, самовольно явившихся с предложением услуг, оказался полезным деятелем, я не мог отнестись к нему с доверием. Для того, чтобы узнать его способности, я поручил ему познакомиться с Дриль, что им и было исполнено весьма успешно»...

Приведу содержание одного из донесений Шелонского (псевдоним «Смирнов»). «У Янжула обсуждался вопрос о воздействии заграничной прессы на русское правительство по вопросам внутренней политики. Гольцев доказывал необходимость воздействия политического вообще. На следующих собраниях изыскивались «ненаказуемые способы воздействия», которые добились бы неприкосновенности личности и свободы печати, а при помощи последней—изменения существующего порядка. В январе Гольцев, Соколов и Ковалевский выделились в радикальную группу, а к либералам примкнули Дриль и Успенский; первые хотели введения социального строя, а последние—представительного управления с сохранением монархии. Гольцев предлагает воспользоваться Парижской выставкой, чтобы познакомить европейских прогрессистов с несостоятельностью внутренней политики русского правительства; с этой целью проектируется прочитать за границей ряд критических лекций: Гольцев—«Представительные собрания и свобода личности в России»; М. Ковалевский—«Судьбы современного русского общества»; Янжул—«Основы народного хозяйства в России». Дриль не допускает представительства от крестьян в виду их необразованности. Приглашали Комаровского, но тот ответил, что «хорошо будет, если еще не донесет об их затеях департаменту полиции».

Интересны еще агентурные сведения о Гольцеве, относящиеся к январю месяцу 1889 г., шедшие, повидимому, из другого источника. «На сходке, происходившей 30-го декабря,—доносит охрана,—у Соколова обсули вопрос о том, как дискредитировать Московское охранное отделение и затормозить его деятельность. Гольцев, Каблуков и другие решили добиться устранения Бердяева от должности путем обращения к влиятельным знакомым—через жену Оржевского, через Н. Шаховского и пр. Княгиня Гагарина предложила ознакомить с меморандумом об охранном отделении московского генерал-губернатора»...

Результаты доносов охраны возымели свое действие. В апреле 1889 г. товарищ министра внутренних дел в гласные Московской городской думы, имея значение общил: «Гольцев известен за человека неблагонадежного в политическом отношении, и поэтому избрание его в гласные Московской городской думы, имея значение протеста против правительственных распоряжений, может отразиться вредно на деятельности городского управления», в виду чего надлежит предложить Гольцеву «сложить добровольно звание гласного, предупредив, что, в случае отказа с его стороны подчиниться сему требованию, он подвергнется неудобным для него последствиям».

Гольцеву, как и С. А. Муромцеву, которому было пред'явлено однородное требование, ничего другого не оставалось, как «добровольно» уклониться от исполнения воли избирателей (Муромцев, впрочем, остался гласным, в виду того, что генерал-губернатор дал о нем благоприятный отзыв).

„СОЦИАЛИСТЫ-ФЕДЕРАЛИСТЫ“

Об'единительная платформа «Земского Собора» успеха не имела. Правительство, руководимое Д. Толстым, душило всякое проявление самодеятельности и вызывало в интеллигенции и в обществе чувство негодования, затаенной злобы, жажду мести, что, в связи с сознанием полного бессилья, заставляло их снова видеть в терроре верное средство борьбы с царским произволом. Но то же сознание бессилья толкало оппозицию в сторону минимализма, вынуждало итти на уступки, заставляло сокращать свои требования, и автор «Земского Собора» был до известной степени прав, когда в заключительной части своей статьи утверждал, что «мысль о созыве народных представителей (царем) приобретает в революционной среде за последнее время все больше и больше сторонников».

На почве описанных настроений зародилась новая попытка «об'единения всех фракций оппозиции на вопросе политической свободы». Программа «социалистов-федералистов» [1]), которая должна была служить основой такого об'единения, появилась в московских кружках в 1887 году.

«В виду политических условий жизни в России, говорилось в этой программе, мы, на-ряду с пропагандой устной и литературной начал общественности и свободы, по примеру наших предшественников, стоявших под знаменем «Народной Воли», будем вести деятельную борьбу с правительством, основанием которой будет служить революционная агитация, конечным актом—террор, а целью—политическая свобода и организация общества в интересах трудящихся классов».

Одновременно с выработкой программы предполагалось издавать в Москве журнал под заглавием «Социально-революционная партия»; предварительно было запрошено мнение видных эмигрантов, из которых ответили Добровольский, Дебагорио-Мокриевич, Кравчинский, Плеханов, Аксельрод, Засулич и Драгоманов; все они отнеслись одобрительно к цели издания журнала и высказались за отстаивание необходимости государственного переустройства на началах полной политической свободы и самоуправления, как местного, так и центрального.

Для печатания проектированного журнала был заказан рабочему П. Е. Столярову, жившему в Самаре, типографский станок. Ближайшее участие в этом деле принимали студенты Московского техн. училища Л. В. Даль и Р. Циммерман, известный по сношениям с Богоразом.

Неожиданно все предприятие рухнуло.

В декабре месяце 1887 г. в Москве, в виду студенческих беспорядков, шла обычная в этих случаях «чистка». При обыске в помещении Московского технического училища были обнаружены, в числе прочей «нелегальщины» (свыше 500 экземпляров), рукописная «программа социалистов-федералистов», о которой шла речь выше, заявление от редакции предполагавшегося к изданию печатного органа и другие документы, относящиеся к тому же предприятию; из числа последних «Очерки развития социально-революционных идей в России» написаны были, как установила потом экспертиза, почерком Циммермана, рукопись «Социально-революционная партия» и «Хроника арестов»—студентом Флегонтом Даниловым и другие заметки—рукою Павла Лопатина.

18 января 1888 г. был арестован Циммерман, у которого по обыску нашли дубликат накладной на посланный из Самары в Москву груз до 10-ти пудов весом. При осмотре этой посылки в ней оказались типографские принадлежности, посланные Столяровым. К дознанию по этому делу, помимо других лиц, был привлечен еще Н. Агарев, который хранил у отца своего, жившего в г. Владимире, около 20-ти фунтов шрифта, полученного им от Даля.

„САМОУПРАВЛЕНИЕ“

Несмотря на провал, проект издания нового журнала все-таки получил осуществление.

1-го февраля 1888 г. некий А. Л. Шарпантье представил в московскую полицию нелегальную газету «Самоуправление» № 1-й (1—XII—87 г.), доставленную ему на дом почтальоном.

То же самое сделала надзирательница 5-й московской гимназии, Кл. Чистякова. 16-го февраля того же года полтавский архитектор Женжурист получил по почте 50 экземпляров «Самоуправления», которые были посланы из Москвы от имени Поздеева.

Бердяев всполошился. Появление нового «подпольного» органа печати для начальника московской охраны не было, как мы сейчас увидим, обстоятельством неожиданным, но осведомленность его по этому делу была вначале очень слабой. Агентурные указания и на этот раз, как и в деле с тульской типографией, шли из Петербурга.

1-го декабря 1887 г. департамент полиции запросил москов. охранное отделение: «Где находится Александра Дмитриевна Копылова?» Ответ был: «Выехала из Москвы с заграничным паспортом, выданным 25-го сентября». Это обстоятельство указывает, что относительно группы «Самоуправление» в центре охраны имелось с самого начала некоторое «внутреннее освещение». Как известно, Копылова ездила в Швейцарию с Ольгой Фигнер, которая вела там переговоры с некоторыми эмигрантами (в частности с П. Б. Аксельродом) относительно издания в Женеве газеты «Самоуправление»— так, «чтобы эта газета имела все признаки революционного издания, отпечатанного в России».

Тем не менее первоначальные агентурные указания, которыми располагала охрана, были довольно сбивчивы. Так, 27 декабря 1887 года департамент полиции сообщал Бердяеву: получены сведения, что в Москве литографируется на трех станках, в количестве 3000 экземпляров, газета «Самоуправление» или «Земский Собор»; в первом номере ее будет помещена программа «социалистов-федералистов», найденная в техническом училище.

Если оставить в стороне фантастические сведения о литографировании газеты (что, может быть, относились к первоначальным проектам), остальные предсказания департаментской агентуры вполне отвечали действительности. Как мы видели, в феврале месяце «Самоуправление» появилось и в первом же его номере была напечатана программа «социалистов-федералистов».

Московское охр. отд. оставалось между тем в блаженном неведении, что видно из его сообщения департаменту полиции от 24-го февраля: «В виду чистоты печати «Самоуправления»—оно издано или за границей, или у М. Вернера, брат которого, Ипполит, в 1883 г. был отдан под гласный надзор полиции за издание революционного журнала «Виселица».

СЕКРЕТНЫЙ СОТРУДНИК „ПОПОВ“

Только ощупью, больше путем наружного наблюдения, Бердяев подходит, наконец, к центру самоуправленцев, не без содействия, впрочем, петербургской указки.

Еще 28 декабря 1887 г. д. п. предложил московскому охранному отделению «осторожно выяснить Владимира Васильевича (или Алексеевича), живущего в Каретном ряду, у Николы на Песках, в одном из красных домов». Речь шла об В. Д. Соколове, женатом на Сизовой (знакомые В. Обуховой и Л. Родионова). За Соколовым с этого момента устанавливается неотступная слежка, которая вскоре захватывает в свой круг А. Копылову (племянницу Федоровской, сожительницы Ф. Воскресенского) и А. А. Ломакина (о нем сотрудник Лебедев—тоже Зубатов—«отзывался, как о серьезном революционере»).

Д. п. тоже принимает, со своей стороны, необходимые меры—командирует в Москву своего разведчика, который являлся, несомненно, источником и первоначальных агентурных сведений по этому делу.

«Сотрудник Попов, доносит Бердяев директору департамента полиции, был у меня 24-го февраля и передал, что ему запрещено вашим превосходительством заходить ко мне... 27-го февраля замечено, что утром знакомая Ломакина была в гостинице «Рояль» и справлялась, нет ли свободного номера. Следовательно Попову не доверяют, и ему следует немедленно уехать». Тем не менее Ломакин посещает «Попова» 25 февраля, через день получает в библиотеке Беляевой от А. Ф. Виноградовой номер «Самоуправления» и относит его в гостиницу «Рояль», куда заходит еще 29-го числа, но получает письмо от «Попова», уехавшего утром этого дня.

Практический результат поездки сотрудника через несколько дней сказался; директор департамента полиции уведомил Бердяева: «Самоуправление» печатается за границей».

Успокоенный относительно местопребывания «техники», Бердяев сосредоточивает силы на выяснении личного состава группы. Наружное наблюдение, получив в лице Копыловой, Соколовых и Ломакина верных лидеров, быстро «разрабатывает» их сношения и связи и намечает в общем несколько десятков лиц. Слежка констатирует, между прочим, поездку Ломакина в Тверь, откуда он с В. Гурвичем возвращается в Москву и навещает с ним А. С. Белевского; у последнего 17 марта происходит собрание, на котором, между прочими, присутствуют супруги Анна Егоровна и Павел Алексеевич Серебряковы. В апреле месяце А. Копылова и О. Фигнер совершают совместное путешествие в гг. Нежин и Харьков, где видятся с В. Истоминым. В начале августа Копылова едет, опять с Фигнер, в имение родителей последней (с. Никифорово, Тетюшского уезда); по пути, в Казани, они имеют свидание с П. Пушкаревой.[2]) 29 числа того же месяца Копылова отправляется в Минск (свидание с О. Белохом) и Варшаву. О. Фигнер 14 сентября уезжает на неделю в Петербург...

Насколько московское охранное отделение ориентировалось в этом сыром материале? Имело ли оно в этот момент соответствующее внутреннее освещение?

Выше мы видели, что на сходке у Белевского (а он был редактором «Самоуправления») присутствовала и Серебрякова—знаменитая своей долговременной деятельностью провокаторша. Как известно, этой «мамочке» охраны, по докладу Столыпина, была «высочайше» пожалована в 1911 году пенсия (1200 руб. в год) за 25-летнюю агентурную службу; из этого можно заключить, что в 1887 году Серебрякова уже была секретной сотрудницей и, будучи знакома с Белевским, могла давать сведения об его «окружении». Возможно, что Серебрякова была заагентурена именно в это время, так как Бердяев, шокированный тем, что в Питере о московских делах знали более, чем он сам, в это время прилагал особые старания к вербовке осведомителей, старания, которые не всегда кончались успешно и вели иногда к весьма крупным недоразумениям.

Одна такая история разыгралась в самый разгар выслеживания самоуправленцев.

Бердяев видел, что наиболее активную роль в группе играет А. Копылова; естественно, ему хотелось иметь около нее «своего человека», и он решил действовать.

Предоставим, впрочем, слово официальному документу, рассказ которого об этом деле является таким красочным по своей циничной откровенности.

8 мая 1888 г. московский обер-полицеймейстер обратился к директору д. п. Дурново с письмом следующего содержания: «Замеченный по наблюдениям за Копыловой кандидат московского университета, Сергей Васильевич Зенченко, у которого на квартире проживала Копылова, был начальником охранного отделения, ротмистром Бердяевым, с разрешения моего, приглашен в отделение, где и было Зенченко предложено поступить сотрудником в агентуру отделения для обнаружения дальнейших противоправительственных действий как Копыловой, так Ломакина, Розенберг и других знакомых ему, Зенченко, лиц. Зенченко из'явил согласие к сотрудничеству, откровенно об'яснил, что Копылова была рекомендована ему Розенберг; что с Белевским, Гольцевым, Мачтетом [3]) он познакомился тоже у Розенберг; что Ломакина, Сергея и Василия Сотниковых, Николая [4]) Морозова и Сергея Зубатова он знает еще с гимназии; что о газете «Самоуправление» ему рассказал знакомый его студент Кочерянц и что, если бы он, Зенченко, знал, что Копылова, Розенберг, Ломакин и другие лица причисляются к серьезным революционным деятелям, то знакомство бы с ними прекратил; на это ему ротмистром Бердяевым было об'яснено, что знакомство ни в коем случае прекращать не следует, при чем Зенченко под честным словом обещал о бывшем с ним разговоре никому не сообщать и не показывать виду, что ему известно о наблюдении за упомянутыми выше лицами и обещал притти в указанный день, час и место на свидание.

Желая проверить наружной агентурой, сдержит ли Зенченко свое слово, за ним было установлено наружное наблюдение, и последним выяснилось, что он был у председателя судебной палаты Лопатина—по Гагаринскому пер., в собственном доме, у студента Ермолаева—в гостинице «Петергоф» и у доктора Богуен—в доме кн. Шаховского. Придя на следующее свидание очень взволнованным, Зенченко заявил, что ни на какие предложения не согласен и готов подвергнуться какой-угодно каре за свои действия, виновным себя не считает, а если будет осужден, то у него найдутся лица, которые за него похлопочут и даже выгородят и что вообще желает, чтобы дело его было расследовано не иначе, как через прокурорский надзор.

По прошествии двух недель Зенченко был вновь вызван ротмистром Бердяевым, при чем ему было об'яснено, что он может без всякого дознания пострадать за то, что не сдержал своего слова и обнаружил секреты агентуры; в своем возражении Зенченко заявил, что он прекратил знакомство с Розенбергом и Ломакиным, а советовался с некоторыми лицами, а именно со студентом Сидоровым (брат его жены), заходил два раза к Лопатину и был у графа Олсуфьева...

Из дальнейших расспросов Зенченко выяснилось, что последний не доверял ротмистру Бердяеву лишь потому, что вся деятельность, как его, так и его секретной агентуры (Зубатова) обрисована Гольцевым, Ломакиным и др., как провокаторская. Это, главным образом, и послужило причиной того, что Зенченко не согласился быть сотрудником, между тем как его социальное и семейное положение могли вполне служить к его согласию»...

Раздосадованный неудачей, Бердяев поспешил взять свой реванш: он «заагентурил» прислугу Соколовых, Бицурину[5]), которая, несмотря на пожилые годы, не устояла перед ухаживаниями неожиданно воспылавшего к ней пламенной страстью Егора Сачкова, состоявшего филером московской охранки; сидя за чайком у своей приятельницы, этот «кум пожарный» получал, таким образом, возможность иметь сведения обо всем, что делается в квартире хозяев Бицуриной: о чем господа разговаривают, кто их посещает и пр. Благодаря этой своеобразной «внутренней агентуре», Бердяев знал, например, что Соколов заложил шубу жены своей и т. д...

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ЗОЛОТОВ (БЫЧКОВ)

Между тем д. п. продолжал нервировать Бердяева своими агентурными указаниями, шедшими, несомненно, все от того же «Попова». Так, в марте 1888 г. Дурново предваряет Бердяева: «лицо, которое должно выехать из С.-Петербурга, явится к Копыловой». Действительно, 26 числа в Москву приехала Софья Семеновна Иванова (бывшая перед тем за границей), которая немедленно устраивает предвиденное в департаменте полиции свидание...

Впрочем, осенью того же года начальник московской охраны имел уже возможность щегольнуть сведениями из своих собственных источников; в сентябре он донес, например, департаменту полиции о том, что «во второй половине месяца в Москву прибудет нелегальный и что № 2 «Самоуправления» вышел толще прежнего, доставить его должен находящийся за границей Федор Иванович Шестаков»...

«Нелегальный» несколько поспешил явиться. Уже 15 сентября (1888 г.) наблюдение берет от Гольцева неизвестного, который, получивши от Соколовых чемодан, едет в Столешников пер., в д. Никифорова, где и остается; на следующий день он имеет поздно вечером, в сквере храма Спасителя, конспиративное свидание с А. Копыловой; в следующие дни неизвестный посещает: Р. Гиршберг, А. Филиппову и П. Ф. Николаева [6])—лиц, состоящих на замечании у охраны; внешнее поведение неизвестного—его конспиративные уловки не оставляют сомнений в том, что он и есть искомый «нелегальный»; 29 сентября его задерживают; при нем находят паспорт на имя отставного прапорщика Золотова. Нелегальность арестованного устанавливается при первом же допросе.

— Где служили?—спрашивает Бердяев.

— В Староингерманландском полку,—отвечает «Золотов».

— Это какой дивизии?

— Кажется, 2-ой...

— Этот полк 3-й дивизии. Паспорт не ваш...

По проверке оказывается, что документ на имя Золотова симбирским воинским начальником не выдавался. Бердяев ликует...

4 октября «Золотов», содержавшийся в камере при охранном отделении, ночью бежал; пользуясь дремотным состоянием надзирателя, он взломал оконную решетку, спустился по водосточной трубе во двор и спокойно вышел на улицу... На следующее утро у всех застав, на железнодорожных вокзалах и даже на станциях ближайших к столице городов (Тула, Смоленск) торчали зоркие московские «шпики», высматривая, не появится ли беглец...

«Золотову» еще раз не повезло, и виновата была опять излишняя конспирация. Один из старых филеров, Иван Полторацкий, дежуривший на вокзале Московско-Казанской жел. дороги, проводив поезда, возвращался домой около 11 час. вечера по соединительной ветке Московско-Казанской ж. дороги; навстречу ему попался хорошо ему известный по наблюдению прис. повер. Лев Родионов, за которым на некотором расстоянии следовал мужчина с поднятым воротником, которого в темноте филер совершенно не рассмотрел. Позднее появление Родионова в таком глухом месте заставило Полторацкого обратить внимание на его спутника, которого он и задержал. При «Золотове» (а это был он) оказалось 79 руб. денег и три документа на имя Петровского. По распоряжению департамента полиции, «нелегального» отправили «в наручниках» в Петербург, где его заключили в Петропавловскую крепость.

«По сличении примет, почерка, а также по фотографической карточке», было установлено, что именовавшийся Золотовым есть, в действительности, Александр Бычков [7]), бежавший в январе 1888 г. из ссылки («Обзор» XIII, стр. 12).

Что личность «Золотова» была выяснена путем сличения «примет и почерка», это, разумеется, не более как фиговый листочек, которым прикрывалась стыдливая «агентура» перед лицом жандармского дознания. Если сотрудник охраны знал точно о времени прибытия нелегального, о том, что он «должен появиться у Гольцева» и что до приезда в Москву этот нелегальный скрывался в имении Фигнер, то полиции была, конечно, известна и его настоящая фамилия.

Но кто же именно выдал Бычкова?

В документах охраны есть на это вполне определенный ответ. В докладе ротмистра Бердяева департаменту полиции (от 10 января 1891 г. за № 40) мы находим такое заявление: «по ликвидации самоуправленцев и нелегального Бычкова услуга всецело принадлежит Б.........й, гостившей у Белевского».

По этому поводу следует, однако, заметить следующее. В черновике упомянутого донесения четыре последних слова зачеркнуты и заменены фразой: «лицу, близко стоявшему к главарю этого дела, Белевскому». В документе фамилия Б—й написана полностью, а зачеркнул ее Бердяев, может быть, потому, что не хотел раскрывать перед начальством своих карт. Так как других указаний на сотрудничество Б—й в моем распоряжении не имеется, то я не нахожу возможным называть ее по имени. Могу только прибавить, что Е. С. Б—ва (по мужу) принадлежала к числу знакомых провокаторши А. С. Серебряковой.

Несомненно, что о нелегальном «Золотове» знал и упоминавшийся ранее агент департамента полиции «Попов»; есть указания, что О. Фигнер телеграфировала ему об аресте Бычкова (наблюдением было установлено, что А. Копылова послала 4 октября в Петербург по адресу: «Столярная, 16, Мазингу» депешу такого содержания: «Брат захворал. Надежды Нет. Мария Шульц»).

10 октября 1888 г. последовала общая ликвидация группы «Самоуправление». При аресте супругов Соко-

ловых, по обыску были взяты: 453 руб. денег, залоговые квитанции на часы и шубу; рукописи: «Развитие научного социализма», «Программа народничества», «Насущные нужды нашего крестьянства», «Сущность русского либерализма».

Тогда же были арестованы В. Гольцев, А. Ломакин, А. Копылова, Л. Родионов (найдены: фальшивка на имя Пятницкого, список заподозренных в предательстве), П. Николаев, С. Зенченко, Р. Гиршберг, А. Филиппова а также Владимир Кранихфельд, Александра Виноградова и О. Белох, у которых отобрали экземпляры 2-го номера «Самоуправления».

ПРЕДАТЕЛЬ С. ВИНОГРАДОВ

Одновременно был задержан и вольнослушатель Петровской академии С. Виноградов 8). Арест этот имел лишь «декоративный» характер. Виноградов состоял секретным сотрудником московской охранки; в декабре 1887 года по его указаниям было обнаружено паспортное бюро московских народовольцев, хранившееся у студента Миррера 9) (10 штемпелей, 28 печатей, 23 вида на жительство и пр.); по его же доносу были арестованы Пелагея Пушкарева с 4-мя экземплярами «Самоуправления, и для того, чтобы ее рассеять, его посадили в Аделаиде Ястребовой) техник Сергей Костромин 10). После этой выдачи на Виноградова легла тень подозрения и для того, чтобы ее рассеять, его посадили в тюрьму наравне с другими, но вскоре выпустили. Несмотря на свою пошатнувшуюся репутацию, Виноградов успел еще выдать студента В. Глинку, у которого по обыску, произведенному в марте 1889 г., нашли нелегальные издания и рукописи: «История русского революционного движения», «Программа для составления отчетов о политических процессах», перечень таковых (начиная с 1826 г.) и другие материалы.

Дело самоуправленцев было разрешено «высочайшим повелением» от 27 декабря 1889 года, при чем А. Копылова получила год тюрьмы и 3 г. ссылки в Иркутскую губ., О. Белох—2 г. тюрьмы и 5 л. ссылки в В. Сибирь, Костромин, Ломакин, Кранихфельд—по 2 г. тюремного заключения; остальные (Ястребова, Родионов, Виноградова, Истомин) — тюремн. заключение на меньшие сроки. Супруги Соколовы были отданы под гласный надзор, при чем Е. Соколова в тюрьме еще лишилась рассудка, а муж ее, «в виду выраженного им чистосердечного раскаяния в своих заблуждениях», был до срока освобожден от надзора и допущен затем к преподаванию минералогии в Московском сельскохозяйственном институте. Дело о Николаеве, Гольцеве, Гиршберг, Филипповой и Зенченко было прекращено.

Может показаться странным, что О. Н. Фигнер (Флоровская), принимавшая, как мы видели, в делах «Самоуправления» деятельнейшее участие, не была «ликвидирована»; наоборот, ее совершенно не тронули и даже дали ей возможность начать хлопоты о продолжении издания журнала; благодаря ее стараниям к концу 1889 года появляется № 4-й «Самоуправления» (последний)[11]). Фигнер оставляют в покое даже и тогда, когда выясняется ее близкое отношение к делу нелегального Паули[12]), который, бежав из Сибири, в ноябре 1888 г. появился в Петербурге, но, в виду «агентурных сведений», был арестован 22-го числа того же месяца с двумя подложными паспортами[13]). О свидании, которое Фигнер имела 28-го апреля 1890 г. с только что вернувшимися из ссылки Марком и В. Натансонами и Семеновым, охрана тоже была своевременно осведомлена...

Секрет неприкосновенности О. Н. Фигнер может иметь лишь одно об'яснение: она была нужна агентуре, ее берегли, как источник осведомления; к ней был близок, повидимому, «секретный сотрудник» охраны и таковым был, по всей вероятности, известный уже нам по делу тульской типографии и «Самоуправления»— «Попов»,—агент, очевидно, калибра немалого.

К сожалению, занятый выяснением провокатуры более современной и актуальной, разоблачение которой имело практическое значение, я в свое время не занялся этим персонажем, и личность «Попова», таким образом, осталась неустановленной. По моим дополнительным сведениям, «Попов» был арестован, вероятно, в Москве (может быть на очень короткое время), в 1884 году (приблизительно); состоя агентом департамента полиции, он получал 500 руб. в месяц; человек вообще солидный и в 1888 году был уже с «брюшком»...

Кто такое «Попов»—могут сказать люди, имевшие с этим провокатором непосредственные сношения (например, А. А. Ломакин), и если настоящие мои строки до них дойдут, они наверное это сделают; для полноты бытовой истории революционного движения это необходимо.

МОЯ ПОПЫТКА СПАСТИ „САМОУПРАВЛЕНИЕ“

Заканчивая свое повествование о группе «Самоуправление», я должен упомянуть об одном эпизоде, который, хотя и относится к области моих личных воспоминаний, но имеет прямое отношение к делу.

То, что я изложил выше, является в большей своей части результатом изучения документальных данных об этой организации. В то же время, когда имели место описанные события, я, будучи простым филером, даже не знал, какая именно революционная группа обследуется, как не знал и фамилии многих ее участников. Все дело мне казалось крупнее и серьезнее, в особенности, когда на сцене появился таинственный «нелегальный» («Золотов»-Бычков).

С другой стороны, меня в то время сильно тяготило положение, в которое я попал; физические и моральные страдания, которые я испытывал в филерской шкуре, усиливались сознанием, что жертвы, на которые я сознательно шел в своем романтическом увлечении, вовсе не окупаются получаемыми результатами; главная цель, которую я себе ставил,—выяснение «внутренних агентов» охраны—тех предателей, которые продают товарищей и от которых я сам только-что жестоко пострадал,—оказалась, в моем положении охранной парии, трудно достижимой (в то время, например, я, кроме прислуги Соколовых, вышеупоминавшейся Бицуриной, никаких «секретных» сотрудников не знал). Но именно это неведение создавало, с другой стороны, иллюзию, что я уже знаю много, достаточно, что пора «действовать».

Я решил спасти организацию. Непосредственным толчком к этому решению послужило, насколько я помню, свидание, которое имела Копылова с Бычковым; оно происходило поздно вечером в темноте широких скверов, окружающих храм Христа Спасителя, на берегу реки Москвы. Контраст предосторожностей, которыми было обставлено это свидание, с их очевидной бесплодностью, бил в глаза, являясь для меня новым примером детской беспомощности серьезных революционных деятелей в их борьбе с коварным врагом. Именно с Копыловой, наиболее деятельным, как мне казалось, членом группы, я решил вступить в сношения, чтобы предупредить об угрожавшей ей и ее товарищам опасности.

Я боялся, что около Копыловой есть какой-нибудь провокатор и потому решил обратиться к ее подруге, Вере Константиновне Львовой, которая жила тогда неподалеку от Соколовых, близ Каретного Ряда. Я написал письмо, в котором приглашал Копылову явиться в Красноворотский сквер на свидание «по крайне важному для нее делу». Время для свидания я назначил 11 ч. вечера, потому что к этому часу филеры покидали своих наблюдаемых и собирались в охранку для доклада начальству. Письмо я послал с работницей Марфушей (подругой моей хорошей знакомой, С. Я. Харлап), на честность и верность которой я вполне полагался. Мое послание было передано Львовой.

С тревогой и опаской бродил я в условленное время кругом небольшого скверика, выглядывая, нет ли слежки и не появится ли высокая, прямая фигура Александры Дмитриевны. Ожидания были напрасны—никто не пришел...

И я до сего времени не знаю, почему именно никто не явился на свидание.

Возможно, что Копылову напугало слишком позднее время и глухое место встречи. Но более вероятно, что письмо мое было принято за проделку самой охранки; тем более, что перед этим разыгрался скандал с Зенченко, мною уже рассказанный...

Я ожидал, что история с письмом сделается известной Бердяеву и вызовет переполох.

Опасения не оправдались: моя первая попытка войти в контакт с революционерами осталась охране неизвестной...

Вскоре после этого последовала «ликвидация» и «Самоуправление» кончило свои дни.

Ссылаясь на болезнь (ревматизм и пр.), я стал добиваться, чтобы меня взяли из наблюдательного состава. Я был назначен для письменных занятий в канцелярию охранного отделения.

Передо мною открылись новые горизонты, иные перспективы...

ГЛАВА III

Провокатор И. В. Беневольский: арест нелегальных С. Иванова и П. Цыценко; ярославская и саратовская группы народовольцев.—Цинкография Ерофеева.—Пропагаторский кружок Бородзича и Капгера.—Донос П. Савельева.—Дело В. Курнатовского.—Литография Харитонова.—Дело С. Жевайкина.—Панихида по Н. Г. Чернышевском.—«Кружок» Л. Меньщикова и официальные «летописцы»

ПРОВОКАТОР И. В. БЕНЕВОЛЬСКИЙ

Чтобы покончить с эпохой 80-х годов, я должен упомянуть, хотя бы и в ущерб строгой хронологии, о целом ряде менее крупных дел, имеющих отношение к жизни московских революционных кружков того времени.

Как я писал в главе первой, разложение народовольчества сопровождалось значительным ростом случаев товарищеской измены и, на-ряду с этим, пышным расцветом провокаторских махинаций охраны. Перед нами уже прошел ряд печальных героев этого политического безвременья: Дегаев, Обольянинов, Теселкин, Зубатов и другие. К этой фаланге предателей следует прибавить еще одно, не менее славное, но мало известное имя Беневольского, который работал, хотя недолго, но вреда причинил немало [1]).

Раз'ездной почтовый чиновник, Иван Васильевич Беневольский начал свою шпионскую карьеру в 1885 году, когда по делу задержанного с гектографом Стефанова был обыскан судейский чиновник П. Е. Скворцов; у последнего нашли телеграмму от Петра Муханова[2]), жившего нелегально, адресованную на имя Беневольского; приглашенный в охранку «на чашку чаю», почтовый чиновник, нечаянно попавший в неприятную «историю», сразу пошел навстречу предложениям Бердяева, который и принял его в число секретных сотрудников под псевдонимом «Базарова».

Чуть ли не первой жертвой Беневольского был народоволец С. Иванов [3]), с которым его познакомил П. Муханов еще в ноябре 1884 года, когда они, при участии В. Морозова и Ф. Крылова, жившего под именем Воскресенского, обсуждали в квартире А. Кондратова план захвата казенной почты; вопрос этот не был решен тогда в виду от'езда Иванова за границу; когда последний вернулся, зимой 1885 года, в Москву, проект экспроприации снова поставили на очередь, но и на этот раз было постановлено сначала организоваться, что, вероятно, более отвечало розыскным видам Бердяева и его креатуры. По рекомендации Беневольского Иванов собирался поехать в Саратов, чтобы завязать сношения с кружком Александровского и Григорова, но решил отправиться сначала в Петербург; здесь он и был задержан 18 января 1886 года.

При аресте Иванова были отобраны шифрованные записи, в числе которых оказался один адрес: «Екатеринослав. Сол. Хейфицу»; последний на допросе показал, что получал письма для учителя своих детей Полякова; у этого учителя задержали молодого человека, который пытался стрелять; то был Б. Оржих[4]), игравший большую роль в южных народовольческих кружках.

ЯРОСЛАВСКИЙ и САРАТОВСКИЙ КРУЖКИ

Благодаря предательству Беневольского[5])был выяснен состав ярославской революционной группы, к деятельнейшим членам которой принадлежали: П. Муханов, А. Гедеоновский, П. Соколов, А. Чумаевский и друг. В связи с этим делом был арестован 15 июня 1886 г. в Москве, нелегальный И. Цыценко, который подлежал высылке в Западную Сибирь, но скрылся и проживал некоторое время в Ярославле.

Независимо от агентурного «освещения», которым Беневольский помогал розыскам охр. отд., он был использован еще в качестве свидетеля в дознаниях, которые возникли потом при жандармском управлении. Беневольский дал очень пространные показания об Александре Орлове, который его познакомил с Н. Богоразом и от которого он получил нелегальные издания (отвез их потом в Саратов); он оговорил невесту Орлова В. Городнянскую и его знакомую О. Панову, которая, по его словам, поместила у своих знакомых сундук «с преступными вещами» (он хранился в квартире генерала Самсонова, о чем заявил полиции его сын; в нем оказалось более пуда типографского шрифта).

Как образчик шпионского усердия Беневольского, можно привести его повествование («Обзор» XII, страница 95—96) о том, как он ездил в Саратов—несомненно для разведок по поручению Бердяева. По прибытии в упомянутый город (в 1885 году), Беневольский увиделся с Н. Григоровым и А. Александровским, которые считались «самыми авторитетными членами» местного революционного кружка; он им рассказал о затеваемом предприятии по ограблению почты, на что те заявили ему, «что дела в Саратове идут очень хорошо и финансы кружка позволили принять участие в таком предприятии, как освобождение из тюрьмы Новицкого, при чем Александровский купил для него шляпу в магазине Блюм. Кроме того, Григоров об'яснил, что за последнее время, с приездом в Саратов «Марьи Николаевны», известной в партии «Народной Воли» под названием «Генеральши», дела изменились к худшему, ибо между мужем «Генеральши», «Сахар Сахаровичем», и членом кружка Коробковым вышло пререкание из-за бесполезной траты кружковых денег на платья для

«Марьи Николаевны», вследствие чего «Сахар Сахарович» настаивал на исключении Коробкова из кружка, но так как многие из членов (Григоров, Александровский, Севастьянов, Попов и Леднев) были против этого, то произошел разлад и отношения обострились настолько, что «Марья Николаевна» и ее муж выехали из Саратова [6]). Для ознакомления Беневольского с кружком была созвана у Александровского сходка, на которой, по привезенному из Москвы подписному листу, в честь 25-летнего юбилея эмигранта Лаврова была собрана для отправления в Париж некоторая сумма денег»...

«В декабре следующего года Беневольский снова приехал в Саратов с поручением узнать, не пожелают ли саратовцы принять в свой кружок «Николая Ивановича» (Н. Богораза), и передал Александровскому часть привезенных революционных изданий. На другой день приезда Беневольского состоялась многолюдная сходка в квартире Владимира Мокринского, в которой, кроме хозяина, принимали участие Беневольский, Александровский, Севастьянов, Попов, Россов, А. Иванов и Соловьев. Присутствующие из'явили согласие на предложение Беневольского принять «Николая Ивановича» в свой кружок и обещали оказать в будущем «нелегальному» и его группе помощь типографией и деньгами. Для сношений в Москве А. Иванов указал Беневольскому своих хороших знакомых Муромцева и Ювентина Владимирского, через которых и предложил доставлять в Саратов революционные издания. По окончании сходки Беневольский передал Севастьянову остальные привезенные из Москвы преступные брошюры. При от'езде Беневольского из Саратова Александровский условился переписываться с ним через воспитателя Григория Алонзова, с которым Александровский состоял в приятельских отношениях»...

«Одновременно с возбуждением вторичного дознания о «саратовском революционном кружке», согласно указаниям Беневольского, 9 апреля 1887 года был случайно найден во дворе дома мещанина Россова, по Малой Сергиевской улице, зарытый в землю жестяной ящик с революционными изданиями, карточками государственных преступников и принадлежностями гектографа. Обыском, произведенным у Григорова, обнаружены различные революционные издания, оказавшиеся тождественными с найденными у Россова и переданными Беневольским Александровскому и Севастьянову»...

Я привел столь пространные цитаты в виду того, что в простодушном рассказе жандармского летописца вырисовывается целая бытовая картинка.

Шустрый «сотрудник» московской охранки едет в Саратов в виде какого-то генерал-инспектора; для столичного гостя наивные провинциалы созывают собрание; ловкий агент устраивает смотр кружку и, положив в свой карман собранные пролетарские гроши, едет с докладом по начальству. Второй визит носит еще более провокаторский характер: агент привозит с собой «преступные издания», раздает нелегальщину «товарищам», у которых затем жандармы отбирают ее в качестве «поличного».

Несмотря, однако, на все проделки Беневольского, «пропечатан» он не был, и только в списке шпионов, отобранном у Л. Родионова (не опубликован), его имя значилось с отметкой: «подозрителен».

Интересная деталь: Беневольский хлопотал о приеме в саратовский кружок нелегального Богораза, хорошо зная, что последний в это время уже сидел в Бутырской тюрьме.

Производившие дознание по этому делу, повидимому, не знали настоящей роли Беневольского; последний прошел всю формальную процедуру и по «высочайшему повелению» от 25 ноября 1887 года был отдан под гласный надзор полиции «в местности по усмотрению министра внутренних дел» (тогда как другие—Муханов, Скворцов, например,—пошли в Восточную Сибирь). Через два года после этого Беневольский уже фигурировал в качестве помощника делопроизводителя московского охранного отделения...

Саратовцам вообще тогда не везло. В мае 1886 г. в Москве, у пьяного студента Александра Ляпина при личном осмотре было найдено письмо конспиративного содержания от Л. Шейдаковой к «князю» (петровцу П. Аргутинскому-Долгорукову) и Вильгельму Русс, привезенное из Саратова студентом Тумановым. Во время обыска у Шейдаковых был задержан В. Симонов, у которого нашли письмо того же Аргутинского, сообщавшего, между прочим, рецепт секретных чернил и способ приготовления валика для гектографа. К возникшему по сему поводу дознанию привлекли еще В. Яковлеву и В. Кожевникову.

ЦИНКОГРАФИЯ ЕРОФЕЕВА. ПРОПАГАТОРСКИЙ КРУЖОК

Новые течения революционной мысли, которые принесла с собой вторая половина восьмидесятых годов, начинали пробивать себе дорогу. Социал-демократическая идеология стала завоевывать свои первые позиции. На-ряду с лозунгом борьбы за политическую свободу выдвинулась задача пропаганды социалистических идей, которой передовая интеллигенция начала уделять все больше внимания и сил; появилась и соответствующая нелегальная литература.

Еще в 1884 году были отгектографированы, как я упоминал уже, членами общестуденческого «Союза», «Программа рабочих» Лассаля, «Что такое заработная плата»; тогда же была отлитографирована брошюра «Капитал» Маркса, в изложении Де-Виля.

4 мая 1885 года была захвачена у студ. П. акад. А. Ерофеева цинкография с оттисками «Манифеста Коммунистической партии»; одновременно был обнаружен рабочий кружок (В. Данилов, П. Степанов, В. Ершов), во главе которого стоял С. Терешенков [7]).

В том же году в Москве возник кружок, поставивший себе целью «пропаганду среди рабочего люда»; к этой группе принадлежали: Н. Власов, К. Матусевич, И. Лебедь, А. Перелешин, Оскар Керст, Дмитрий Надир, а также Аполлинарий Бородзич и кр-н И. Соколов, которые раздавали нелегальные издания среди рабочих, при чем Бородзич называл себя «Павлом Петровичем». При ликвидации кружка у С. Капгера, в подпольи, обнаружили склад нелегальщины, в том числе «Манифест Коммунистической партии» и «Программу социал-демократической группы»; а у Бородзича нашли рукопись «Введение в историю и политическую экономию». В отобранной переписке имелись указания на существование таких же кружков в городах Перми, Кременчуге, Полтаве и Тифлисе [8]).

ДОНОС П. САВЕЛЬЕВА

Другое дело о пропаганде среди московских рабочих возникло вследствие доноса. В январе 1888 г. в московское охранное отд. явился прибывший из Петербурга слесарь Петр Алексеев Савельев и подал «заявление» о преступной деятельности разных лиц, которое Бердяев препроводил в деп. пол.; последний 12-го февраля ответил: «признавая неудобным передавать подлинное заявление Савельева в жандармское управление, целесообразнее реализовать это показание путем допроса Савельева в московском губернском жандармском управлении».

Сущность «показания», данного Савельевым жандармам, сводится к следующему:

«В Москве ведется деятельная пропаганда революционных идей среди фабричного рабочего населения, которой руководит кружок интеллигентных людей, к числу коих принадлежали присяжные поверенные Оленин и Родионов, частный поверенный Александр Лебедев, купеческий сын Петр Богомолов и несколько других лиц. Организация дела заключалась в учреждении в разных местах города, преимущественно посещаемых фабричным людом, книжных лавочек, в которых, на ряду с дешевыми народными изданиями, раздавались рабочим для прочтения безвозмездно революционные издания; устная пропаганда через избранных, близко стоящих к рабочим людей, устройство кружков на отдельных фабриках, представители которых имели сношения с руководителями; периодические сходки для денежных сборов и об'яснения в социалистическом духе евангелия служили также способами преступной деятельности означенного кружка.

«Из числа лиц, имевших сношения с руководителями, выделялись: письмоводитель Оленина, мещанин Василий Яковлев, крестьяне Степан Васильев и братья Яков и Степан Изотовы. Яковлев и Степан Изотов жили в одном номере в гостинице «Неаполь», близ Николаевского и Рязанского вокзалов, и у них хранились брошюры, за которыми приходили как рабочие, так и учащаяся молодежь. Васильев жил в той же гостинице и заведывал книгоношами, при чем на обязанности его лежало, главным образом, устройство бесед для толкования евангелия в социалистическом духе. Следующими агентами были представители кружков на отдельных фабриках, на обязанности которых лежала вербовка новых членов среди товарищей по работе. Наиболее ревностными деятелями на этом поприще являлись: весовщик фабрики Бостанжогло Василий Колонистов, бывший вместе с тем кассиром об'единенных кружков; рабочий фабрики Малышева Николай Емельянов; бредовщик на фабрике Маркина Семен Исаев (по прозвищу Чурусов); рабочий фабрики Глеснера Борис Петров Барский; слесарь фабрики Зелига Василий Филев и др.

Помимо названных лиц, в делах кружков принимали участие сбором пожертвований и распространением революционных изданий другие личности, не принадлежавшие к рабочей среде, как, например, счетовод управления Курской жел. дор. Иван Корольков, несколько студентов Петровской академии, книжный торговец, вяземский мещанин Николай Плетников и др.

Кружки оказывали материальную помощь как рабочим, уволенным с фабрик, так и политическим ссыльным. Деятельность этой организации должна была распространяться и на другие города: через рабочего Василия Елисеева и самого Савельева предполагалось завести связи в Петербурге с рабочими Иваном Сихвонен, Иваном Андреевым и др., для чего Савельев и Елисеев ездили в Петербург; Плетников был послан торговать книгами в Орехово-Зуево».

На допросе, в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд. на возбужденном по сему поводу дознании в московском губернск. жанд. управлении, Савельев подтвердил сделанные им указания и назвал большинство членов рабочих кружков, у которых и были произведены обыски. При этом у мещанина М. Митрофанова (известного в кружке под именем Михаила Маркича) обнаружены: стихотворения революционного и богохульного содержания, воззвание, составленное Митрофановым несколько лет тому назад об оказании помощи политическим ссыльным, несколько рукописей революционного содержания, рукопись «Фактическая религия» и разная переписка по делу религиозной пропаганды; у С. Васильева найдена рукописная тетрадь социалистического содержания, а у Королькова—переписка с лицами, называющимися его «учениками» («Обзор» XIII, стр. 15—16).

Кроме упомянутых лиц, в ночь на 18 июня 1888 г., по оговору того же Савельева, были обысканы безрезультатно упомянутые выше: букинист Н. И. Плетников, С. Васильев, И. Корольков, Я. Щитов, Н. Емельянов, В. Филев, а также А. Сутинен, Б. Петров, А. Федоров, В. Александров, П. Григорьев, Богомолов и Е. Д. Синяев.

Впоследствии к дознанию по этому делу были привлечены еще: слесарь К. С. Лилейкин, книгоноша С. Н. Чернышев [9]) и б. студент Д. А. Тихонравов.

По собственному признанию жандармов, дело это не имело того серьезного значения, которое придавал ему сам доносчик Савельев [10]), «так как характер пропаганды был преимущественно религиозный, и лишь участие в деле нескольких лиц сомнительной политической благонадежности, желавших, очевидно, воспользоваться пригодной средой для преступной пропаганды, дает делу революционную окраску».

ДЕЛО В. КУРНАТОВСКОГО

Из других дел, возникших в конце 80-х годов, я должен отметить еще следующие.

В феврале 1889 года департамент полиции предложил московскому охранному отделению подчинить особому негласному наблюдению Виктора Константиновича Курнатовского, который был замечен «в близких сношениях с осужденными по делу 1 марта 1887 г., бывшими студентами Канчером и Горкуном, а также с арестованным в мае того же года по обвинению в составлении преступных прокламаций сыном чиновника, Николаем Евстифеевым». Исключенный из Петербургского университета, Курнатовский переехал в Ригу, где осенью 1887 же года «успел организовать кружок учащейся молодежи, преследовавший противоправительственные цели». Поступив в 1888 году в Московский университет, Курнатовский занялся сбором пожертвований в пользу ссыльных, при чем имел все время сношения со всеми единомышленниками, в особенности со студентом Лесного института Чешихиным» («Обзор» XIV, страница 56).

Наблюдение за Курнатовским длилось около месяца и выяснило ближайший круг его знакомства; 21 марта 1888 года он был, по распоряжению департамента полиции, арестован, при чем у него были найдены химические препараты (кислоты) и лабораторная посуда. Одновременно были обысканы и задержаны: студенты университета—Федор Липкин [11]) (взята брошюра

«Процесс 21-го»), Павел Крафт [12]) (отобрана рукопись «Социальная революция и задачи нравственности») и Александр Гуковский, живший вместе с Софьей Кондорской (впоследствии—его жена); у последних обнаружено значительное количество нелегальщины, в том числе «Наши разногласия», «Устав международного товарищества рабочих» и гектографированные брошюры «Социальная революция», «Политический террор в России» и «Сборник писем» (1. из Одессы, 2. из Петропавловской крепости и 3. «от мертвых к живым»).

Из рукописей, отобранных у Гуковского, некоторые заслуживают быть отмеченными. Одна из них представляла проект устава общества, которое ставило себе целью «поднять уровень умственного развития в народе и развить в его среде общественное самосознание путем посылки книг, газет и журналов в школы, библиотеки и вообще в провинцию». Другой манускрипт содержал рассуждения на тему о необходимости об'единения всего русского студенчества в целях пропаганды через посредство землячеств. В третьей рукописи разрабатывался план пропаганды путем участия в деятельности земств, сельскохозяйственных обществ и т. п. учреждений.

Последний из документов, несмотря на свою полукультурническую программу, интересен нотками, которые звучат в его вступительных строках.

«Нас в университетах около 12.600; неужели мы, «соль русской земли», не можем дружным натиском что-нибудь сделать; ожидать реформы от Толстых, Катковых было бы крайне смешно: реформу должны произвести мы, соединясь с рабочим людом. Будущее земли русской принадлежит не дворянам, не купцам, не мещанам; оно принадлежит рабочему классу, соединенному с представителями науки и искусства, под эгидой демократической свободы»...

Внимание д-та пол. на деятельность Курнатовского было обращено вследствие перлюстрационных данных (вероятно, письма его к Чешихину); в марте, например, департамент сообщил московскому охранному отделению: Курнатовский «посещает какую-то женщину «Ал. Гр.», живущую в местности, где он дает урок». Бердяев разрешает эту перлюстрационную шараду: речь идет об А. Гр. Самойловой, у которой наблюдаемый бывает...

Дело было разрешено «в. п.» от 7/III—90 г. Курнатовский [13]) был отдан под гл. надз. пол. в Архангельской губернии; А. Гуковский получил 1½ года тюремн. заключения и 3 г. ссылки в Вост. Сибирь; Крафт—1½ г., Липкин—6 м., Кондорская—4 м. т. з.

ЛИТОГРАФИЯ ХАРИТОНОВА

В 1889 году возникло еще одно «издательское дело» на которое предусмотрительно указала агентура московской охранки; было установлено наблюдение за студентом Гурием Ивановичем Волынцевым и С. Н. Болотниковым, жившими вместе; 24-го апреля их арестовали; по обыску у них нашли около 100 экземпляров брошюры «Сущность социализма» Шефле; 9 листов этого издания обнаружили еще в литографии А. Харитонова, которого тоже задержали. Волынцев и Болотников дали откровенные показания, об'яснив, что издание было предпринято земляческим кружком рязанцев и что взялись они за это дело ради заработка: ни одного экземпляра этой брошюры они не продали. Волынцев и Болотников были отданы под надзор учебного начальства (последний из них в феврале 1892 г. умер).

ДЕЛО С. ЖЕВАЙКИНА

Конец десятилетия ознаменовался большим оживлением кружковой жизни в среде учащейся молодежи; накоплялось то повышенное настроение, которое потом нашло себе выход в так-называемых студенческих «беспорядках».

Весной 1889 года появилась первая ласточка—гектографированная прокламация «от провинциального кружка ко всем честным русским людям», возвещавшая о пробуждении студенческих масс, являвшихся в те времена и долгое время спустя авангардом поступательного движения.

Один экземпляр упомянутого воззвания был послан из Москвы в «Астраханский Справочный Листок» и вызвал официальную переписку. На запрос жанд. управления по этому поводу, охр. отдел. ответило, что рассылкой этих листков занимается, вероятно, С. Жевайкин, который во время студенческих волнений в 1887 г. отгектографировал написанное им воззвание к молодежи по поводу циркуляра министра народного просвещения (сведения С. Виноградова). 28-го апреля Жевайкин был обыскан, но ничего предосудительного у него не нашли.

ПАНИХИДА ПО Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Осенью 1889 года боевое настроение молодежи уже успело заявить о себе попыткой демонстрации. 19-го октября днем московское охранное отделение получило агентурные сведения о том, что в церкви Дмитрия Солунского (на углу Тверской и площади Страстного монастыря), так сказать под носом у обер-полицеймейстера, должна состояться панихида по Н. Г. Чернышевском. На место действия немедленно были командированы полицейские чины, а помощник Бердяева, ротмистр Бутович, поехал к инспектору студентов университета с требованием командировать в помощь полиции, для опознания манифестантов, пять человек педелей (пуделей, как шутя называли этих соглядатаев); однако, Добров нашел в себе достаточно мужества, чтобы не удовлетворить этого требования. В это время у памятника Пушкину собралась уже значительная толпа; на просьбу отслужить панихиду священник церкви ответил, что должен предварительно спросить разрешение у начальника полиции; «обер», опасаясь осложнений, разрешил, и богослужение, при участии студенческого хора, было совершено. Толпа этим не удовлетворилась (дело было, разумеется, не в церковной церемонии, являвшейся лишь способом выражения протеста); немногочисленная (человек 300), но оживленная группа демонстрантов направилась по Тверскому бульвару на Никитскую улицу и стала требовать, чтобы была отслужена панихида в университетской церкви; учебное начальство, оказавшееся менее уступчивым, чем полицейское, в разрешении открыть церковь отказало, и толпа постепенно разошлась.

Демонстрация по Чернышевском имела некоторые косвенные последствия: 52 человека, участвовавших в шествии, попали на замечание охраны, а профессору Тимирязеву, согласившемуся по просьбе студентов не читать в этот день лекций, был сделан выговор.

С другой стороны, представители радикальной части студенчества, сибиряки Иннокентий Одуевский и Иван Сапожников, игравшие тогда большую инициативную роль, составили по поводу некролога, помещенного о Чернышевском, в № 288 профессорской газеты «Русские Ведомости», протест, энергичные выражения которого стоят того, чтобы их привести здесь.

«Мы привыкли видеть, заявляло студенчество, «Русские Ведомости» в числе немногих честных органов, не загрязнивших печатного слова постыдной изменой требованиям совести и долга... Мы знаем, что при настоящих условиях компромиссы и «скромная умеренность» неизбежны, но нельзя переходить границы, где осторожность переходит в трусость. Эти элементарные требования «Русские Ведомости» нарушили по поводу смерти человека, жизнь которого стала страдальческой потому, что он писал и говорил только правду... Лишь забывая лучшие традиции, можно называть правду и честь «заблуждениями», многолетние страдания за них—«искуплением», а замену каторги безнадежным коротанием разбитой жизни—«милостию»...

В конце 1889 года имел место с'езд представителей революционных и студенческих организаций; результатом с'езда было появление на сцене Центрального Бюро, которое и взяло на себя руководящую роль. Но об этом в следующей главе.

КРУЖОК Л. МЕНЬЩИКОВА

В заключение я должен сказать кое-что об одном кружке того времени, о котором я узнал из одной весьма редкой книги, изданной в 1890 году на французском языке (в количестве 100 экземпляров) под заглавием: «Chronique du mouvement socialiste en Russie» министерством внутренних дел. На странице 642 этой «Хроники» я прочитал следующее: «Les perquisitions provoquées par arrestation de Bogoraz firent tomber la police sur la piste d'un nouveau cercle à Moscou, dirigé par Leonide Menchikoff...»

Так как речь в данном случае идет обо мне, то я считаю нужным сделать, в качестве свидетеля событий, к этому утверждению официального хроникера некоторые поправки, а именно: обыскан я был, как это видно из моего рассказа в главе I, вовсе не «вследствие ареста Богораза», а по доносу, прежде всего, Зубатова и, во-вторых, никакого кружка, которым я «руководил», в действительности, не существовало, так как «троицу» (я, Вольский, Иевлев), собиравшуюся изредка у В. Денисова, кружком назвать можно лишь по недоразумению, а руководить ею я не мог, так как в этой компании был самый младший и «зеленый».

Интересно, что в другой официальной летописи версия возникновения моего «дела» совершенно иная.

«В связи с раз'яснениями Беневольского, говорится в «Обзоре» XII, в феврале (1887 г.) был произведен обыск у бывшего ученика Александровского училища Исаака Полееша и у учеников Строгановского училища Леонида Меньщикова и Евгения Баранова» (стр. 47).

Но и здесь нет истины: ни я, ни вышеупомянутые товарищи мои о Беневольском понятия не имели; да и он не знал нас; жандармы были просто введены в заблуждение охранным отделением, которое, не желая обнаруживать действительного предателя — Зубатова, приписало наш арест «раз'яснениям» Беневольского.

Я упомянул о своем «деле» не потому, что придаю ему значение, а затем, чтобы показать на нем, как осторожно следует пользоваться официальными летописями. Несомненно, такие документы, как «Обзоры» и «Ведомости» или «Хроника», заключают в себе богатейший фактический материал (даты, имена и пр.). Но не надо забывать, во-первых, что составители этих хроник впадали иногда в невольные ошибки, так как не знали всех секретов охраны. Во-вторых, жандармы, производившие дознания, результаты которых служили основным материалом для составления «Обзоров» и «Ведомостей», нередко сами находились в заблуждении, так как соратники их — охранники, в случаях, когда им нужно было спрятать агентурные «хвосты», сообщали следствию или неполные, или заведомо ложные сведения.

С другой стороны, слишком вольное обращение с фактами, наклонность к необоснованным заключениям — слабости, одинаково свойственные как жандармам, так и охранникам — являлись иногда причиною того, что в «Обзоры» и «Ведомости» попадали данные и неточные, и недостоверные. Наконец, официальные летописцы извращали факты иногда просто по небрежности, в силу невнимательного отношения к материалам, которыми они оперировали.

Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы «Обзоры» и «Ведомости»[14]) дознаний поскорее сделались доступными широкой публике, чтобы они были перепечатаны, хотя бы только с некоторыми комментариями, в самом ближайшем будущем, пока еще живы многие из тех, чье имя затронуто в этих анналах, дабы современники революционных событий и деятелей, фигурировавших в них, могли сделать необходимые поправки и раз'яснения, без чего такие материалы теряют значительную долю своей исторической ценности.

ГЛАВА IV

«Центральное Бюро» и студенческие беспорядки 1890-го года. — Гектограф В. Черняева; кружок П. Аносова, В. Каратыгина, О. Балакиревой и др.—Пропаганда А. Синицына.—Шелгуновская демонстрация.—Пощечина д-ру Розанову.—«Сибиряки».—«Kolo», «украинофилы» и литография Зворыкиной

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО“

Как я уже упомянул, весной 1889 года состоялся с'езд представителей революционных и земляческих кружков, сведения о котором поступили в моск. охр. отделение post factum ¹) в виду того, что, как докладывал Бердяев своему начальству, секретный сотрудник во время с'езда «был на родине». Возможно, что охрана просто с'езд этот, на котором зародилось «Центральное Бюро», прозевала, не имея в соответствующей среде необходимого осведомителя. По свидетельству самого начальника охранного отделения (донесение его департаменту полиции за № 40/10, январь, 1891 г.), «дело по обнаружению «Бюро» принадлежит сотруднице Пигровой», а последняя сотрудницей охраны сделалась лишь в конце 1889 года ²).

Учащаяся молодежь, являвшаяся барометром общественного настроения, уже с зимы 1889 года обнаруживала, что реакционная летаргия приходит к концу. Движение, начавшееся на почве борьбы за сохранение старого «либерального» академического устава, по существу своему являлось более широким и носило, по казенной терминологии, явно «антиправительственный характер».

С некоторой натяжкой, но не расходясь далеко с истиной, московское охр. отд. доказывало департаменту полиции, что организаторы «Центрального Бюро» преследуют политические задачи. В донесении от 17 января 1890 г. Бердяев писал, например: учредители Бюро «предвидели, что, благодаря его мирным целям, к нему все земляческие кружки отнесутся сочувственно, а затем, установив сношения, можно будет весь благонадежный элемент понемногу устранить» и таким образом «устроить под мирным флагом прочную революционную организацию по всем большим городам, где имеются высшие учебные заведения»...

Само собой разумеется, что далеко не вся молодежь, участвовавшая в студенческом движении, сознательно следовала по этому пути и большинство ее, несомненно, поднималось, главным образом, во имя защиты академических интересов.

Под'ем духа, наметившийся в среде учащейся молодежи с самого начала девяностых годов, способствовал успеху студенческих организаций, которые затем, на протяжении десятка лет, непрерывно и преемственно, хотя и в различных формах, играли свою роль революционного бродила.

«Центральное Бюро», насчитывавшее к январю 1890 г. до 100 членов, об'единило группы «петровцев» (студентов сельскохозяйственной академии), во главе с П. Грациановым и А. Шамаховым, «донцов», «сибиряков» и «рязанцев», а также кружки студентов университета В. Германовича, А. Второва, А. Александрова и П. Кашинского, представлявших радикальную публику.

Еще в декабре 1889 г. на сходках у М. Сопоцько был окончательно выработан список «требований» из 11 пунктов, для того времени довольно радикальных, при чем один из виднейших членов сибирского землячества, И. И. Сапожников, присутствовавший на этом собрании, горячо доказывал, что деятельность организации сделается плодотворной лишь в том случае, если члены ее будут «иметь развитыми и воспитанными основательно представления о своих обязательствах, как граждан». Другие шли дальше, и А. Второв, например, открыто проповедывал на сходках необходимость «принять к руководству программу Исполнительного Комитета Н. В.»...

В целях агитации левое крыло «Центрального Бюро», забравшее силу, выпустило несколько изданий. В конце января появились литографированные листки под заглавием «Кара», с описанием драмы, разыгравшейся в ноябре 1889 г. в карийской каторжной тюрьме по случаю смерти Н. Сигиды, наказанной плетьми по распоряжению ген.-губ. Корфа (сведения об этой истории привезла бывшая проездом в Москве жена ссыльного Р. Гаусман). По тому же поводу было отгектографировано другое воззвание: «Новейшие подвиги сибирских палачей». Кроме того, распространялось в рукописях «Завещание 3-х повешенных» (предсмертные письма Гаусмана и других, казненных по делу Якутского протеста в 1889 г.). Кружком Кашинского был издан на гектографе листок «Об издании журнала «Революционный Союз» (январь, 1890 г., с обозначением «СПБ», для конспирации), после которого появился другой, под заглавием: «Роль массовых протестов в революционной борьбе—письмо к русской протестующей интеллигенции»—издание кружка сочувствующих идее «Революционного Союза» (февраль, 1890 г.). Около того же времени появились оттиснутые на гектографе, тоже в Москве, брошюры: «История революционного движения» (вероятно, Туна), рукопись которой была прислана из Лондона, и «Голос Студенчества», № 1.

Назревавшее боевое настроение студенчества искало выхода. На сходках, происходивших 12-го и 20-го января (1890 г.) у сибиряка И. Одуевского, был уже поставлен на очередь вопрос об оказании помощи студентам Новороссийского университета, исключенным за происходивщие у них беспорядки; сходка решила, однако, обождать более благоприятных обстоятельств.

Моск. охр. отд., в предвидении событий, уже давно приготовилось к наступательным действиям; но в Петербурге тогда царил оптимизм, и на соответствующий запрос обер-полицеймейстера д. п. совершенно неожиданно дал обескураживающий ответ (отношение от 1-го февраля за № 457): «Ликвидация «Центрального Бюро» может состояться лишь в том случае, если будет фактически доказано, что оно носит политический характер и что деятельность его направлена к чисто революционным целям»...

События не заставили себя долго ждать. Застрельщиками явились «петровцы», за которыми недаром установилась прочная репутация «неблагонадежных элементов».

Как и вся учащаяся молодежь высших учебных заведений, студенты Петровской сельскохозяйственной академии были недовольны академическим уставом, введенным с 1-го января 1890 года. Волнения среди «петровцев» по этому поводу начались вслед за введением новых правил. 13-го февраля происходила в здании нового общежития сходка, на которую студенты вызвали инспектора Бекаревича и рекомендовали ему не вмешиваться с излишней строгостью в распорядок студенческой жизни. В качестве протеста против запрещения допускать в общежитие женщин, «петровцы» устроили 19-го февраля (в память освобождения крестьян) собрание, на котором из 150 участников одна треть была женского пола. 24-го и 26-го сходки повторились. 30 февраля была составлена петиция министру государственных имуществ за 124 подписями об уничтожении единоличной власти директора и смещении Юнге, занимавшего эту должность. 3-го марта состоялось новое собрание в аудитории, на которое явился директор, но его почти выгнали. Юнге обратился за помощью «к властям предержащим», и 5-го марта 159 петровцев были арестованы и заключены в знаменитую Бутырскую тюрьму.

Хотя московский обер-полицеймейстер воспретил газетам помещать сведения о начавшихся «беспорядках», но это не помешало движению перекинуться и в самую Москву. Еще 28-го февраля на собрании, происходившем у Л. Эдемской, в котором, между прочим, принимали участие представители сибиряков А. Аргунов и А. Чепик, обсуждалась программа действий на случай возникновения «беспорядков». 4-го марта, на следующий день после ареста «петровцев», у Одуевского состоялась сходка, которая решила созвать членов «Ц. Бюро»; последние собрались там же 6-го числа и решили поддержать товарищей; с этой целью студент Ростовцев был командирован для агитации в университетские города; одновременно были выпущены гектографированные воззвания: «Студентам Московского университета. Несколько слов о событиях в Петровской академии», «К товарищам» и «К русскому обществу», с изложением студенческих требований, в список которых вошли 5 параграфов из «хартии», выработанной еще на сходке у Сопоцько (остальные, более политического характера, по тактическим соображениям опубликованы не были).

7-го марта началось активное выступление: в 2 часа дня в университетском дворе собралось более тысячи студентов; часть из них загнали в манеж, переписали и 387 человек отправили в «Бутырки». 9-го числа сходка повторилась — задержали еще 75 протестантов. 10-го марта группа студентов явилась требовать освобождения товарищей,—снова арестовали 65 человек. В последующие дни 203 участника демонстраций (из них 6 «разночинцев») были высланы на родину... «Беспорядки», протекавшие без всяких эксцессов, мирно, можно сказать—в полном порядке, были прекращены...

Начальство было довольно. Генерал-губернатор Долгоруков сообщил обер-полицеймейстеру Юрковскому копию депеши, полученной им от министра народного просвещения Делянова: «душевно благодарю ваше сиятельство за спасительные для блага университета распоряжения»...

Как политически близорука была самодержавная бюрократия!..

Чего же требовали студенты? 1) Возвращения исключенных из университета одесских студентов; 2) восстановления устава 1863 года; 3) свободы сходок и преподавания; 4) признания студенческих корпораций; 5) студенческого суда; 6) уменьшения платы за слушание лекций и уничтожения взносов в пользу профессоров; 7) отмены циркуляров об евреях и уничтожения процентных норм для принятия их в учебные заведения; 8) допущения к слушанию посторонних лиц; 9) отмены полицейских функций инспекции: студенты должны подлежать только университетскому суду...

Нельзя не признать, что перечисленные требования являлись более чем умеренными, ничего политического в них нет. И тем не менее студенческие «беспорядки» имели свое революционное значение, свой исторический смысл; молодежь дерзнула пред'явить начальству «требования» и открыто протестовать, когда эти требования не были удовлетворены,—этот факт был живым укором для общественной совести, в особенности для общества того времени, еще не очнувшегося от длительной реакционной спячки. В то же время это выступление студенчества являлось заразительным примером для масс, уже готовившихся вступить на путь сознательного отношения к окружающей действительности.

Но «беспорядки» имели и другое, косвенно революционизирующее значение. С одной стороны, на примере студенчества было видно, чего можно ждать от правительственной власти, как царское правительство относится к интересам просвещения и науки. С другой стороны, учащаяся молодежь (по крайней мере наиболее активные элементы ее), оторванная от занятий, грубо выброшенная из культурных центров, обманутая в своих надеждах и озлобленная дикой расправой, появляясь «на родине», во всех концах земли русской, несла с собой в глухую провинцию «воду живу», сеяла в своих семьях и окружающих дух недовольства, пропагандировала местную «зелень» и, одним словом, подготовляла почву для революционных всходов... Будь министр Делянов несколько дальновиднее, он мог бы поблагодарить московскую администрацию за распоряжения не только на благо университета, но и на благо... революции.

Во всяком случае студенческие «беспорядки» 90-го года—первый широкий массовый протест, после политического лихолетья восьмидесятых годов—имеют право занять свое место в истории русского освободительного движения.

Управившись с «беспорядками», моск. охр. отд. пожелало свести окончательно свои счеты с «Центральным Бюро». Заявляя в отношении от 11-го апреля 1890 г., что «предположения агентуры относительно соединения всех революционных кружков в Москве, при посредстве «Бюро», в одну революционную группу вполне подтвердилось», отделение настаивало перед департаментом полиции на возбуждении дознания по этому делу; но Петербург и на этот раз нашел нужным побудировать и на привлечение к дознанию всех членов «Бюро» согласия не дал.

Это либеральничанье «департамента препон» вовсе не находилось в зависимости от его желания встать на почву большей «закономерности»; причина антагонизма между центральным органом полиции и его московским филиалом заключалась в том, что столичная администрация в своем отношении к манифестации студенчества проявила некоторую сепаратность и предприняла решительные действия, не спрашивая директив у Петербурга. Московский обер-полицеймейстер находил, что за порядок в первопрестольной отвечает перед генерал-губернатором он лично, и что студенческие волнения не только нарушают мирный ход академических занятий, но и угрожают сохранению общего спокойствия в столице.

ГЕКТОГРАФ В. ЧЕРНЯЕВА

В поисках «фактических доказательств» того, что деятельность «Бюро» носила «политический характер», Бердяев, выждав, когда особая нервность и настороженность в кружках, вызванная мартовскими волнениями, улеглась, предпринял рекогносцировку. На этот раз начальник охраны бил наверняка; его агентура была осведомлена с хронометрической точностью: ему было известно, что член симбирского землячества, универсант В. Черняев, собирается гектографировать, что он уже занялся печатанием, что он, наконец, оттиснул брошюру в 120 страниц «Письмо к царю» (Марии Цебриковой)...

Но этого охране было недостаточно — ей хотелось одним ударом убить двух зайцев; она выждала, когда В. Черняев закончил работу и, набивши чемодан свежими брошюрами, переехал с ними на новую квартиру — к своему брату; не успел еще он отдохнуть (всю ночь не спал—готовил цветные обложки), как нагрянула полиция и забрала его вместе с лакомой добычей. В числе нелегальщины, взятой у Черняевых, кроме «Письма к царю», оказались еще переизданные на гектографе: «Воззвание парижских студентов по поводу Лионского юбилея»; 100 экз. «Крейцеровой сонаты»; литографированная «Исповедь» Л. Толстого, рукописное воззвание харьковских и новороссийских студентов об одесских беспорядках и пр. Одновременно была захвачена и вторая жертва провокации—студент университета Николай Иванов, взявший с прежней квартиры Черняева гектографические принадлежности, которые у него и были отобраны вместе с револьвером и гект. бр-й «Голос Студенчества» № 1-й.

КРУЖОК АНОСОВА и ДР.

В тот же день (24 апреля 1890 г.) были арестованы: учительница О. Балакирева, квартира которой служила конспиративным целям (у нее в числе прочего отобрана статья Плеханова «О свободной торговле» и только-что появившаяся в обращении брошюра «Церковь и государство» Л. Толстого); А. Стрежнев и Н. Эрлексов (найден «Вестник Народной Воли»); П. Аносов и Н. Каратыгин, рассылавший из Москвы преступные воззвания. В виду обнаружения при обысках у переименованных лиц «поличного», дело о них было передано в жанд. управление.

К возникшему таким образом дознанию были привлечены еще, принадлежавшие к тому же кружку, В. Бавыков, И. Мягков, К. Намитниченко, А. Карабинович, Л. Левицкая и А. Намитниченко, а также принимавшие участие в издании «преступных брошюр» Е. Лыткина и уволенный из университета за участие в беспорядках Н. Корвин-Круковский [3]); последний являлся связующим звеном московского кружка с рязанским, в лице представительницы последнего, классной наставницы местной гимназии, Н. Марковой (в апреле 1890 года застрелилась, при чем в ее квартире были найдены компрометирующая переписка и революционные воззвания, одно из которых оказалось в конверте, адресованном бывшему ст. моск. ун. А. Ижевскому [4]).

В связи с делом О. Балакиревой и других, возникло дознание о конторщике Московско-Брестской жел. дор. А. Синицыне, который, под влиянием вышеупоминавшегося П. Аносова, завел связи в среде рабочих железнодорожных мастерских, а также привлек в свой кружок учеников комиссаровского училища Н. Семенова, училища живописи Ф. Дункерса и железнодорожного училища Л. Архангельского. Синицын снабжал членов своего кружка революционными брошюрами, читал рефераты, а затем оттиснул на гектографе «Письмо Белинского к Гоголю» и «Крейцерову сонату» Л. Толстого. По обыску у Синицына и Дункерса, помимо упомянутых брошюр, были найдены статьи по фабричному и рабочему вопросам и кружковая программа.

ШЕЛГУНОВСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Несмотря на значительные потери, которые испытали кадры радикальной части московского студенчества в связи с «беспорядками», настроение учащейся молодежи и в 1891 году продолжало быть повышенным. Внешним поводом к выявлению «антиправительственного» настроения явилась смерть известного писателя Н. В. Шелгунова; на этот раз инициативу взяла на себя «Центральная Касса» союза землячеств, заменившая «Бюро»[5]).

14-го апреля состоялась сходка (организовали студенты университета С. К. Иванов, Н. Ложкин, К. Боголюбов и др.), на которой решено было почтить память Шелгунова панихидой, о чем и были вывешены об'явления в столовках и других местах. 15-го числа студенты обратились с соответствующей просьбой к священнику церкви Ивана Богослова (которая расположена почти совсем напротив дома обер-полицеймейстера), но проведавшая об этом полиция распорядилась, чтобы в день, назначенный для панихиды, церковь была заперта.

16-го апреля на Тверском бульваре собралась толпа молодежи человек в 200 и направилась к церкви Ивана Богослова; здесь, вместо попа, ее встретил полицеймейстер Грессер, который предложил манифестантам разойтись. Толпа не подчинилась; конные жандармы и полицейские резервы, припасенные на этот случай во дворе дома обер-полицеймейстера, очистили бульвар; но манифестанты скоро вновь собрались, уже в большем количестве, на Никитском бульваре; новая атака полицейских рассеяла толпу, которая оставила на месте несколько человек пленных.

17-го апреля охр. отд. предприняло ради устрашения ночной набег. Были обысканы Сахневич, Рейнгарт и др., но безуспешно (только у курсистки Милютиной нашли несколько нелегальных изданий). Тем не менее на следующий день против дома обер-полицеймейстера опять собралось до ста человек молодежи; их немедленно эвакуировали. Всего было замечено 154 участника «беспорядков», из них 27-ми было воспрещено жительство в столице, а 17 были исключены из высших учебных заведений и удалены из Москвы.

ПОЩЕЧИНА Д-РУ РОЗАНОВУ

«Брожение умов» не ограничилось только студенческими кругами; оно закинулось и в среду учащихся женщин, из которых многие принимали, если не активное, то пассивное участие в движении. Осенью 1891 г. у слушательниц фельдшерских курсов при Екатерининской больнице разыгралась своя «история». Заведывавший курсами доктор Розанов на одной из лекций, 22-го сентября, сказал секретарю, зачем он называет одну курсистку Ивановой-Гороховой. И прибавил к этому: «если она забеременеет, то к кому это надо будет отнести, к девице ли Ивановой, или же к замужней Гороховой»... Слушательницы курсов были очень возмущены этой фразой и одна из них, Мария Александровна Ассинг, посоветовавшись с подругами, нанесла Розанову оскорбление действием (по заявлению потерпевшего—только словами). Директор в ответ об’явил, что Горохова и Ассинг увольняются из числа слушательниц; на это второкурсницы потребовали исключения их всех. Совет курсов обеих виновниц «брожения» уволил совсем, а 29 их товарок—условно

„СИБИРЯКИ“

Как уже было отмечено, в агитации среди учащейся молодежи очень деятельное участие принимали сибиряки И. Сапожников, И. Одуевский и А. Чепик, а также А. Антонович, А. Яновский и др. Естественно, что охранное отделение обратило свое неблагосклонное внимание на сибирское землячество. Особенно мозолил глаза охране А. Аргунов, который играл руководящую роль и в «беспорядках» 1890 года, и в «шелгуновской» демонстрации. 21 ноября 1891 г. Аргунов был арестован и отправлен на долговременную отсидку. Одновременно попал на замечание департамента полиции товарищ Аргунова, ст. моск. ун. И. Амвросов, который был заподозрен в намерении учредить «нелегальную почту»; 27 октября его обыскали, но безрезультатно [6]). Зато другой сибиряк, И. Ковригин, ездивший в Петербург, был арестован 16-го ноября в момент отбытия из северной столицы, и при нем, действительно, оказалось 4 письма, в том числе одно к И. Иванову, который, по сведениям охраны, организовал вместе с Л. Триполитовой (тоже сибирячкой) в Казани «кружок для помощи беглым государственным преступникам».

ПОЛЬСКОЕ „KOLO“

Оживление деятельности земляческих кружков начала 90-х гг. коснулось учащейся молодежи не только русской, но и других национальностей. Из донесений моск. охр. отд. (за 1891 г.), очень длинных и весьма обстоятельных, видно, что особенно процветало в то время польское землячество.

Еще в 1887—88 академическом году московские студенты-поляки образовали несколько кружков среди слушателей университета, Технического училища и Петровской академии, которые в следующем году об'единились под названием «Kolo Polskie». Однако, с самого начала в польской организации наметилось два течения: одно, господствовавшее, с клерикально-шляхетскими тенденциями («космополиты») и другое—патриотическое, с явным уклоном в сторону социализма. Когда в 1890 г. возникли «беспорядки», вопрос об участии в них студентов-поляков крайне обострил отношения между фракциями старых и молодых колистов; виднейшие представители «космополитов» приняли участие в манифестациях и подверглись удалению из Москвы; таким образом, левое крыло колистов силой обстоятельств оказалось в большинстве и стало во главе организации, в которой студенческие кружки, впрочем, явились только частью. Было избрано правление в лице универсантов М. Абрамовича, П. Церасского, А. Гайдамовича и М. Шварца, которому было поручено ведение хозяйственной части. Было решено отчислять определенный процент из доходов «Kolo» на распространение книг в народе и на пополнение нелегальной библиотеки; основательное изучение политико-экономических наук было признано обязательным, и с этого времени на кружковых собраниях началось усердное штудирование произведений Маркса, Энгельса, Лимановского и др.

Организация «Kolo» охватила значительное количество лиц, и к 1891 году в ее распоряжении собрались уже довольно крупные средства (до 15.000 р.). Организация приступила к издательской деятельности и выпустила в течение нескольких месяцев оттиснутые нелегально в литографии Зворыкиной брошюры: (на польском языке) «Stosunek» (1500 экземпляров), «Жизнь народа», «Ненависть русского народа к полякам» (обе составлены в Москве) и «Крейцерова соната» Л. Толстого. В издании этих брошюр принимали личное участие Шварц, С. Стецкевич и Н. Любинецкий, а распространению их содействовал В. Воровский [7]). В квартире последнего, 22-го апреля 1891 г. было устроено собрание «Kolo» по случаю столетнего юбилея польской конституции, на котором Шварц говорил о крайней необходимости связать чисто национальное польское движение с социал-демократическим.

Помимо издательства, «Kolo» занималось транспортированием нелегальной литературы. Упомянутый выше Стецкевич доставил в Москву летом того же года партию брошюр на польском языке, в числе которых были: «К молодежи» П. Кропоткина, «Задачи социализма», П. Лаврова, «Несчастный случай и счастливый Александр», «Циркуляр Делянова», а также «В защиту правды» Либкнехта (склад последней был у Воровского; продавалась по 50 к.).

Наиболее предприимчивым из членов «Kolo» того времени был М. Абрамович, известный по своему участию в студенческих «беспорядках» (был арестован 7 марта 1890 г.). Для поддержания связей Абрамович ездил в Петербург и Варшаву, где и был в последний свой приезд, 20-го ноября 1891 г., арестован за расклейку прокламаций (по «в. п.» от 3—XI—93 г. подвергнут т. з. на 3 г. и ссылке в В. С. на 6 лет).

ЛИТОГРАФИЯ ЗВОРЫКИНОЙ

Выше упомянута была литография Зворыкиной. В этом заведении, а также в литографии Александровской, были оттиснуты, кроме польских, и многие литературные произведения на русском языке, а именно: «Русская развитая женщина» (памяти С. Ковалевской, автор—Е. Мягков); «Воспоминания о Чернышевском»; «Чудная», В. Короленко; «Исторические письма», Миртова (Лаврова); «К сочувствующим», а также «О причинах упадка средневекового миросозерцания», В. Соловьева.

Работу в литографии носили вышеупоминавшийся Любинецкий, Ю. Карпович и его близкая знакомая дактилографистка К. Ионова, а заказчикам доставлялась сыновьями Зворыкиной, Николаем и Дмитрием Лавровыми; на камне работал Н. Котов.

Несмотря на то, что охране было хорошо известно о том, что в литографии Зворыкиной в течение почти двух лет издавались «запрещенные сочинения», никаких мер к прекращению сего не предпринималось. Только в апреле 1893 года, когда инспектор по делам печати заявил, что им обнаружено незаконное печатание в помянутой литографии лекций государственного права европейских держав, читанных М. М. Ковалевским, решено было заведение М. В. Зворыкиной прикрыть.

Такое долготерпение московской охранки может быть об'яснено только тем, что в данном случае были замешаны интересы ее агентуры, участие которой в этом деле не подлежит, как мы это увидим сейчас, никакому сомнению.

УКРАИНОФИЛЫ

В декабре 1889 года д. п., указывая (на основании, по всей вероятности, перлюстрационных данных) адрес некоего «А. Кр.», «возбуждающего сомнения в политической благонадежности», требовал выяснения его личности. Московское охр. отд. ответило немедленно, что это—студент Лазаревского института восточных языков А. Е. Крымский, который «часто бывает у известного д. п. Васильева». Эти частые посещения «Васильева» и были, очевидно, причиной того, что в распоряжении ротмистра Бердяева оказались довольно обстоятельные сведения, которыми он и не замедлил поделиться с департаментом.

По этим агентурным данным Крымский является главарем украинофильского кружка; он пишет, полемизируя с Драгомановым, в галицийских газетах «Народ» и «Правда»; имеет нелегальную библиотеку; ведет сношения с киевлянами Столяровым и Коломийчуком; знаком с Коваленко и Ю. Карповичем, близким человеком К. Ионовой. Кружок Крымского издал (тоже в литографии Зворыкиной) «Историю Малороссийского казачества» (лекции профессора Антоновича), которую переписывала К. Ионова, и т. д.

21-го мая 1891 г. московское охранное отделение препроводило в департамент полиции «Программу русско-украинской радикальной партии», полученную от Крымского, и просило таковую вернуть скорее «в интересах агентуры»...

У Крымского были недоброжелатели. В ноябре 1892 г. охрана получила анонимный донос (писанный, по всей видимости, украинцем), в котором «Видящий», прилагая карточку Крымского, характеризовал его, как опасного агитатора. Но охранное отделение не придало этому значения; оно не интересовалось вообще украинофилами и, зная, очевидно, политическую физиономию Крымского близко, даже высказалось в 1892 году за прекращение негласного надзора, который был учрежден за ним год тому назад; однако, департамент согласился на это лишь в 1895 году, что, впрочем, не помешало Крымскому закончить свое научное образование и сделаться впоследствии профессором-специалистом, если не ошибаюсь, по востоковедению.

Не везло и К. Ионовой, помогавшей Крымскому. В январе 1893 года московское жандармское управление получило письмо за подписью «Рабочий» (может-быть, это был тот же «Видящий»), в котором сообщалось, что «Ионова, живущая на Спиридоновке, в д. Жарковой, переписывает на машине Ремингтон Шефле, Кеннана и др.; при поступлении в партию требует прежде всего неверия»... Департамент полиции заинтересовался этой анонимкой и запросил московское охранное отделение, какие распоряжения по ней были сделаны. Ответа на этот запрос не последовало; но на полях департаментского запроса начальственной рукой была сделана следующая многозначительная пометка: «Переговорено лично с Г. К. Семякиным[8]). Ничего преступного не обнаружено за последнее время»... А когда Ионова, несколько позднее, поступала на должность учительницы, охранное отделение на формальный запрос об ее благонадежности ответило д. п. языком оракула, «роль ее в кружках осталась тою же, что и раньше»...

Какою же была действительная «роль» Клавдии Ионовой, которая содействовала польскому «Kolo» и украинскому кружку издавать нелегальные брошюры? На этот вопрос мог бы удовлетворительно ответить «известный департаменту полиции Васильев» (вероятно— псевдоним), который для меня, к сожалению, остался неизвестным...

ГЛАВА V

Петербургский террористический кружок (Истоминой и других).—Парижские «бомбисты» и провокатор А. Гекельман.—Дело М. Сабунаева; кружки северян; «фракция политической борьбы в России».—Игра охранников.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КРУЖОК

Волна общественного под'ема, начавшая вздыматься с первой половины девяностых годов, вызвала ряд попыток об'единения разрозненных сил, собирания остатков старых боевых кадров и народившегося революционного молодняка.

Инициатива одной такой организационной попытки шла из Петербурга, где еще во второй половине предшествовавшего десятилетия зародился кружок, во главе которого встали: К. Кочаровский, Н. Беляев, Н. Истомина и С. Фойницкий.

В первую очередь кружок озаботился приобретением иногородних связей. С этой целью Беляев совершил в 1889 году несколько круговых поездок, при чем завел сношения в городах: Москве, Нижнем-Новгороде, Казани, Воронеже, Саратове, Астрахани, Ярославле и Костроме.

Посещая Поволжье, Беляев встретился с Михаилом Сабунаевым, бежавшим из Сибири и проживавшим нелегально; при содействии последнего он устроил в сентябре того же года в Казани с'езд, в котором приняли участие, кроме их самих, бывшие ссыльные В. Гусев и А. Трофимов, а также А. Сазонов и Л. Осинский. С'езд, впрочем, окончательного характера не имел и, ограничившись предварительным обсуждением организационного плана, постановил устроить через полгода новое совещание.

Петербургский кружок поддерживал связи с эмиграцией, в среде которой в это время скопилась значительная потенциальная сила из наиболее активных революционных деятелей, скрывшихся за границу после полицейского погрома 80-х годов. Эта эмиграция, состоявшая преимущественно из остатков народовольчества, лишенная родной почвы, искала контакта с местными революционными образованиями и с этой целью посылала в Россию своих представителей.

Еще в начале 1888 года в Петербург приезжал М. Гармидор, видевшийся с Беляевым и его товарищами по кружку и обменявшийся с ними адресами и явками. Осенью того же года с Кочаровским имела свидание С. Гинсбург [1]), которая передала ему воззвания об организации за границей «Социалистического литературного фонда» и взяла для напечатания рукопись «Лопатинский процесс». Вслед за Гинсбург в Петербург прибыл И. Рапопорт, который в феврале 1889 г. посетил вместе с Беляевым в Москве П. Крафта и устроил получение (через Варшаву) транспорта нелегальной литературы («Ответ Тихомирову Лаврова и Серебрякова» и др. бр.).

В упомянутом транспорте был получен (заделанным в переплетах) проект программы, выработанный за границей—в целях создания «Союза русских социально-революционных групп».

Называя себя социалистами-революционерами, авторы проекта заявляли, что они ставят своей задачей «заменить во всех странах, где приходится действовать, нынешний капиталистический строй — строем социалистическим», хотя бы пришлось достигать этой цели «путем кровавой борьбы, со всеми ее печальными условиями, путем насильственных политических и экономических переворотов». Самый же переворот, который будет характеризовать замену капиталистического строя социалистическим, может быть совершен, по мнению составителей программы, лишь «организацией и целесообразной деятельностью рабочей партии с определенной и самостоятельной политической программой, отличающей эту партию от всех несоциалистических групп и партий».

При обсуждении заграничной программы в петербургском революционном кружке она встретила серьезные возражения, которые были формулированы Кочаровским в особом контр-проекте. Намечая ряд политических реформ и признавая, что совокупность их «может осуществить лишь рабочая социалистическая партия», автор контр-проекта указывал, однако, на то, что «социальная пропаганда в рабочей среде при современных политических условиях может быть ведена систематически только в некоторых местностях и не может создать обширной всероссийской рабочей партии»; поэтому, заключает Кочаровский, «из всех систем борьбы с правительством для достижения политической свободы единственно доступной в настоящее время, в размерах, обеспечивающих все шансы на успех, является система политического террора».

Разногласия, возникшие между петербургским кружком и заграничной группой на принципиальной почве, перешли затем и в область их практического взаимодействия. Осенью 1889 года в Петербург приехал из-за границы с рекомендациями от Бурцева эмигрант «под фамилией Миллер», который заявил, что он прибыл в качестве представителя террористического кружка для переговоров с русскими революционерами о совместной деятельности; переговоры с приезжим вели Истомина и Фойницкий. В виду возникших между ними недоразумений, окончательное соглашение решено было отложить до приезда за границу петербургского делегата, которым был намечен Фойницкий. Заграничному же представителю была передана декларация, составленная тоже Кочаровским, в которой от имени петербургского кружка было заявлено следующее: «Цель нашей деятельности — прочная постановка террора, как системы; цель эта достигается созданием крепкой, достаточно многочисленной и приспособленной к условиям места и времени организации. Последнее еще не выполнено; поэтому всякую террористическую попытку сейчас мы считаем вредной и несоответствующей целям систематического террора, который, повторяем, мы считаем единственно целесообразным»...

В виду явно террористического направления петербургского кружка, на него было обращено особое внимание охраны и за лидерами его было установлено усиленное наблюдение, в котором приняли деятельное участие московские филеры. 14 февраля 1890 года Истомина приехала в Москву и увиделась с Надеждой Израильсон; последняя затем встретила на вокзале Брестской жел. дор. неизвестного господина и, получив из багажа вещи, уехала с ним в Рязань. Бердяев подумал, что приехал какой-нибудь эмигрант, и даже вообразил, что это—В. Бурцев.

Здесь надо пояснить, что упомянутый «террорист» в это время не давал покоя д-ту полиц., и к поимке его были предприняты экстренные меры. Заграничной агентуре давно было известно, что Бурцев собирается ехать в Россию, «чтобы лично проверить на месте прочность и надежность адресов, явок и паролей». Действительно, еще весной 1889 года Бурцев отправился в Румынию вместе с Ю. Рапопортом за тем, чтобы перейти границу; агенты Рачковского, заведывавшего парижской охранкой, уже дожидались их там, и потому, когда Рапопорт попытал счастья в пограничном пункте Унгенах, он был тут же арестован (12-го апреля) с паспортом на имя Рабиновича; Бурцев же, провожавший своего спутника до Ясс, видя неудачу Рапопорта, воздержался от всяких попыток и даже сумел скрыться от наблюдения. Последнее обстоятельство вызвало большую тревогу в охранных сферах; в предположении, что Бурцев все же проник в Россию, или появится там, были разосланы в разные концы опытные филеры и даже был выписан из Парижа хорошо знавший Бурцева агент Козин, которого командировали вместе с московскими «лекоками» Е. Сачковым и А. Крашенинниковым в Самару. За поимку Бурцева была обещана награда в 1000 руб. и медаль (за арест Рапопорта дали 3000 руб.).

Мечта Бердяева «заработать» на Бурцеве не осуществилась. Выехавшим в Рязань наблюдаемым оказался Н. Беляев, которому товарищи по кружку, опасаясь, что он своими неосторожными действиями, уже возбуждавшими внимание полиции, может погубить организацию, предложили поехать в Москву. Дальнейшие похождения Беляева небезынтересно проследить, так как его «конспирации» сопровождались форменной «комедией с переодеваниями» охранников.

Прибывши в Рязань, Беляев с Израильсон сняли на Лебедке квартиру; он назвался корреспондентом, а его спутница—его женой. Однако, провинциальная домовладелица не питала, повидимому, особого уважения к печатному слову и потребовала, чтобы жильцы немедленно прописались. Беляев не ожидал такого сюрприза и на следующий же день поспешил уехать с Израильсон из Рязани, отметившись в гор. Касимов; на самом же деле они отправились на лошадях в имение Баташевой, где Беляев поселился под видом конторщика. Здесь, действительно, следить за ними было трудно, и филеры ограничились тем, что заняли «стратегические пункты» на случай от'езда наблюдаемых. Чтобы проверить, продолжают ли Беляев и его спутница жить в имении, московские соглядатаи пустились на хитрость. Один из филеров, Е. Калашников, как-раз оказался уроженцем соседнего с имением села Спас-Клепики; нарядившись крестьянином, он отправился в экономию Баташевой покупать коров; приторговал двух. Управляющий имением повел его к себе пить чай; во дворе Калашников заметил Израильсон, а в конторе увидел и Беляева, которого он попросил написать приметы коров, что тот охотно сделал. Филер вернулся с триумфом в виде записки, которая в качестве образца почерка Беляева была отправлена немедленно в департамент полиции.

Этим комедия не кончилась. Из имения Баташевой Беляев приехал в г. Касимов, где его поджидали филеры. Для вящшей «конспирации» Беляев побрился и выехал пароходом в Рязань, где поселился в доме Соколова, у поднадзорных В. Бодаева и В. Перова. Не видя долго Беляева, филеры забеспокоились. В это время приехал в Рязань для руководства розысками сам помощник начальника московского охр. отд. ротмистр Бутович, снабженный паспортом на имя дворянина Бартенева. Обратились за содействием к полицеймэйстеру Тузлукову; тот подослал в дом Соколова какую-то старуху, которая доложила, что Беляев живет «во дворе, внизу». Для проверки нарядили филера Федорова городовым и отправили разносить приказы о том, чтобы во дворах имелись противопожарные чаны с водой и швабрами; но Федоров попал в квартиру домовладельца и ничего не узнал. Тогда наняли квартиру рядом с домом Соколова, и филер Калашников занялся расчисткой сада, в надежде, что увидит Беляева по соседству. Беляева нет, как нет!.. Положение становилось трагическим. Решили, что конспиратор сидит безвыходно, и эта таинственность еще более подзадоривала московских «лекоков». Решили пойти на героическую меру: подослать к Бодаеву «жулика», чтобы стащить самовар и таким образом узнать, кто живет в квартире. Но до этого подвига дело не дошло, так как получилось разрешение произвести в доме Соколова обыск. С трепетом шли полицейские (хотя их было 10 человек) на эту операцию. Домовладелец, когда к нему постучали, думая, что это грабители, закричал «караул», и только присутствие самого начальника полиции его успокоило. В квартире Бодаева и Перова, после самогю «тщательного и всестороннего» обыска, ничего не нашли. Не оказалось и Беляева... Гора родила мышь!

Охранников выручила Истомина... По мысли Кочаровского, в качестве базы для руководства пропагандой в Поволжье был избран гор. Пенза, где проживали Павел Крафт и Дмитрий Волков; с явками к ним туда отправился Василий Гусев. В мае 1890 года туда же поехала Истомина (с Бейлой Гурвич), сопровождаемая наблюдением, которое и обнаружило, что в Пензе проживают и Беляев с Израильсон.

На совещаниях, происходивших в этом городе у Волкова, решено было воспользоваться летними путешествиями для приобретения новых революционных знакомств, при чем Гусев предполагал после посещения Кавказа окончательно поселиться в Пензе и «устроить у себя на квартире изготовление печатных станков, а в случае надобности—и фабрикацию оболочек для разрывных снарядов».

Но... суждены были им «благие порывы, а свершить ничего не дано!» Организация, спокойно развивавшаяся в течение двух лет, широко раскинувшая свою сеть, не имевшая в своей среде ни одного провокатора [2]), неожиданно погибла от удара, который пришел извне, издалека...

ПАРИЖСКИЕ „БОМБИСТЫ“

Выше я уже отметил, что в конце 80-х годов за границей скопился значительный контингент политических эмигрантов, в душе которых горечь несбывшихся надежд и ненависть к торжествующему врагу питали одно устремление, одну идею: террор... Повышенное настроение, энергия отчаяния искали выхода, избыток сил требовал применения. На этой почве стали возникать соответствующие конспиративные предприятия в самих центрах эмиграции, чему способствовала и обстановка относительной свободы заграничной жизни. Одно из таких начинаний, имевшее место в Швейцарии, разразилось катастрофой: 22 февраля 1889 года в окрестностях Цюриха был убит при опытах с бомбами эмигрант Бринштейн (Дембо); это событие повело к высылке из Швейцарии многих русских изгнанников, большинство которых направилось во Францию; здесь попытка изготовления взрывчатых веществ и метательных снарядов была немедленно повторена. Охрана об этом своевременно узнала. Еще Б. Гроссман, арестованный в августе 1889 года при тайном переходе границы, в своих откровенных показаниях сообщил жандармам о том, что он видел, как М. Гинсбург, жившая в Париже, передала эмигрантке Р. Абрамович 22 снаряда, предназначенные для посылки в Россию. Но эти указания Гроссмана были излишни: начальник русской политической полиции за границей Рачковский знал больше—он знал почти все, так как в предприятии парижских эмигрантов непосредственно участвовал его секретный сотрудник. Немудрено, что, когда, по требованию русского посла, французская полиция произвела в мае месяце 1890 года, по указаниям Рачковского, у двадцати русских эмигрантов, живших в Париже, обыски, то были найдены и готовые снаряды и принадлежности для их изготовления...

Найдено было все, что требовалось для дискредитирования русской эмиграции в глазах европейского «общественного мнения». Не был обнаружен только один из участников «заговора», некий Ландезен, который, как выяснилось при разбирательстве дела в суде, играл главную роль и чуть ли не первый подал мысль об организации покушения на жизнь царя Александра III, почему и был заочно приговорен вместе с другими шестью эмигрантами к тюремному заключению на несколько лет...

Как известно, под фамилией Ландезена фигурировал агент Рачковского—Абрам Гекельман, начавший свою карьеру выдачей народовольческой типографии в Дерпте (1885 г.). Еще более известно, что упомянутый Ландезен впоследствии стоял во главе русской заграничной охраны под именем статского советника, Аркадия Михайловича Гартинга, вплоть до 1909 года, когда, разоблаченный мною, принужден был вторично бежать из Парижа. Для полноты биографии этого многоликого провокатора здесь уместно отметить, что и «неизвестный эмигрант под фамилией Миллер», с которым Истомина вела переговоры в Петербурге, был тот же Абрам Гекельман, он же Гартинг, он же Ландезен...

Благодаря любезности французских властей, бумаги, отобранные у русских бомбистов в Париже, были предложены вниманию Рачковского, который извлек из этих документов более 70-ти конспиративных записей, в том числе и адрес Истоминой. Это обстоятельство, а также «необычайный с'езд в городе, который по своему положению мог лишь предоставить весьма благоприятные условия для какой-либо конспиративной деятельности», заставили деп. полиц. поспешить с ликвидацией петербургского террористического кружка: Беляев, Истомина, Гусев, Израильсон и Гурвич были арестованы в самый разгар их собеседования в Пензе. По обыску у Истоминой нашли письмо П. Лаврова [3]), которое было привезено Гармидором (текст этого интересного документа я привожу в примечании 3-м), программу заграничников, цитированную мною в начале этой главы, и записи, содержавшие, как оказалось по расшифровании, более дюжины явок и адресов.

Как я уже упомянул, петербургский кружок имел редкое преимущество: в его среде не было прямого осведомителя, и охрана очень мало знала о разветвлениях и внутренней жизни кружка даже и после пензенских арестов; но злой рок преследовал его, и то, чего не сделали провокаторы, выполнили сами главари кружка: и Беляев, и в особенности Истомина дали откровенные показания, которые собственно и осветили подробно всю историю этой организации. Насколько важны были раз'яснения Истоминой, видно из того, что департ. полиц. нашел нужным доложить о них царю, с пояснением, что они даны... «после продолжительных, весьма искусно веденных увещаний со стороны товарища прокурора Янкулио и ротмистра Кузубова». Александр III сделал на этом докладе пометку: «Заслуживают полной похвалы»[4]).

Несмотря на то, что деятельность петербургского кружка ни в чем практическом не выразилась, жандармы, опираясь на оговоры Истоминой и других, постарались раздуть дело и, связав его с неудачными затеями парижских бомбистов и нелегального Сабунаева, о котором речь будет ниже, привлекли к дознанию 159 человек, из которых были затем приговорены: 11 обвиняемых к тюремному заключению и поселению в Сибири, а 43—к тюрьме, ссылке и гласному надзору (подробный приговор в прим. 5-м) [5]).

Бросая ретроспективный взгляд на историю этой первой об'единительной попытки 90-х годов, невольно думается о том, какими прихотливыми зигзагами шло иногда русское революционное движение, как причудливы бывали внешние поступательные шаги исторического процесса. Организация, возникшая в сравнительно благоприятной обстановке, сулившей новому образованию славное будущее, гибнет, не успевши расцвести, почти бесследно. А на-ряду с этим предприятие, практически бесплодное, замкнутого кружка эмигрантов, оторванных от родной почвы, получает историческое значение, оказывает чуть ли не решающее влияние на судьбы движения и, как это ни парадоксально, главная заслуга в этом деле принадлежит не кому иному, как двум охранникам!..

Теперь уже можно считать вполне установленным тот факт, что наглая провокация Рачковского с Гекельманом, предоставившая случай французскому министру внутренних дел Констану оказать ценную услугу русскому политическому сыску, заставила твердокаменного монарха изменить свое отношение к республиканской Франции. Таким образом, на почве провокаторских махинаций создалась благоприятная почва для заключения франко-русского «альянса». А союз этот втянул Россию в международную бойню, и не подлежит сомнению, что «великая» война сократила на целые десятилетия бренное существование российского самодержавия. Таким образом, бомбы, заряженные провокатором Ландезеном для Александра III, взорвали трон его неудачливого заместителя.

Воистину: «нет худа без добра»!

ДЕЛО САБУНАЕВА

Как я уже упомянул, петербургский кружок весной 1889 г. вошел в сношения с М. Сабунаевым [6]); последнему на казанском с'езде, при организационном делении России на области, был предоставлен «великороссийский район», при чем помощниками себе по работе в местном «областном совете» он наметил Л. Ковязину, жившую в Нижнем-Новгороде, и Л. Осинского, учившегося в Демидовском лицее.

Обосновавшись в гор. Костроме (впервые он здесь появился в январе 1889 года), Сабунаев повел энергичную пропаганду, принял, как выражается по этому поводу официальный документ, «высшее руководство молодежью в ее противоправительственных брожениях». Благодаря стараниям Сабунаева, в Ярославле образовался кружок саморазвития, в который вошли студенты А. Волков, А. Монтвиж-Монтвид, М. Осинский, А. Преображенский, учительница В. Звышковская и несколько семинаристов.

С целью пропаганды Сабунаев посылал А. Волкова в гор. Вологду (где тот жил под именем Н. Беляева), а сам ездил в города Н.-Новгород, Владимир, Саратов. Бывая в Москве, Сабунаев устраивал конспиративные свидания (с В. Гусевым, Н. Беляевым, Н. Истоминой и друг.), обзаводился новыми связями (Н. Каратыгин, Е. Яблочков, В. Барыков).

В Костроме Сабунаев организовал кружок (Семен Островский, В. Панибратцев, Н. Нарбеков, Н. Алякригский и др.), часто устраивавший сходки в квартире акушерки Варвары Успенской. При содействии Панибратцева и Нарбекова, Сабунаев отгектографировал брошюры: «Как живется в Сибири», «Что делается в Сибири», «Цветы русской общественной деятельности». Часть этих изданий Панибратцев отвез в Ярославль, а с другой партией брошюр он поехал, запасшись подложным паспортом на имя Спасского, в г. Владимир и потом в гор. Рязань (здесь на него обратила внимание полиция и в августе 1890 года арестовала его).

Нуждаясь постоянно в «фальшивках», Сабунаев устроил паспортное бюро; он научил П. Субботина вырезывать печати; по его совету бывший семинарист И. Покровский определился в канцелярию ярославской консистории для получения сведений, необходимых для составления подложных паспортов; с той же целью А. Преображенский сошелся с чиновником Костромской духовной консистории и, под предлогом необходимости знать круг ведения духовных консисторий для написания сочинения по каноническому праву, стал брать у него «исходящую книгу», в которую записывались выдаваемые свидетельства на жительство.

Как видим, Сабунаев проявил много энергии и настойчивости в своей организаторской деятельности; кроме того, он был очень осторожен и, несмотря на интенсивную работу и частые раз'езды по соседству с московской охраной, почти в течение двух лет оставался неуловимым, — даже тогда, когда уже был известен вследствие предательских показаний Беляева и других район его пребывания. Из циркуляра за № 41 видно, что в январе 1890 года д-т пол., предлагавший принять все меры к розыску Сабунаева, знал только, что он «вращается в пределах империи, преимущественно в восточной ее части». В октябре того же года выяснилось из об'яснений, данных на дознании В. Гусевым, что Сабунаев осенью 1889 г. жил в Москве.

Но вот начальника московск. охр. отдел. вызывают в Петербург, и он телеграфирует оттуда 23 октября

1890 года своему помощнику: «Сабунаев имеет сношения со студ. Демидовского лицея Алексеем Михайловичем Горским. Командируйте в Ярославль филеров». Эти указания оказались неточными, и 18-го ноября д-т полиции сообщил дополнительные: «По последним, вполне достоверным сведениям, Сабунаев находится в Костроме, где получает уже около года письма по адресу Федора Васильевича Горского». Через два дня Бердяев сам отправился в Кострому, где уже находилась банда московских филеров с их шефом Евстратием Медниковым... Конечно, установили «неотступное» наблюдение за Горским, за акушеркой Успенской и другими подозреваемыми лицами. Однако, за неделю усиленной слежки присутствие Сабунаева в городе установить не удалось; между тем положение столичных гостей в провинциальном городе, где обыватель каждую собаку знает, сделалось затруднительным: «зверь», на которого предпринята «облава», мог узнать об этом (так оно и было в действительности, как это мы увидим ниже) и ускользнуть из расставленных сетей. Бердяев испросил у д-та полиции разрешение произвести обыски в намеченных наблюдением местах.

В ночь на 4 декабря (1890 г.) по тихим, сугробистым улицам захолустной Костромы шествовали в разных направлениях черные группы молчаливых людей, под тяжелыми ногами которых похрустывал промороженный снежок. Вскоре в разных концах города залаяли собаки, кое-где застучали ставни, и у дверей квартир многих, спокойно почивавших обывателей раздались повелительные, традиционные возгласы: «телеграмма»!.. Заспанные костромичи, из которых многие за всю жизнь не получили ни одной депеши, догадывались, однако, что значили эти неожиданные визиты, и покорно, хотя и не без трепета, открывали тяжелые засовы ворот и скрипучие двери...

Одна из ватаг, лишь более многочисленная, подошла к дому Волкова на Невской улице, удостоившемуся особого внимания москвичей, так как замечено было, что сюда часто ходит упомянутый выше Горский. Рослый жандармский офицер сиплым голосом отдал последние распоряжения, и толпа «нижних чинов», из которых некоторые были в валенках, для бесшумности, ринулась в атаку. Нападавшие действовали уверенно, так как расположение комнат и входов им было хорошо известно: за несколько дней перед этим сюда был подослан трубочист, давший подробное описание всего и заработавший на этом 50 целковых. Небольшая мансарда домика, выходившая тремя окнами в разные стороны (предусмотрительно!), скоро была заполнена толпой насторожившихся вооруженных людей; исподлобья, с краской в лице, на них посматривал молодой человек—хозяин квартиры; за столом сидел перед стаканом чая, бледный, феноменально плешивый человек с рыжей бородой, около которого лежал на полу раскрытый чемодан с недоеденной булкой.

Раскосые, оплывшие жиром глаза Бердяева пытливо осматривают незнакомца и вопросительно поглядывают затем на двух суб'ектов, смущенно притаившихся у входа (это номерная прислуга из московской гостиницы «Железная дорога», в которой жил под именем Доброхотова, приезжая в столицу, Сабунаев).

— Ваш паспорт!—с кривой улыбочкой спрашивает подбодрившийся начальник охраны. «Жертва» достает из кармана бумагу и подает Бердяеву.

— Михаил Хрусталев, из духовного звания...

В это время производящие личный осмотр Хрусталева достают из его пиджака еще два личных документа.

— Это не мои,—заявляет обыскиваемый.

— А парик ваш?

— Там еще есть—запасный...

Во входной двери высовывается козлиная голова блондинистого человека с выпученными глазами и быстро исчезает.

— А, Теселкин!..—восклицает «Хрусталев».—Ну, теперь можете распоряжаться... Мы с Николаем Николаевичем, когда он еще провокаторского диплома не имел, на одном факультете были. Он не ошибется!.. То-то, давно я приметил, что здесь питерские шпики трутся...

Обыск. Заглядывают во все углы и щели, под дырявый матрац. Излишнее усердие—на чердаке лежит открыто искомая добыча: лилово-писаные брошюрки, клейкие гектографы, мешок с бумагой, «виды» на жительство, аспидные дощечки с вырезанными печатями... Нет только ни писем, ни записок. Пишут протокол: при личном осмотре именующего себя Хрусталевым найдено 52 копейки и русо-рыжий парик... В помещении, занимаемом им и земским служащим Василием Серапионовым Турковским, обнаружены: 54 фальшивых паспорта, револьвер, рукописи...

Бердяев победно закуривает папироску.

— Я, кажется, не разрешал вам курить в моем помещении!—резко замечает возбужденный Турковский. Ротмистр, улыбаясь, растаптывает окурок... Арестованного «Хрусталева» увозят в Москву. Бердяев получает за это «дело» чин подполковника, филеры—1400 руб. наградных, а Сабунаев—кандалы, в которых его отправляют в Петропавловскую крепость...

Я уже отметил: Сабунаев был осторожен; скажу более: он был превеликий конспиратор; он всем товарищам твердил, что надо «глядеть в оба». А. Волкову, например, Сабунаев, раз'ясняя программу «Н. В.» и значение террора, настойчиво рекомендовал ограничивать связи «людьми исключительно надежнейшими»; часто говорил ему о шпионстве, «возбуждая этими рассказами ненависть к существующему строю». В беседе с Беляевым (во время волжской поездки) Сабунаев ставил «условием своих отношений с ним и его кружками крайнюю осторожность в выборе людей», требовал «безусловного прекращения знакомства с эмиграцией, где безусловно есть шпионы и, между прочим, Гекельман, о котором он сообщил во всех подробностях, упоминая, что еще Дегаев, после убийства Судейкина, указал на него, как на предателя». Сабунаев уверял Беляева, что «все провалы нелегальных революционных учреждений были следствием присутствия в кружках шпионов, и настаивал на том, чтобы он и его товарищи «в виду их несомненной известности тайной полиции перешли на нелегальное положение, предсказывая в противном случае неминуемый провал кружка». Наконец, Сабунаев учил Беляева «при аресте не давать никаких показаний и вообще ничего не говорить на допросах»...

Сабунаев был прав, тысячу раз прав, и в справедливости того, что он проповедывал, ему пришлось убедиться на собственном опыте, но... «доказательствами от противного».

Я не знаю, сообщил ли Беляев своей соратнице по кружку, Истоминой, что-либо о предателе Гекельмане, с которым она как-раз вела в это время переговоры (в лице «неизвестного эмигранта под фамилией Миллера»), но о разговорах своих с Сабунаевым, забыв его советы, он подробно рассказывал жандармам на дознании. То же самое сделал и А. Волков. Уличающие Сабунаева показания дали и В. Гусев и, в особенности, Алексей Преображенский.

Бедный Сабунаев! Что переживал он, когда увидел перед собой целую серию оговоров, иногда лживых, со стороны бывших своих товарищей, которым он внушал когда-то «ничего не говорить на допросах»! А показания эти ему были пред'явлены, и он писал по поводу их на волю. И—злая ирония судьбы!—все письма Сабунаева по этому поводу попали в охранное отделение; копии их передо мною.

Как это случилось?

Сабунаев был приговорен «в. п.» от 22/I—92 г. на два года одиночного заключения и к ссылке в В. С. на 10 лет; в ожидании «партии» он находился в Московской пересыльной тюрьме; в это время у политических арестантов, содержавшихся в «Бутырках», существовала тайная «почта»: тюремный служитель Федоров передавал их письма на волю. Посредницей в сношениях была М. Н. Корнатовская, которая виделась с Федоровым в квартире своей приятельницы Л. Кранихфельд. Полученные таким путем письма Корнатовская передавала в революционный «Красный Крест». А последним заведывала А. Е. Серебрякова—«мамочка» московской охранки. «Великому конспиратору» и не думалось, конечно, что он состоит в переписке... с Бердяевым!

Сидя в заключении, Сабунаев задумался, разумеется, над вопросом: кто же его выдал? Свои соображения по этому поводу он изложил в упомянутых письмах; эта корреспонденция очень интересна как для характеристики личных переживаний того времени самого Сабунаева, так и для уяснения психологии людей, которым приходилось жить на так-называемом «нелегальном положении».

«Сообщаю сведения, писал Сабунаев, о своем аресте пока не для публикации, а для сведения, чтобы сперва разобраться в запутанных вещах. В августе был сделан донос, что я в Костроме, болен, зовусь Алексеем Васильевичем, живу у Волкова, где скрывает меня его мать, без ведома мужа. Донос был сделан не в Костроме, так как в конце августа костромское жандармское управление получило из департамента полиции бумагу с этими сведениями, с прибавлением, что из Питера присланы будут два агента для расследования этого факта, которым Чалеев должен выдавать по 38 коп. на рыло и оказывать содействие. Донос этот мог быть сделан лишь одним Яблочковым, который был в начале августа в Костроме в отсутствие Турковского, смешал его квартиру с квартирой Волкова, бывшей тут рядом и соединявшейся дверьми, тогда не запертыми, хотя Турковский, где жил и я, жил у других хозяев (не у Волкова). 5 сентября в Кострому из Питера явились шпионы и поселились у жандарма Кувалдина. Тотчас они вместе с городовым Верголисом явились в дом Гирлинга и, не найдя у Волкова никакого жильца, принялись делать розыски по всему дому. Так как двое нас было с бородами, то их внимание остановилось на Алексее Васильевиче Ширяеве, чиновнике в земстве, и на мне. Поднялся в доме шум. Я хотя и был болен, но уже ходил; денег не было ни копейки, да и удирать при таких условиях было глупо. Паспорт Хрусталева Яблочкову и другим не был известен, паспорт хороший, о нем в Костроме при первой прописке справлялись и был получен вполне удовлетворительный ответ, о чем я узнал. Поэтому Турковский пошел к полицеймейстеру и стал ему жаловаться, что городовой поднимает скандал и оскорбляет его родственника Хрусталева, пуская в доме слух, что он жулик. Полицеймейстер, познакомившийся со мною, Хрусталевым, ранее в буфете театра и пивший со мною вино и водку, совсем успокоился; к тому же шпионы, видевшие меня и Ширяева, во мне не признали ни малейшего сходства с карточкой, а Ширяева нашли весьма схожим; еще смутило их то же имя Александр Васильев (имя Ширяева и моя костромская кличка). И вот стали наводить самые тщательные справки о документах Ширяева, что делалось весьма долго, а за ним стали послеживать. Совсем успокоились шпионы и 5 ноября уехали в Питер; но, очевидно, были (несомненно, даже были) сведения, что я в Костроме. Является около 10—15-го ноября главарь московских шпионов Сбруев с целой тучей шпионов, и тут поднялся в Москве и в Костроме (слухи в Костроме исходили все от жандармского ад'ютанта) страшнейший провокаторский шум, как с неба посыпались всевозможные ложные слухи, чтобы заставить меня выехать и попасться в ловушку. В это время приехала из Москвы Звышковская (несомненно, честный человек) с предупреждениями о моих розысках и с предложениями уехать из Костромы; я ей сознательно ничего не сказал о Беляеве и вокзале и даже провел по поводу своей квартиры. В это же время в Нижнем была взята Ковязина, у которой нашли адрес Горского; Бердяев и Теселкин прилетели в Кострому на помощь своим шпионам. 3-го декабря утром они и еще два шпиона пришли к Горскому и предложили ему свободу за одно лишь указание моей квартиры; он не стал с ними говорить и был взят. Накануне его брат, живший в другой квартире, был у него и, принятый за меня, был прослежен до его квартиры, почему у него и был сделан обыск. Не найдя меня там, Бердяев просил у деп-та полиции телеграммою, ответ на которую был мне пред'явлен при обыске, произвести в Костроме обыски: у Турковского и был взят я, Михаил Хрусталев. Все, особенно полицеймейстер, сильно растерявшийся при этом, удивились, когда Теселкин, мой товарищ по университету, признал меня за Сабунаева. В личных беседах Бердяев стал показывать знания наших конспираций, при чем сообщал даже ничтожные мелочи, которые могли быть ему известны лишь через Яблочкова (Волков, Преображенский, Поваренных и проч. были еще на воле); рассказал также о приезде в Кострому Звышковской для моего предупреждения; откуда это ему известно, может решить лишь сама Звышковская (повторяю, несомненно честный человек).

Для всеобщего сведения об'являю, что я сам лично своими собственными глазами из окон своей квартиры видел (в ноябре 90 г.) в г. Костроме, как он (Беляев) шлялся по улице и в пятом часу ежедневно проходил в вокзал мимо окон моей квартиры. Затем в крепости я узнал от своего близкого товарища, сидевшего там очень долгое время и имевшего достоверные сведения, что Беляев был привезен 6 июня 90 года и посажен в № 49, в Трубецком бастионе, откуда в конце октября 90 года был выпущен ночью. О ссылке Беляева в степи на 5 лет без всякой отсидки я знаю. Лично я подозреваю, что Беляев еще ранее ареста мог иметь сношения с тайной полицией (но не все доносил ей), или, в лучшем случае, был арестовываем несколько раз и ранее и, выдавая нужное для полиции, был выпускаем. Для решения этого следует тщательным образом и весьма политично приняться за некоего бывшего московского студента Павла Крафта.

Дело в том, что весной 89 года Беляев и Рапопорт [7]) (эмигрант) приехали из Питера в Москву и вместе с Крафтом ходили на свидание к разным лицам и вели переговоры в Москве. Арестованному в начале апреля 90 года Рапопорту в апреле же, еще до ареста Беляева, пред'явили подробнейшие показания Крафта об этих фактах. Надо узнать, почему письменно Крафт дал это показание? При этом надо иметь в виду, что, кроме самого Крафта и Беляева, никто в таких подробностях не мог сообщить жандармам об этих делах. Рапопорт все безусловно отверг. В октябре 90 года Рапопорту были пред'явлены подробнейшие показания Истоминой и Фойницкого о его пребывании в Питере 89 г., о свидании с ними и разговорах своих с ним, при чем сообщили данные им, Рапопортом, адреса, пароль и ключ для переписки. В начале марта 91 года Рапопорту были пред'явлены возмутительные показания в мельчайших подробностях до самоличных и интимных разговоров с ним Рапопорта; за такие показания, по словам Рапопорта, Беляева «убить мало», что для всеобщего сведения. 22-го марта, после одного из допросов, по его словам, обнаружилось что-то «ужасное» (более он ничего не успел сообщить); ночью с ним был острый припадок психического расстройства, выразившийся в страшном неистовстве, раздирающем душу бешеном крике и буйстве. Он сошел совсем с ума и в Крест был привезен совсем сумасшедшим: обыкновенно ни на какие вопросы, обращенные к нему, совсем не отвечал, а временами впадал в неистовое бешенство, при чем ему грезились все шпионы и предатели. Повидимому, он теперь снова свезен в сумасшедший дом».

Тюремные письма Сабунаева свидетельствуют, с каким острым вниманием он следил за окружающей обстановкой, как он был осторожен. Надо сказать правду, однако: в своих подозрениях «великий конспиратор» жестоко ошибался. Мне неизвестно, давал ли показания П. Крафт и что он показывал. Но о поездке Беляева с Рапопортом в Москву охрана могла знать во всех подробностях от того же приснопамятного Гекельмана, который, при вторичном от'езде Рапопорта из-за границы, выдал его; благодаря указаниям этого провокатора и был найден зашитый в галстуке Рапопорта фальшивый паспорт на имя Ромппанена, отобранный у него при задержании пограничными жандармами. Предположения Сабунаева о том, что Беляев оказывал услуги охране еще до своего ареста, совершенно неосновательны, что видно из того уже, как усердно за ним следили. А выдал Сабунаева вовсе не Яблочков, а знакомый последнего, провокатор Николай Шелонский (о котором уже была речь во главе второй).

ИГРА ОХРАННИКОВ

Здесь нам придется заглянуть опять в закулисную сторону дела, где, за спиной наивных революционеров, разыгрался настоящий охранный водевиль. Из отзывов Бердяева о Шелонском (по поводу доносов последнего на Гольцева) можно было заметить, что между этими охранниками пробежала, как говорится, черная кошка. Дело в том, что Бердяев очень не любил, когда департамент полиции пытался самостоятельно, при помощи своих собственных агентов, заглядывать в московские «сферы»; в этих случаях ретивый начальник охраны старался так или иначе дискредитировать «чужого» осведомителя (как это было, например, с «Поповым» по делу «Самоуправления»), не останавливаясь даже перед возможностью его «провала». Шелонский, будучи недоволен отношением к нему Бердяева, не остался в долгу. Получивши сведения о близости Горского к Сабунаеву (сведения, которые и привели к розыску последнего), Шелонский сообщил обо всем непосредственно д-ту пол. Бердяев не мог ему простить этой выходки и началась «игра»...

9 января 1890 года д-т полиции телеграфировал моск. о. о-ю: в Москве проживает с целью переговоров о воз-

буждении беспорядков студент Харьковского технологического института Виктор Дмитриев Хвастунов; одновременно то же самое указание получил Бердяев и прямо от Шелонского, вместе со списком студентов, замеченных в агитации (Агошков и др.). Сообщая о результатах наблюдения за этим кружком, охранное отд. доложило д-ту полиции, что о Хвастунове «нет ничего», а другой из указанных лиц, Д. Петров, «умершим сотрудником отделения студентом-юристом Николаем Зуевым охарактеризован, как пьяница и лгун»; остальные же члены кружка «ударяют более по пьяному делу». К этому Бердяев прибавил еще: «сообщения Шелонского разноречивы; поэтому в мае 1889 года за ним, для проверки, было назначено наблюдение, которое выяснило, что Ш-й доставляет лживые сведения; например, в прилагаемом письме его (псевдоним «Смирнов») он пишет, что 6-го мая был у Степана Вас. Лепешкина, а 7-го—у проф. Чупрова,—из наблюдения же видно, что ни того, ни другого он не посещал. Одновременно от Зуева (умер в августе 1889 года, псевдоним «Буров») получились сведения, что Шелонский, благодаря неуместным разговорам, потерял доверие и «провалился»; несмотря на предупреждение, он продолжал якшаться с жандармскими офицерами Гвоздевым, Габриэльс и др».

В качестве реплики на столь нелестную аттестацию Шелонский устроил скандал («в благородном семействе»): явился в полицейское управление 3-го участка Тверской части и потребовал от пристава оказать содействие к выяснению и задержанию некоего Боа, живущего по подложному паспорту на Большой Дмитровке; при этом Шелонский заявил, что Боа—государственный преступник и бывает у Яблочкова и что сам он командирован из С.-Петербурга для его поимки, в охранное отделение не обращается потому, что «Бердяеву следует натянуть нос». Пристав отказался, однако, исполнить требование Шелонского.

После этого беспокойный провокатор снова попадает под наблюдение, которое тянется более месяца и констатирует частые свидания Шелонского с Яблочковым; последнего 23/XII—1890 г. арестуют вследствие требования жандармского управления (по делу о Сабунаеве). Бердяев хочет использовать этот случай, чтобы «подвести» Шелонского: постановление об аресте и обыске было заготовлено, но дежурному чиновнику охранного отделения было приказано сдать пакет для исполнения тогда, когда филеры, наблюдавшие за Яблочковым, донесут, что к нему пришел «Кокарда» (Шелонский); последний, однако, не явился и ловушка не удалась.

Со своей стороны, Шелонский придумывает хитроумную комбинацию. 28 декабря 1890 года он пишет Бердяеву: «Не получив ответа на мое первое письмо, посланное вам сегодня утром, вторично прошу вас сегодня же до $9^1/_2$ час. вечера увидаться со мной везде, кроме отделения, куда я не пойду». После этого свидания Бердяев телеграфирует директору деп-та полиц.: «По заявлению вчера Шелонского, Монтвид принял на себя поручение по постановлению кружка убить ротмистра Бердяева. 24-го декабря Монтвид выехал за необходимым ему для этого человеком, решив не позже 7-го вернуться. По сообщению Каратыгина Шелонскому, дело идет успешно. На расходы собрано 1100 рублей, из коих взято у Яблочкова по обыску—500, а 600—у Шелонского. Последний говорит, что он не раз писал об этом вашему превосходительству и не получал ответа»... Некоторое время спустя Бердяев доносит: «Шелонский заявил о существовании террористического кружка, в который, за выбытием арестованных по делу Сабунаева, входят: Монтвид-Монвиж, В. Каратыгин, А. Стрежнев, В. Барыков, К. Намитниченко, И. Мягков, Устинов, Жемчугов, А. Вольберг, Марухес, А. Синицын, Л. Левицкая, В. Звышковская; кружком этим решено убить Бердяева и Теселкина. Каратыгин говорил Шелонскому, если 25-го не зайду—значит, дело идет успешно и Монвиж вернется ранее». Получив такие «угрожающие» сведения, деп-т полиции поспешил распорядиться/и телеграфировал Бердяеву: «Арестуйте Каратыгина, Звышковскую и Монвижа. Шелонского старайтесь выгородить. Аресты мотивируйте укрывательством Сабунаева. Директор Дурново».

Но Бердяев не особенно верил, повидимому, в реальность заговора против его персоны, и хотя принял некоторые меры личной безопасности, но с «ликвидацией» кружка не спешил. Только 13 января 1891 г. были предприняты «следственные действия», но намеченные жертвы как-будто ждали их и, помимо того, что по обыскам ни у кого не нашли ничего «предосудительного», некоторые из главных персонажей пытались скрыться; так, Монтвида задержали только после нескольких дней безуспешных розысков, а Звышковскую арестовали в момент от'езда по Брестской жел. дор. (вероятно—за границу), и то лишь потому, что вокзальный филер Седых заметил бывшего с нею Шелонского, который, вероятно, и не ожидал такой случайности (есть основание предполагать, что именно он послал Звышковскую в Ярославль предупредить Сабунаева о том, что его ждет арест).

Бердяев рвал и метал: из-за Шелонского ему пришлось растрепать преждевременно, без всякого внешнего эффекта, кружки северян и потерять намечавшуюся группку (в лице П. Аносова, И. Мягкова, Михаила Беликова, Жемчугова и Устинова), выступившую под флагом «Фракции политической борьбы в России». Бердяев был так зол на Шелонского, что, когда в ожидании возвращения последнего из Петербурга, куда его вызывали для об'яснений, филера Ваганова назначили (22-го января) принять в наблюдение «Кокарду», сердитый начальник приказал агенту: «встретишь его—морду ему набей»...

Мордобития Шелонский, кажется, избежал, но зато на бумаге Бердяев его разделал, что называется, «под орех».

«Год тому назад, докладывал директору д-та полиц. начальник московского охр. отдел. (записка № 20/10, 1891 года), после ареста в Киеве депутата московского студенчества Гальперштейна, в виду начавшегося брожения, по вашему приказанию, было установлено наблюдение за Хвастуновым и 13-ю студентами, которое выяснило, что они отношения к беспорядкам не имели и что главную роль в этом убогом кружке играл выгнанный за ложь и провокаторство из московского охр. отделения бывший секретный агент Н. Н. Шелонский. После этого я забыл о Шелонском и лишь в октябре, проезжая по Тверской, встретил идущих вместе около магазина Сиу Яблочкова и Шелонского, при чем последний, показывая на меня, нахально рассмеялся... Будучи в Петербурге, я просил Г. К. Семякина, что, если Шелонский продолжает служить в департаменте, то ему надо посоветовать вести себя осторожнее... О Зубатове Шелонский рассказывал, что он предупредил об обыске его и других, т.-е., что Зубатов играет роль Клеточникова. Один из сотрудников, при свидании с Зубатовым на конспиративной квартире, обозвал его сумасшедшим, упрекая в разглашении; некоторые из сотрудников уклоняются от свиданий. Из 6-ти человек, которых я недавно перебирал, мне удалось лишь одного устроить в секретную агентуру; между тем в прежнее время от меня не ушли бы все шестеро. Ясно: Шелонский, потеряв доверие революционеров, хочет стать им человеком нужным. Его, очевидно, эксплоатируют... 4-го января, в 2 часа ночи, к Шелонскому прибежал Каратыгин и заявил с видом возбуждения что лицо, за которым поехал Монвиж, прибыло, и о том, что оно прибудет 7-го, он говорил, боясь связей Шелонского с Зубатовым... Шелонский и Чебаненко известны, как «генерал» и «генеральша»; благодаря его знакомству с Зубатовым получаются, будто бы, предупреждения об аресте; он, например, заявил, что, 13-го января будут аресты; они состоялись, но все уже было в порядке.

Все дело об убийстве выдумано для проверки Шелонского, как некогда проверял(и?) Гекельман(а?). Подстрекая на это дело, он, боясь, что в жандармском управлении после выяснится его роль, сделал известное заявление...

Отнимая в 1885 году у московского жандармского управления 4000 рублей, отпускавшихся ему на агентуру, Оржевский (товарищ министра внутренних дел, заведывавший полицией), руководился соображениями, что двухсторонняя агентура в одном месте неудобна, и возмущался провокаторскими приемами, к которым прибегнул агент московского жандарм. управления и прокурорского надзора Белино-Бжозовский в покушении Ковалева (на Муравьева)...

«Вся сила нашего дела, продолжает Бердяев, заключается в агентуре; последняя же может быть приобретаема тогда, когда у революционеров нет в руках фактов не доверяться учреждению, которое приглашает их в сотрудники... Шелонский при провале, конечно, будет отнесен к сотрудникам московского охранного отделения, которое и принуждено будет нести позор за его преступные провокаторские приемы и, в случае—революционеры вздумают расправиться с ними,—ответственность за их целость... Агентура за время существования отделения вся почти была известна департаменту; в ней были лица, близко стоявшие к революционному делу, и сведения их всегда подтверждались показаниями обвиняемых... В кружке Каратыгина, Аносова, Яблочкова и Намитниченко сотрудники мои стояли так близко, что отделение сообщало департаменту такие сведения, о которых Шелонский, при всем его желании, не мог знать, так как к сотрудникам моим большая часть этих лиц являлась с докладом, а не с сообщением. В данное время секретными агентами отделения состоят по этому кружку трое друзей Аносова, Марухеса и Синицына»...

Конечно, Бердяев прихвастнул, заявляя, что у него трех революционеров обслуживают три осведомителя. Но картинка закулисных нравов и порядков охраны, выявившаяся в его донесении, от этого только выигрывает в своей неподражаемой колоритности. Особенно трозательны заботы Бердяева о «чистоте риз» его московской агентуры, заботы со стороны того Бердяева, который, как читатель знает, командировал агента Беневольского в Саратов устраивать в кружок уже арестованного Богораза и раздавать «товарищам» нелегальщину, дабы при обысках у них было «поличное»...

В конце-концов, добродетель восторжествовала, и Бердяеву удалось выжить строптивого провокатора: Шелонский скоро исчез с высот столичного горизонта и появился на сцене только в 1894 году в качестве тоже «сотрудника», но... таганрогской газеты «Русский Мир»...

Дальнейшей судьбы этой охранной «Кокарды» я, к сожалению, не знаю.

ГЛАВА VI

Тверской «Союз».—Дело А. Королева.—Саратовская «Земля и Воля»

ТВЕРСКОЙ „СОЮЗ“

Инициатива второй об’единительной попытки начала 90-х годов зародилась в провинциальном городе, прослывшем своими либеральными традициями, в г. Твери. Внимание охраны на этот город пало совсем случайно. С весны 1892 года стали появляться в обращении печатные листки группы народовольцев; ни у Бердяева, ни у д-та п. не было никаких определенных указаний на состав помянутой группы; о местопребывании ее «техники» тоже строились одни догадки; допускали даже, что печатня находится в самой Москве, и потому одно время следили за вновь открывшейся за Крестовской заставой вполне легальной «Экономической» типографией.

В виду удачной разведки моск. охр. отд. в г. Костроме, закончившейся арестом Сабунаева, д-т. п. предоставил Бердяеву право предпринимать розыски и вне района его ведения; с этой поры начались непрерывные почти гастроли московской сыскной труппы в провинции, которые покрыли ее «неувядаемой славой», сделали ее правой рукой д-та п. и даже поставили, в конце-концов, московскую охранку в центре почти всего политического розыска.

Подозрение на г. Тверь пало вследствие того, что Бердяеву казалось, что в этом городе, в виду его положения между двумя столицами, всего удобнее было гнездиться «крамоле», и потому еще, что там в это время скопилось много «неблагонадежных элементов»— высланных и поднадзорных, что называется «первой марки», как, например, С. В. Сотников и др. Снабженный списком таких лиц и адресами, отобранными у кого-то из арестованных, филер Сачков, знакомый уже читателю, отправился 3-го апреля 1892 г. с двумя старыми «коллегами», С. Федоровым и Ф. Новичковым, на розыски.

Г. Тверь принадлежит к числу провинциальных центров, просторных и тихих, где вся жизнь протекает, кажется, за толстыми стенами невысоких домов, вне которых в обычное время не встретишь даже и тех нескромных животных, которые оживляют своим присутствием более грязные улицы южных городов. Предположение о том, что в домах есть все же обыватели, более или менее оправдывается лишь к вечеру, когда на узеньком тротуаре центральной улицы (Миллионной), и обязательно на одной лишь ее стороне, появляются длинные вереницы гуляющей публики, преимущественно молодежи, среди которой молодцеватые гимназисты и неуклюжие бурсаки разыгрывают всегда перед веснущатыми барышнями роли непримиримых рыцарей алой и белой розы. С открытием навигации местом променада становится набережная Волги, за которой невдалеке белеет Отроч монастырь, где некогда прототип охранников, Малюта Скуратов, задушил народного заступника митрополита Филиппа...

Мало кто из тверичан заметил, что среди пестрой весенней толпы гуляющих на побережье появились новые лица—приказчики московского торгового дома Серебрякова (на эту фамилию, иногда в конвертах с соответствующими бланками, филеры посылали донесения своему шефу Медникову), и едва ли кто знал, что эти «торговые люди» большую часть дня проводили за биллиардом...

Но и бесконечно прогуливаясь и гоняя шары по зеленому полю, московские гастролеры делали свое дело: уже через неделю их зоркие, бегающие глазки определили «политиков»—по их внешности (небрежно одеты, почти всегда—книга в руке), по манере держаться (скромны, оживленные разговоры в сторонке) и по их кружковой обособленности...

Но этого мало: из общей массы намеченных «политиков» надо еще выбрать тех, которые в данное время проявляют более активности, ближе стоят к самой конспиративной работе. И здесь появляется на сцену специфически филерский «нюх», ничем не уступающий чутью породистых гончих псов...

Московские филеры пробыли в Твери на первый раз всего две недели и, тем не менее, за это время успели облюбовать себе, без всяких агентурных указаний, «лидеров» наблюдения—высокого «интеллигента» и часто гулявшую с ним «барыньку», живших в доме Барыбина, по Солодовой ул. Как мы увидим из последующего, Сачков и его помощники не ошиблись в своем выборе.

Наблюдение в Твери было прервано в виду того, что филеры понадобились в самой Москве. С 1-го января 1893 г. розыск был возобновлен; и на этот раз никаких руководящих указаний командированным не было дано. Зубатов только сказал: должны «работать» Ершов, Барыбин, Шульц и Пашковский. Вернувшись в Тверь, филеры сосредоточили свое внимание на уже знакомом им доме Барыбина, который помещался в глухом переулке; особенно их интриговал мезонин этого дома, окно которого, выходившее на улицу, было постоянно завешено. Днем филеры за самим домом не следили—держаться около него было невозможно, они «запирали» улицу с двух концов и провожали всякого, более или менее «подходящего», кто шел в переулок или выходил из него; но с наступлением темноты филеры позволяли себе изредка прогуливаться мимо дома Барыбина и не сводили глаз с его верхнего этажа.

Что же могли видеть филеры через плотно занавешанное окно? Перед ними мелькали только тени, падавшие на занавеску от двигавшихся за ней фигур. И этого оказалось достаточно, чтобы определить, чем заняты обитатели мезонина. По движению этих теней, главным образом, по ритмичности и постоянству этих движений, московские лекоки догадались, что в мезонине дома Барыбина работает «шлепалка», как они называли всякого рода печатанье.

Но это было только предположение, которое нуждалось в подтверждении. И таковое скоро нашлось. Один из обитателей дома Барыбина (впоследствии выяснилось, что это был И. З. Попов) не отказывал себе в удовольствии забежать в свободное время в трактир и сыграть там партию-другую на биллиарде; случалось, что партнерами его, или посторонними зрителями, державшими «мазу», являлись московские «торговые люди»; последним было нетрудно заметить, что у Попова пальцы на правой руке перепачканы лиловыми чернилами; и этого было достаточно, чтобы филеры знали, что в «мезонине» работает гектограф...

Но что именно гектографировалось в Твери—филеры по пальцам наблюдаемых узнать не могли; да это и не принадлежало к числу их прямых обязанностей; «подметки» (внутренние агенты) узнают, говорили они. И секретные сотрудники Бердяева, действительно, не замедлили притти на помощь филерам.

4-го февраля в Тверь приехала из Москвы В. Цирг, повидалась с М. Г. Кугушевой и некоторыми другими тверяками, дважды побывала у Барыбиных, вынесла от них «сверток» и в тот же день уехала по направлению на Петербург.

8-го числа Цирг вернулась в Москву.

9-го февраля в канцелярии охр. отд. спешно переписывался чистенький номер гектографированного журнала «Союз»[1]).

Связь между отмеченными событиями и смысл их станет вполне понятным, если к сказанному прибавить, что В. Цирг принадлежала к числу близких знакомых А. С. Серебряковой—охранной «мамочки» [2]).

9-го марта того же 1893 г. д-т п. обратился к своим перифериям с посланием такого содержания. В январе текущего года появился сборник «Союз», поставивший себе задачею «содействовать пробуждению революционного знания (сознания?) и помогать организации революционных сил в России».

В статье, озаглавленной «С чего начать?», помещенной в названном сборнике, автор, обращаясь к людям революционного, практического дела, «с целью указания нового пути для достижения в ближайшем будущем серьезной, широко проведенной и прочно обеспеченной свободы» (требование, формулированное в сентябрьском номере «Летучего Листка» народовольцев), развивает следующие мысли. «Истекшее десятилетие революционной деятельности доказало, что главная причина неуспешности борьбы с правительством заключается в том, что в русском революционном движении существует несколько направлений, сторонники которых, придавая значение разным несущественным подробностям, действуют разрозненно, тогда как практическая задача русских революционеров нашего времени состоит в выработке такого плана политической борьбы, который дал бы возможность воспользоваться всеми враждебными правительству силами для борьбы с монархическим гнетом, тормозящим правильное развитие России».

Для осуществления намеченного плана существующие оппозиционные фракции народовольцев (с несколько измененной программой), социал-демократов, имеющих за границей органы «Социалист» и «Социал-демократ», народников и «примирителей» должны сплотиться, чтобы «для общереволюционных целей действовать общереволюционными средствами». Об'единившись «в целях взаимной материальной и нравственной поддержки под знаменем «Союза революционеров в России», все активные элементы должны немедленно приступить к организации: 1) фонда для материальной поддержки членов «Союза»; 2) библиотек и книжных складов для пропаганды; 3) типографий, словолитен и пр. технических средств печатания; 4) бюро для регистрации сведений о проявлениях революционного движения и 5) общереволюционного органа. Для осуществления этой программы собираются средства путем отчисления 10% с заработка членов «Союза». Организация должна строиться снизу вверх: сочувствующие идее «Союза» соединяются в местные кружки и отделы, которые входят через редакцию Союза в сношения друг с другом и выбирают затем через своих представителей Центральный Исполнительный Комитет, «учреждение чисто служебное», которому местные группы подчиняются «на условиях федеративной связи»...

Изложив таким образом программное содержание сборника (в предварительной заметке «От редакции» издатели его заявили о своей солидарности с автором статьи «С чего начать»), департамент полиции предложил розыскным органам «усугубить наблюдение за происками неблагонадежных лиц, дабы не упустить момента организации революционных сил, если таковой суждено осуществиться» [3]). Это «если» звучало иронически, так как в Петербурге знали уже, что у Бердяева к только-что возникшему «Союзу» есть «агентурный подход» и, следовательно, дни этой организации были сочтены.

Для московск. охр. отделения, конечно, не было сомнения в том, где и у кого издается «Союз»; тем более, что в конце апреля в Москву приехал сам Барыбин и привез только-что отработанный в Твери 2-й номер «Союза». Наблюдением было установлено, что, за неделю своего пребывания в столице, приезжий виделся, помимо В. Цирг, еще с целым рядом лиц, большинство из которых было уже на замечании у охраны (М. Г. Кугушева, Г. И. Купреянов, А. И. Успенская, Н. Н. Мамадышский, Н. П. Рождественский).

Донося д-ту п. (11—V—1893 г.) о пребывании в Москве Барыбина и препровождая подлинный № 2-й «Союза», Бердяев сообщил, что помещенная в этом выпуске сборника «Программа описания бунтов» составлена А. Максимовым, Л. Кусковым и С. Прокоповичем. Последний и Максимов, по агентурным сведениям, являются горячими сторонниками национализации земли, не придающими первостепенного значения политической свободе; они начинают видеть даже в деятельности анархистов действительно плодотворный способ борьбы; намерены собрать тысяч 20 рублей для издания журнала в роде «Колокола», надеясь на помощь Белевского, который, как и Прокопович, обладает имением; оба жалуются на изолированность и на непонимание их другими. Журнал печатать они думают или за границей (при посредстве эмигранта И. И. Добровольского) 4), или же в России, научившись этому делу у С. Михайловского, живущего в Твери, или у Я. Вощакина, опытного наборщика, который работал еще в Париже у Лаврова. Подыскание литературного материала будет поручено А. Королеву, а переговоры с Добровольским поведет выезжающая за границу Е. И. Шефтель 5)...

Эти благие намерения Прокоповича реализации не получили, но свою историю в дальнейшем они имели, и к ней еще придется вернуться. Пока отмечу только, что такая детальная осведомленность Бердяева о том, что «думали» Прокопович и Максимов, не удивительна, так как оба они принадлежали к числу знакомых А. Е. Серебряковой.

Дело о тверском «Союзе» можно было считать уже созревшим: место «техники» установлено, личный состав группы выяснен. Несмотря на затруднительность слежки в условиях провинциального города, московские филеры исподволь наметили круг ближайших знакомых Барыбина (И. Р. Меринов, В. Н. Бриллиантов 6), В. П. Андреановский и др.). Тем не менее с ликвидацией кружка моск. охр. отделение не спешило. Взять организацию, задавшуюся такими многообещающими планами, с жалким гектографом,—что тут было соблазнительного для Бердяева? Хотя бы типография!.. И была бы уже, да пограничники помешали.

Это правда. Дело в том, что 13-го января жанд. оф. Выrголич (в Радзивилове), на основании собственных агентурных сведений, задержал на границе 12 ящиков, водворенных контрабандным путем («провозители», разумеется, успели скрыться), в которых оказались типографские принадлежности (станок и шрифт). Груз этот был отправлен из Львова Л. Ф. Павловским, а получатель должен был переправить его в Ровно, а оттуда в Москву [7]). Впоследствии оказалось, что к этому делу имел прямое касательство А. А. Гурьев, который еще в ноябре 1892 г. вступил (сведения перлюстрационного характера) в переписку с товарищем—С. Петрасевичем, жившим в Цюрихе, прося его содействия в присылке революционных изданий и компактного скоропечатного станка. Когда первый транспорт провалился, Гурьев написал Петрасевичу: «Яичка не получил»...

Но дело было не только в типографии. Зубатов, стоявший за спиной Бердяева, начавший в это время играть уже «первую скрипку», не хотел, как человек широкого провокаторского размаха, играть «по маленькой», он собирался выждать, когда около «Союза» соберется опять вся революционная «наличность», чтобы одним ударом обескровить «крамолу».

Но «Жорж» Семякин, начинавший чувствовать в Зубатове будущего соперника, находил нужным защищать противоположную тактику, и на этой почве между Москвой и Петербургом возгорелась полемика. В конце-концов д-т полиции нашел нужным преподать (отнош. от 4 мая 1893 г.) моск. охр. отделению «к руководству» следующие «аксиомы»: 1) «всякая организация с революционными целями—вредна и чем она совершеннее и конспиративнее, тем она опаснее; 2) никакая революционная программа не может служить гарантией безвредности сообщества даже в ближайшем будущем». В заключение этого наставления д-т п. выразил сомнение, что «Союзу» удастся об'единить все оппозиционные элементы и поэтому согласился на продолжение наблюдения за тверской группой не долее 1-го сентября.

Д-т п. все же не вытерпел и, когда Гурьев, за которым все время петербуржцами велось наблюдение, после поездки в Тверь к Барыбину (5—VI—93 г.) и в г. Калугу, прибыл в Харьков, его арестовали (12—VII—1893 г.); через три дня был задержан на петербургском вокзале прибывший из Твери К. Медынцев[8]), у которого отобрали 6 номеров «Союза» и письма Барыбина. И на этот раз, на предложение ликвидировать тверскую группу московск. охр. отд. ответило: не время, в виду тревоги успели еще до 10-го августа все прибрать.

Только в октябре месяце (1893 г.), когда д-т п. уведомил Бердяева, что, «по полученным сведениям, в Тверь доставлен литографский камень или мимеограф», москвичи согласились прикончить с «Союзом». На обыске у Барыбина присутствовал сам «его превосходительство» Семякин; результат был не блестящий: камень (литографский) и прочее нашли, но «в мертвом состоянии»—все было зарыто в земле, в саду. Из других лиц «влопался» только Иван Меринов, у которого нашли нелегальные брошюры.

9-го октября были обыски и в Москве у 9-ти человек, из числа тех, с кем виделся Барыбин; но порадовала охрану только М. Кугушева, хранившая воззвание к рабочим, газету «Самоуправление» и брошюру «Александр III», издания народовольцев. Кугушева, ее сожительница Сабанеева и Г. Купреянов были арестованы.

Не обошлось дело и без предателя. Упомянутый выше Меринов на дознании дал злостные показания; он заявил, между прочим, что к числу лиц, которым было известно о деятельности Барыбина, Бриллиантова и его, Меринова, по изданию нелегальных брошюр, принадлежал и Иван Зосимович Попов, который, когда изготовлялся мартовский номер «Союза», посоветовал, «зная хорошо, что печатается», для получения лучших оттисков смачивать массу и. т. д.

Таким образом, и на этот раз инициаторы об'единения об'единились только под гостеприимной кровлей царской тюрьмы, которая всего более напоминала о необходимости действительного союза всех революционных сил [9]).

ДЕЛО А. КОРОЛЕВА

К делу «союзовцев» имеет прямое отношение один эпизод не совсем обычного свойства. К числу знакомых Барыбина принадлежал Александр Королев, который был известен московск. охр. отд. по участию в мартовских беспорядках 90-го года, за которые он был выслан, но в августе того же года получил разрешение вернуться в столицу.

17-го сентября 1893 г. Королев приехал в Петербург, где за ним установили, по внушению из Москвы, наблюдение, которое выяснило, между прочим, что 20 числа он сдал в банк на хранение 4 билета выигрышного займа, а вечером того же дня заявил в полиции о похищении у него 4000 рублей, принадлежавших его родственнику Клопову, живущему в Твери [10]).

Хотя это дело по внешнему виду не носило политического характера, но д-т полиции им очень заинтересовался и не только потому, что пострадавшим являлся фаворит одного из великих князей (если не ошибаюсь— Александра Михайловича), но и потому, что ему была известна истинная подоплека этого загадочного происшествия.

11-го октября, одновременно с ликвидацией «союзовцев», был арестован и А. Королев; не ожидая такого оборота дела, он нашел нужным пойти на откровенные об'яснения и заявил, что деньги им на самом деле не потеряны, а утаены, что он думал употребить их на дело социалистической печати, лично им задуманное, и что присвоенные деньги он отдал на хранение своей московской знакомой М. Н. Корнатовской.

Преждевременная откровенность Королева поставила охранников в щекотливое положение: с одной стороны, нужно было найти деньги великокняжеского протеже, с другой—быстрое обнаружение их могло бросить тень подозрения на агентуру, стоявшую близко к этому делу.

Вследствие настойчивой телеграммы д-та п., Бердяев решился действовать; он, разумеется, прекрасно знал, где хранятся деньги, но для отвода глаз отдал распоряжение (6-го ноября) обыскать несколько человек из числа знакомых Королева, а именно: А. А. Яновского, С. Ф. Руднева, В. П. Успенского, М. Н. Корнатовскую и... В. Н. Цирг.

Обыски у названных лиц никаких результатов не дали, но при осмотре комнаты жившего в квартире Цирг медика К. В. Соболева в среднем ящике шифоньерки, в белье, нашли сверток, в свертке оказалась шкатулка, а в шкатулке—две пачки по 20 билетов сторублевого достоинства...

Соболева обязали было только подпиской о неотлучке, но, по требованию д-та п., он и Корнатовская 14 ноября были арестованы, при чем Бердяеву было поручено опросить их «для получения показаний, согласных с заявлением Королева», так как «иначе делу нельзя дать дальнейшего хода».

Корнатовская признала в письменном заявлении на имя Бердяева, что «в сентябре, между 20 и 25 числами, он (Королев) дал мне сверток, который я передала 5-го ноября вечером Соболеву».

После этого Корнатовскую и Соболева освободили...

Таким образом—и волки были сыты, и овцы остались целы.

А «мамочка», в случае чего, могла сказать: «моя хата с краю—я ничего не знаю» [11]).

САРАТОВСКАЯ „ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ“

Еще не было покончено с тверским «Союзом», как в Москву явился новый «об’единитель», который имел большую «программу», но очень незначительный кружок единомышленников. С первых же дней своего пребывания в столице, приезжий попал в поле действия агентурного «прожектора» и, благодаря этому, он был сразу освещен, что называется, с головы до ног.

Вот как повествует об этом официальное донесение московск. охр. отд. от 30—IX—1893 года.

«24-го числа текущего месяца из Саратова прибыла неизвестная личность и остановилась, без прописки документа, в д. Грачевой, по Верхней Кисловке, в кв. № 4, у жены личн. почет. гражданина Елизаветы Иванов. Айземан и крестьянина Рязанской губ., служащего в земском кустарном музее, Ивана Филиппова Елчина. Приезжий показывал в Москве рукописную программу саратовского террористического кружка, носящего название «Земля и Воля». Хотя с этой рукописи он и разрешил своим знакомым снять копию, но просил программу кружка не пускать в обращение и вообще о кружке не возбуждать излишних толков. За время пребывания в Москве приезжий из Саратова виделся, кроме вышеуказанных, со след. лицами: лекарем Мих. Иван. Молчановым, студентом-юр. Мих. Ив. Прокушевым, студ. СПБ. ун. Василием Исаевым Браудо, студ.-мед. Андреем Ив. Латухиным, студ.-мед. же Николаем Александровым Иорданским (который водил саратовца по Москве), студ.-юр. Павлом Семеновым Ширским и Виктором Михайл. Черновым и естественниками Николаем Андреевым Ряховским и Иосифом Теофиловым Павлицким.

26 сентября, в 10 ч. 30 м. веч., приезжий выехал в Саратов в сопровождении филеров, которые должны выяснить его личность и состав кружка».

Приезжавшим в Москву «саратовцем» оказался Н. И. Иванов, который еще в 1881 году был сослан на 5 лет в З. С. Как состоящий ранее под гласным надзором, Иванов не имел права проживать в столицах и потому обратился в Петербург с прошением о снятии с него ограничения в выборе местожительства; д-т п. нашел это «преждевременным» и предложил Иванову, в случае надобности прибыть в Москву по делам, просить разрешения на это у местного обер-полицеймейстера; в то же время последнему департамент полиции предложил не отказывать Иванову «по соображениям агентурного свойства в дозволении кратковременного пребывания в столице».

Так играла охрана в кошки и мышки с несчастными жертвами полицейского произвола и усмотрения.

Иванов не воспользовался, однако, лукавым предложением д-та п. и предпочел оставаться в Саратове, предоставляя московским филерам удовольствие вылавливать его на пустынной Никольской улице, где он жил вместе с В. Г. Романовым.

Но московский агентурный прожектор действовал на очень дальнее расстояние, и потому Бердяев имел возможность сообщить д-ту п. более обстоятельные сведения о саратовском кружке. «Рукописная программа «Земля и Воля»,—писал начальник моск. охр. отделения 5—I—1894 г.,—распространяется самим же Н. Ивановым, который старается сплотить около себя всех наиболее активных местных революционных деятелей, желающих в чем-либо проявить свою деятельность. Таким путем примкнули к его кружку Александр Александров Сакулин с женой, имеющие значительные связи среди сектантов и стремящиеся в целях пропаганды овладеть возможно большим числом саратовской учащейся молодежи; домовладелец Глико, старый народоволец, снабжающий средствами инициаторов различного рода противозаконных предприятий; б. студ. М. ун. Андрей Александров Аргунов, автор фельетонов из общественной жизни в «Сарат. Листке», пишущий под псевдонимом «Праздношатающийся». (Есть основания думать, что программа «Земля и Воля» составлена Ивановым, Аргуновым и Глико); прис. повер. Чумаевский, один из членов старой саратов. организации, имевшей некогда свою типографию; братья Романовы (один женатый)— люди, близко стоящие к Иванову, занимающиеся вместе с ним в земстве; быв. ссыльный Шаповалов, служащий в строительной конторе—один из наиболее центральных членов кружка; бывш. сосланный в Архангельск Тихомиров, служащий теперь при элеваторе в г. Козлове— человек очень интересный (к нему недавно ездил Иванов). Самостоятельное значение имеет в Саратове кружок Дмитрия Ив. Малеева, устраивающего кружки самообразования на почве естествознания. Между прочим, членом этого кружка состоит учитель Норовчатский, писец дворян.-депутат. собрания Петр Васильев Лебедев и др. Из этого кружка должны выйти деятели среди народа. Около некоей Драницыной группируется в Саратове во множестве наиболее юная, революционная молодежь».

Но не повезло москов. охр. отд. и с саратовскими об'единителями—и на этот раз испортили дело жандармы своей поспешностью. Полученные из Москвы сведения о кружке Иванова д-т п. сообщил «совершенно доверительно» нач-ку саратовского г. ж. управления, предложив ему обратить на него серьезное внимание с тем, «чтобы, если представится возможность, удостоверить фактически распространение программы «Земля и Воля», произвести у всех причастных лиц обыски для возбуждения затем формального дознания». Но в это время начальник управления генерал Гусев, заболел, а заместитель его, подп. Анненков, получив требование от нач. твер. г. ж. у. о допросе Н. Черненкова и желая, должно быть, отличиться, обыскал не только это лицо, но и многих других, в том числе и Н. Иванова, причем ничего относящегося к «Земле и Волэ» найдено не было.

Дело о саратовской «Земле и Воле» оказалось мертворожденным [12]).

ГЛАВА VII

Голод 1891 года и бюрократия (д. Соломона).—Ново-народовольцы и Н. М. Астырев.—Розыски в Н.-Новгороде.—Дело о «Летучем Листке».—Розыски в Казани. Снова провокатор Н. Теселкин. Предательство К. Острянина.

ДЕЛО СОЛОМОНА

Неурожай, постигший Россию в 1891 году, вызвал, как известно, острый продовольственный кризис, превратившийся на обширном пространстве восточного района империи в настоящий голод со всеми его ужасами.

Царское правительство, всегда относившееся с преступной небрежностью к нуждам крестьянских масс, и на этот раз проявило свое внимание к народному бедствию единственно в заботе скрыть печальную действительность, и даже самое слово «голод» было изгнано особым циркуляром управления по делам печати со страниц периодической прессы.

Но, как говорится, «шила в мешке не утаишь», и общество знало правду о «частичном недороде хлебных злаков», как выражались официальные органы, знало настоящие размеры несчастия и спешило притти на помощь голодающему населению сбором пожертвований, устройством питательных пунктов и т. д.

Однако, и в этой области общественной инициативы, чисто филантропической и высокополезной, правительственная власть на своих периферциях не только не оказывала содействия частному почину, но и учиняла ему, где только могла, всяческое препятствие.

Чтобы дать некоторое представление о том, в какой обстановке приходилось действовать частным лицам, посвятившим себя делу помощи голодающим, сколько подозрительности и недоброжелательства приходилось им встречать со стороны местной администрации, я приведу пример, опираясь в своем рассказе на свидетельство одной «справки» особого отдела деп-та полиции.

Пермский губернатор, говорится в этом документе, донес 13/VIII—1893 года следующее: «В виду постигшего некоторые уезды вверенной мне губернии бедствия, в местном крае появился целый ряд молодых людей, в большинстве из так-называемых неудачников и уже отмеченных тем или другим из темного прошлого, которые, стремясь сблизиться с народом, под видом благотворения ему поселились в той или другой местности губернии и здесь, в глуши, занимаются пропагандой противоправительственных идей и возбуждением неудовольствия в населении в той или другой форме, против местных властей».

В числе таких «смутьянов» оказался, между прочим, состоявший под негласным надзором полиции дворянин Г. А. Соломон, прибывший из С.-Петербурга в Шадринский уезд 28/II—1892 года. «Относительно этой личности,— доносил губернатор,— установлено: 1) что, оказывая помощь народу из средств, получаемых им от неизвестных лиц, он, Соломон, по каким-то особым соображениям раздает пособия не всегда действительно нуждающимся; 2) что, относясь пренебрежительно в той или другой форме не только к местным уездным властям, но даже и к губернской власти, высказывая, например, в народе, что он боялся губернатора только тогда, когда ему, Соломону, было 10 лет, он тем самым явно стремится подорвать в темной массе всякое уважение и доверие к установленным властям; 3) что он же распускает между крестьянами слухи о будто бы допускаемых должностными лицами неправильностях при взыскании с них разных повинностей; 4) что, вкравшись подобными темными путями в доверие крестьян, он влияет на них в смысле нежелательном и вредном, например, по выбору в Ново-Петровской волости председательницей волостного благотворительного комитета дочери псаломщика Анциферовой, личности крайне дурной репутации; 5) что он же поддерживает сношения в данной местности вообще не с людьми благомыслящими, а с подобными себе, как, например, с дочерьми секретаря шадринской уездной земской управы Федорова, Марией и Елизаветой, состоящими также под негласным надзором; 6) так как не заметно, чтобы Соломон имел личные средства к жизни, то можно предполагать, что он существует сам и помогает сказанным девицам Федоровым из средств благотворительных и 7) что он же, Соломон, является автором тех крайне тенденциозных корреспонденций, которые от времени до времени появляются в столичной прессе и, преувеличивая размеры бедствия по случаю неурожая, с целью прилива новых пожертвований, расходуемых им совершенно произвольно и безотчетно, выставляет деятельность местной администрации в неприглядном виде».

В чем же, на самом деле, выразилась столь зловредная деятельность Соломона?

Приведу свидетельство стороны, в пристрастии которой, в известном отношении, сомневаться нет оснований. Вследствие доноса пермского губернатора, деп-т полиции запросил начальника местного жандармского управления, и вот что он доложил 19/X—93 г.: «Соломон, поселившись в селе Ново-Петропавловском, открыл бесплатную столовую, из которой выдавалось от 75 до 120 обедов, состоявших из горячего супа с мясом и хлебом; с начатием же полевых работ каждому рабочему он выдавал ежедневно два фунта хлеба; продовольственную помощь Соломон оказывал только тем крестьянам, которым, как способным к труду, такового пособия не отпускалось ни от земства, ни от благотворительного комитета...

К добровольно принятой на себя деятельности подания помощи нуждающимся он относился старательно, тепло, почему земство доверило ему еще заведывание тремя столовыми. С крестьянами Соломон обходился фамильярно, за-панибратски, посещая их постоянно по избам, вел беседы с ними денно и нощно, больным оказывал медицинское пособие и таким образом заслужил себе в среде их расположение, неограниченное доверие и весьма скоро стал ими прозываться «наш благодетель».

Прибыл Соломон к своему посту с большим запасом книг дешевого издания с.-петербургского общества грамотности (по документам видно, что он состоит членом его), которые и раздавал для чтения, а некоторые сам им прочитывал; в своих беседах с крестьянами он научал их, как лучше обрабатывать поле, огороды, вести хозяйство, истреблять кобылку, о разведении скота, о лечении болезней, о трезвости, пользе чтения книг и тому подобное; весной, с начатием полевых работ, он посещал таковые лично и давал разные указания на месте. Все книги, которые представилось возможным видеть у крестьян, были, действительно, относящимися к вышесказанным предметам...

Нельзя отвергать пользы, принесенной Соломоном своей энергичной деятельностью по прокормлению рабочей силы и таким образом поддержания их существования, но опять нельзя сказать, чтобы проводимые им идеи и учения в крестьянскую среду, находящуюся еще в полудиком состоянии, были всегда благотворными для их ума и развития их умовоззрений в политическом отношении. Так, на вопросы любопытных крестьян, на свои или от кого получаемые средства он оказывает им вспомоществование, Соломон отвечал: «Зачем вам знать, дают, так бери, высылают добрые люди, а не правительство».

Поведение Соломона и отношение его к местным властям, как административным, так и полицейским, не могли служить добрым примером, так как они были надменны, сухи, крайне сдержанны... Влияние его на крестьян проявилось во многом; так, например, по его подстрекательству в разгар острой нужды крестьяне Петропавловской волости собрались на сельский сход и постановили учредить в селе библиотеку с читальней, книги для которой Соломон обещался сам доставить; таким же путем в том же селе сельский сход постановил приговор закрыть все винные лавки, что, по существующим законоположениям, местная власть не могла утвердить.

В конце июля месяца Соломон выбыл в село Каргапольское, куда был назначен уездным земством на санитарный пункт для предупреждения заноса холеры из Тобольской губернии. Деятельность его на этом пункте была безупречная»...

«С'ездив в Петербург, Соломон весной 1893 года вернулся в Шадринский уезд и поселился в Песковской волости, где крестьяне нарезали ему 10 десятин земли, на которой он обязался устроить лесную дачу с тем, чтобы через 10 лет передать ее тем крестьянам, которые будут работать по ее устроению; в течение лета он действительно обсадил эту дачу деревьями и произвел ирригационные работы для водоснабжения ее. Одновременно с этим занятием он имел столовую, в которой ежедневно получали от 60 до 100 человек горячую пищу и хлеб, оказывая медицинскую помощь заболевшим, и устраивал рабочие артели, выдавая таковым в натуре лошадей, орудия и семена; так же, как и в прошлом году, он находился в постоянном общении с крестьянами и снабжал их книжками; таким поведением и здесь приобрел наименование «благодетеля, кормильца»...

Из вышеприведенного компетентного свидетельства видно, какой мирный характер носила деятельность Г. Соломона и многих ему подобных. Но, разумеется, даже такая, чисто культурническая, «безупречная» и с жандармской точки зрения работа не могла не оказывать влияния на «умовоззрения крестьян в политическом отношении». К этому вело простое сопоставление того чуткого, доброжелательного внимания к нуждам крестьян, которое проявляли заезжие «благодетели», с тем совершенно безучастным отношением к народному «бедствию», которое оказывала власть и местная, и центральная. Потому-то эта власть и была столь враждебно настроена даже по отношению к безобидным культурникам; она не прощала им ни кормления голодающих, ни даже лесоразведения.

Это пришлось испытать на себе и Соломону: когда он возбудил в 1894 году ходатайство об определении его на службу в Тобольской губ., деп-т полиции, на запрос губернатора о благонадежности Соломона, ответил, сообщив краткие сведения о предыдущей деятельности его, что «назначение просителя на должность, сопряженную с непосредственным соприкосновением с народом, представляется нежелательным». Точно так же было отклонено ходатайство Соломона о допущении его к участию в качестве лектора в народных чтениях, которые устраивались в гор. Иркутске (1896 г.).

НОВО-НАРОДОВОЛЬЦЫ

«Не бывать бы счастью, да несчастье помогло»... Голод сам по себе, как общественное бедствие, обусловленное не только причинами порядка частного (стихийные невзгоды), но и общими (обнищание крестьянства, его необеспеченность, как результат ненормальных экономических условий), привлек внимание русской общественности к вопросу о положении народных масс, их нуждах и запросах.

Беззаботность и недальновидность царского правительства, не сумевшего ни предотвратить, ни, тем более, смягчить и умерить остроту разразившегося бедствия, бездушное, порою совершенно дикое отношение властвующей бюрократии к общественной самодеятельности наглядно продемонстрировали, на факте крупного значения, всю немощность и непригодность самодержавного режима и снова поставили на очередь проблему политической свободы. Общественная совесть проснулась, критическая мысль коллектива оживилась, заработала; создалось настроение, в котором революционный почин мог находить себе подходящую атмосферу.

Особенно чутко отнеслись к создавшемуся положению круги с преобладающими народническими тенденциями. Воскресло народовольчество; была предпринята агитация среди крестьянства. На почве этого «под'ема духа» возникли затем новые об'единительные попытки.

В конце марта 1892 года, по агентурным сведениям московского охранного отделения, кружок литераторов устроил собрание в квартире писателя Н. М. Астырева, на котором присутствовали П. Ф. Николаев, Н. Н. Златовратский, В. А. Гольцев, П. В. Засодимский, Вл. С. Соловьев, Н. К. Михайловский и С. Жевакин; на собрании этом читали брошюру «Всероссийское разорение», обсуждали способы воздействия на общество и правительство в связи с переживаемым острым моментом и вынесли решение предпринять широкую агитацию.

В начале того же 1892 года появился в обращении целый ряд новых революционных изданий, между прочим, гектографированная программа «Исполнительного Комитета», брошюрка «1-е мая 1891 года с приложением адреса Шелгунову» (предисловие Плеханова), а также серия листков, отпечатанных в новой тайной типографии: «От группы народовольцев» (январь, по поводу голода), «От группы народовольцев к молодежи» (март), «Летучий Листок» Н. В.» (апрель), «Свободное Слово» и «Народовольческая программа».

Последний из упомянутых листков почти дословно воспроизводил известную программу Исполнительного Комитета «Народной Воли», с маленьким коррективом:

в первом же абзаце «по основным своим убеждениям мы—социалисты и народники» последнее слово было опущено, должно-быть, в качестве уступки духу времени[1]).

Непосредственно агитацией занялся московский кружок «бунтарей - народников» (по официальной номенклатуре), во главе которого стоял вышеупомянутый Астырев. Незаурядная судьба этого искреннего народолюбца стоит того, чтобы его биографии уделить несколько более внимания.

Н. М. АСТЫРЕВ

Н. М. Астырев, родившийся в г. Тихвине (1857 г.), по окончании курса средней школы поступил в петербургский институт путей сообщения. Отдавая дань увлечениям своего времени, Астырев скоро бросил науку и, подобно многим из учащейся молодежи, пошел «в народ».

С первых же шагов деятельность Астырева сделалась об'ектом внимания «недреманного ока». Уже в феврале 1883 года директор деп-та полиции Плеве имел «агентурные сведения» о том, что «в Орловское волостное правление, Воронежской губернии, помещен, по рекомендации Гл. Успенского, волостным писарем бывший студент Н. М. Астырев, через коего народовольцы думают добывать фальшивые паспорта». Вероятнее, однако, что действительной целью пребывания Астырева в деревне было не столько добывание «фальшивок», сколько изучение подлинной жизни народа, которому послужить он решил.

Результаты своих деревенских впечатлений Астырев изложил в статьях, появившихся тогда же в журнале «Вестник Европы», часть которых в 1886 году была издана отдельной книжкой под заглавием «В волостных писарях», имевшей в свое время значительный успех и вышедшей в 1895 году вторым изданием.

Вынужденный променять место писаря на профессию писателя, Астырев в последующее время сосредоточил свое внимание на сельскохозяйственной статистике и одно время заведывал бюро в Иркутске, а затем поселился в Москве, где на-ряду со специальной работой по статистике в городской управе и в юридическом обществе принял живое участие в общественной жизни.

Уже в 1891 году имя Астырева снова замелькало перед зоркими очами охраны: сведения о нем запрашивало в январе месяце, по ходу дознания, СПБ-е губерн. жандарм. управление; в апреле на него обратил внимание департамент полиции в виду перлюстрационных сведений о сношениях некоего Н. Астырева, живущего в доме Блохина, по Цветному бульвару, с Екатериной Бартеневой, привлеченной к дознанию. Наконец, в распоряжении Бердяева скоро оказались агентурные сведения о прикосновенности Астырева к «редакционно-издательскому кружку», отлитографировавшему брошюрку, составленную Е. Мягковым, «Русская развитая женщина»; московскому охран. отделению даже было в точности известно, что «в ноябре месяце Г. Вегер, уволенный из Киевского университета, останавливался, проездом в Петербург, у Астырева и, уезжая, захватил от него транспорт «вышеупомянутого издания».

Охране было донесено также, что приезжавший в Москву П. Засодимский познакомил с Астыревым Е. Егупова, организовавшего нелегальные кружки, при чем последний на заседании, происходившем 14-го октября у студента Федора Невского, заявил, что Астырев, Златовратский и Засодимский обязались внести по 500 руб. на революционные цели, а Н. П. Ломакин обещал дать на те же надобности 3.000 руб.

В конце-концов, деп-т полиции не вытерпел и предписал произвести обыск у Астырева, что и было исполнено 1 февраля 1892 года; в то время, как полицейский пристав рылся в многочисленных рукописях Астырева, последний посмеивался, приговаривая: «Ведь я не мальчишка, чтобы держать при себе что-нибудь недозволенное»... Действительно, обыск оказался безрезультатным...

Как бы на зло охранке вскоре же появились в обращении новые прокламации: «К десятилетию коронации», «Первое письмо к голодающим», за подписью «Мужицкие доброхоты» и «Чего нам ждать и что нам делать? (письма старого друга)», отпечатанные той же типографией «группы народовольцев» (Эти листовки имели широкое распространение и вне пределов Москвы[2]).

Московское охранное отделение знало, из-под чьего пера вышли воззвания[3]), и ждало только подходящего момента, чтобы нанести удар «мужицкому доброхоту» наверняка. Изобретательный Зубатов расставил провокаторские сети; удобный случай для «ликвидации» не заставил себя долго ждать, и злосчастная роль невольной провокаторши снова выпала на долю М. Н. Корнатовской, приятельницы А. Е. Серебряковой.

По сведениям, полученным охраной от «мамочки», Корнатовская должна была находиться в прямой связи с «центром», выпускавшим народовольческие прокламации. В виду этого указания за Марией Николаевной и некоторыми ее знакомыми было установлено с 16-го марта неотступное наблюдение. 29-го числа филеры, следившие за студентом Н. Н. Шатерниковым, заметили, что он, находясь в компании с однокурсниками своими А. С. Розановым и П. Короткевичем, опустил в 12 почтовых ящиков (в районе Плющихи) около 20-ти одинаковых писем. Наблюдением, которое велось в тот же день за Корнатовской, было констатировано, что, проводив Гольцева, уехавшего в Крым, она отправилась к Жевайкиным, у которых пробыла до 2 часов ночи, а днем 30-го марта посетила Астырева и оставила у него большой сверток в виде книги[4]). Для Бердяева, который был, конечно, «в курсе дела», последнее обстоятельство не было неожиданностью: за домом Блохина следил уже особый наряд филеров, и когда последние заметили, что к Астыреву стали являться молодые люди, известные им по наблюдению, был вызван наряд полиции, заранее приготовленный (два пристава во главе с ротмистром Бутовичем), и началось «следственное действие». Сначала обыск ничего, кроме гектографированной брошюрки «Чего нам ждать и что нам делать?» не обнаружил, и уже было приступлено к составлению протокола, когда присутствовавший для контроля полицейский надзиратель охранного отделения Борисов извлек из глубины ящика письменного стола искомый «сверток», в котором оказалось 72 экземпляра печатных воззваний «Первое письмо к голодающим крестьянам» (март, 1892 г.), 17 экз. «Письма к учащейся молодежи» и 27 экз. «Программы народовольцев».

В квартире Астырева, кроме его самого, его жены Е. Хоммер и ее брата, были застигнуты Н. Шатерников и студенты В. Алексеев и М. С. Саркисов. Кроме того во время обыска явились еще: технолог М. Горнштейн и универсант А. Белозеров, при котором оказалось полсотни гектографированных листков для сбора пожертвований в пользу партии народовольцев и список адресов, Под'езжала к дому Блохина еще жена П. Ф. Николаева, но, заметив полицию, поспешила удалиться.

Кроме Астырева, Шатерникова и Алексеева в тот же день были арестованы Н. Намитниченко, Парфенов и М. Чалусов (у них найдена нелегальщина), а также П. Короткевич, Е. Мягков, С. Жевайкин, Н. Смерчинская и А. Благоразумов.

Впоследствии, по ходу дознания, возникшего при московском г. жанд. управлении по этому делу, было привлечено еще несколько человек. Так, в виду показания В. Алексеева о том, что он брал читать брошюры «Кто чем живет» и «Разбор программ революционных партий» у прис. повер. В. Меньшикова и студента М. Прокушева, последний 6/XII—1892 года был обыскан и арестован. 25-го ноября был задержан привлеченный в качестве обвиняемого В. Шрейдер (найдена заметка «О социологическом движении народа»);

вследствие оговора последнего был обыскан 22-го декабря П. Стаханов. Всего к дознанию об «астыревцах» было привлечено более 20-ти человек (поименованы в приговоре по этому делу)[5]).

Из числа арестованных Е. Мягков почему-то удостоился особого внимания со стороны Зубатова, который вел с ним на первых порах длительные беседы; в результате Мягков подал 10/IV—92 г. «заявление», в котором, признав свое знакомство с Николаевым, Астыревым и другими, он об'яснил еще: «поведение Астырева считаю возмутительным. На квартире Ковригиной не был... Держусь принципов либерализма, не принимая участия в событиях текущей жизни... Неоднократно слышал, что магазин Якобсона выписывает неразрешенные цензурой немецкие и русские заграничные издания»...

Зубатов остался, повидимому, неудовлетворенным этими признаниями, и 21-го апреля Мягков просил нового свидания с начальником охр. отделения «по поводу некоторых возникших недоразумений». 7-го июня он снова пишет о том же, прибавляя: «Это отнимет у вас минимум полчаса времени». 3-го июля Мягков опять взывает: «Наш предыдущий разговор остался неоконченным,—на этот раз я предполагаю говорить обстоятельнее»... Охранное отделение не осталось равнодушным к словоохотливости своего клиента, и когда, в обычном порядке исхода дознания Мягков был отдан под гласный надзор полиции на 3 года, Бердяев 29 января 1893 года нашел нужным доложить деп-ту полиции, что «надзор за ним возможно прекратить»...

В заключение не могу не остановиться на грустном эпилоге этого дела. Царское правительство проявило особую мстительную жестокость по отношению к «мужицкому доброхоту»: оно присудило его, уже больного, к 2-м годам тюремного заключения и к ссылке затем в Вологодскую губернию. Астырев, находясь в доме предварительного заключения (в Петербурге), окончательно занемог; его поместили в тюремную больницу.

Официальный отзыв врача свидетельствовал, что Астырев «страдает малокровием, одышкой и нервными болями; исследование внутренних органов показывает уплотнение легочной ткани в верхушке правого легкого (хроническое воспаление) и явления бронхиального катарра; температура повышена, питание в худом состоянии»...

И тем не менее, когда Астырева возбудила ходатайство об освобождении опасно больного мужа на ее попечение, деп-т полиции приказал (31/XII—93 г.) об'явить ей, что ходатайство ее признано неподлежащим удовлетворению.

30 марта 1894 года Астырев после двухлетнего одиночного заключения был освобожден. Ему разрешили до отправки в ссылку пробыть по три дня в Петербурге и Москве, при чем было предписано установить за Астыревым гласный надзор и, кроме того, «иметь самое бдительное негласное наблюдение за квартирой, образом жизни и знакомыми его, а в случае проявления им политической неблагонадежности или попытки к побегу—выслать до срока этапным порядком»...

2-го апреля Астырев прибыл в Москву и сразу заявил себя «неблагонадежным»—он написал на проходном свидетельстве: «вследствие нездоровья и усталости сам явиться не могу и возвращаю свидетельство с женой». Истек трехдневный льготный срок, и охрана потребовала, чтобы Астырев «в 9 час. 30 мин. вечера» отправился на уготованный ему север. Но несчастный больной уже готовился к «побегу»: 5-го апреля жена его представила полиции удостоверение доктора Корсакова в том, что муж ее находится «в безнадежном состоянии», и просила разрешения поместить его в больницу профессора Остроумова. Охрана не поверила и запросила старшего полицейского врача Белина; последний донес: вследствие весеннего времени хроническое воспаление у Астырева обострилось,—ехать он не может. И этот официальный отзыв был заподозрен в пристрастии. Поручили переосвидетельствовать Астырева врачу Пресненской части Воздвиженскому. Но тот присоединился к мнению своего коллеги. Только тогда было разрешено перевести Астырева в клинику для неизлечимо больных профессора Кожевникова, где также установили за умирающим писателем «бдительное наблюдение». Астырев имел еще силы уведомить «отделение по охранению тишины и порядка в Москве» о своем новом «местожительстве». Это были последние строки, написанные им,—строки, полные горького символического значения.

3 июня 1894 года Н. М. Астырева не стало. Охрана могла облегченно вздохнуть: «преступник» не вырвался из ее цепких лап, и если совершил «побег», то, вероятно, заранее предусмотренный бдительным начальством.

6-го июня состоялись похороны Астырева на Ваганьковском кладбище, в Москве. Человек 300, преимущественно учащейся молодежи, собралось проводить покойного. Шествие пестрело венками, из которых некоторые выделялись красноречивыми надписями, например: «Есть времена, есть целые века, в которые нет ничего желаннее тернового венка»; «То не мечта, за что страдали поколенья и верили чему высокие умы»; «Самоотверженному труженику на ниве народной» и пр.

Над свежей могилой Астырева было произнесено несколько речей. Писатель Ермилов охарактеризовал покойного, как борца за народное дело. Евгений Флеров прочитал стихи, а один неизвестный молодой человек (впоследствии сделалось известным, что это был И. З. Попов) произнес взобравшись на крест, короткое, но яркое слово, поставив ребром вопрос о том, кто был действительным виновником смерти Астырева? Полиция настолько растерялась от неожиданности этого выступления, что не задержала пылкого оратора, которому некоторые успели даже пожать горячо руку...

Лет десять тому назад в газете «Русские Ведомости» было напечатано «письмо в редакцию», в котором вдова писателя, г-жа Астырева, сообщала по поводу одной заметки: «Могила обыкновенно посещается семьей писателя, но найти ее на самом деле очень трудно... А что читающие люди давно забыли человека, который погиб за народ и умер слишком молодым, я давно с этим свыклась, так как даже при исполнении десятилетия никто не пришел помянуть Астырева»...

РОЗЫСКИ В Г. Н.-НОВГОРОДЕ

Ликвидация астыревского кружка дала Бердяеву только моральное (если уместно так выразиться) удовлетворение: охране удалось «подловить» человека, который самонадеянно заявлял, что он не «мальчишка»; но не было главного, что требовалось найти—«техники»; и, больше того, не было добыто никаких указаний на ее местопребывание. Первоначально охрана думала, что народовольческие издания печатались в какой-нибудь легальной московской типографии, а потом стала искать «технику» в провинции.

Как мы уже знаем, первое подозрение в этом отношении пало на гор. Тверь; но вскоре выяснилось, что там работает гектограф и только. Тогда внимание было обращено на гор. Нижний-Новгород, где в это время тоже скопилось много «неблагонадежных элементов».

И на этот раз командированные филеры (опять во главе с Сачковым) никаких конкретных указаний не получили: им дали список лиц, известных по Москве и долженствующих жить в Н.-Новгороде,—и все. В числе указанных были Леонид и Герман Красины (д. 37, Померанцева, по Ошарской ул.), но они были арестованы, по распоряжению из Петербурга, на второй день после прибытия филеров (3/V—1892 г.). Относительно других намеченных лиц—В. И. Серебряков, М. А. Плотников и П. В. Пегеев—филерам пришлось наводить справки, так как их адресов в списке указано не было.

Но у московских ищеек было верное средство подойти к «центру», это—наблюдение за местной земской управой, в статистическом бюро которой обыкновенно ютилась поднадзорная интеллигенция; облюбовав, таким образом, несколько «подходящих» персонажей, филеры начали таскаться за ними, подхватывая их большей частью на любимом прогулочном месте нижегородцев—на Откосе, перед которым стелется дивная панорама красавицы-реки и заволжья.

Наблюдение продолжалось почти два месяца; оно захватило в свой круг более трех десятков лиц, в числе которых большинство было известно своим революционным прошлым (А. Второв, Н. И. Рутковский, К. М. Нардов, А. Я. Шамахов и др.); но общий результат этих розысков был отрицательный: филеры вынесли впечатление, что «шлепалки» в Н.-Новгороде нет; и на этот раз шпионский нюх московских «лекоков» оправдал свою репутацию: народовольческой типографии действительно там не было.

Тем не менее, для очистки совести и оправдания расходов на командировку (филеры получали по два рубля суточных), деп-т полиции распорядился обыскать некоторых, более намозоливших глаза наблюдению нижегородцев, но ничего «предосудительного» у них не оказалось.

ДЕЛО О „ЛЕТУЧЕМ ЛИСТКЕ“

Между тем «Летучий Листок» народовольцев продолжал летать по рукам и в Москве и в Петербурге, так сказать, «перед носом начальства», а в руки охране не давался. Ставили наблюдение за московским студентом Е. Федоровым, который, по сведениям деп-та полиции, был близок к лицам, распространяющим «Лет. Лист.»,—ничего не вышло.

Заносило «Листок» и в провинцию. Так, из показаний арестованного в Казани К. Острянина (о нем еще будет речь впереди), известно было, что в конце августа (1892 г.) б. студент М. П. Иолшин привез ему сентябрьский № «Летучего Листка». Это обстоятельство не прошло мимо внимания московск. охранного отделения, и оно ухватилось за него, как за путеводную нить; тем более, что упомянутый Иолшин оказался, по перлюстрационным данным департамента полиции, знакомым А. А. Иогансона, за которым велось хроническое наблюдение, так как он, его сестра Анна, их приятель Н. К. Муравьев и братья Л. и Н. Покровские составляли в это время фокус агентурного внимания.

Было ли это случайностью, или результатом закулисных ходов зубатовских «сотрудников», но 4 сентября 1892 года М. Иолшин приехал в Москву и поселился без прописки вида на жительство в квартире Иогансона (отец которого занимал видное место в судебном мире). Департамент полиции знал об этом, так как 7-го октября запрашивал, арестован ли Иолшин. Но охранное отделение уже задержало (1-го октября) «нелегального»; однако, по обыску у него нашли только брошюру «Всероссийское разорение»... Иолшин не оправдал надежд «агентурного подхода» (потому и с арестом его не замедлили), и охранное отдел., донося об этом деле, меланхолически присовокупило: Иолшин с кем-то виделся у Иогансона, но «источник появления нелегального издания не представилось возможным выяснить» [6]).

Арест Иолшина вызвал переполох в московском кружке; со стороны членов его были приняты немедленно «предохранительные меры»; так, Леонид Авраамов написал в Казань Егорову, для Максимыча: «в виду захвата у Иолшина рекомендательных писем, адресуйте: квартира Некрасова, Волкову для А-ва». Н. Муравьев, в свою очередь, поспешил уведомить О. Кирьянову (тоже Казань), чтобы, в виду ареста Иолшина, «писали ему на имя В. Барабошкина»... Нечего говорить, что эти предупреждения, прошедшие контроль «черного кабинета» почтового ведомства, только увеличили именной индекс архива департамента полиции.

Нелишне отметить еще одну деталь в этом деле. По обыску у Иолшина был найден паспорт на имя А. Н. Максимова; в обычном порядке, владельцу документа не миновать бы неприятностей, по меньшей мере—обыска. В данном случае этого не было: охранное отделение ограничилось тем, что вернуло «без всяких разговоров» паспорт по принадлежности. Откуда эта снисходительность, которой Бердяев вообще не грешил?

«Ларчик просто открывался». Максимова прочили в женихи Вере Цирг, пользовавшейся «особенным» вниманием А. Е. Серебряковой, излучавшей на своих хороших знакомых и даже на близких людей этих знакомых иммунитет полицейской неприкосновенности...

Сия провокаторская благодать распространялась иногда на широкие круги, и многие революционеры, конечно, не догадывались в этих случаях, кому они обязаны своим временным благополучием... Так было и в настоящем деле. Когда деп-т полиции сообщил 31 октября 1892 года московскому охранному отделению, что он «находит своевременным ликвидировать с поличным кружок А. Иогансона и В. Каверина, распространяющих «Летучий Листок», то охранное отдел. ответило, опираясь на компетентное мнение своей «мамочки», что «момент для обысков неподходящий—ничего фактического они не дадут, а на дознание жандармского управления нечего надеяться: оно ничего нового не выясняет, и жандармы отпускают даже таких, как Хоммер, Жевайкин и др.».

Таким образом удар, занесенный над головой Иогансона и его друзей, был отстранен заботливой рукой дальновидной Анны Егоровны: она берегла эту компанию для своих дальнейших престидижитаторских экспериментов—для уловления ее «с поличным в подходящий момент»...

РОЗЫСКИ В Г. КАЗАНИ. СНОВА ПРОВОКАТОР Н. ТЕСЕЛКИН. ПРЕДАТЕЛЬСТВО К. ОСТРЯНИНА

Осенью 1892 года в Москву заехал, по пути из-за границы на родину, студент Цюрихского университета И. Г. Бондаренко, которого сопровождал товарищ его по гимназии, студент Казанского университета В. П. Аргентовский. Эти молодые люди имели неосторожность поддерживать знакомство с Н. Теселкиным, о службе которого в охранном отделении они, повидимому, не знали. Бердяев обрадовался случаю «позондировать почву». Провокатор немедленно повидался с приезжими и расспросил их о «положении дел» в Казани (где он когда-то учился). Бондаренко рассказал Теселкину (если верить донесению последнего), что в Казани № 1 «Летучего Листка» имеет широкое распространение и что к этому делу имеют отношение местные студенты Александр Кожухин и Константин Данилов. По просьбе Теселкина Бондаренко дал ему рекомендательное письмо к упомянутым лицам. И провокатор отправился на рекогносцировку, сопровождаемый филером Шагановым.

Пребывание Теселкина в Казани сошло благополучно, но на обратном пути с ним случился казус: на пароходе, на котором он ехал по Волге, в числе пассажиров оказался Сергей Терещенков, который, благодаря его доносу, в 1885 году попал в тюрьму. Терещенков узнал Теселкина и стал его расспрашивать, кто он и куда едет. Так как у провокатора был паспорт на имя Сазонова, то он и назвался этой фамилией. Терещенков не вытерпел и, не обращая внимания на посторонних, закричал: «Врешь, мерзавец, ты не Сазонов, а Теселкин! Изменник, Иуда! Ты служишь чиновником особых поручений у обер-полицеймейстера» и т. д.; в заключение он прибавил, стуча здоровенным кулачищем по столу: «Я тебя, предателя, еще найду!..»

Перепуганный Теселкин сначала пытался отнекиваться, а затем благоразумно ретировался в свою каюту и до самого Нижнего-Новгорода из нее не выходил. Известно было, что у Терещенкова нрав крутой, за что ему пришлось раз поплатиться: когда он сидел в тюрьме и когда прокурор Муравьев, обходивший политических заключенных, зашел к нему в камеру, не снимая шляпы, то Терещенков, не долго думая, сбил с него «головной убор», дабы знали, что «и для прокуроров обязательны общепринятые правила вежливости» (за эту выходку Терещенкова отправили в Петропавловскую крепость, а товарищи его по заключению, узнав об этом, устроили голодный «бунт»).

Волжская история, нарушившая удовольствие провокаторского вояжа, осталась бы, вероятно, неизвестной начальству Теселкина, если бы не присутствие невольного свидетеля—филера Шаганова, которому тоже пришлось прятаться, так как Терещенков, заметив его общение с Теселкиным, посматривал на него очень косо. Скандальный случай мог, конечно, иметь неблагоприятное влияние на ход предпринятых разведок. Тем не менее, когда Бердяев сообщил в Петербург содержание доклада Теселкина, деп-т полиции распорядился командировать в названный город трех наблюдательных агентов и меня, в качестве посредника между ними и жандармским управлением; начальнику последнего я должен был вручить особое предписание, в котором говорилось, между прочим: в Казани можно предполагать существование тайной типографии; «агенту департамента полиции свободный художник Аргентовский говорил, что лицом, близко стоящим к этому делу, является Ширяев, заявивший, однако, что он нравственно обязан не указывать лиц».

25 ноября 1892 года я и три филера, Дмитрий Попов, Василий Евтеев и Федор Седых, тронулись в дальний путь—на Нижний-Новгород (тогда железнодорожного сообщения между Москвой и Казанью еще не существовало), а затем на перекладных, волжским зимняком (были жестокие морозы) через Свияжск, до са-

мой татарской столицы, куда мы прибыли на четвертый день.

Начальник жандармского управления полковник Гангардт, уже начинавший жиреть и довольно мешковатый, принял меня с опасливою вежливостью и поспешил изложить, не особенно скрытничая, положение дел. Гангардт высидел в Казани около 20-ти лет и знал ее, как он выразился, «вдоль и поперек» (так же, несомненно, как знали обыватели его самого и его жандармов). Тучный полковник, готовый уже, в виду выслуги срока, превратиться в генерала, особенно выставлял на вид свою «систему» — мягкость, которая создала ему среди интеллигенции репутацию добродушного жандарма и, пользуясь которой, он умел, будто бы, располагать к себе наиболее податливых «клиентов».

Гангардт был очень недоволен чинами прокурорского надзора, которые, присутствуя на обысках, своими требованиями формальностей крайне стесняли действия жандармских и полицейских чинов. Несмотря на более чем двадцатипятилетнее пребывание в корпусе жандармов, Гангардт помнил еще кое-что из законов, в частности о том, что нельзя производить обыски от захода до восхода солнца (существовал ли такой закон—не знаю); «правда, говорил он, закон этот не исполняется, но, во всяком случае, при своих ночных посещениях мы стараемся делать все без лишнего шума»... Жаловался Гангардт и на хитроумность революционной молодежи. Пришли, например, с обыском к одному студенту, а у него в комнате на другой кровати курсистка почивает; хотели и ее осмотреть, а она протестует,— предписания, говорит, на то нет; ей об'ясняют—комната, ведь, одна и та же; она опять возражает: нет,— разные, а если отсутствует перегородка, так не наша вина—средств на то не имеем...

Однако, за анекдотиками Гангардта не трудно было заметить, что по существу он знает очень мало, секретной агентуры почти не имеет, а вся осведомленность его о местной кружковой жизни почерпнута, главным образом, из откровенных показаний Острянина, арестованного в сентябре месяце с рукописью «предосудительного содержания».

С этой «откровенкой» я не замедлил ознакомиться; она представляет некоторый интерес.

«Первые мои попытки активной деятельности в революционном направлении, писал Острянин, относятся к 1890 году, когда я, с целью пропаганды, поступил в Военно-Медицинскую академию, в С.-Петербурге, где старался завести связи с подходящими лицами, но это не удалось... Будучи студентом Казанского университета, я вошел в круг лиц, занимавшихся разработкой различных вопросов из области внутренней политики. Собрания происходили у Березина; участвовали: Аргунов (Павел) с женой, фельдшерица Гальперин, умершая в эпидемию, студ. Клафтон, Чемоданов, который также охотно предоставлял свою квартиру для собраний». На собрания допускались лица, за приглашение которых высказывалось не менее 5-ти человек кружка; целью последнего было об'единение выдающихся представителей, хотя бы и различных, но родственных тенденций. С посетителей собраний взимали по 5 коп., но касса кружка была бедна: в ней было не более 100—150 рублей. Кирьянова, уезжая в Крым, обещала достать 100 руб., а прислала лишь 50. Андреев занимался размножением фотографических карточек Лассаля, Чернышевского и других, им подобных, с целью увеличения путем их продажи ресурсов кружка. Студент А. Бурлянд отгектографировал 50 экз. «Истории революционного движения» Туна. Андреев старался достать литографский камень и вел по совету А. Клафтона переговоры об этом с Гавриилом Волковым. Сын владельца типографии Михаил Вячеслав предлагал Острянину спрятать краденый шрифт, так как предполагалось устроить типографию, в чем обещал помочь приезжавший к Клафтону из Москвы лысый нелегальный (это был М. Сабунаев). М. Иолшин, «защитник продуктивного террора», со своей стороны обещал прислать брошюры, годные для воспроизведения, и свое посредничество в транспортировании нелегальных изданий из Вильны, на что взял 10 руб. На одном из собраний Мандельштам читал реферат, в котором старался доказать, что немецкие соц.-демократы добились своего теперешнего могущества благодаря тому, что пользовались легальными формами деятельности; на это Бурлянд возражал, говоря, что это преуспеяние оказалось возможным потому лишь, что в Германии существует конституционный порядок, который в России еще надо ввести, чего можно добиться только революцией. Острянин бывал у Прониной, жившей с Беркович в поволжской деревне Шаланги, куда однажды приезжал М. Вячеслав, который читал там «Программу народовольцев», по поводу которой Пронина заметила, что это сокращенное воспроизведение программы «Исполнительного Комитета». К группе примыкали еще: Муравьев, Таланцев, Соскис, Сигорский, Кобелев и др...

Как видно из показаний Острянина, казанские революционеры о типографии только еще мечтали. Гангардт тоже сомневался в ее существовании «в подведомственном ему районе», но из предосторожности категорически по этому поводу не высказывался. Правда, сам он «нашел» уже маленький «типографский станочек», на котором работали Пронина и Стеллецкие, но, в сущности, это был «простой штамп», который к тому же «успели спрятать где-то в лесу»...

Все же Гангардт боялся, что москвичи могут у него «открыть» типографию и потому выхлопотал у деп-та полиции разрешение поскорее ликвидировать накопившиеся по дознанию данные. 5-го декабря (1892 г.) в Казани было произведено сразу 28 обысков—цифра еще небывалая для этого города. Утром следующего дня студенты бегали, как ошалелые, спеша передать товарищам о том, как «Гангардт разыгрался». Были арестованы: Ширяев, Бабушкин, Вячеслав, Таланцев, Данилов, Андреев, Сигорский, Шауф, Шварцман, Березин с женой, Александр Кожухин, Курлов, Осиновская, Николаев, Карташев, Тупышкин, В. Меньшиков, Смышляев, Зайцев, Купресов, Кобелев, Мамадышский и др.

Гангардт стрельнул из пушки по воробьям: нашли одну брошюрку у Шауфа и кое-какую переписку; но главную свою цель он мог считать достигнутой: «шлепалка», если и была в Казани, после такого шума должна была перебраться в пределы другого воеводства, и заезжие гости открыть у него, поэтому, ничего не могли; следовательно, полковник снова мог спокойно играть по вечерам в преферанс, а его помощник, поручик Мочалов, заведывавший агентурной частью,—продолжать заниматься физическими и химическими опытами, к которым, вопреки своему прямому назначению, он имел «влечение, род недуга».

Московским филерам после этого в Казани почти нечего было делать. Березин, Сигорский, Кожухин и Ширяев, за которыми они наблюдали, были «выведены в расход», а оставленный им в качестве лидера Данилов после погрома стал ходить «пятками наперед». К тому же и бердяевская агентурная стратегия была неожиданно вскрыта. Жена арестованного Ширяева (урожденная Лизогуб, «воспитанная на обысках», по аттестации Гангардта), со слезами на глазах упрашивала начальника жандармского управления освободить ее мужа, уверяя, что он ничего не знает и что взяли его наверно «по наговору шпиона, который приезжал в августе, спаивал ее мужа (Ширяев, грешным делом, любил выпить), говорил, что приехал по делам о наследстве, а сам приставал все с какой-то типографией»... Когда же допросили Ширяева по поводу найденного у него адреса Теселкина, карты были вывернуты, и московский крапленый «козырь» был бит...—если не буйным Терещенковым, то смиренномудрым Гангардтом.

Отдохнувшие на казанском бездельи филеры покатили во-свояси, как говорится—«несолоно хлебавши»...

А народовольческая типография продолжала благополучно работать... уже в Петербурге, неподалеку от самого департамента полиции!

ГЛАВА VIII

«Русско-кавказский кружок»—д. Егупова; провокатор М. М. Петров.— Тульский рабочий кружок и шпион Н. Руделев.—Делегат «Семен Григорьевич» (Райчин).—«Временный исполнительно-организационный комитет»,—дело М. Бруснева

„РУССКО-КАВКАЗСКИЙ КРУЖОК"

Еще одна «об'единительная попытка»,—самая злосчастная, кажется, из всех предпринятых в то смутное время освободительного движения. На этот раз попытка была начата не с выработки программы, а с предварительного стягивания на почве практической работы в одну организацию имевшихся в наличности отдельных кружков и революционно настроенных одиночек.

Инициатива этой об'единительной попытки принадлежала, главным образом, одному лицу, взявшемуся за это дело с необычайной энергией и закончившему его, наподобие Н. Истоминой, самоличным предательством.

Впрочем, затея эта с самого начала была обречена на верный неуспех, так как деятельность главного организатора группы все время протекала под перекрестным обстрелом трех секретных сотрудников Бердяева[1]), не считая метких ударов «дальнобойного» орудия охраны — вездесущей и всеведущей А. Е. Серебряковой, без указующего перста которой не обошлось и это дело.

Весной 1891 года в Москве появился бывший студент Новоалександрийского института М. М. Егупов (Я-губов, как в шутку называл его Зубатов, намекая на то, что он своей деятельностью губил и себя и всех имевших с ним дело).

Судьба, которая была особенно немилостива к заезжим в Москву революционерам, на первых же порах пребывания Егупова в столице свела его с М. Н. Корнатовской, к которой он имел рекомендательное письмо от фельдшерицы Алениной. Этого было достаточно, чтобы в конце мая месяца Медников дал своим подручным, занимавшим пост у Бутырской заставы (место прибытия и от'езда студентов Петровской академии и многочисленных гостей их), инструкцию о том, чтобы они следили за появлением господина «с окладистой бородой, в круглой мягкой шляпе» (приметы Егупова). 14-го июня филеры проводили такого господина в Петровско-Разумовское и не без остроумия дали ему кличку «Факельщик» (из похоронного бюро). На следующий день было поставлено наблюдение за домом Смиренской, на Большой Якиманке, где жил помощник пристава местной полиции Вановский с семьей; здесь, по агентурным сведениям, должно было состояться 15-го числа маленькое собрание. Однако, филеры видели только, что вечером сюда пришли сын Вановского Виктор (вольноопределяющийся Невского полка) и «Факельщик». Двух «техников» и двух «штатских», о присутствии которых на сходке говорил Медников, наблюдавшие не заметили; начальство этим, впрочем, не огорчилось, так как один из статских был «свой человек», а «техники», благодаря этому обстоятельству, немедленно нашлись—это были студенты Г. С. Бурджалов и В. Д. Дмитриев, жившие в доме Запасного дворца, у Красных ворот; обрелся снова и «Факельщик», который стал ходить на ночевку к упомянутым техникам.

Как подобает настоящему заговорщику, Егупов был истый конспиратор; он не имел сначала постоянной квартиры и ночевал то—в Петровках, то... в местах, хорошо известных агентуре Зубатова. Заломив большую шляпу на затылок, в длинном пальто нараспашку, с обязательной книжкой в руке, «Факельщик», обыкновенно, целый день ходил «по делам»—заводил «связи»; смотрел он «волком», как описывали филеры, (но следивших за ним «гончих» никогда почти не замечал).

Для вящшей конспирации Егупов нанял себе квартиру в глухом переулке на Сивцевом Вражке и поселился с товарищем по институту, Михаилом Петровым; последнего он высылал часто «проверить», нет ли за их домом наблюдения. Филеры очень боялись шустрого, глазастого дозорного, которому они дали кличку «Пуговка» (Петров перед тем жил в Пуговичном переулке), и не знали, куда деваться, когда он выходил на проверку: они опасались, как бы Петров не донес их начальству о том, что «наружные» ведут наблюдение не совсем «аккуратно». Филеры живо (и совершенно правильно) сообразили, что «Пуговка» в этом деле—«подметка» [2]).

Само собой разумеется, что при таком сожительстве каждый шаг конспиратора «Факельщика» был известен: Бердяев знал не только то, что Егупов и его друзья делали, но и то, что они собирались предпринять. Благодаря дружескому содействию Петрова и при благоприятствующем нейтралитете охранного отделения, энергичная «об'единительная» работа Егупова имела заметный успех и вскоре дала Зубатову материал для его литературного творчества.

Хотя в донесениях охраны по этому делу чаще всего идет речь о «намерениях» Егупова и его товарищей, но тем не менее в них заключается много данных, по которым можно судить о том, чем была наполнена кружковая жизнь того переходного времени; поэтому нахожу полезным изложить, хотя бы схематично, главное содержание докладов Бердяева по делу Егупова и компании.

26 августа 1891 года московское охранное отделение доложило деп-ту полиции следующее:

Кружки студентов Новой Александрии, Петровской академии и Технического училища слились в одну организацию под названием «Русско-кавказский кружок». Для начала предполагается отпечатать, при содействии книгопродавца Конусова, роман Решетникова «Подлиповцы» и другие подобные произведения. Егупов предложил, при распространении этих книг, вкладывать в них листки нелегальных изданий.

«По словам петровца И. В. Прозоровского», в г. Воронеже ведутся переговоры бывшим студентом Петровской академии А. Авдеевым и инженер-технологом Н. Нестеровым об организации типографии; на постановку этого дела Прозоровский послал 200 руб. из денег невесты своей, О. И. Гусевой. О приобретении двух литографских камней хлопочет сам Егупов и его близкий товарищ В. Авалиани; циклостиль обещался устроить техник В. Д. Дмитриев.

Кружок имеет нелегальную библиотеку и для ее пополнения решил войти в сношения с эмигрантами Степняком и Волховским. Для переписки с редакцией заграничной газеты «Свободная Россия», кружок располагает адресами: «до востребования», Почтамт, в Одессе—«для С. А. К.—К» и в Москве—«для Ф-т» или «А. Гъ». Для сношений с типографией польской революционной организации «Пролетариат» имеется адрес: Варшава, Итальянская аллея, д. 5, С. П. К. »Кружок намеревается в первую очередь издать «Последние подвиги сибирских палачей» и «Воспоминания очевидцев беспорядков в Петровской академии».

Членами «Русско-кавказского кружка», по тому же донесению, помимо Егупова, Авалиани, Прозоровского и Дмитриева, являлись еще: В. А. Вартаньянц, А. П. Петрузов, А. Н. Новосильцев, В. С. Богдан, Г. С. Бурджалов, В. А. Вановский, И. В. Лещенко, К. С. Колмаков, А. М. Михайловский (до от'езда в Ригу), А. А. Ануфриева, С. П. Петрузова, и... М. М. Петров («Пуговка»).

Как видно из донесений Бердяева от 8 и 18 ноября 1891 года, «об'единение» шло быстрым темпом. Через Ф. Невского Егупов сошелся с «костромичами», а при посредстве Е. А. Стрелковой—с кружком слушательниц курсов (В. М. Шпунтова и фельдшерицы С. М. Морозова, А. Г. Самойлова, А. С. Масленникова, Н. М. Гризодубова, Т. А. Плеханова). В. Вановский свел Егупова, через петербургского технолога Н. Немцева, с кружком «сибиряков», у которых он был на чтении реферата «История Коммуны» Лавуазье. Лесник И. В. Тихомиров, приехавшая с ним из Торжка В. Н. Цирг и знакомые их П. А. Шамахов и Д. Алексеев связали Егупова с «тверяками», а гостивший в Москве (10—13/X) писатель М. Засодимский, которого Егупов встретил у Стрелковой, познакомил его с Н. Н. Златовратским, Н. М. Астыревым и Конусовым. Через Стрелкову же Егупов сблизился с Б. Г. Громан, который совместно с И. П. Туневым и В. И. Плехановым вел, работая в подмосковном селе Алексеевском на постройке водопровода, «преступную» агитацию (выпустил особую программу, выставлявшую на вид преимущественное значение пропаганды среди рабочих). Через того же Громана Егупов был в курсе петербургских дел, знал, например, что тамошние рабочие кружки собираются перевести и отлитографировать (в Твери) брошюры «Чартистское движение в Англии» и «Союз коммунистов». Среди техников Егупов завербовал, кроме Громана, студентов А. М. Первушина, Н. И. Тюремнова, Ф. В. Жданова и П. Ф. Макарьева—людей «с известной программой». К «Русско-кавказскому кружку» примкнул также петровец Д. Кузнецов, устраивавший самостоятельно «конспиративные собрания».

Росли также иногородние связи организации. Летом с Егуповым и Авалиани виделся, по пути в Астрахань и обратно, студент Петербургского лесного института Лакин. Н. И. Иванов и его брат Илья явились посредниками в сношениях с харьковскими агитаторами В. Бокием, М. Красильниковым, Ю. Кулябко и технологом И. Акуловым (кличка: «Химик-Кибальчич»), участвовавшим в гектографировании прокламаций, выпущенных летом (протест харьковского студенчества против участия университетской делегации в торжественной встрече императрицы 21-го мая на ст. Борки).

Для Новой Александрии имелась явка на студента Е. Кодрян; там же находился студент местного института И. Борзенко, который писал Егупову, прося выслать нелегальщины; на границе с Австрией, в имении, жил знакомый его агроном Гемпель. А. Новосильцев ездил в Калугу для свидания с врачом И. И. Дубенским. В Петербург выбыл член кружка В. Дмитриев. Кроме того, Егупов собирался в ближайшее время поехать к Ив. Салоиду, учительствующему под Одессой, в Кишинев (к б. ст. Ново-Алекс. ин. Л. Руссо—за деньгами) и в Варшаву—к пролетариатцам (за новой литературой).

Внутреняя жизнь «Русско-кавказского кружка» выразилась за это время в целом ряде «предначертаний». 16-го октября 1891 года на квартире кандидата в провокаторы Ф. Невского (с ним Егупов познакомился 30-го сентября у П. Наумова[3]), состоялось совещание, в котором приняли участие, кроме самого «Факельщика»: Авалиани, Вановский, Новосильцев и И. Мягков (последнего с Егуповым и Авалиани свел Наумов). На этом собрании обсуждался вопрос об издании народных книг. Егупов сообщил, что Златовратский отговаривает заниматься этим: при существующих условиях дальше Сытина и Ступина не уйдешь; по его мнению, лучше купить хотя бы у Морозова журнал «Сотрудник» и, введя в редакцию и администрацию своих служащих, начать работать. Для приискания денежных средств Златовратский посоветовал обратиться в Петербург, к служащему на литейном заводе Измаилу Беку и, через него—к С. С. Юванову или к Н. К. Михайловскому; со своей стороны, он, а также Засодимский и Астырев, решили внести на организацию кружков по 500 рублей, а Н. П. Ломакин обещал дать 3000 рублей.

В заботах об изыскании средств Стрелкова отправила студентам Варшавского университета подписные листы, по которым надеялась собрать несколько тысяч рублей. Издательской деятельности кружка согласен был оказать поддержку В. И. Корнилов, владеющий с братом ювелирным магазином в Москве, на Ильинке. По составлению книжек для народа намерены были помочь братья Алексей и Сергей Усовы.

На том же собрании был снова поднят Вартаньянцем вопрос об устройстве «печатания»; Егупов высказался против, находя эту затею преждевременной, и требовал отложить в интересах самого дела, осуществление этой идеи, пока не будут изучены все лица, входящие в организацию. Однако, пылкий кавказец на этом не успокоился и, сопутствуемый каким-то техником, ходил потом прицениваться к стоимости литографского камня...

Надо отдать справедливость департаменту полиции: к пространным донесениям московского охранного отделения о «намерениях» «Русско-кавказского кружка» он отнесся недоверчиво и, как на основание для этого, указал в предложениях своих от 20 и 25/XI—91 г., что, хотя по конспиративным адресам кружка («С. П. К.» в Варшаве и др.) было установлено надлежащее наблюдение (т.-е. перлюстрационный контроль), но никакой корреспонденции на них не получается, а указанный в донесении от 18-го ноября Дубенский оказался человеком «благонадежным».

Бердяева этот скептицизм Петербурга тронул за живое, он нажал на агентурную «Пуговку», и кружок приступил «к делу».

2 декабря 1891 года Егупов отправился, в сопровождении «отборных» филеров Д. Попова, Ф. Грульке и С. Федорова, по бесплатному билету на имя Ф. В. Жданова в деловое «турнэ». Сначала он заехал в гор. Люблин, побывал там в двух местах, послушал

«Прекрасную Елену» в театре и утром выехал в Варшаву, где наблюдающие его утеряли.

17-го декабря Зубатов утром спешно явился в «контору» (охр. отдел.) и сообщил Медникову, что «Факельщик» приехал и что за ним скорее надо поставить наблюдение. В тот же день был составлен доклад о поездке Егупова. Оказалось, по агентурным сведениям (Петрова), что в Варшаве он виделся с С. Иваницким и уговорился с пролетариатцами о присылке в Москву транспорта заграничных революционных изданий; в уплату он дал 50 руб., а остальные сто обязался выслать переводом по адресу: «Женева, Университет, Габриэль Иваницкая» (ассистент одного из тамошних профессоров).

Пролетариатцы согласились, кроме того, войти в более близкие сношения с московской организацией и с этой целью обещали в феврале месяце прислать делегата—одного из сотрудников газет «Golos» и «Prawda»; для явок Егупов им дал «дорогой» адрес: Москва, Полуэктов пер., дом Флориной, квартира вдовы профессора Варшавского университета, Александры Антоновой Никитской.

Егупов был вынужден срочно покинуть Варшаву, так как там предстояло убийство двух провокаторов—Вагнера и Шиманьского, задуманное социал-демократами; в виду этого он с Иваницким 8-го декабря на лошадях уехал из Варшавы и вернулся в Москву, не закончив своего путешествия...

Егупов привез с собой партию нелегальщины, в том числе 7 экз. брошюры Степняка «Подпольная Россия», заключенных в обложки «Курс всеобщей истории» Кареева. Один экземпляр «Истории революционного движения в России» купил у него П. Кашинский, но от приобретения других изданий, преимущественно социал-демократических, отказался, как принципиальный противник «плехановщины».

Часть привезенной литературы Егупов отдал приехавшему из Харькова студенту-ветеринару А. В. Переплетчикову, от которого получил в обмен несколько экземпляров брошюры со статьями Ф. Энгельса*), отгектографированной в Риге кружком «Марксистов», к которому принадлежали В. В. Дьяков, и А. М. Михайловский. Последнего названный кружок, списавшись с Петербургом, командировал в Москву, снабдив его письмами к Егупову, П. Ф. Николаеву и технику, служившему на Московско-Брестской жел. дор. М. И. Брусневу. Михайловский привез с собой брошюру «Плач Александра III» (по поводу смерти бывш. мин. внутр. дел Д. Толстого), дал Егупову 15 руб. и просил его выслать, когда получится транспорт, нелегальщины в Ригу на 30 руб. 4).

Таким образом, у наблюдаемых завелось некоторое «поличное». Но этого для Бердяева было недостаточно и, в ожидании «транспорта» и «делегата», розыск продолжался.

РАБОЧИЕ КРУЖКИ В ТУЛЕ

Слежка за Егуповым начинала уже «повторять пройденное»; только 29-го декабря она внесла некоторое оживление, даже вызвала тревогу, но оказалось—напрасную. Филеры, наблюдавшие за «Факельщиком», донесли, что он отнес к акушерке Флериной «ящичек»; этим очень заинтересовался, было, Медников; однако, «агентура» успокоила его: то были тульские пряники, присланные с оказией. Происхождение этих пряников скоро выяснилось. К Егупову явились два рабочих из Тулы: «белокурый» и «брюнет» (рабочие перед тем были у Авалиани и ночевали в Петровско-Разумовском); они приехали к Егупову за книгами и привезли гостинец.

Связь Егупова с тульскими рабочими возникла еще ранее. В одну из своих поездок в Тулу он отвез туда (16 ноября 1891 года) сундучок с книгами, легальными и нелегальными, а также 200 руб. денег, полученных от лотереи. Кроме того, в Тулу были посланы, будто бы, 400 руб. в пользу кружка бывшего студента Петра Ак. Зотова. Уезжая в «турнэ», Егупов поручил отправить в Тулу, в дополнение к посланным уже 30-ти рублям, еще 22 руб.

---

*) Наверное: „Наука и г. Дюринг“ Энгельса.

По словам Егупова, тульские рабочие имели библиотеку и кассу; делились они на две группы: террористическую и социал-демократическую; последняя, недавно возникшая, не имела еще руководителя, и Егупов, имевший «программу на час», согласился приезжать к ним раза два в месяц. Всех организованных рабочих было 13 (зловещее число!), а в числе их «верховодов» состоял рабочий из Петербурга—Николай Руделев. Последний и был, вероятно, роковым тринадцатым, так как состоял секретным сотрудником охраны.

Разумеется, о деятельности тульского кружка Бердяев был прекрасно осведомлен; ему было известно, что рабочий Егор Ананьев устроил двух рабочих в отдельном домике (бывшая баня) под видом хозяев мастерской электрических звонков; по сведениям агентуры, в этой бане предполагалось организовать фабрикацию разрывных снарядов. Бердяев так был встревожен этим обстоятельством, что хотел немедленно прикончить с тульским кружком, но Зубатов уговорил его подождать, «пока изготовят, а то там лишь одни кислоты пока», сказал он...

К числу организованных рабочих в Туле, по агентурным сведениям, принадлежали: Е. Марущак, В. Новацкий, П. Петрашкевич, И. Шемякин, Савичев, работавшие в медной мастерской В. Ломоносова; их посещали Д. Некрасов, Дм. Смирнов и акушерки М. Шульгина и В. Апушкина.

Впрочем, дальше «кислот» дело у тульских рабочих не пошло; между Руделевым и Егуповым по конец возникли недоразумения: последний требовал отчета в израсходованных деньгах, а «главарь кружка» упрекал его в том, что он не сдержал обещания прислать «техника по бомбовой части» и взвалил все на Ананьина...

Действительная подкладка претензий Руделева была совершенно иная: заварив дело, ему нужно было вовремя, под благовидным предлогом, ретироваться, тем более, что предприятие, за отсутствием специалиста, серьезного развития не обещало; к тому же Бердяев и без Руделева мог знать через «Пуговку» о том, что происходит в Туле.

Через некоторое время Руделев уехал в Харьков, куда его перевела, как он заявил, «партия» (а на самом деле—департамент полиции[5]).

„ДЕЛЕГАТ СЕМЕН ГРИГОРЬЕВИЧ“ (РАЙЧИН) и „ТРАНСПОРТ“

С наступлением 1892 года «Русско-кавказский кружок» получил новые подкрепления. Вечеринка, которую организовал Авалиани в «Петровках», в ночь под 1-е января, имела значительный успех; на ней присутствовали, между прочим: П. Кашинский, техник П. И. Векшин, его невеста Е. Ф. Нейман, Г. П. Бутковская, А. Чепик, А. Первушин, И. П. Вишневский («поклонник Кеннана») и др.

Благодаря стараниям В. Вановского к «Русско-кавказскому кружку» примкнули Г. М. Круковский и М. Мандельштам со своим «окружением».

12-го января к Егупову явился П. Кашинский с предложением присодинить к группе свой кружок (человек 10), чтобы затем устроить общую кассу и «бюро справок» о лицах, мало известных центрам. С этого момента начались учащенные свидания Егупова с Кашинским, во время которых последний познакомил представителя «Русско-кавказского кружка» со своими друзьями М. В. Терентьевым, Б. А. Квятковским и М. И. Брусневым[6]).

Из разговоров, происходивших во время этих свиданий, агентура охраны почерпнула следующие сведения. Егупов получил через Авалиани письмо от одного из петербургских рабочих. Шпунтова отправила посылку с нелегальщиной в Вологду П. Засецкому. Арестован петровец Д. Кузнецов. Должен приехать В. Морозов, высылавший из-за границы «Свободную Россию» (на магазин Прянишникова). В Петербурге задержан Головачев с протоколами с’езда по организации центральной студенческой кассы. Брошюра «Чудная» Короленко оттиснута иждивением А. Цакони в литографии Зворыкиной; скоро таким же путем появятся «Исторические письма» Миртова и «Научный Социализм» Энгельса...

Результатом происходивших совещаний было то, что под хроническое наблюдение попали, кроме Егупова, который страдал этим пороком уже девятый месяц, также Кашинский и Бруснев; последний заметил скоро слежку, и уже 29-го января филеры жаловались, что он их «ловил» в Доброслободском пер. (здесь, в доме Озерова, жил рабочий из Тулы И. Г. Прокофьев, знакомый Бруснева и Кашинского; это охране удалось установить лишь в мае месяце).

В феврале Егупов получил от А. Михайловского из Риги остальные 15 руб. за ожидавшийся транспорт и приглашение приехать туда, чтобы окончательно столковаться с «марксистами». 16-го числа «Факельщик» выехал из Москвы, в сопровождении филеров Грулько и Крашенинникова; на случай утери наблюдаемого, им были даны адреса лиц, которых он должен был посетить...

3-го марта Егупов вернулся из поездки, и 5-го числа Бердяев донес деп-ту полиции об ее результатах. По словам агентуры, в Риге проживают принадлежащие к народовольческой организации доктор Богомолец, супруги Робачевские (в действительности — Горбачевские) и врач В. Н. Иваницкая, по мужу Крыжановская; первый из них думал заехать в Москву для более короткого ознакомления с московской группой, при своем возвращении из Сибири, где у него умерла жена. Из Риги Егупов 21-го февраля выехал в Варшаву, где виделся со старшим Гемпелем, студ. ун-та Андрусевичем и С. Иваницким, которого послал за границу по делу о транспорте. Егупов привез с собою 15 экз. номера 4-го «Социал-демократ», «Письма К. Маркса» (в 3-х изданиях) и 2 экз. «Устава кассы сопротивления» (на польском языке).

Давно не видавшийся с Егуповым Кашинский при встрече с ним об'яснил, что не заходил, считая себя попавшим на замечание полиции; по его словам, арестованный В. Морозов успел передать много писем и адресов; он говорил, что группа «Свободная Россия» («Free Russie») обещала высылать транспорты заграничных изданий по цене 100 руб. за пуд. Кашинский сообщил, кроме того, что в Тулу собирается ехать месяца на три один интеллигент для руководства кружком рабочих; Егупов заметил по этому поводу, что если это социал-демократ, то он сам поедет туда, чтобы оградить рабочих от «вредного влияния»...

8-го марта Б. Громан заявил Егупову, что Е. Мягков хотел бы войти в организацию со своим кружком народовольцев (В. Х. Яблонский, братья Н. и В. Любинецкие, М. А. Чалусов, Н. Н. Шатерников, П. Ф. Короткевич и, кажется, А. Чепик). Егупов отнесся к этому отрицательно. Обиженный Мягков поехал в Петербург, чтобы завести связи, но вернулся недовольным.

13-го февраля было собрание, на котором читали второй номер сборника «Социал-Демократ» в присутствии рабочих; выяснилось—мало денег; Егупов решил снова поехать в Ригу, чтобы раздобыть средства; его задержало ожидание Филатова, которого присылают вместо себя Борзенко и Красильников для переговоров «о слиянии». Кашинский к приезду Богомольца (в апреле) думает организовать с'езд, чтобы закончить формацию группы.

20-го марта состоялось новое собрание, на котором присутствовал В. И. Скляров; говорили о том, не воспользоваться ли для издательских целей услугами

Е. Мягкова, который переводит с немецкого и английского языков некоторые «запрещенные» книги, получаемые им в книжном магазине Якобсона; решили, однако, обратиться к помощи Громана, Авалиани и М. П. Рыжкиной.

На «страстной» неделе приехал в Москву П. Филатов; Егупов нашел, что это—«черноземная сила»; приезжий купил на 60 р. нелегальщины; он предлагал устроить на юге типографию; Егупов предложение отклонил; повидавшись с Авалиани, Филатов уехал.

Благодаря перлюстрации выяснились сношения с московским кружком студ. лесн. института Н. П. Сивохина (посылал письма на адрес вагонного отделения мастерских Московско-Брестской жел. дор., где работал Бруснев). В кружке появилась брошюра И. Сергиевского (Русанова) «По поводу недавних прокламаций» (народовольческих)...

3-го апреля прибыл, наконец, делегат «Семен Григорьевич»; с вокзала он направился к Авалиани, а потом увиделся с Егуповым, который повел его к Никитской (приезжий имел к ней рекомендательное письмо), но та заявила, что гостя более двух дней без прописки держать не может. Следующие ночи «делегат» провел у В. Дмитриева и один раз ночевал у Бруснева, у которого 4-го апреля состоялось, в присутствии «делегата», собрание с участием: Егупова, Авалиани, Кашинского, Вановского, Терентьева, Епифанова и рабочих.

По словам «Семена Григорьевича», Плеханов, с которым он близок, мало надеется на возможность создания в России рабочей партии и в принципе склоняется, будто-бы, к террору; он намерен с Аксельродом и Засулич издавать газету «Пролетариат»; все его труды печатаются в Цюрихе, кроме «Социал-демократа», который издается в Лондоне.

«Семен Григорьевич» передал Егупову поручения на Ростов и Одессу; он привез с собой транспорт заграничного издания «Задачи рабочей интеллигенции» (П. Б.

Аксельрода), за который ему заплатили 100 руб., другую сотню рублей обещали выслать на Цюрих. «Делегат» для переписки по транспортным делам оставил три адреса: 1) „Frau Güt, in Laden, Lahringer Strasse“, 24; 2) „Herrh Kalmanson, Mühle Gasse, 33. Zürich“ и 3) „Welmogna pani Holowacy ul. Labniénska, 2. Tarnow Galizien.

7-го апреля «делегат» выехал из Москвы в сопровождении почетной свиты из четырех филеров (Сачков, Попов, Полторацкий и Майоров) и направился в Варшаву, где остановился у студента местного университета А. Зелинского. 9-го или 10-го апреля «Семен Григорьевич» был арестован, по требованию Бердяева, при чем назвался австрийским подданным из гор. Тарнова Франциском Ляховичем (впоследствии выяснилось, что это был С. Г. Райчин); одновременно были задержаны Зелинский и пришедший к нему во время обыска Л. Бейн, известный по «Пролетариату».

Почти одновременно с «Ляховичем» Егупов выехал в гор. Ригу; туда была послана телеграмма с приказом арестовать его, но он успел скрыться от наблюдения, и филеры нашли его уже в Варшаве, в компании Зелинского и его товарищей. 11-го апреля Егупов вернулся в Москву и, найдя всех друзей целыми, продолжал свою «работу». Собрания, состоявшиеся у Бруснева, в которых приняли участие, кроме самого хозяина квартиры и Егупова, Вановский, Кашинский, Квятковский, Терентьев и др., были посвящены, главным образом, выработке программы. В целях пропаганды среди рабочих Егупов поступил на работу в мастерские Московско-Брестской жел. дор. Кашинскому, собиравшемуся выехать на юг, были даны соответствующие поручения. Бруснев должен был в тех же видах поехать в Петербург и Нижний-Новгород, где уже работали братья Красины 7).

«Дела у нас идут прекрасно. Скажу, что они вышли из фазы кружковых дел. Здешние передряги на страстной неделе нас не коснулись. Мы чисты и спокойны за свое будущее»,—так писал Егупов 22-го апреля Кашинскому, уехавшему на Украину... Это письмо было отобрано 26-го числа того же месяца у арестованного по телеграмме из Москвы П. Кашинского... А днем раньше был задержан и сам Егупов в тот момент, когда он собирался выехать в Тулу, при чем под наволокой его подушки нашли 4 нелегальных брошюры и в чемодане, который он с собой вез, обнаружили 24 экз. «Задач рабочей интеллигенции» и партию других революционных изданий.

В ночь на 26-е апреля были ликвидированы и другие члены «Русско-кавказского кружка». Был арестован Бруснев, у которого отобрали до 100 экз. брошюры Аксельрода (из привезенного транспорта), рукописную «программу для занятий с рабочими» с собственноручными поправками Бруснева и рукопись: «Программа временного организационно-исполнительного комитета» (несовсем законченную[8]). У супругов Епифановых нашли вторую часть транспорта. Кроме того, были арестованы: в Москве, по результатам обысков—Квятковский, в Киеве—Терентьев, в Харькове—Красильников и Борзенко, в Ниж.-Новгороде—братья Красины, фотографические карточки которых были найдены у Бруснева (Л. Красин на своей написал: «Оглянемся на Запад! М. П. Брусневу. 1890—1891 г.»).

Были еще обысканы: Вановский, Стрелкова, Терентьев, Мандельштам, Векшин, Громан, Рыжкина, Нейман, Петрузова, а также И. Тихомиров и А. Первушин, явившиеся в квартиру Егупова, в которой была оставлена «засада», Н. Федотов, удостоверение на жительство которого нашли у Кашинского при его задержании, В. Апушкина (в Туле) и Сивохин (в Петербурге), у которого отобрали письмо, свидетельствовавшее о том, что он с товарищами Д. А. Благовещенским, И. И. Ивановым, И. П. Валевохиным и П. П. Александровым занимался продажей лотерейных билетов на революционные нужды.

Московское г. жандарм. управление, при котором возникло дознание о «Русско-кавказском кружке», получило от охранного отделения сравнительно мало «вещественных доказательств» и очень много «агентурных данных», в которых фигурировал ряд лиц, относительно которых никаких улик не имелось. Тем не менее и после ликвидации Бердяев продолжал заваливать генерала Шрамма «данными» своих секретных сотрудников. Так, 14 мая 1892 года охранное отделение сообщило дознанию о том, что к «Русско-кавказскому кружку» принадлежали еще техники: П. И. Жаков, И. Н. Пастухов; петровцы: Е. В. Лашкевич, П. В. Позняков, П. А. Петров, Д. Ведерников, К. Д. Косякин, М. Н. Колчин, И. В. Лещенко, А. П. Петрузов (давал бесплатные билеты по железным дорогам), а также А. А. Ануфриева, С. А. Туркина и А. М. Суворовцева, которые хранили нелегальщину. Кроме того, были указаны: технолог А. Н. Балдин, через которого Бруснев сносился с Тифлисом, и Р. А. Классон, служивший для него же посредником в связи его с Петербургом.

Жандармское управление не знало, что ему делать с этими агентурными «указаниями», не имевшими никакого фактического подтверждения. Дознание шло туго. Из привлеченных лиц только Филатов дал коекакие показания, признав, что был у Егупова и видел у него Вановского, Петрова и еще двух неизвестных (по приметам, которые он описал, это были Круковский и Терентьев). Еще рабочий Е. Маращук рассказал о том, как Е. Ананьев познакомил его с приезжавшими в Тулу пропагандистами Егуповым и Е. Д. Лебедевым, который ввел в рабочий кружок также и Кашинского.

Не получало достаточной поддержки жанд. управление со стороны охр. отделен. и в дальнейшем. Потребовал, например, генерал Шрамм обыскать рабочего Ф. Афанасьева—охрана долго не могла его найти (он был оставлен «на разводку»); запрашивало жандармское управление о Новосильцеве, жившем у Егупова,—оказалось, что о нем «сведений не поступало» (а был указан охр. отд-м в донесении д-ту п., как член кружка); попросили жандармы обыскать Рыжкину, присутствовавшую на собрании у Бруснева 4-го апреля— охр. отд-е запротестовало и добилось того, что д-т п. сообщил 17-го августа «конфиденциально» начальнику жанд. упр-ния об «основаниях, по которым не представилось возможным подвергать обыску и аресту личность, о выяснении которой ген.-майор Шрамм просил».

Мне неизвестно содержание этого конфиденциального сообщения, но догадаться о нем можно. В первых числах августа в Москву прибыл на антропологический с'езд ассистент льежского ун-та бельгиец Жювьян Фрэпон (Fraipont), имевший от одного сибиряка, находившегося за границей, рекомендательное письмо к Рыжкиной; действительной целью приехавшего иностранца, который назвал себя анархистом, было изучение русского революционного движения; жил он, не прописывая своего документа и ночуя в разных местах. Рыжкина виделась дважды с Фрепоном, но плохое знание языков помешало им ближе познакомиться. Наблюдением, которое велось за приезжим, было установлено, что он виделся, с одной стороны, с людьми науки (В. И. Вернадский, доцент Н. Н. Бажанов, Р. Р. Минцлов, психиатр Р. Л. Шлезингер и др.), а с другой— посещал представителей «левой» интеллигенции (был у П. И. Кускова, брат коего Леонид выехал в 91 году за границу), для чего переодевался даже в студенческую одежду; одну ночь он провел у С. З. Иванова, содержавшего квартиру «рязанцев» (Л. М. Рейнгольд с женой Анной и А. И. Рязанов). Вскоре Фрепон уехал, сопровождаемый филерами, в Петербург.

Но у охранного отделения в это время были и другие заботы. В половине июля (1892 года) к акушерке Никитской явился некий варшавский студент (В. А. Шумов, как выяснилось потом) с целью разузнать о судьбе Егупова и шифрованного письма, посланного ему на Никитскую (адрес которой он дал и Райчину, когда он ехал в Москву). Как хороший знакомый «Семена Григорьевича», Шумов потребовал деньги, недоплаченные за транспорт, и указал лиц, которые могут способствовать водворению нелегальщины из-за границы (В. К. Коков, Е. Н. Багаев, А. И. Юрин и Блинов в Киеве) и адреса лиц, могущих служить «для связи» (М. Н. Семенов и Н. В. Соболев—в Москве, Петровский—в Петербурге и И. М. Давыдов—в Рязани). Об Иваницком и Андрусевиче Шумов сообщил, что они продолжают дело восстановления «Пролетариата». Несмотря на все эти рассказы, агентура (Петров) вынесла впечатление, что Шумов человек скрытный, так как фамилию свою не назвал, и рекомендовал пользоваться для переписки шифром в квадрате (например—«Кулебяка»), пользование которым секретный сотрудник подробно описал. Шумов все время провел у Никитской, на даче в с. Краскове, где до этого жили его братья Степан и Сергей Шумовы. 21-го августа В. Шумов выехал в Варшаву, разумеется, сопутствуемый филерами, которые и выяснили его фамилию; оказалось, что он живет в доме 9, по Смольной, куда водили и Райчина; кроме того, были установлены сношения Шумова с М. И. Маевской, приехавшей из Люблина и остановившейся у ветеринара Крамаревского, а также с С. Е. Славиковским.

Хотя В. Шумов ничего реального не дал охране, но деятельность его не упускалась из виду и за перепиской Шумова велось перлюстрационное наблюдение; так, например, в октябре деп-т полиции интересовался личностью автора корреспонденции из Москвы на имя Шумова, в которой его спрашивали, где Харизоменов, что нужно было знать для того, чтобы зайти к Барсову, справиться относительно «печатания». Охранное отделение донесло по этому поводу, что письмо писала Никитская, у которой весной гостил приезжавший из Варшавы А. А. Харизоменов, товарищ Шумова; последний виделся у Никитской с проживавшим у нее, тоже без прописки, Ф. П. Снятиковским, который выехал в Варшаву, откуда, в свою очередь, прибыл упомянутый в корреспонденции юрист Н. И. Барсов.

И дальше сыск продолжал углубляться в недра «Русско-кавказского кружка» (который с большим правом можно было бы именовать Русско-польским). По поводу сообщения деп-та полиции о том, что живущая на станции Берендеево А. А. Добролюбова находится в сношениях (понимай—в переписке) с А. Калишевской—«личностью сомнительной благонадежности», Бердяев доложил, что учительница Калишевская, жена библиотекаря Румянцевского музея, урожденная Виноградова, известна по своим сношениям с М. Брусневым, его знакомым С. М. Блекловым, с В. Я. Муриновым и его женой Алевтиной, урожденной Блекловой.

Наконец, на сцену выступил официально шпион Н. Руделев. 22 сентября 1892 года департамент полиции предложил Бердяеву выяснить, путем расспроса Руделева упомянутых в его новом доносе личностей, и Бердяев не замедлил ответить о результатах расспроса: О. А. Труш, слушательница курсов в Туле, жила в Москве; Д. И. Успенский служит у нотариуса; М. П. Петров, принадлежавший к кружку недавно арестованных рабочих Ф. М. Хорькова, Г. Е. Капранова и Ф. Афанасьева, находится тоже в Москве и знаком с Авалиани и Рыжкиной...

Одним словом, организация «Русско-кавказского кружка» была анатомирована охраной довольно тщательно, но жандармскому управлению от этого было не легче: нехватало цемента, который мог бы связать в одно целое дознания всю разнородную массу данных, добытых предварительным розыском по этому делу, не было «языка», который дал бы «плоть и кровь» всем агентурным сведениям; доставил бы настоящий уличительный материал...

Неблагодарную задачу снабдить таким материалом генерала Шрамма взял на себя... сам зачинщик всей этой «истории»—Егупов, который решил до конца оправдать свое провиденциальное назначение «Факельщика».

19 октября 1893 года деп-т полиции сообщил московскому охранному отделению: «Михаил Егупов в заявлении, поданном в московское г. жандармское управление, между прочим, указал, что нижеследующие лица принимали участие в деятельности московского революционного кружка, или вообще оказывали содействие преступной деятельности его, Егупова». Затем, следовал длинный перечень этих лиц, из которого я упомяну лишь тех, которые не фигурировали в предыдущем изложении истории этой организации, а именно: А. И. Попов; техники: В. Плеханов, П. М. Ильин, Н. Тюремнов, Горбунов, Ф. Жданов; ново-александриец Квасников; дантист Гавронский; лесник И. С. Дмитриев; литератор Потоцкий (псевдоним Крамской); К. Волосович; рижские политехники Горбачев и Годзиев; лесовод В. Яблонский... (всего переименовано было 43 человека). Судя по Обзору важнейших дознаний, Егупов в своих показаниях упомянул еще, как соучастников: С. Вайненберга (умер в тюрьме), Свидерского, Иваницкого, Соболева, Мордвилко, Рункевича, Архангельского, Свириденко, Аленина, Здрязского и А. Гемпеля.

Этим Егупов не ограничился и, судя по сообщению департамента полиции от 25-го октября, он нашел нужным оговорить не только тех, кто принимал участие в его «преступной деятельности», но и тех лиц, которых он только еще думал привлечь к таковому участию (П. А. Кузнецов, Дегтярников, Бажанов, Соковнин, Никитин, Попов, Мандельштам и небезызвестный уже нам—Наумов).

В интересах справедливости я должен отметить, что в списках лиц, оговоренных Егуповым, которые были сообщены департаментом полиции охранному отделению, не были упомянуты: ни Кашинский, ни Бруснев, ни тульские рабочие, ни многие рижане и поляки... Не знаю, может-быть, они фигурировали в позднейших показаниях Егупова, так как не видно было, чтобы он кого-нибудь щадил.

Такой неожиданный оборот дела Бердяеву был не совсем приятен. Хотя, с одной стороны, показаниями Егупова формально подтверждалось многое из того, что сообщало охранное отделение в качестве агентурных сведений, но, в то же время, откровенка его втягивала в «грязную историю» не только самих секретных сотрудников (Петров, Невский), но и людей им нужных. Это вынудило Бердяева, с риском приоткрыть «святая святых» своей агентуры, сообщить ген. Шрамму, что привлечение к дознанию Е. Подгорной (сестры Петрова), М. Корнатовской, В. Цирг и М. Рыжкиной представляется «в розыскных интересах нежелательным».

Еще раз благодать, излучаемая «мамочкой» охраны, послужила спасительным щитом для лиц, составлявших ее ближайший антураж...

А герой этой злополучной истории?

23 октября 1893 г. Егупов получил свободу и был отдан под особый надзор на Кавказе—подальше от друзей, которых он, в сущности, спровоцировал, а затем безжалостно предал [9])...

А еще говорят: «зачинщику—первый кнут!..»

ГЛАВА IX

2-ой студенческий с'езд. «Интернационалка».—Похороны Плещеева и «Шелапутинская история».—Смерть Л. Н. Эдемской.—Дело Моисеевой («Мирэ»).—Наблюдение в розницу.—Психопаты-доносчики.—Наблюдение в Туле.—Дело Н. Н. Михайлова.—Дело А. Н. Селиванова.—Кружок А. А. Жардецкой.—Армянские националисты

2-ой СТУДЕНЧЕСКИЙ С'ЕЗД. „ИНТЕРНАЦИОНАЛКА"

В то время, когда московское охранное отделение возилось с путаным делом «Русско-кавказского кружка», в Москве состоялся второй студенческий с'езд, о котором охрана осведомилась надлежащим образом лишь спустя некоторое время.

Еще 31 декабря 1892 года департамент полиции сообщил Бердяеву, что «путем наблюдения за сношениями находящегося в Швейцарии И. Окулича обнаружено, что в январе 1893 года в Москве организуется «с'езд представителей земляческих кружков для выработки программы противоправительственной деятельности».

Только 18 февраля 1893 года Бердяев смог представить по этому поводу обстоятельный доклад, и то лишь потому, что как-раз в это время ему посчастливилось обзавестись секретным сотрудником, имевшим хорошие связи и в студенческих и в революционных кругах (уже 9-го февраля в канцелярии охранного отделения спешно переписывались принесенные на самый короткий срок Зубатовым протоколы заседаний «студенческого центрального союза», которые доставил новый информатор охраны, Ф. М. Невский [1]).

Благодаря этому осведомителю, Бердяев получил в свое распоряжение и копии отчетов о заседаниях студенческого с'езда и программа его работ, которая рассылалась по земляческим кружкам в конце октября предшествовавшего года. Представляя копии упомянутых документов, Бердяев донес, что в с'езде, который состоялся на рождество, участвовало пять представителей от организаций: московской (два), петербургской, харьковской и киевской (по одному). Питерский делегат, приведенный П. С. Ширским, «посетив одно заседание, внезапно скрылся», и за выяснение его личности и деятельности взялся студент Н. В. Тесленко. Представителем киевского студенчества был А. А. Колянковский. «Кроме Ширского от московской организации присутствовал, повидимому, Владимир Чернов»... (По сведениям начальника петербургского охр. отделения полковника Секеринского, в с'езде участвовал П. Федулов, который, действительно, жил в Москве с 19 декабря 1892 г. по 5 января 1893 года).

Судя по программе с'езда, главными темами его совещаний были вопросы: об отношении студенчества к явлениям общественного характера (надлежит ли «отзываться на непосредственную жизнь и принимать в ней активное участие»), к официальным академическим организациям и к инородческим элементам студенчества.

Стоял на очереди и вопрос о том, «нет ли возможности создать общий орган для студенчества». Повидимому, мысль о своем журнале сильно занимала тогда умы передовой части учащейся молодежи. Из перлюстрационных сведений д-та п. (март 1893 г.) видно, что среди московского студенчества существовал проект периодического издания под названием «Компанеец», о котором хлопотал студент А. П. Омельченко, известный по участию в кружке саморазвития учеников Полтавской гимназии; он писал об этом проекте товарищу

С. П. Юркевичу в Харьков, прося местный кружок о поддержке, но сочувствия не встретил.

В связи со вторым студенческим с'ездом возникла было новая организация, сделавшаяся известной под названием «Интернационалки», но просуществовала она очень недолго.

На земляческих собраниях, а потом и в пленуме «Центральной кассы» стали чаще и чаще возникать дебаты о взаимоотношениях молодежи разных национальностей и роли ее в общественно-политическом движении. Назревала потребность в основательной разработке этой проблемы, и в этих целях вслед за с'ездом организовался кружок из 25-ти человек, представлявших до 12-ти народностей.

На первом же собрании «Интернационалки» представители армянской национальности заявили, что, в виду особой близости их родины к Турции, их интеллигенция занята культурной деятельностью в этой стране и потому оказать поддержку русским сил она не имеет. Поляки об'явили, что ничего не имеют против самого русского народа, но не могут не относиться враждебно к его правительству. Представитель от якут выразил сожаление, что, в виду малочисленности якутской интеллигенции, помочь русскому народу в его борьбе она не может, так как ей надо заботиться прежде всего об удовлетворении материальных и духовных нужд своего народа...

Одно из собраний «Интернационалки» происходило 2-го марта в квартире, занятой студентами Г. Вейднером, Н. К. Гегелашвили, М. И. Мисенко и Н. В. Михельсоном. На этой сходке присутствовали в числе прочих: А. Е. Лосицкий, Виктор Чернов, А. И. Снежинский, И. А. Сосновский и И. Т. Павлицкий, который переписывал на студенческом с'езде протокол по поводу доклада о киевской организации...

В январе месяце (1894 г.) «Интернационалка» распалась, не принеся практических результатов.

ПОХОРОНЫ ПЛЕЩЕЕВА и „ШЕЛАПУТИНСКАЯ ИСТОРИЯ“

«Чистка» университета от «неблагонадежных элементов», которой сопутствовались «беспорядки» 1890 года и «Шелгуновская» демонстрация, выбила из строя значительную часть радикального студенчества, и оно в течение двух лет не показывалось «на улице». Из публичных выступлений земляческой организации за 1892 г. можно отметить воззвание, в котором было выражено порицание профессорам московского университета, подписавшим сочувственный адрес попечителю учебного округа Боголепову по случаю удачного проведения нового университетского устава.

В октябре 1893 года появилась прокламация от имени Союзного Совета 24-х землячеств с протестом против приветствия, посланного от имени московского студенчества парижской учащейся молодежи, по поводу франко-русских манифестаций во время тулонских празднеств. В этих манифестациях Союзный Совет видел «измену со стороны Франции своей великой исторической роли». Страна, говорилось в воззвании, «призывавшая когда-то мир разбить оковы деспотизма, воскуряет теперь фимиам перед русским правительством, которое подавляет все стремления к свету, свободе, самодеятельности»...

Из внешних событий общественного значения одно— смерть А. Н. Плещеева—дало учащейся молодежи, в среде которой поэт пользовался значительной популярностью, случай напомнить о своем существовании. 7 октября 1893 года тело покойного писателя прибыло в Москву; гроб был встречен и принят на руки студентами, собравшимися на вокзале Николаевской жел. дороги в большом числе. Похоронная процессия направилась по маршруту, заранее выработанному полицейскими властями; однако, выйдя на Садовую улицу, шествие направилось было по Уланскому пер. к университету; наряд городовых и околоточных преградил дорогу, произошло столкновение, во время которого кто-то одному полицейскому раскровянил нос; городовые хотели отнять гроб и чуть не вывалили покойника на землю. Сопровождавшая процессию дочь Плещеева разрыдалась, и тогда, по команде: «студенты—уступить!» шествие тронулось по предназначенному пути—к Новодевичьему монастырю, кладбище которого является в Москве местом вечного упокоения многих писателей.

Вскоре представился другой повод для агитации. Во время представления оперы «Паяцы» в так-называвшемся «Шелапутинском театре» итальянской труппой, студенты Руди, Келлер и Денисов, занимавшие «высокое» положение «галерочных» зрителей, выразили неудовольствие игрой артистов; в этом им хотел воспрепятствовать бывший в качестве бесплатного посетителя ученик филармонических классов Шестаковского (антрепренера труппы) некий Чекато, взявший на себя клякерские обязанности. Так как студенты продолжали настаивать на том, что дешевка занимаемых ими мест отнюдь не лишает их права критической оценки исполнения оперы, то протестантов театральные служители, под командой околоточного надзирателя Кадикова, вывели и для вящшей вразумительности поколотили.

Дело кончилось судебным разбирательством, при чем мировой судья приговорил Руди к штрафу «за нарушение тишины и спокойствия», а о поведении полицейского постановил сообщить прокурору. Молодежь заволновалась, тем более, что около того же времени случилось другое побойное дело: три студента пострадали около Смоленского вокзала от толпы рабочих на глазах городового, который не захотел заступиться за избиваемых.

29-го октября состоялась у Латухина весьма многолюдная сходка, на которой было решено реагировать на акты полицейского «действия» и «бездействия» обращением к обществу. Воззвание с описанием вышеупомянутых событий, оттектографированное в количестве 400 экземпл., скоро появилось, но заканчивалось оно... предложением воздержаться от манифестаций и терпеливо ждать результата судебного следствия против насильников.

У студенчества, что называется, «нехватило пороху»...

СМЕРТЬ Л. Н. ЭДЕМСКОЙ

Недостаток горючего материала сказался и на отношении молодежи к призыву почтить «должным образом» похороны действительной «жертвы произвола» Л. Н. Эдемской, деятельность которой была тесно связана со студенческим движением.

Как мы знаем, на квартире Эдемской еще в 1889 году и позднее происходили студенческие собрания; 14-го марта 1890 г. она была арестована за то, что прохаживалась около Пересыльной тюрьмы при рассылке оттуда арестованных за участие в «беспорядках». 24-го апреля Эдемскую привозили в охр. отд-ние «для увещаний» которые действия на нее, однако, не возымели. Мстительный Бердяев не остался в долгу.

Эдемскую сначала выслали из Москвы под надзор в Нижний-Новгород.

11 декабря 1891 г. ее снова арестовали и доставили в ту самую Пересыльную тюрьму, около которой она недавно дежурила, ожидая высылаемых товарищей, чтобы оказать им необходимую помощь. Сидя в одиночном заключении, Эдемская написала, обращаясь к какому-то «дорогому и далекому другу» пространную (на 7 листах) автобиографию, в которой ярко изобразила свои тяжелые переживания и свое «хаотическое настроение» (она в то время уже обнаруживала признаки душевной ненормальности).

В октябре 1892 г. Эдемскую выпустили из тюрьмы для отправки под особый надзор на родину—в г. Муром.

Ее подруга Анна Шустова стала хлопотать об оставлении Эдемской в Москве для помещения ее в Александровскую больницу, как психически больной (в форме дегенеративного психоза, что удостоверил специалист доктор Токарский). Охранное отделение приказало вернуть Эдемскую в тюрьму, в виду неисполнения ею обязательства о выезде, для отправки этапным порядком к месту назначения; но начальник тюрьмы не принял Эдемскую в виду явного болезненного состояния ее, и арестантку посадили временно в Яузский приемный покой.

16-го октября департам. полиции согласился на помещение Эдемской в Александровскую больницу; но и там охранное отделение не оставило ее в покое. Спустя несколько дней оно потребовало от местного пристава сведения о состоянии здоровья Эдемской и получило ответ: не улучшается и надежды на поправку нет. 21 апреля 1893 года снова последовал запрос, на который получилось уведомление, что Эдемская в последнем градусе чахотки; 8-го сентября опять справка. Ответ: больная умирает.

19 сентября 1893 года Эдемская скончалась. Похоронили на Лазаревском кладбище. Некоторые товарки покойной (С. Пронина, А. Васильева и Т. Трутнева) агитировали за устройство манифестации на похоронах, но собралось не более полусотни человек, и среди них не нашлось ни одного, кто решился бы поставить ребром вопрос, как это было на похоронах Астырева: на чьей совести лежит смерть этой новой «жертвы произвола»?..

Бердяев умел быть жестоким с теми, кто не поддавался на его заманчивые предложения, кто был верен своему долгу, оставаясь при убеждении, что есть времена, «в которые нет ничего желаннее тернового венка»...

ДЕЛО А. М. МОИСЕЕВОЙ

Рассказывая об Эдемской, я вспомнил еще одну жертву, но не столько произвола, сколько своего сангвинического темперамента, который как-раз в том же 1893 году пришлось заниматься московскому охранному отделению.

27-го января в читальне библиотеки Румянцевского музея, в Москве, одна из посетительниц пыталась отравиться; по доставлении в больницу она оказалась дочерью чин. А. М. Моисеевой. На следующий день московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, хорошо известный своими реакционными симпатиями, получил по почте письмо за подписью А. Моисеевой, в котором требовалось ни более, ни менее, как скорейшее дарование конституции.

31-го января Моисеева, оправившись, покинула больничную койку, но 7-го февраля ее, по распоряжению департамента полиции, арестовали и привлекли к формальному дознанию. По обыску у Моисеевой нашли несколько адресов (Г. Мачтета и др.), записку на имя В. Гольцева, в которой она извинялась, что не могла вернуть долга, и письмо, предназначенное ее матери, такого содержания: «Вы, наверное, из газет узнали о моем покушении... Мотивы его я об'яснить не могу; главную роль тут играли мои политические убеждения»...

На допросах в жандармском управлении Моисеева очень много распространялась о своей революционной деятельности, при чем попутно оговорила Л. Рейнгольда, С. Н. Вольского (6-го марта тоже покушался на самоубийство), который принадлежал, будто-бы, к «тому же кружку» рабочего с завода Гужона Федора Герасимова, через которого она «вела пропаганду» и пр. Письмо же о конституции она написала, согласно ее заявлению, по совету приезжавшего из-за границы Райнера (речь идет, вероятно, о «делегате» С. Райчине, которого Моисеева могла знать по наслышке).

На дознании создалось очень забавное и весьма редкое положение: обвиняемая из всех сил старалась доказать свою виновность, а обвиняющие ни за что не хотели ей поверить. И несмотря на все старания Моисеевой, жандармы, увидев, что большинство ее наговоров на себя не получило подтверждения, пришли, в конце-концов, к заключению, что она «личность эксцентрическая, не особо строгих правил и склонна похвастаться» (XVII «Ведомость дознаний»).

Некоторое соприкосновение с революционной средой Моисеева, несомненно, имела—ее знал, например, Ф. Невский. Тем не менее, в тюрьме политические сразу же заметили, что новая их соседка «не от мира сего»; как сообщала Смеречинская, Моисееву на первых порах приняли даже за шпионку.

Что же касается «не особо строгих правил», то повод к такому заключению, правда, могли дать многие письма и записки, обнаруженные у Моисеевой; эти документы, которые с таким смаком перечитывали жандармы, свидетельствовали скорее о некоторых патологических наклонностях Моисеевой, тем более, что по справкам оказалось, она до ареста провела уже в качестве нервно-больной целый месяц в специальной лечебнице.

Несмотря на все это Моисеева, по «в. п.» от 1 декабря 1893 года, была приговорена к 6 месяцам тюремного заключения и 3 г. гл. н., который отбывать ее отправили в Одессу.

Романтические наклонности Моисеевой, в конце-концов, нашли себе применение, но не в политике, а там, где они более уместны—в литературе. Из бывшей политической арестантки со временем выработалась писательница, рассказы которой за подписью «Мирэ» в свое время пользовались заметным успехом и обещали ей будущность. Но в 1913 году, если не ошибаюсь, Моисеева умерла, как сообщала московская газета «Утро России», в которой она работала, в большой бедности.

НАБЛЮДЕНИЕ В РОЗНИЦУ

Делом Моисеевой охрана не интересовалась, так как, благодаря «Феденьке» (Невскому), она знала цену этой неуравновешенной особе. Да у Бердяева и без того было слишком много всяких хлопот. Ведь, помимо наблюдения за революционными деятелями, групповая принадлежность и деловая роль которых были хорошо известны, приходилось следить еще за лицами, на причастность которых к «подпольной» работе имелись те или иные указания, но связи и деятельность которых внутренней агентурой не были достаточно освещены.

В этих случаях на долю наружного наблюдения выпадала ответственная задача, и филерам приходилось выполнять тяжелую и кропотливую работу. Лиц этой категории—«одиночек»—было много; для примера я приведу лишь некоторые, более интересные случаи, когда слежка длилась, сплошь и периодически, целыми неделями, иногда—месяцами, а то и в течение нескольких лет.

В 1892 году было установлено, по предписанию департамента полиции, наблюдение за прибывшим 17/IX из Петербурга в Москву В. В. Святловским, которое продолжалось до 14-го ноября, когда он уехал за границу; об его пребывании в Москве охранное отделение донесло: собирается с Н. П. Ломакиным и Ф. Невским (на ловца и зверь бежит!) издавать «Книжный Вестник»; знаком с литераторами; «большой фат, доверием не пользуется».

В ноябре того же года следили за П. и М. Макаревскими,—кажется только потому, что их брат Алексей принадлежал к числу выдающихся народовольцев (был арестован в 1885 году, бежал, через два года снова задержан благодаря содействию предателя Шустрова[2]).

19 сентября 1892 года департамент полиции предложил Бердяеву обратить особое внимание на поступающего в Московский университет П. Смидовича, который, еще будучи в гимназии, заявил себя юношей, «глубоко проникнутым революционными идеями». В феврале следующего года из Петербурга было предписано учредить за Смидовичем наблюдение «на месяц». Ока-

залось, что сей молодой человек принадлежит к тульскому землячеству вместе с товарищами Н. Н. Глаголевым (который жил, не подозревая того, в одной квартире с надзирателем охранного отделения П. Борисовым) и А. А. Малиновским (впоследствии—известный с.-д. писатель «Богданов»), за которыми велась самостоятельная слежка. 3 декабря 1894 года Смидович был выслан в гор. Тулу под гласный надзор, на 3 года (ныне видный московский деятель коммунистической партии).

Еще писатель-экономист С. Н. Прокопович; начиная с осени 1892 года он подвергался филерским преследованиям многократно, на протяжении нескольких лет (вплоть до своего ареста); но об этом придется рассказать особо, что и будет сделано в свое время.

И еще литератор, еще более известный: В. Г. Короленко; 9 ноября 1892 года он выехал из Москвы в Петербург, напутствуемый такой телеграммой Бердяева своему коллеге Секеринскому: «Необходимо наблюсти за А. Мягковым и его сношениями с Короленко, который передаст ему статью по поводу холеры, озаглавленную «По России»; Мягков должен сдать ее в одну из типографий, печатающих прокламации; статью эту не пропустила цензура, и Гольцев дал ее в гранках переписать»... (К сожалению, в телеграмме не было сказано, кому Гольцев дал переписать—племяннице своей В. Цирг, или ее приятельнице М. Н. Корнатовской? Впрочем, результат был бы один и тот же).

14-го ноября Короленко вернулся в Москву (останавливался у своего брата Иллариона) и через 3 дня уехал на Киев.

В январе 1894 г. Короленко снова появился в Москве; наблюдение выяснило круг его знкомых: Говядинова, Василевская, Анненский, Лазаревский, Зверев, Григорьев. Потом Короленко уехал в Н.-Новгород; осенью вернулся в Москву. Предполагалось, что он напишет текст «петиции» о свободах. 29-го ноября он опять отправился в Петербург, и снова полетела туда телеграмма о наблюдении за ним...

Все лето 1893 года филеры не оставляли в покое сестер Толочко,—в ожидании того, что их удастся изловить «на транспорте» (как мы уже знаем, брат их, львовский студент, был организатором контрабандного перевоза нелегальщины); надежды оказались напрасными.

Часть транспорта, переправленного студентом Толочко, оказалась, по агентурным сведениям, у ветеринара К. Г. Кезевича, который прибыл 19 апреля 1893 г. из Петербурга в Москву одновременно с распоряжением департамента полиции об учреждении за ним наблюдения, в виду того, что он «распространяет нелегальные издания» (возможно, что агентурные сведения в данном случае шли от М. Петрова, так как Кезевич тоже посещал вдову Никитскую). Наблюдаемый, пользуясь тем, что он жил на окраине Москвы (в Рогожской части), а работал за городом (на бойнях), упорно уклонялся от филерского соглядатайства, которому удалось выяснить только, что он был знаком с Цуриковыми и посещал Муриновых.

Но кроме «своих» одиночек московскому охранному отделению приходилось обслуживать еще приезжих и проезжих гостей, чего Бердяев не любил, так как такие наблюдения не давали ему повода отличиться, а «людей» его отрывали от работы.

Так, в феврале 1892 года филерам Седыху и Грулькe пришлось тащиться до Уфы за В. М. Морозовым, проездом из-за границы заглянувшим в Москву, чтобы повидаться со своей сестрой.

Осенью наблюдали за И. И. Сведенцевым (прибывшим, кажется, из Петербурга), который, побывав на собрании, происходившем 10 ноября 1893 г. у П. Ширского (присутствовали Вл. Чернов и неизбежный Ф. Невский), выехал в Н.-Новгород.

24 апреля 1894 года приехала из Петербурга Сме-

танина, которую филеры Катин и Линев проводили в Саратов.

9 июля 1894 года прибыл в Москву В. А. Осипов [3]) который через три дня выехал, сопровождаемый наблюдением, в гор. Покров, а оттуда—тоже в гор. Саратов. Туда же 5 декабря 1894 года филер Попов доставил Ювенальеву, сестру известной Е. Кусковой.

12 декабря 1895 года прибыл в Москву из Петербурга Н. Бух (бывший каторжанин), за которым директор департамента полиции требовал учредить «осторожное наблюдение»; но старый народоволец побоялся, должно-быть, бердяевской вотчины и в тот же день уехал в Воронеж.

ПСИХОПАТЫ-ДОНОСЧИКИ

Приходилось охране иметь дело еще с клиентами особого рода—с людьми, страдавшими манией доносительства, которыми был богат почему-то 1895 год.

24 декабря 1894 года в охранное отделение явился ветеринарный врач Осипов и написал донос в несколько листов который по своей бессвязности не оставлял сомнений в том, что автор его психически ненормален. Осипов и после приходил несколько раз—ему давали бумагу, он строчил, а затем его творения подшивались «к делу».

8 декабря 1895 г. в охранное отделение явился быв. ученик реального училища Б. Крылов с жалобой на то, что, как ему казалось, его собираются убить люди, которых он намерен разоблачить. В заявлении, которое Крылов написал по совету своего дяди Кетрица, юноша рассказал о том, что в трактире он познакомился с людьми, которые умышленно проигрывая ему на биллиарде, старались завлечь его в сообщество, «имеющее целью поднять вооруженное восстание в Уссурийском крае», и т. д. Кетрицу посоветовали направить молодого человека к психиатру.

В том же декабре месяце охранное отделение осаждал пространнейшими доносами на воображаемых «динамитчиков» инженер К. Изюмов, состоявший когда-то под негласным надзором полиции. По об'яснению Бердяева, Изюмов, находясь в Вене, дал департаменту полиции богатые сведения, за что эмигранты его поколотили, при чем, будто-бы, от удара по голове он и «свихнулся». Как психически ненормальный, Изюмов уже находился одно время в приемном покое Сущевской полицейской части.

Более серьезный характер имела история А. Г. Шнеля, студента московского университета, который, явившись 2 августа 1895 года в Петергоф, стал добиваться аудиенции у самого царя, дабы иметь возможность лично доложить ему об одном очень важном деле. Дворцовая полиция задержала, разумеется, дерзкого студента и доставила его к дежурному «при его величестве» генералу; при личном осмотре Шнеля оказалось, что он имел при себе большой кинжал...

На допросе в петербургском охранном отделении Шнель показал, что он имел в виду сообщить царю сведения о польском заговоре, которые он получил от некоего Шуберта; так как в этом заговоре участвуют и приближенные государя—придворные генералы, то, в целях самообороны, он и взял отобранное у него оружие...

Секеринский пригласил начальника врачебного управления Баталина и, по его совету и по соглашению с департаментом полиции, отправил Шнеля в больницу для умалишенных; оттуда Шнель написал письмо родителям, в котором вполне связно рассказал приключившуюся с ним оказию и выразил претензию на то, что охранное отделение за патриотизм и без всякого консилиума врачей упрятало его в сумасшедший дом...

Так как родители Шнеля жили в Можайском уезде, то неудачливого патриота отправили в Москву, поместили в приемный покой Сущевской полицейской части и поручили врачу Щербакову медицинское над ним наблюдение. В прошении, которое вскоре написал Шнель обер-полицеймейстеру, он снова выразил недоумение по поводу происшедшего, об'ясняя такое несправедливое обращение с ним тем, что некоторые влиятельные лица испугались его разоблачений. В заключение Шнель просил избавить его от компании сумасшедших, иначе, писал он, «от долгого пребывания с ними и я могу рехнуться»...

По отзыву отца, Шнель последнее время пьянствовал и развратничал, а по свидетельству Эдельберг, у которого он жил в качестве репетитора, Шнель был нетрезв только один раз—перед от'ездом в Петербург. В конце-концов, бедного студента отправили в Преображенскую больницу.

Несколько позднее дворянка Тюменева, у сына которой гостил Шнель, представила в охранное отделение оставленное последним письмо, за пятью печатями, адресованное «в собственные руки императора Николая Александровича», в котором он излагает суть заговора, во главе которого «стоит содержательница парфюмерного магазина в Козихинском пер. Полония Ольшевская» и т. д. Пакет этот Шнель оставил на случай, «если будет убит врагами России»...

Хотя и не в здравом уме был молодой человек, но понимал, чего можно ожидать от людей, с которыми он дело делать собирался!

НАБЛЮДЕНИЕ В Г. ТУЛЕ

У московской охраны была еще категория «невыигрышных» дел, это—розыски, которые оно предпринимало не по своей инициативе, а вследствие приказания свыше. После успешного набега на Тверь, департамент полиции, потерявший веру в способности жандармов, стал часто осуществлять свои провинциальные расследования при посредстве московского охранного отделения.

Одно из таких дел возникло в конце 1894 г. Суть его заключалась в следующем. Перед тем, как через Тулу должно было проследовать тело умершего в Ливадии царя Александра III, на одной из улиц помянутого города была найдена записка, в которой неизвестное лицо предупреждало власти о том, что будет сделана попытка взорвать динамитом императорский поезд и что на Томилинской улице существует тайная типография; в виду этого, анонимный автор предупреждения советовал губернатору принять меры предосторожности и просил отнестись к нему, анониму, участвующему в этом деле, когда последнее раскроется, как можно снисходительнее.

С первого взгляда была очевидна вздорность сообщенных в записке сведений. Но департамент полиции посмотрел на это дело иначе; «имея в виду, писал он Бердяеву, что в Туле могли существовать остатки рабочих кружков, организованных Егуповым, и что воззвания, появившиеся в 1893 году от группы народовольцев, были отпечатаны летучей типографией, которая временно могла устроиться в Туле, в этот город надлежит послать трех опытных филеров для наблюдения за Томилинской улицей и вообще за лицами, известными по прежней антиправительственной деятельности».

Приказание было исполнено, и 12 ноября 1894 года московское ищейки выехали в гор. Тулу «для наблюдения за Томилинской улицей». Слежка началась с М. С. Сергиевского, слесаря в железноморожном депо, и выяснило его ближайших знакомых: Е. М. Перевозникова, П. И. Иванова, С. В. Панфилова (тоже служили в депо), а также работавших на оружейном заводе: М. И. Юдина, И. И. Иванова, Впоследствии дневники наблюдения московских филеров украсили имена: В. П. Звегинцева, А. А. Малиновского, С. Н. Ставровского, Н. Н. Глаголева, П. И. Векшина (бывшие студенты), И. И. Вершинина, С. П. Сафонова, И. Я. Сидорова и др...

Только через два месяца (17 января 1895 года) Томилинская улица была оставлена в покое, и отдохнувшие филеры вернулись в Москву, преподнеся своему начальству вместо «шлепалки»—печатные тульские пряники, трофеи, которые обошлись казне в немалую копеечку.

ДЕЛО Н. Н. МИХАЙЛОВА

Другое дело—тоже пустоцвет—возникло далеко от Москвы, на берегах Сены. 5 апреля 1894 года департамент полиции сообщил, на основании донесений Рачковского, московскому охранному отделению, что лондонским и парижским эмигрантам известно, что в России существует народовольческая организация, выделившая «боевую группу» в 8—10 террористов. 30-го июня того же года департамент уведомил дополнительно, что заграничные революционные деятели проектируют организовать систематический террор изолированными кружками человек по 7; они, кроме того, отвергают пользу устройства типографии внутри империи, предполагая сосредоточить издательское дело в Лондоне, для чего думают устроить там в будущем сентябре с'езд [4]).

23 июля 1894 года департамент полиции сообщил Бердяеву, что террорист Бурцев возобновил сношения с бывшим своим товарищем по казанской гимназии, живущим в гор. Уфе, Н. Н. Михайловым, которому пишет, прося ответить на адрес Бондаренко [5]). Последний виделся с Михайловым в Одессе еще 23 августа 1893 года; 15-го ноября того же года Бондаренко выехал за границу; 1 мая 1894 года он вернулся в Одессу, где жил без прописки у Ляхницкого. 27-го мая Бондаренко выехал через Киев в Уфу; в сентябре собирается вернуться через Одессу за границу. Бондаренко был, вероятно, и в Петербурге, где он имеет знакомую Х. А. Сердюкову, невесту казненного П. Андреюшкина. Так как, закончил департамент полиции свое сообще-

ние, Михайлову, когда он жил в Одессе, был близок В. Н. Тюнин, «который, будучи студентом Московского университета, в 1892 году состоял в числе секретных сотрудников московского охранного отделения, то было бы желательно привлечение его к оказанию агентурных услуг» в этом деле.

Бердяев ответил на это, что местожительство Тюнина неизвестно. Наблюдением же, установленным за Михайловым, было выяснено, что, живя летом 1894 года в Уфе, он был знаком с Е. А. Гоппиус. 9 декабря 1894 г. Михайлов выехал из Киева в Петербург, а 13 июня 1895 года прибыл в Москву. Сюда приехал потом и Бондаренко.

Когда 1 января 1896 года департамент полиции сообщил московскому охранному отделению, что, по полученным сведениям (вероятно—перлюстрационным), «Бондаренко занят каким-то предприятием, которое быстро развивается», Бердяев не без иронии ответил: «занят чертежными работами»...

ДЕЛО А. Н. СЕЛИВАНОВА. КРУЖОК А. А. ЖАРДЕЦКОЙ

За границей же началось и второе «мертворожденное» дело. По сведениям Рачковского, весной 1895 года в Швейцарии появились два молодых человека, которые по выяснении оказались А. Н. Селивановым и В. А Шестаковым, известными уже департаменту полиции по их прошлой деятельности.

Селиванов в 1892 году был уволен из Ярославской духовной семинарии и вращался затем в среде местной неблагонадежной интеллигенции (студенты Демидовского лицея: В. Шестаков, В. Беляев, С. Панютин, И. Озерецкий, В. Диомидов, Ф. Безбородов, И. и С. Ивановы, а также А. Преображенский и сестры Жеряковы). По протекции поднадзорного П. Скульского, Селиванов получил потом место писца в Ярославской контрольной палате; в 1893 году он уехал за границу.

Шестаков был замечен еще в 1890 году по сношениям с Т. Тиличенко, известной по «Самоуправлению»; в следующем году он по делу об укрывательстве Сабунаева отбыл 4 месяца тюремного заключения. В сентябре 1893 года Шестаков поселился в Ярославле и сгруппировал кружок, в который, кроме Жеряковых и Скульского, вошли: Кириллов, Котельников, Казанцев и Лапина. В апреле 1894 года Шестаков тоже выбыл за границу.

Поселившись в Швейцарии, Селиванов, пользуясь рекомендательными письмами «от друзей Астырева», сошелся с эмигрантами К. Гронковским (приятелем Бурцева), Х. Житловским и Ш. Рапопортом, которым выдал себя за представителя московского террористического кружка, задумавшего покушение на царя и нуждающегося в типографии. По просьбе Селиванова, цюрихская группа эмигрантов обратилась к лондонскому «Фонду Вольной Русской Прессы» с просьбой о содействии по доставке литературы и приобретению типографских принадлежностей. Селиванов настойчиво звал эмигрантов ехать в Россию, обещая снабдить желающих паспортами и деньгами.

В первых числах июня 1894 года Селиванов выехал в Россию; побывав в Ярославской губернии, в Москве и Киеве, он направился во Владикавказ, где 20-го августа и был обыскан, при чем у него нашли переписку с эмигрантами. (В июне 1896 года Селиванов находился в Московской пересыльной тюрьме в ожидании ссылки).

Третье дело, связанное тоже с заграницей, возникло вследствие перлюстрационных данных. В октябре 1894 г. департамент полиции препроводил московскому охранному отделению копию письма, посланного 15-го числа на имя А. А. Жардецкой, такого содержания: «Приходи в воскресенье, в половине четвертого (Гирш. № 87). Передайте, что собрание будет в Романовых номерах, № 92».

Дополнительно департамент полиции сообщил, что адресатка письма Жардецкая, знакомая проживающего в Цюрихе Виктора Курнатовского, продолжает обращать на себя внимание сношениями с лицами вредного направления. Так, в минувшем октябре некто «X. М.» просил ее взять на себя труд переписать тетрадь с какими-то «псалмами», которую он не решался доверить мало знакомому лицу. В настоящее время получено письмо из Москвы за подписью «З. А.» к вышеупомянутому Курнатовскому, в коем автор сообщает: «у нас продолжается прежнее озлобление против марксистов, особенно по поводу книжки Струве. Вместе с озлоблением растет интерес к материалистической литературе. Склад наш все растет. Издательство становится интересным. Относительно А. А. и ее сестры, конечно, все сделаю, что только смогу».

Наблюдение, установленное за Жардецкой, вскоре выяснило ее «кружок», в который входили: З. А. Серебрякова (автор письма), А. Н. Геслер, братья Франчески, К. Коган, Л. Н. Раевский, А. Ф. Сумеркин, А. Г. Крушов, Н. С. Баранская, Е. И. Власова, С. Жардецкая, Н. Жардецкий и супруги Муриновы, в книжном складе которых упомянутая выше Серебрякова служила.

В сущности это не был «кружок Жардецкой», так как последняя играла среди упомянутых лиц второстепенную роль; вообще этот кружок не имел самостоятельного значения и большая часть его членов, имевших марксистский уклон, вошла потом в так-называемую Котовскую группу, о которой еще придется говорить.

АРМЯНСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

В апреле 1890 года в Москву приехал из Таганрога А. М. Муссури, о котором местная власть сообщила московскому охранному отделению, что, в виду крайней неблагонадежности этого молодого человека, за ним надлежит учредить «строгое секретное наблюдение». Несколько позднее поступили сведения о том, что Муссури принадлежит к кружку интеллигентных армян, намеревающихся добиваться революционным путем освобождения родины из-под ига Турции и России, и что в этих целях Муссури занят покупкой оружия, три партии которого он, будто бы, уже отправил через посредство транспортной конторы «Надежда», в которой он служил. Затем были получены (в январе 1892 г.) указания, что к числу армянских националистов принадлежат еще живущие в Москве Берберов и Цатуров, что сторонниками армянской независимости являются профессора московского университета Гамбаров и Нерсесов и что к этому делу имеет какое-то отношение проф. Веселовский.

В ноябре 1894 года внимание департамента полиции было обращено на Л. Херумяна, «возбудившего сомнения в своей политической благонадежности и выказывавшего себя личностью решительного характера». Поселившись в Москве, названный Херумян, судя по его письмам в Тифлис, завел знакомство с каким-то «О», «свободным художником, который сегодня служит контролером на конке, завтра—поденщиком на фабрике» и т. д. Этот «О» ввел Херумяна в свой кружок и познакомил его с представителями московских социал-демократов, народовольцев и толстовцев, благодаря чему он получил возможность получать нелегальные издания. Между прочим, 8-го ноября Херумян предполагал выехать в Кусково (под Москвой) для более короткого знакомства с рабочими, среди которых «О» имел много приятелей. В виду всего сказанного департамент полиции предложил московскому охранному отделению установить наблюдение за Херумяном и выяснить личность «О».

Только в мае следующего года Бердяев ответил на это предложение, доложивши, что Херумян знаком с марксистами И. Давыдовым и А. Рязановым (загадочный «О» остался невыясненным).

В ноябре 1894 года департамент полиции сообщил московскому охранному отделению копии двух перлюстрационных писем (А. Хатисова из Харькова и Т. Атабекова из Москвы), которые свидетельствовали, что армянская учащаяся молодежь собирается подать русскому правительству петицию о защите турецких армян (подписи направлялись в Москву, по адресу В. Тер-Карапетова).

Весной 1895 года московское студенчество организовало кружок под названием «Прогресс», который задался целью культурной помощи армянскому населению путем организации школ, посылкой библиотек, учебных пособий и сбором на это денежных средств; кроме того, в Москве и Петербурге образовались литературно-издательские общества (перлюстрации писем, из Москвы: Тадевосьянца—в Петербург, Констанаянцу и М. Дериханова—в Тифлис, И. М. Гюль-Назарову).

Несмотря на приток всяких «данных», Бердяев армянскими националистами совсем не интересовался и никакого розыска по поводу их деятельности не предпринимал. Индиферентное отношение начальника охраны к армянскому движению, сказавшееся в последующем еще более ярко, могло бы внушить мысль, что он разделял идеи о самоопределении наций, если бы не было известно, что у него вообще никаких идей не было, кроме одной: поскорее выслужиться. Главная причина индиферентизма Бердяева была та, что, как он говорил, «на карапетах много не заработаешь».

В 1895 году армянское движение после известной Сасунской резни, учиненной турками, очень оживилось. За границей образовалась эмигрантская группа, предпринявшая издание (в Лондоне) периодического органа под названием **«Гнчак»** с лозунгом: «Об'единенная Армения». Армянские патриоты, жившие в России, направили свои усилия, главным образом, на закупку оружия.

В Москве этим делом занялись И. Мусиньянц, который под видом галантерейного товара отправлял в

Тифлис и Эривань оружейные части и патроны, С. Мигдисянц, состоявший кассиром московского землячества армян («Жогов»), М. Мурадов и др. лица, выясненные исключительно департаментом полиции путем перлюстрации [6]).

Вот как описывал свои коммерческие операции один из покупщиков «галантерейного товара». «По поводу мастерской сообщаю следующее. На-днях мною приобретено 545 ружейных стволов последней системы точно такого же образца, которого у нас имеется 2 штуки. Кроме того, мною куплены 32 вполне годных берданки, по 10 руб., а также мелкие инструменты. Завтра все будет упаковано в 20 ящиков и выслано. Послезавтра поеду в Петербург, где постараюсь купить коечто. Напишите теперь же в Баку, чтобы приобрели станок. Мастерскую надо расширить; об этом я позабочусь по приезде.

Чувствую, что едва ли сумею благополучно отделаться—моя комната превратилась в арсенал; пожалуй, настигнут по следам. Там ли Мехран? В скором времени приедет один студент, который уже запасся паспортом. Мой адрес: Москва, до востребования, Аристагесу Абрамьянцу. (Письмо от 18-го мая 1895 г., М. Тер-Исаянцу, в Тавриз).

В виду таких «агентурных сведений», д-т п. 31-го января потребовал от московского охранного отделения выяснения, каким путем—при посредстве транспортной конторы или через железную дорогу—было отправленно оружие? Бердяеву пришлось кое-что предпринять. 11-го июня он донес: Абрамьянц, живущий вместе с М. И. Мусаньянцем, 2-го июня ездил в Тулу, где виделся с М. И. Белоусовым, домовладельцем, С. И. Сушкиным, хозяином оружейной мастерской, и мастером патронного завода С. И. Ливенцовым.

Но оказалось, что до этого Абрамьянц успел уже с'ездить в Петербург (где он пробыл с 19 по 29 мая), с целью приобретения, будто бы, «машин для шорной работы».

Терпение у д-та п. лопнуло, и 3-го июня 1895 г. он разразился следующим предписанием: «Армянское движение принимает размеры, угрожающие порядку и общественному спокойствию в империи; среди армянских агитаторов образовалась «Армянская рабочая революционная ассоциация» (или «Ассоциация армянских социалистов»), печатающая газету «Крыв» («Борьба»), преследующую на-ряду с национальными и обще-революционные задачи.

Дабы прекратить сбор денег и отправку оружия через Персию в Турцию, решено приступить к расследованию упомянутой социалистической ассоциации для привлечения участников ее к формальной ответственности, в виду чего надлежит учредить неотступное наблюдение за Абрамьянцем и Мусиньянцем».

Д-т п. не давал покоя Бердяеву и далее. 15-го июля он сообщил ему, что в Москве находится прибывший из Тифлиса редактор армянского журнала А. М. Мосесов, один из важнейших агитаторов, прозванный Шерванзаде, распространяющий подпольный орган «Гнчак» и выработанный последним «Проект восстания».За Мосесовым тоже требовалось установить слежку.

26-го сентября д-т п. препроводил московск. охранному отделению копию письма (полученного тем же «агентурным путем» почтовой «цензуры») из Тифлиса в Москву, на имя Мигдисова. В этом документе (полуофициального характера: «№ 25») содержалась инструкция о выборах и сборах, также названия городов, как они значатся «в шифровке» (деревня Борд—есть город Карс, Апараж—Шуша, Арарат—Эривань, Ангостан—Елизаветполь, Почпат—Москва и т. д.).

30 сентября 1895 года департамент предложил моск. охранному отдел. выяснить личность некоего «А. О.», на имя которого, по адресу Х. Е. Чилингарова, в Москву, было послано А. Хумарьянцем из Тифлиса письмо, содержавшее постановление Ахалкалакского армянского революционного комитета по вопросу об об'единении. Одновременно департамент полиции сообщил,

что Чилингаров, находясь в Ахалкалаке, участвовал в местном революционном кружке, и что он состоит в сношениях с гнчакистами и получает их орган. Вместе с тем, департамент полиции предложил Бердяеву иметь на будущее время «более внимательное наблюдение за деятельностью ранее указанных лиц».

Через несколько дней после этого, департамент полиции, сообщая московск. охранному отделению о том, что Хумарьянц, деятель Армянской рабочей революционной ассоциации, арестован в Тифлисе, и что у него обнаружено много нелегальных изданий (программа И. К. «Народн. Воли», «Речь С. Бардиной» и пр.), вновь напомнил о необходимости выяснения «А. О.» и присовокупил, что «Абрамьянц, на которого департамент полиции неоднократно обращал внимание охранного отделения, остался неразысканным и, вероятно, скрылся в Персию».

В ответ Бердяев, раздосадованный упреком, послал департаменту полиции заявление опрошенного им Чилингарова о том, что одно письмо для «А. О.» он, действительно, получил, но уничтожил, как не ему адресованное.

На это донесение департамент полиции ответил предписанием: «в виду неправдоподобности об'яснений Чилингарова—учредить за ним наблюдение для выяснения «А. О.».

Полемика между охранниками продолжалась и в последующем.

5 октября 1895 года департамент полиции обратился к московскому обер-полицеймейстеру с таким предложением:

«Препровождая при сем совершенно доверительно копии полученных агентурным путем писем из Тифлиса к проживающим в Москве в меблированных комнатах «Ницца» армянам Мигдисову и Мусанянцу (вероятно, Мусинянцу), департамент полиции имеет честь уведомить ваше превосходительство, что в виду соображений, изложенных в отношении от 30-го прошлого сентября за № 8092—1726, департамент полагает своевременным произвести тщательные обыски у Мусинянца, Абрамьянца (если последний еще в Москве) и вообще у тех армян, которые наблюдением замечены в ближайших с названными лицами сношениях, для привлечения их к производящемуся при тифлисском губернском жандармском управлении дознанию о сношениях русских армян с заграничными революционерами и о водворении ими оружия и боевых припасов в Турецкую Армению. Прилагаемое к сему письмо на имя Мусинянца, писанное, очевидно, важным агитатором и выставляющее Мусинянца лицом, близко стоящим к центру действия, в случае обнаружения его (письма) при обыске, может иметь для дознания важное значение. Директор Сабуров. За делопроизводителя Ратаев [7]».

Несмотря на категоричность предписания департамента полиции, охранное отделение не спешило с выполнением приказа и придумало новую оттяжку. 19-го октября оно запросило Петербург: следует ли производить требуемые обыски, в виду того, что местные армяне совершили молебствие за здравие русского царя-заступника по случаю принятия Портой проекта реформ по отношению христианского населения Турции?

Департамент полиции настоял на своем, и 21 октября 1895 года были арестованы Мурадов, Мусиньянц, Мигдисянц и обысканы Г. А. Цовьянов, И. М. Сундукьянц и А. А. Нерсесов; при этом у Мигдисянца отобрали револьвер, а у Мусиньянца—63 ружейных патрона; их обоих отправили в распоряжение тифлисского губернского жандармского управления. Абрамьянц оказался выбывшим еще в июле месяце в г. Эривань...

Несколькими днями позднее этой «ликвидации», принесшей такие смехотворные результаты, департамент полиции сообщил московскому охранному отделению, что 19-го октября (чуть не накануне обысков) Мусиньянц отправил через транспортную контору «Надежда», из Москвы в Эривань Мартиросову, по накладной № 48531, 6 ящиков «галантерейного товара»—оружия, приобретенного в магазине Торбека...

О том, что делалось в «первопрестольной», петербуржцы иногда лучше знали, чем сама московская охрана...

Развязавшись с департаментом полиции, Бердяев занялся армянами сам. Было установлено, уже как следует, наблюдение и за А. Погосовым, о котором были сведения, что он скупает оружие, и за Чилингаровым, и за его знакомым А. Огаджановым, в котором так нетрудно было угадать столь долго искомого департаментом полиции «О» и «А. О.».

Впоследствии из этой коммерции с армянским «галантерейным товаром» московское охранное отделение создало, как это мы увидим потом, уже без надоедливых департаментских перлюстраций, «блестящее дело».

ГЛАВА X

Партия «Народного Права».—Тайная типография в г. Смоленске.—Дело Величкиных.—Розыски в Воронеже.—А. И. Эртель под наблюдением.—В. Я. Яковлев и провокатор М. И. Гурович

ПАРТИЯ „НАРОДНОГО ПРАВА".

И еще одна об'единительная попытка!

И опять неудачная, хотя вышла она из недр обширного круга лиц солидных, с крупным революционным прошлым и умудренных горьким опытом. Но и у этой организации была очень большая голова, а туловища не имелось: в центре стояла сплошь интеллигентщина, правда—незаурядная, но за ней не было никакой опоры сплоченных масс. И стоило «голове» лишь открыть рот, как на нее опустилась тяжелая полицейская дубина, и новое образование подверглось немедленному распылению.

Официальный летописец, повествуя о деле партии «Народного Права» (в «Обзоре» XVIII), пишет: ряд дознаний выяснил, что революционные вожаки, приписывая неуспех своей деятельности «партийным раздорам», сознали необходимость об'единения программ и противоправительственных кружков. Осенью 1893 г. поступили агентурные сведения о том, что старые революционеры Н. С. Тютчев, П. Ф. Николаев и М. А. Натансон решили выработать новую программу и устроить типографию.

Эти сведения несовсем точны: упомянутые «агентурные сведения» были получены гораздо ранее, и можно сказать, что московское охранное отделение присутствовало в лице своих сотрудников в качестве чересчур усердной акушерки, чуть ли не при самом зачатии «Народного Права».

Один из видных деятелей нарождавшейся организации, Виктор Чернов, уже с весны 1893 года состоял под наблюдением, которое затем прерывалось иногда лишь на короткое время; для «освещения» деятельности нового, бойкого и речистого агитатора охрана приставила к нему свое «око — Ф. Невского, который в целях информации и стал обмениваться учащенными визитами с В. Черновым и его братом, Владимиром, за которым в то же время шла неустанная слежка [1]).

Издалека, через А. Н. Максимова и других своих приближенных, приглядывала за новой революционной затеей «мамочка» охранки, которая иногда запускала свои щупальцы и в самый «центр»; так, например, летом 1893 года М. Н. Корнатовская проводила свою приятельницу Жевайкину в город Рузу, где жил П. Ф. Николаев, имевший там домик, в недалеком соседстве с дачей В. Гольцева. Вслед за тем в упомянутом городе поселились новые дачники—филеры Машков и Новичков. С этого момента медниковская команда выступила на первый план и, надо отдать ей справедливость, выполнила свою разведочную задачу в дальнейшем блестяще.

В конце июля 1893 года у Николаева в Рузе гостил, вместе с К. Я. Шамариным, Н. С. Тютчев, который 27-го числа, посетив в Москве писчебумажный магазин Гальнбека, на Тверской ул., служивший каким-то его конспиративным целям, выехал, сопровождаемый наблюдением, в Петербург.

7-го августа Николаев приезжал в Москву, где имел свидание с Викт. Черновым и доктором Молчановым; в ноябре он снова был в столице и виделся опять с Черновым и его товарищем Е. К. Яковлевым. 14-го ноября у И. Н. Львова, по инициативе братьев Черновых, состоялось собрание до 20-ти человек, обсуждавших только-что выработанную народоправческую программу, в составлении которой принимал участие Яковлев, возивший ее на просмотр Николаеву.

В это время агентурный нюх Зубатова начал уже подсказывать ему, что «осиное гнездо» народовольцев ютится в Петербурге, где, по имевшимся у него сведениям, видную роль среди них играл М. С. Александров, «близко стоявший к типографии», печатавшей «Летучий Листок». Кроме того, имелись указания, что петербургскими кружками приобретен мимеограф и много бумаги (об этом «говорил» служивший на Глухоозерском цементном заводе А. В. Нагоров, живший летом 1893 года в Петербурге у Керженецкой, заведывавшей делами революционного «Красного Креста»).

Вскоре Зубатову представился хороший случай осведомиться о петербургских народовольцах: для переговоров с ними поехал 1-го декабря Виктор Чернов, который в спутники себе взял... Федора Невского. Прибывши в Петербург налегке, с одной связкой брошюр и рукописей, Чернов, прежде всего, направился в Спасскую школу к учительнице Никитинской («справочный стол»), а оттуда к ее брату—Александру Никитинскому, который должен был познакомить его с Михаилом Сущинским, деятельнейшим членом петербургского кружка. В последующие два дня Чернов имел целый ряд свиданий: с братьями М. В. и В. В. Келлер, А. Ф. Генкен, Н. Г. Белецким, Л. К. Чермаком, И. В. Галецким, а также с литераторами П. В. Засодимским и Н. К. Михайловским. В свободные минуты Чернов забегал в булочную Филиппова, где, услаждаясь пирожными, его поджидал с нетерпением Невский...

На третий день своего пребывания в Петербурге Чернов заметил, что за ним следуют «тени», и когда он, желая, повидимому, избавиться от них, вздумал нанять ближайшего извозчика, последний отказался без всякого резонного основания везти его (это был московский филер Т. Бибик, который не решился взять седока, так как совсем не знал города).

Вечером Чернов жаловался своим товарищам на то, что он у них зацепил «хвост»; петербуржцы возражали, заявляя, что это он привез с собой шпиков, и в конце-концов попросили гостя поскорее убираться восвояси...

4-го декабря Зубатов уже поручал Медникову поставить наблюдение за Черновым, который, по его словам, «удрал из Питера».

Как это ни парадоксально, но в споре Чернова с петербуржцами были правы и он, и они, так как за Никитинским и их друзьями тоже велось наблюдение; в особенности усердно следили за братьями Келлер, из которых Максим заинтриговал охранников свиданиями с Леонидом Красиным, обратившим на себя особое внимание своими конспирациями: 4-го декабря, например, он трижды переодевался, меняя форменное пальто на шубу.

Как и Чернов, петербургский кружок имел своего «ад'ютанта», что видно, например, из телеграмм директора департамента полиции Бердяеву, в которой сообщалось 24-го декабря: «выехали Никитинские. Наблюдение упустило. Получил это сведение от Михаила»... Постигая в специальном институте науку лесоразведения, М. Петров («Пуговка»), как видно, не забывал и старого своего ремесла—изничтожения крамолы...

Новый год принес Бердяеву новые перспективы. 9 января 1894 года А. Максимов, присутствуя на вечере у Н. Г. Кушинского, узнал о необходимости укрыть тайную типографию, оставленную в виде железнодорожного груза на одной из станций лицом, ее сопровождавшим, которому показалось, что за ним следят. Этим обстоятельством не могла не заинтересоваться А. Е. Серебрякова и в скорости московское охранное отделение узнало, что тот же Максимов ездил спасать типографию и что, получив в Рязани покинутый груз, он сдал его затем на гор. Воронеж, а накладную передал в гор. Козлове другому лицу *), которое на ст. Грязи переотправило эту кладь в неизвестном направлении.

По получении столь ценных указаний «мамочки», на ст. Грязи выехал 22 января 1894 года сам Медников, который и установил, что соответствующий груз там был, действительно, получен и отправлен потом большой скоростью в гор. Сумы, Харьковской губ., по накладной № 59 «на пред'явителя».

Разумеется, в названный город немедленно командировали филеров—опять Сачкова с помощниками. Плутоватый «Никитич» вошел в интимные сношения с весовщиком станции Сумы (находившейся почти за городом), Крамаренко, который, получив приличную мзду, обязался уведомить Сачкова, как только заявится получатель груза, выдачу которого обещал позадержать, пока не прибудут филеры...

Обеспечив себя «глазами», «Никитич» устроился в ближайшей к вокзалу гостинице и стал вместе со своими подручными «гонять чаек», спокойно ожидая, когда «красный зверь» прибежит в ловушку.

В это время московское охранное отделение вело, нащупывая почву, усиленное наблюдение за Максимовым и Кушенским; последний выбыл в Петербург, где за ним и его спутником К. Г. Грековым следили по пятам и выяснили их сношения с М. А. Сопоцько, В. И. Чарнолусским, М. Я. Колмогоровой и др. Прослежки в Москве за Е. Яковлевым установили его свидания с М. Лежава. Наблюдение за В. Келлером, прибывшим из Петербурга (вместе с В. К. Агафоновым), констатировало его связи с приват-доцентом В. И. Вернадским и подтвердило его знакомство с братьями Черновыми.

---

*) А. П. Маклецову, как выяснилось впоследствии.

В то же время Бердяев подводил свою агентурную мину и, видимо, с успехом; 3-го января он уже доносил департаменту полиции: «К центру революционного ядра имеется вполне выясненный ход при посредстве Максимова. Не воспользоваться им, это—лишиться серьезного материала для дознания. При этом не следует упускать из виду, что и самые сведения о типографии получены через него же. Максимов ведет сношения с центром; центру принадлежит типография»)...

Почти месяц лежали 9 пудов 10 ф. таинственного груза («машинные части», как значилось в накладной) в маленьком пакгаузе станции Сумы. «Революционное ядро» выжидало, полагая, вероятно, что, если охрана знает содержание груза, то она не будет долго ждать и заберет его, а если не забирает,—значит след заметен; «ядро», конечно, не допускало мысли, что подозрительный груз потому и лежал беззозбранно, что он был нужен охране—для того, чтобы потом можно было его повесить в качестве вещественного доказательства на шею будущих обвиняемых.

ТАЙНАЯ ТИПОГРАФИЯ В Г. СМОЛЕНСКЕ

18 февраля 1894 года Крамаренко дал знать Сачкову, что получатель явился; прибывший молодой человек (это был упоминавшийся уже Е. Яковлев) пред'явил накладную № 59 и пересдал «машинные части» на ст. Курск; с тем же поездом он выехал затем, конечно, сопровождаемый филерами, которые, сидя в тряских вагонах, с тоской вспоминали смазливых хохлушек (номерную прислугу), так скоропостижно и вероломно ими покинутых...

На станции «Ворожба» Яковлев пересел в скорый поезд и ночью прибыл в г. Курск; здесь он зашел в буфет I и II классов и сел за стол в самом его конце; рядом с ним, по другую сторону угла, оказался сидящим солидный господин купеческого типа; разглядывая последнего, филеры заметили, как наблюдаемый, смеясь, передал под столом, с колена на колено, своему соседу синюю бумажку; раздался второй звонок; Яковлев поспешил в вагон, и, довольный тем, что успешно выполнил ответственное поручение, отправился в гор. Орел с докладом к Натансону; у последнего по этому поводу собралась сходка, на которой были: Тютчев, А. В. Гедеоновский, И. Н. Львов, И. З. Попов, А. В. Сазонов, А. В. Пешехонов, Г. П. Клинг, А. А. Мартынов, Е. М. Троицкая и В. В. Башмачников.

21-го февраля Яковлев прибыл в Москву; идя по Кисловскому переулку, он изорвал на мелкие куски (очевидно из предосторожности) оставшийся у него дубликат накладной № 59 и бросил на мостовую; следившие за ним филеры подобрали все клочки бумаги, склеили и представили документ начальству...

Понятно, «Купец» не был покинут в одиночестве—при нем остался Сачков с подручным. Получивши по «синей бумажке» «машинные части» и оставив их на хранение в багажном отделении, новый наблюдаемый отправился в город на ночлег. 19-го февраля «Купец» явился на вокзал, сдал груз багажем на Орел и с очередным поездом отправился туда сам; прибыв по назначению, опять ночью, он перегрузил кладь на Орловско-Витебскую жел. дор. до ст. «Смоленск». 20-го февраля «Купец» прибыл в названный город, куда-то исчез, а в 1 час дня явился на вокзал, сопровождаемый розвальнями; пока он ходил получать свой груз, филеры успели заметить, на всякий случай, бляху его ломового извозчика—№ 107. Погрузив корзину и длинный, наскоро сколоченный ящик, «Купец» поехал на Петропавловскую улицу (в нижней части города), где и остался со своим багажом в маленьком домике Островского. В шестом часу вечера «Купец» явился на вокзал и поехал в гор. Орел; не доезжая, на полустанке «Кромская», он оставил поезд и пошел пешком в город—в д. Казанского, на 1-й Пушкарной улице, где жил тогда М. Натансон. Вслед затем здесь состоялось собрание с участием Н. С. Тютчева, И. Н. Львова, А. В. Пешехонова, А. В. Гедеоновского, С. И. Федорова, И. П. Белоконского, А. А. Мартынова, А. В. Сазонова, М. И. Жеряковой и Г. П. Клинга. На следующий день «Купец» (который оказался М. А. Ромасевым) снова поехал в гор. Смоленск, куда отвез какой-то узел и вернулся опять в гор. Орел.

С этого момента было установлено специальное наблюдение за орловской группой, которое быстро охватило всю местную колонию «неблагонадежных элементов», довольно значительную и весьма солидную по своему составу. Кроме упомянутых выше лиц, к колонии этой, как выяснили прослеживания, принадлежали: С. В. Сотников с женой, Г. Мандельштам, Е. И. Победоносцев, С. Д. Богословский, А. С. Карасева, А. И. Вульф, Н. Н. Мамадышский, А. П. Яковенко, М. Н. Попов и другие.

В Смоленске наблюдение шло своим чередом. Ознакомившись с обитателями дома Остроумова, где была помещена типография и где оказались живущими «барин», «барыня» и «кухарка», филеры решили оставить их в покое, тем более, что на одном подоконнике их квартиры они заметили постоянное присутствие подсвечника (или вазочки,—хорошо не помню), который, по их заключению, должен был означать сигнал: «благополучно, принимаем».

Так как около дома Остроумова (место глухое и малолюдное) филерам держаться возможности не представлялось, то они ограничились тем, что «заперли» ходы: на перекрестке Петропавловской улицы с проездной артерией устроился в гостинице (окнами на улицу) «старшой» Сачков с «молодыми», а два других соглядатая поселились около вокзала, затем, чтобы провожать и встречать пассажирские поезда; кроме того, филеры дежурили на Днепровском мосту, соединявшем пригород с центральной частью Смоленска.

Далее пошло, что называется,—«по-писаному».

Наблюдение, раскинувшееся сразу на три города, последовательно констатировало ряд довольно существенных обстоятельств, тесно связывая лиц, уже намеченных большей частью предыдущими проследками как между собою, так и с «техникой».

6-го марта было замечено первое конспиративно обставленное свидание хозяина квартиры в доме Островского (жившего по паспорту Д. Д. Окунева) с А. Лежавой, поселившимся в доме Краузе, на Одигитриевской улице.

8-го февраля Ромасев, после свидания с Тютчевым, уехал из Орла в Москву, где затем имел свидания с И. Г. Короленко и Н. А. Лошкаревым. 21-го марта выехал в столицу Львов. Накануне этого дня покинул Орел и Тютчев, который, проводив Троицкую в Харьков, где она наняла квартиру, и побывав еще в Орле, выехал в Петербург. (Все эти переселения вызваны были, надо полагать, тем, что орловцы заметили за собою филерскую слежку—см. прим. 2-е).

21-го марта Е. Яковлев выехал из Москвы (его проводил Виктор Чернов), имея два чемодана (с бумагой) и два ящика (в которых были типографские рамки, полученные им на Рязанском вокзале), в Смоленск, где он свиделся с Лежавой, у которого и оставил свой багаж (на следующий день его взял к себе на квартиру «Окунев»). Вечером того же дня Яковлев выехал в Москву, где поспешил увидеться с Владимиром Черновым; чемодан, оставленный им в багаже, 23-го марта получил И. В. Куманин, который отвез его к Л. Н. Лебедевой.

24-го марта «Окунев» ходил менять книги в библиотеку С. А. Клестова, на Кирочной ул., а в следующие дни (25, 26 и 27-го марта, 2 и 4-го апреля) имел конспиративные свидания (поздно вечером, в уединенных местах) с Лежавой, служившим посредником между конспиративкой и «внешним миром».

6-го апреля приехал в Смоленск Гедеоновский, который, при посредстве С. М. Смирнова, увиделся с

Лежавой, купил себе картуз (все конспирации!) и пошел в д. Островского—в типографию; вечером он уехал в Орел. На следующий же день Лежава выбыл, имея несколько мест багажа, в Харьков, где остановился в гостинице близ вокзала. 13-го апреля в этот город прибыл, опять с чемоданом, Яковлев, который, повидавшись с Н. М. Флеровым, А. И. Сыцянко, М. И. Ослоповой и каким-то «технологом», вернулся в Москву. Здесь 15-го апреля Яковлев увиделся с Вл. Черновым, который вечером того же дня отправился в Смоленск, увиделся с Окуневым и 17-го апреля вернулся в Москву с двухпудовой корзиной, которую отвез к Лебедевой.

Так как данные наружного наблюдения указывали на то, что в наблюдаемой среде существует какое-то беспокойство, и сведения агентуры определенно говорили, что «центр» решил переместить типографию в другой город, то 21 апреля 1894 года была произведена ликвидация розыска одновременно в городах Смоленске, Орле, Москве, Петербурге и Харькове.

Как и следовало ожидать, в смоленской конспиративке (д. Островского) обыском были обнаружены типография (которая, впрочем, была уже уложена в корзину и сундук, очевидно, для отправки), много бумаги для печатания, воззвания «Манифест Партии Народного Права» [3]); 78 экз. брошюры «Насущный вопрос» (издание той же партии), приготовленная к печати статья Ж. Кенана: «Голос за народ» и три фальшивых паспорта на имя Окунева, Клочковой и Денисенковой, по которым жили задержанные в этой конспиративной квартире: М. А. Монцевич, Л. С. Александрова и Н. П. Фонякова [4]).

В Москве у Н. Лебедевой был взят склад нелегальщины: издания старых народовольцев, пролетариатцев, польской социалистической партии, 1000 экз. брошюры «Насущный вопрос», 100 экз. заграничной газеты «Русский Рабочий» № 1-й. У И. Куманина отобрали 2000 экз. «Манифеста партии Народного Права»; у Виктора Чернова нашли коллекцию революционных изданий и программ. У Вл. Чернова, А. И. Александрова, Вл. Н. Лебедева, Н. М. Черновой, Л. Лебедевой и К. Я. Шамарина — тоже была обнаружена нелегальщина. Все вышеупомянутые лица, а также: В. П. Белецкий, Ф. И. Суханов, Н. Н. Ментов, С. В. Пономарев, Н. Г. Гопфенгауз, В. А. Жданов, К. Е. Павлович и Е. М. Сотникова—были арестованы.

В Петербурге ликвидация коснулась, главным образом, группы народовольцев, имевшей связи с народоправцами и занимавшейся энергично и с успехом пропагандой среди местных рабочих. По обыскам у М. Александрова и его жены Е. М. Александровой нашли «Русский Рабочий» № 1 и рукописи, предназначавшиеся для издания; на совместной квартире М. Г. Сущинского, Н. Г. Белецкого и И. В. Галецкого, помимо ново-народовольческих изданий, были отобраны 8 экз. «Рабочего Сборника» № 1, рукописи и обложки для названного «Сборника» и гектограф, на котором он был оттиснут; у И. И. Фуделя обнаружили склад революционных изданий; у В. В. Павелко нашли пишущую машину и два экз. «Раб. Сборника». Кроме поименованных лиц были задержаны еще по результатам обысков: Е. С. Журавлева, П. А. Скабичевский, П. И. Малюга, К. Н. Иванов и В. Е. Окольский. У арестованных одновременно рабочих, находившихся в сношениях с интеллигентами-пропагандистами: П. И. Иванова, И. И. Кейзера, С. И. Фунтикова, К. М. Норинского, М. А. Фишера и Д. А. Розенфельда нашли тоже разные уличительные данные.

В Харькове, при задержании Лежавы, нашли более 2-х пудов типографской бумаги. Что же касается Флерова, то наблюдение за ним местными силами развернуло особый кружок, который был ликвидирован лишь осенью (4-го октября), при чем были арестованы: А. М. Гольденберг (отбывший уже 3-летнюю ссылку по народовольческому делу 1884 г.), Я. Жидков и В. Синицкий, а также знакомый последнего—К. Седин (егобрана пишущая машина), его сожитель И. Росновский (взят «Манифест» и «Насущный вопрос») и подруга Ослоповой и Сыцянко—О. Кнаке (найдены народоправческие издания), по оговору которой потом был привлечен к дознанию К. Пиотровский.

ДЕЛО ВЕЛИЧКИНЫХ

Одновременно с арестами Флерова и компании было ликвидировано другое наблюдение, имевшее отношение к харьковскому кружку. В июле 1894 года прибыли из Цюриха в Москву В. М. Величкина [5]) с В. И. Сыцянко, замеченные в сношениях с заграничными народовольцами. 30-го июля Сыцянко выехал в Харьков к сестре своей М. Ослоповой, с которой 23-го августа вернулся в Москву; здесь они поселились в семье Величкиных, которая была уже на замечании охраны.

Еще в декабре 1892 года департамент полиции обратил внимание на Н. Величкина, который, по имевшимся сведениям, распространял «вредные учения». Затем целый ряд перлюстрационных данных (письма: В. Величкиной из Цюриха к А. А. Александровой; Н. Величкина к сестре Вере—о «Союзном Совете»; В. А. Палеолог к Величкину) заставил охрану установить негласное наблюдение за всей «неблагонадежной» семьей. Находясь за границей, В. Величкина была замечена в знакомстве с эмигрантом Антоном Васильевым; о своем возвращении в Россию она, можно сказать, сама уведомила охрану: в перлюстрированном письме ее к сестре Клавдии от 8 июня 1894 года Величкина писала: «еду с Шимановской и Сыцянко; 16-го буду в Москве». Тем же путем было установлено, что она знакома с М. М. Семерия и что цюрихский студент Иосиф Коган рекомендовал ей в Москве И. Я. Франчески с братом его (за ними было особое наблюдение).

С прибытием В. Сыцянко и М. Ослоповой, начиная с 4-го сентября, слежка была усилена; она установила, между прочим, сношения: Н. Величкина и В. Сыцянко—с Д. Д. Солодовниковым; М. Ослоповой—с А. Ф. Филатовым и Н. Н. Герасимовым; Н. Величкина—с В. Бонч-Бруевичем; В. Сыцянко—с Новоселовым. 16/IX Н. и К. Величкины, Сыцянко с сестрой и общей их знакомой Кутелевой были на вечеринке «саратовцев» (присутствовали еще А. А. Малиновский, П. Фомин, Савич и др.).

Дом Величкиных находился в глухой местности и для наблюдения был неудобен; филеров скоро заметили; так, В. С. Величкина (мать) писала 30-го сентября в Цюрих дочери Клавдии: «2-го или 3-го Вера выедет за границу... У нас все время полон дом народу, а какого и сама многих по фамилии не знаю; около дома уже кой-кто ходит, и я побаиваюсь»...

Опасения были не напрасны: 4 октября 1894 г. дом Величкиных, по распоряжению департамента полиции, был обыскан; застигнутая у них Ослопова назвалась сначала Александровой; была обнаружена нелегальщина (гектограф, брошюра «На смерть Мезенцева»—изд. в пользу пострадавших во время арестов 1894 года, «Дело 1 марта 1881 года», «Насущный вопрос» и др.), которую Н. Величкин признал своею. В. Величкина и В. Сыцянко были задержаны в момент от'езда, на станции Москва 2-я Курской жел. дор.

По каким-то высшим соображениям дело о В. Сыцянко, К. и Н. Величкиных было сведено «на-нет»: его подвели под действие «всемилостивейшего манифеста» от 14 ноября 1894 года; больше всего пострадали дворник Величкиных—Панфилов, который был выслан из Москвы, и мать Величкиных, заплатившая за «непрописку» гостей штраф в 500 рублей...

Несмотря на солидные вещественные доказательства в виде типографии, складов и т. д., жандармы были и на этот раз не совсем довольны, так как было очевидно, что многие из арестованных не имели прямого отношения к партии «Народного Права». Но, благодаря «языкам», жандармам удалось все-таки разобраться несколько в деле и выяснить некоторые его детали.

Прижатый к стене филерскими показаниями, Е. Яковлев, в конце-концов, счел нужным поведать начистоту о своей роли в организации. Признавая свою принадлежность к партии «Народного Права», к которой он примкнул в октябре 1893 года, и факт получения им типографских принадлежностей, он рассказал о своей мартовской поездке в Смоленск, откуда он привез в Москву 1500 экз. «Манифеста», которые передал через В. Лебедева на хранение Куманину, от которого потом взял 1000 экз. этого воззвания и 500 экз. брошюры «Насущный вопрос» и отвез все это в Харьков. Возвращаясь оттуда, Яковлев повидал в Орле Львова, Натансона и Сотникова; прибывши в Москву, узнал, что деятельность типографии должна быть прекращена, сообщил Вл. Чернову пароль: «уйди, не то ты погибнешь», с которым тот отправился в смоленскую конспиративку, откуда взял 1100 экз. «Насущного вопроса» и поместил его в Москве у Надежды Лебедевой, у которой уже хранился транспорт заграничной нелегальной литературы, полученной, по поручению Яковлева, в апреле же месяце, В. Ждановым. По словам Яковлева, число членов партии было не более 10-ти; сношения велись при помощи сертификатов—карточек, вычурно разрезанных пополам; предполагалось издавать периодический орган «Народное Право» или «Вестник Народного Права»; из пожертвований израсходовано было около 1000 рублей (100 руб.—Лежаве, 100 р.—Чернову), в том числе 200 руб. его собственных. Отказываясь назвать членов партии, кроме Лежавы, Александровой и Фоняковой, Яковлев показал, что Тютчев, Натансон, Николаев, Гедеоновский и Троицкая знали о существовании партии; последняя покупала мебель для типографии, а Николаеву он показывал для просмотра проект «Манифеста».

Лежава на дознании не отрицал своей принадлежности к сообществу, имевшему целью добиться свободы слова и печати, и того, что служил посредником в сношениях с типографией; приехал в Смоленск из Москвы, где был знаком с Е. Я. Шульгиным; застрял в Харькове за неимением денег; знакомых назвать он отказался, за исключением Смирнова[6]).

Владимир Чернов на дознании отрицал принадлежность свою к партии «Народного Права» и об'яснил, что всегда относился скептически ко всякого рода попытке непосредственного воздействия на политический строй России, считал народное восстание невозможным и отрицал террор, помимо нравственных соображений, так же, как средство, не достигающее цели и неизбежно влекущее за собою жертвы. Однако, находя, что политическое преобразование России в духе конституционной монархии является своевременным, примкнул через Яковлева, к группе «Народного Права» и оказывал оному некоторые услуги.

Дознанием было выяснено еще, что практически постановка типографии была делом Тютчева; в январе 1894 года он приехал в Смоленск с Гедеоновским и Львовым; вместе с Монцевичем, который прибыл ранее, они наняли для последнего квартиру в доме Дойникова; после от'езда Тютчева, прибыла Жерякова и поселилась с Монцевичем; последний, когда приехала Александрова, поселился с ней и Фоняковой, которую Тютчев снабдил паспортом на имя Денисенковой, в д. Островского, где они все трое и были арестованы.

Что касается петербургской группы, то связать ее в одно целое с делом о «Народном Праве» жандармам не удалось, и дознание о ней выделилось в особое производство, которое имело успех, так как «показания многих сознавшихся из лиц рабочего класса и в особенности рабочих Никандра Никифорова, Никиты Тарасова, Григория Иванова, Ивана Медова, Михаила Сурулева (он же Хорьков), Сергея Смирнова и Матвея Фишера дали богатый обвинительный материал». («Обзор» XVIII).

Московское дознание чуть не ознаменовалось драмой. И. Куманин, находясь под стражей в полицейском доме Басманной части, пытался повеситься на обрывке простыни, но это было во-время замечено, и его удалось привести в чувство. В номере, где находился Куманин, была найдена записка: «Повеситься решился в виду того, что боюсь под пыткой назвать имя передавшего мне тюки. Ни к какой революционной партии не принадлежал и других заклинаю. С вами, Иуды - предатели, этим оружием бороться невыгодно. Но святое дело...»

Охранному отделению показалось, что пахнет трупом. Куманина поспешили вызвать на «собеседование». К счастью, обескураженный юноша оказался более стойким, и Зубатову удалось получить от него лишь такое заявление: «тюки принял на хранение, жалея человека, боявшегося обыска; назвать лиц—не желаю; революционную деятельность считаю честною... По-моему, надо в народ нести не пропаганду революции, а нечто пострашнее: грамотность, культуру...А тут реакция, валящая в кучу все и вся»... [7]).

Апрельской ликвидацией охрана была, видимо, довольна. Департамент полиции, осведомляя Бердяева о результатах обысков, сообщал 23-го апреля 1894 г., между прочим, следующее: в Петербурге арестовано 32 человека; результаты обысков благоприятны, особенно у Александрова и Сущинского. У инженера Королева в Орле был задержан П. С. Степанов и найдена телеграмма Максимова Львову: «Свадьба отложена, не приезжайте»... В Петербурге взяты несколько рукописей, предназначенных к изданию, и много самоделий на гектографе. Впечатление среди оставшихся: взяты все народовольцы. Типография предназначалась к отправке через «Надежду» (транспортная контора) в город Воронеж...

Бердяев и Зубатов, со своей стороны, были тоже очень удовлетворены результатами своих розысков и даже нашли нужным щегольнуть своими успехами перед заведывавшим в то время заграничной агентурой департамента полиции П. Н. Рачковским и послали ему 22-го апреля 1894 г. (за № 278) телеграмму, по адресу: „**Paris, rue Grenelle, 79**“, следующего содержания: «Вчера взята типография, несколько тысяч изданий и 52 члена партии «Народного Права». Немного оставлено на разводку. Сергей и Николай»...

Сугубого внимания заслуживает эта знаменательная фраза: «оставлено немного на разводку». В этих четырех словах—суть зубатовской провокационной системы политического сыска, которая ударами правой руки сокрушала «революционную гидру», а левой спешила воссоздать разрушенное... Зубатов слишком доверял всеведению своей внутренней агентуры; он думал, что оставленное им «на разводку» для дальнейших розыскных успехов составляет всю действительную наличность революционных сил; он воображал, что великое, исторически выраставшее из народных глубин движение укладывается целиком в рамках донесений его продажных осведомителей!..

РОЗЫСКИ В ГОР. ВОРОНЕЖЕ

При производстве дознания о партии «Народного Права» было выяснено, что паспорт на имя Ключковой, по которому жила А. Александрова в гор. Смоленске, доставил ей товарищ ее брата И. А. Прозоровский, служивший секретарем Воронежской городской управы. С другой стороны, были получены сведения, что смоленская типография народоправцев предназначена была к отправке в гор. Воронеж. Имелись, кроме того, агентурные указания на то, что печатня эта имела запасные части, оставшиеся неразысканными [8]).

В виду изложенных данных, московское охранное отделение продолжало розыск по этому делу и 20 июня 1894 года командировало в гор. Воронеж отряд своих филеров, которым в качестве «лидеров», помимо Прозоровского, были указаны еще П. И. Мануйлов[9]) и В. П. Кранихфельд, с женой Анжеликой, хорошо им известной[10]).

Как большинство русских губернских городов, Воронеж имел свою Дворянскую улицу, которая в то же время являлась самой лучшей и оживленной и тянулась в верхней части города от вокзала железной дороги почти до самого собора (Митрофаньевского монастыря).

Так как внешняя, уличная жизнь в провинциальных городах бойкостью обыкновенно не отличается, то о постоянном наблюдении по месту жительства «лидеров» филерам думать не приходилось, и потому они ограничивались большей частью тем, что фланировали по центральной улице, когда интеллигентный разночинец, отбывши служебную лямку, начинал бегать по знакомым, чтобы размыкать свою обывательскую тоску захолустного прозябания.

Через несколько недель филеры уже знали почти всю наличность местного «неблагонадежного элемента», которого и в «богоспасаемом» Воронеже в то время было немало. Постепенно в круг наблюдения попало свыше ста лиц, имевших то или иное революционное прошлое, из которых были уже известные нам: П. Д. Намитниченко, В. К. Каратыгин, А. Е. Орлов с женой (урожденной Городнянской), А. Т. Греков, С. В. Сотников, А. В. Сазонов, а также Е. В. Барамзин, В. П. Махновец, В. А. Ершов, братья Б. С. и П. С. Анисимовы, С. Ф. Руднев и несколько позднее—Н. А. Ряховский, А. Р. Брилинг, Н. Я. Петров и т. д.

Наблюдение в Воронеже длилось более года (с некоторыми перерывами); однако, несмотря на свой специфический нюх, никаких особых конспираций подметить филерам не удалось; единственно, что привлекло их внимание, это—несовсем обычная суета около квартиры супругов Кранихфельд, куда наблюдаемые часто заглядывали, при чем это сопровождалось нередко посещением аптек и аптекарского магазина.

Хотя целью розысков было обнаружение «шлепалки», но шпиковская фантазия стала работать в направлении «кислот», и в Москве почувствовали тревогу, тем более, что освещение столичных «прожекторов» до города Воронежа достигало, повидимому, весьма слабо. С другой стороны, департамент полиции, скупой на расходы, тоже стал заявлять свое неудовольствие в виду отсутствия «осязательных результатов» и начал требовать прекращения розысков в Воронеже. Но Бердяев уже произвел рекогносцировку и в ответ телеграфировал: «Личность, близкая агентуре, выехала из Воронежа в Усмань. До возвращения желательно обождать»...

Действительно, 20-го августа М. Н. Корнатовская, гостившая в Воронеже чуть ли не месяц, выехала в гор. Усмань (и затем в Москву), которым охрана, как мы увидим ниже, имела основание интересоваться.

Что же рассказала Мария Николаевна Анне Егоровне (Серебряковой) о своем путешествии?

Бердяев об этом доложил департаменту полиции характерным зубатовским стилем, следующим образом: «В Воронеже теперь собрались все люди бывалые, рассказ каждого из коих стоит целой нелегальной брошюры. Местность свою по благополучию называют Палестиной. Из них многие старые народовольцы. К ним присоединились недавно высланные туда (союзовцы) Ряховский, Петров и др. Кроме того, в Воронеже поселились известные Сотников и Сазонов. Но они еще пока к практическим действиям не приступали»...[1]).

Относительно «кислот», из-за которых в Москву приезжал для совещания новое восходящее светило департамента полиции, Л. А. Ратаев, Бердяеву пришлось благоразумно умолчать: оказалось, что вся аптечная возня была вызвана серьезной болезнью Дары (жены Кранихфельд) и касалась гинекологии, а не политики. Это не помешало хитроумному начальнику московской охраны перейти в наступление: он стал обвинять департамент полиции в том, что, разрешив арест (недолговременный, по ходу жандармского дознания о народоправцах) Прозоровского и Мануйлова, он тем напугал воронежцев, которым надо дать успокоиться, чтобы иметь потом «осязательные результаты»...

А. И. ЭРТЕЛЬ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ

Розыск в гор. Воронеже продолжался; департамент полиции уступил, отчасти потому, что этот розыск был связан еще с другими, осложнявшими дело обстоятельствами, о которых стоит рассказать обстоятельнее.

18 июня 1894 года департамент полиции сообщил московскому охранному отделению (на имя обер-полицеймейстера) следующее:

«В конце минувшего апреля в Париже появилась известная Мария Васильевна Переплетчикова вместе с лицом, которого она выдавала за своего брата, при чем оба они не замедлили войти в сношения с местными эмигрантами, в том числе с Егором Лазаревым. При наблюдении за ними вскоре было выяснено, что спутник Переплетчиковой не ее брат, а воронежский мещанин Александр Иванов Эртель, привлекавшийся в 1885 г. к дознанию политического характера и ныне занимающийся литературным трудом.

Узнав о намерении заграничных народовольцев предпринять особое издание, главной задачей которого должно служить порицание существующего порядка в России применительно к точке зрения русских либералов, Эртель, по соглашению с врачом Сергеем Елпатьевским и Петром Кащенко, обратился к вожакам парижской эмиграции с требованием о помощи для организуемой ими «общественной оппозиции», при чем заявил, что, по их мнению, террористические замыслы и задачи должны выполняться конспиративно и совершенно независимо от либерального движения и что, хотя сочувствие их, либералов, подпольной деятельности народовольцев стоит вне всякого сомнения, тем не менее для русского общества, на-ряду с боевой революционной деятельностью, прежде всего требуется бесцензурный заграничный орган, открыто обсуждающий действия правительства и вселяющий к нему общественное недовольство, без всякого призыва к насильственным мерам против него. Только такой орган, по мнению Эртеля и его единомышленников, способен привлечь новые литературные силы, вызвать обильные денежные пожертвования на «оппозицию» и, подобно герценовскому «Колоколу», деморализовать правительственные сферы.

Не довольствуясь результатами переговоров с парижскими народовольцами, Эртель отправился в Лондон, где пробыл около двух недель, виделся с тамошними эмигрантами и пришел с ними к соглашению, что деятельность либералов и террористов должна итти параллельно, не сливаясь, но и не мешая друг другу, а, напротив, взаимно себя дополняя общим нападением различными путями на самодержавное правительство.

29-го мая Эртель вернулся в Париж и в тот же день вечером выехала в Россию его спутница М. Переплетчикова; сам же он на другой день имел совещание с Кащенко, Лазаревым, Аркадакским и Шишко, при чем решено, что оба предполагаемые издания, либеральное и чисто народовольческое, появятся в свет к осени, хотя, по мнению Эртеля, первое из них может выйти и ранее, приблизительно месяца через полтора или два.

Проживая пока в Париже, Эртель продолжает видеться почти ежедневно с вышеназванными эмигрантами и вскоре собирается ехать в Россию, при чем, будучи сторонником народовольческой программы, он обещался по возвращении в империю всячески помогать проискам активных революционеров.

Принимая во внимание, что Эртель находится на постоянном жительстве в Воронеже и что в означенном городе имеется наблюдение со стороны московского охранного отделения, я имею честь покорнейше просить, по возвращении Эртеля в Воронеж, приказать учредить за ним секретное наблюдение и обо всем, заслуживающем внимания, доносить департаменту. О прибытии его в Россию я не премину своевременно известить ваше превосходительство. Н. Петров».

М. Переплетчикова приехала в Москву 3 июня 1894 года и за ней было установлено наблюдение, которое не дало особенных результатов. Эртель же вернулся из-за границы месяцем позже и проехал в арендуемое им имение близ ст. Углянка.

Из деревни Эртель наезжал в ближайший город Усмань, где имел знакомых, в том числе Ф. Агаркова, уже бывшего на замечании. Таким образом, посещение этого города М. Н. Корнатовской, о котором упомянуто было выше, имело для московского охранного отделения свой смысл и свое значение. Во всяком случае, Эртеля скоро оставили в покое, так как выяснилось, что к предложениям его эмиграция отнеслась более чем холодно[12]).

В. Я. ЯКОВЛЕВ и ПРОВОКАТОР М. И. ГУРОВИЧ

Другим обстоятельством, которое заставляло продолжать розыски в гор. Воронеже, было присутствие там «отставного поручика» В. Я. Яковлева, на которого московское охранное отделение имело свои виды. С первых же месяцев воронежского наблюдения Яковлев сделался предметом филерского внимания, как знакомый наблюдаемых Прозоровского, Мануйлова, Махновца, Кранихфельда, Барамзина, В. А. Литошенко, М. В. Камаринца, И. Ф. Колесникова, Ф. Д. Сверчкова (сотрудника газеты «Дон») и др.

Когда Яковлев возбудил ходатайство о разрешении приехать в Москву «для приискания занятий», Бердяев очень обрадовался. «Ну вот, он нам и посветит»!—сказал он. Разрешение, конечно, не замедлили дать. 13 февраля 1895 года Яковлев прибыл в столицу и одним из первых его визитов было посещение М. Н. Корнатовской.

За Яковлевым велось с небольшими перерывами постоянное наблюдение, которое, впрочем, давалось с трудом, так как он подвижностью особой не отличался, а дом, в котором он под конец поселился (Смирновского, на Малой Бронной), находился в центре московского «латинского квартала», где филерам от студентов житья не было; прослеждками было установлено только, что он поддерживает связи с писателем Буниным, В. Муриновым, С. Ф. Рудневым и т. д.[13]).

В мае месяце поступили агентурные сведения, что Яковлев скоро «должен поехать»; позднее была даже указана дата от'езда: 13-го июня. 8-го числа этого месяца в Москву прибыл В. П. Кранихфельд и в тот же день отправился с Яковлевым к М. Н. Корнатовской, которую он вновь посетил 13-го числа. Потом пошли с ней к И. Калининой. 21-го июня Яковлев и В. Кранихфельд уже были в Воронеже.

Результат визитов к подруге охранной «мамочки» быстро сказался: 26 июня 1895 года Медников сообщал Зубатову (находившемуся в Петербурге) следующие агентурные сведения: «Яковлев намерен сгруппировать партию народоправцев-прогрессистов и поехал повидать людей, близко стоящих к типографиям народоправцев и народовольцев; печатня последних работает в Петербурге; к ней причастны Н. К. Михайловский и С. Н. Южаков, который еще недавно собирал материал для очередного номера «Летучих Листков». Так как в Воронеже Яковлев видится с Прозоровским и Камаринцом (оба народовольцы) и так как первый из них скомпрометирован, то второй, наверное, и есть искомое лицо, особенно, если припомнить,—продолжал филерский шеф,—что, когда Машка*) брала от Астырева прокламации для поправки, она сказала: «я их отнесу тому, кто их мне дал», т.-е. к Жевайкину, который уже тогда был короток с Камаринцом. Эти соображения надо иметь в виду, как руководящие, для предприятий в августе»,—глубокомысленно заключает «Котик» (так нежно звал Медникова его Аякс—С. Зубатов).

---

*) Корнатовская

23 июня 1895 года Яковлев выехал из Воронежа в Новочеркасск, а оттуда на Кавказ—в Кисловодск. За ним было командировано 5 филеров!.. Наблюдаемый вел себя очень скромно: гулял в парке, принимал ванны и почитывал газетки. Первое время «лекоки» ему не доверяли—это, мол, он смиренничает «для отвода глаз»; но когда они увидели, что «лидер» их и покашливает и выглядывает «сентябрем», решили положиться на его добросовестность и, от безделья, тоже начали любоваться природой, совершая экскурсии к «Замку коварства и любви», к «Лермонтовской скале» и т. д., не забывая при этом отдать должное шашлыкам и кахетинскому вину и, глядя на других, бурливому «Нарзану». И в то время, когда болезненный Василий Яковлевич потягивал кефир, московские «торговые люди» со спокойным сердцем потели, усердно гоняя тяжелые шары кегельбана. И кончилось все по-хорошему: филеры несколько недель прожили «как люди», не учинив никому пакости, а Яковлев набрался сил, чтобы приняться за кропотливый труд историографа русского освободительного движения.

Редкий случай, когда между враждебными сторонами воцарилась, принося двухстороннюю пользу, полная «гармония интересов»...

31 июля 1895 года Яковлев вернулся в свою «Палестину», не принеся охранке никаких «осязательных результатов». Наблюдение в Воронеже продолжалось несмотря на то, что в это время в столице начали разыгрываться события. Прежде чем расстаться со своими типографскими иллюзиями, Бердяев решил еще раз «проверить совесть» «отставного поручика» и его друзей.

22 августа 1895 г. в г. Воронеже появился большой, более чем прилично одетый господин, весьма брюнетистый, с золотым пенснэ на крупном, мясистом носу— «Василенко», как звали его филеры (потому что он жил в Москве в доме того же имени—в Леонтьевском переулке). Он остановился в № 26 лучшей гостиницы «Гранд - Отель».

Прежде всего, новый наблюдаемый посетил И. Прозоровского, от которого с Яковлевым вернулся к себе; просидели здесь до 5 час. дня; вышли; Яковлев с Прозоровским пошли на квартиру последнего; «Василенко» постоял, посмотрев вслед своим товарищам, сел на извозчика и уехал; в 7 час. вечера в «Гранд-Отель» пришли Яковлев, Прозоровский и Ф. Агарков. В 11 ч. вечера «Василенко» уехал в Москву.

Диагноз был поставлен; через несколько дней филеры из Воронежа были отозваны.

Новая звезда появилась на черном небосклоне охраны.

Это был один из первых дебютов известного провокатора М. И. Гуровича.

ГЛАВА XI

«Татьянин день» 1893 года.—Проф. Янжул и 19-е февраля.—Петиция студентов. — «История» с историком Ключевским.—Петиция профессоров.—Дознание о Союзном Совете. Высылка Милюкова.— «Бессмысленные мечтания»

„ТАТЬЯНИН ДЕНЬ“ 1893 ГОДА

20 октября 1894 года умер император Александр III. Тяжелая могильная плита свалилась неожиданно с русской общественности, придавленной гнетущей пятой «самодержца», который был настолько же «неограниченным» в своем самовластии монархом, насколько он являлся «ограниченным» в интеллектуальном отношении человеком.

Подобно тому, что бывало и при других сменах царствований, вступление на престол Николая II дало повод к возрождению надежд на перемену «курса», на осуществление «реформ» и т. д.; одним словом, наступила пора, очень недолговременная впрочем, политической маниловщины—всяких чаяний и ожиданий.

Некоторое повышение общественной температуры с точки замерзания на несколько градусов вверх прежде всего отметила, как это случалось и прежде, учащаяся молодежь. Собственно говоря, настроение сознательной части русской интеллигенции, несмотря на продолжавшуюся с неизменной настойчивостью правительственную реакцию, к моменту смерти «царя-миротворца» уже вышло из периода застоя и парализованности. Во всяком случае, московское студенчество уже в конце 1893 года снова «зашевелилось» и обнаружило явные признаки накоплявшейся энергии, которая в последующем нашла себе выход, хотя и в двух совершенно разных направлениях.

«Первая ласточка» прилетела, несмотря на зимнее время, в «Татьянин день», когда московское студенчество праздновало по традиции университетские именины и пользовалось по этому случаю некоторыми вольностями. К вечеру этого дня учащаяся молодежь обыкновенно направлялась «пешедралом» за город в ночные рестораны, знаменитые кутежами, во время которых богатые самодуры били зеркала, закуривали сторублевками и мазали горчицей физиономии служащих.

12 января 1893 г. группы студентов, после паломничества в «Стрельну», собрались в ресторане «Яр». Сидя за пустыми пивными бутылками, пели, как водилось, «Дуню», «Галку», «Дубинушку»... Кто-то заказал оркестру сыграть народный гимн. Но едва раздались звуки «боже, царя храни», как послышались шиканье и свист, какого стены фешенебельного ресторана никогда до того не слышали.

Этот молодецкий посвист явился знамением времени. Маленькая импровизированная манифестация не лишена была своего крупного значения: она свидетельствовала, что в умах студенчества наметился крутой и решительный поворот.

Учебный сезон 1893—1894 г.г. ознаменовался рядом собраний учащейся молодежи: 20-го ноября (у Малютиной), 23-го ноября (в Селиверстовом пер.), 29-го ноября (у Ширского), 2-го декабря (д. Скворцова), 3-го декабря (на Б. Грузинской ул.); на последней вечеринке было уже около 150-ти человек (В. П. Кащенко, Т. И. Попов и др.).

В этот период мобилизации студенческих сил московское охранное отделение тоже готовилось к бою и вело усиленное наблюдение за «централкой» в лице главного ее деятеля П. Ширского (участника 2-го с'езда) и других «вожаков» (В. А. Семашко, Н. А. Ряховский и пр.). Несмотря на то, что внутреннее освещение организации, благодаря непосредственному участию в ней агента Ф. Невского, было обеспечено, слежка за ее членами велась так настойчиво, что некоторые из них стали замечать «гончих»; Я. Козлов, например, жаловался М. Комаринцу (который рассказал об этом Чернову, а тот—«Фединьке»), что его преследует извозчик (это был филер Е. Калашников); по сему поводу охранное отделение дало «централке» некоторое время «отдохнуть» [1]).

ПРОФ. ЯНЖУЛ и 19-е ФЕВРАЛЯ

Приподнятое настроение студенчества скоро нашло случай выявиться на деле. 19 февраля 1894 года профессор Янжул читал лекцию «о квартирном налоге»; часть слушателей высказала пожелание отслужить молебствие в память дня освобождения крестьян; профессор в ответ заявил, что самый лучший способ почтить сей знаменательный день, это—прослушать лекцию, чтобы запастись знаниями, которые могут послужить на пользу тому же народу. Некоторые студенты ответили на заявление Янжула аплодисментами, другие—свистками, после чего большинство слушателей демонстративно покинуло аудиторию, при чем некоторых инспекция переписала, а университетский совет приговорил: семерых из них—к отсидке в карцере, а троих—к строгому замечанию.

Это распоряжение учебного начальства вызвало брожение в среде студентов; на 21-е февраля была назначена сходка; обер-полицеймейстер запасся двумя эскадронами жандармов. Но «беспорядков» не произошло: Союзный Совет (39-ти землячеств) ограничился выпуском прокламации, в которой осудил Янжула за то, что он читал лекцию 19-го февраля, хотя студенческая депутация просила его, в виду решения чествовать освобождение крестьян, последовать примеру других и отпраздновать этот день. В то же время судебная комиссия Союзного Совета отправила ректору университета письмо с заявлением, что она вполне солидаризуется с демонстрантами, освиставшими проф. Янжула.

О настроениях, господствовавших в это время среди студенчества, дает верное представление письмо (перлюстрованное департаментом полиции) Н. Величкина, который 11 марта 1894 года писал сестре Вере, в Цюрих: «мы теперь очень политичны стали, хотим в тишине сплотиться, окрепнуть, создать необыкновенный союз, не выходить из рамок, определенных большинством, на время и без особенно резких случаев не буянить, не тратить сил на зайцев, а сразу медведя убить».

«Студента,—продолжал Величкин,—не заберешь только за то, что он земляк — тогда явятся 2000 и заявят, что и они земляки. В землячества сыщики попадали, в 1889 году удалось весь С. С. арестовать, а он возродился. История с Янжулом не кончилась. С. С. решил сходок не устраивать; «радикалы» говорят, что мы вошли в стачку с полицией»...

Из заключительной фразы письма Величкина мы видим, что уже и в то время разногласие, существовавшее в среде передового студенчества между двумя его фракциями академистов-оппозиционеров и социалистов, отстаивавших революционные методы действия, заставляло себя чувствовать. Под «радикалами» автор письма разумел, конечно, таких своих коллег, которые, как В. А. Жданов, Д. П. Калафати, А. Н. Винокуров и др. сторонники «классовой борьбы», выступали против участия в студенческих «беспорядках».

Интересно, что сам Н. Величкин, спустя два года, оказался в числе «радикалов» и был арестован во главе «Московского Рабочего Союза».

ПЕТИЦИЯ СТУДЕНТОВ

Первый же день после смерти Александра III ознаменовался в Москве появлением прокламации, отличавшейся, несмотря на свои примитивность и лаконизм, немалой выразительностью: на заборе дома Богрова, по Б. Семеновской, обнаружили бумажку, писанную карандашем, такого содержания: «Да здравствует республика! Скончался варвар-император»...

Ожидая чрезвычайных событий, власти поспешили принять военную диспозицию. Департамент полиции уже 20-го октября протелеграфировал московск. охранному отделению: ожидается подача петиции о даровании конституции—надлежит усилить наблюдение.

На это Бердяев ответил: в Москве земства, учащиеся, рабочие и революционные кружки тоже замышляют петицию, а в случае неудовлетворения—намерены устроить беспорядки, покушения и выпустить воззвание.

Одновременно обер-полицеймейстер циркулярной депешей предложил начальствующим лицам, чтобы подчиненные им городовые и пожарные (!) «были наготове».

Прокламации, правда, спешно написанные и наскоро оттиснутые, не заставили себя долго ждать: начиная с 22-го октября, стали появляться печатные листки, которые по ночам разбрасывались на улицах, чаще всего по нескольку штук, в разных частях города. Воззвания эти гласили: «13 лет царствовал Александр III. 13 лет народ молчал, а чиновники и полиция не исполняли законов. При вступлении на царство, Александр III заявил, что будет править самодержавно; если бы тогда народ не безмолвствовал, царь дал бы конституцию. Надо, чтобы народ издавал законы, избирал чиновников, которые должны подчиняться этим законам. Теперь нет Александра III, а Николай II уступит народу, если последний заявит свои права. Нужна республика. Долой полицию!»

Эти маленькие листочки (надо признать, по содержанию довольно бестолковые) вызвали переполох: когда впервые об их появлении протелефонировал пристав Хамовнической части, ретивый «обер» Власовский, отличавшийся безумной стремительностью и натиском, приказал послать немедленно на извозчиках команду городовых циркулировать по участку для задержания распространителей. Тревога, конечно, была напрасной — рядовой московский обыватель, который тогда даже о конституции еще боялся думать, полицию низлагать не собирался и, более того, сам спешил к ней, чтобы услужливо представить опасные «пасквильные» листки; так поступили, например, рабочий Скотников, нашедший воззвания около Добржиолковской фабрики, крестьянин Царский (доставил листок, полученный в Троицко-Голенищевском волостном правлении), мещанин Овечкин, крестьянин Мельников и др.

Охранное отделение воспользовалось этой историей и поспешило испросить у департамента полиции разрешение удалить из столицы «руководителей». Удобный случай к этому скоро представился. 27-го октября в квартире студента Л. Л. Конкевича собрались представители 23-х землячеств для обсуждения вопроса о петиции; явилась полиция и переписала всех участников 2); на следующий день были обысканы и арестованы: П. П., А. Н. и Н. Н. Покровские, Н. К. Муравьев, Д. М. Головачев, А. Е. Быстрицкий, А. М. Аммосов, С. И. Потехин, И. П. Юрасов и М. В. Иванов (студент Ярославского лицея). После этого охранное отделение представило департаменту полиции список 48-ми лиц, предназначенных к высылке.

В это время выяснилось, что по вопросу о содержании петиции университетская молодежь не имела полного единогласия: значительная доля студенчества стояла за то, чтобы ограничиться ходатайством об изменении академического устава и о допущении к высшему образованию женщин. Кроме того, воззвание Союзного Совета от 26-го октября (которое предполагалось распространить на лекции проф. Фортунатова, 1-го ноября) оказалось составленным в духе крайней умеренности: оно предлагало, правда, траура не носить, но присягу рекомендовало принимать и от манифестаций (сочувственных и враждебных) воздерживаться.

В виду этих обстоятельств, вероятно, в Петербурге не захотели обострять положения, и, вместо высылки, департамент полиции предложил московскому обер-полицеймейстеру ограничиться пока увещаниями. Во исполнение этого, Власовский вызвал по указанию охр. отделения на 12-е ноября — двадцать четыре и на 13-е ноября—двадцать три «руководителя». Результат получился совершенно обратный. Приглашенные на увещание, доносило охранное отделение 17-го ноября, собравшись в портерной, решили, что администрация считает Союзный Совет внушительной силой, раз находит нужным вступать с ним в переговоры, и постановили продолжать агитацию, командировать с этой целью в другие города делегатов (между прочим, Ширского— в Петербург) и выпустить соответствующую прокламацию.

Действительно, 14-го ноября появилось воззвание, в котором представители 39-ти землячеств заявляли по поводу об'явления попечителя учебного округа о незаконности агитации, которую ведет Союзный Совет, что последний один имеет право выступать от лица всего московского студенчества и что Капнист, говоря о ничтожной кучке смутьянов, умышленно игнорирует существование организации и своими угрозами вызывает раздражение молодежи, «могущее проявиться в нежелательной форме».

Охранное отделение поняло намек и решило действовать. 20-го ноября был арестован председатель Союзного Совета П. Ширский (в момент прибытия его в Петербург, при чем у него нашли, между прочим, список арестованных по делу «Народного Права»).

23-го ноября были высланы с воспрещением жительства в столице на 3 года: трое Покровских, Муравьев, Потехин и А. Иогансон. Л. Конкевич был передан в жандармское управление для возбуждения о нем формального дознания.

Таков был финал петиции, которая, вместо того, чтобы удостоиться «всемилостивейшего благовоззрения» нового «его величества», сделалась об'ектом следовательского внимания помощников генерала Шрамма. Заключительным аккордом этой верноподданнической затеи были сатирические стихи некоего «Скептика» (которые получили по почте городской голова и другие именитые лица), озаглавленные довольно зло, но не без основания: «По поводу телячьих восторгов»...

„ИСТОРИЯ“ С ИСТОРИКОМ КЛЮЧЕВСКИМ

Высылка компании Покровских (им охрана приписывала издание прокламации «Нужна республика. Долой полицию!») только подлила масла в огонь, который уже пробрался за желтые университетские стены. Начались «истории». Еще в первые дни «всенародного траура» учебное начальство сделало попытку вызвать у студентов проявление «патриотических чувств» и пустило в обращение подписной лист на венок «в бозе почившему»; в результате получился только лишний скандал. 27-го октября, после лекции проф. Зверева, студент Прилуцкий обратился к товарищам с речью в пользу «добровольной» подписки; в это время явился филолог В. А. Дрелинг и стал говорить против сборов на венок; еще более резко высказался по этому поводу с кафедры другой оратор (потом оказалось— Т. Н. Атабеков); после этого подписной лист был кем-то разорван, а у сборщика в картузе оказалось, всего-навсего, несколько монет и... 23 медных пуговицы от студенческих мундиров... Дрелинга посадили за красноречие на сутки в карцер.

Кончилось тем, что инспекция подала венок не от имени студентов, а «от университета»...

23 медных пуговицы от мундиров как нельзя лучше свидетельствовали о действительном отношении мыслящей и сознательной части студенчества к личности и царствованию покойного императора. На почве этого критического отношения разыгрался вскоре инцидент, который неожиданно повел к весьма серьезным происшествиям.

Если в недоразумении между Янжулом и его слушателями главную роль играл ученый педантизм профессора, мешавший ему понять те острые запросы жизни, которые молодежь так чутко постигала и не зная теории квартирного налога, то в столкновении известного историка Ключевского со своей аудиторией, в которой он пользовался ранее значительной популярностью, причины лежали глубже: здесь сказывалась уже коренная разница в политических взглядах, различие мировоззрений «отцов и детей».

По поводу смерти Александра III профессор Ключевский (который, кстати сказать, не гнушался подавать руку своему почитателю В. К. фон-Плеве) нашел нужным сказать поминальное слово и в речи своей, обращенной к студентам, отозвался с похвалой об умершем, характеризуя его в качестве великого миротворца. Слушателям показалось (едва ли, впрочем, справедливо) в этом похвальном слове слишком много услужливого лицеприятия; многие студенты были возмущены поведением любимого профессора и не замедлили выразить свое негодование конкретным образом: 1-го декабря Ключевский, читавший очередную лекцию, был дружно освистан. Инспекция поспешила вмешаться, и студенты К. И. Забнин, К. К. Осипович (участники собрания у Конкевича) и граф А. Н. Мамуна были исключены из университета и арестованы, хотя относительно последнего из названных лиц и допускалась возможность ошибки, так как товарищи Мамуны уверяли, что он уговаривал не свистать, а педеля его приняли за одного из зачинщиков. Кроме того, В. Н. Сипко, Э. Ф. Руди и Б. Н. Захаров были посажены в карцер на три дня, а С. Я. Эленгорн, Б. А. Картиковский, О. Е. Мурзаев и Н. Н. Бельский — удостоены выговора.

Далее пошло «установленным порядком». На 2-е декабря была назначена общестуденческая сходка; утром этого дня полиция устроила «парад»: назначила усиленный наряд к зданию университета, поместила резервы и эскадрон жандармов в манеже и вызвала этими подготовительными действиями приток многочисленных зрителей, главным образом, сочувствующей студентам молодежи, запрудившей перекресток улиц Б. Никитской (ныне Герцена) и Моховой. К 1 ч. дня приехали верхом на лошади сам «обер» Власовский, Бердяев и др. «полководцы». Студенты, собравшиеся в здании Нового университета отдельными группами, долго столковывались, и, наконец, часть их направилась в химическую лабораторию, где открылась официальная сходка, на которую собралось до 500 человек. Учебное начальство обратилось за помощью к полиции, приглашая ее водворить «порядок». Лаборатория была окружена вооруженными городовыми и взята приступом; участников сходки, не успевших бежать, переписали; неприятель был рассеян. Но толпы молодежи еще долго бродили около университета, ожидая «событий». Многие студенты покупали в близлежащем книжном магазине Карбасникова успевшую появиться в виде брошюрки речь Ключевского об Александре III, выдирали содержание, вставляли в обложку листы гектографированной басни Хемницера «Лисица-казнодей» и распространяли ее в таком виде среди публики...

ПЕТИЦИЯ ПРОФЕССОРОВ

В ночь на 3-е декабря произошло «избиение младенцев»: охрана арестовала 46 «главарей» (братья Атабековы, Херумьян, Малиновский, П. Г. Смидович, И. Т.

Павлицкий и др.); после были задержаны еще несколько человек. Мамуне, Забнину и Осиповичу распоряжением генерал-губернатора было воспрещено жительство в столице; относительно других было предложено обер-полицеймейстеру войти в переговоры с попечителем учебного округа; Капнист соглашался на удаление их, но министр народного просвещения высказал пожелание отложить эту операцию до рождественских каникул. Охранное отделение не стало дожидаться и выслало из Москвы сроком на 3 года 55 человек, в том числе 23 участника собрания у Конкевича 3).

Эта расправа охраны в союзе с «попечительством» вызвала волнение в левом крыле профессуры. Власовский, инспирируемый Бердяевым, поспешил указать Капнисту на потакателей сверху: «профессора В. Д. Шервинский, Г. С. Гамбаров, А. Н. Веселовский, М. С. Корелин, В. И. Вернадский, П. Н. Милюков, писал обер-полицеймейстер, посещают вечеринки студентов. Эрисман предложил в студенческом адресе царю добавить к фразе: «от души желаем продолжать политику вашего родителя» слова «и деда». Грот тоже сочувствует петиции. Милюкова считают народовольцем» и т. д.

6-го декабря появилось гектографированное письмо «От бывших студентов к образованному обществу», в котором было высказано одобрение студенчеству, проявившему гражданское мужество выражением порицания Ключевскому, который «уже два года, как изменил свое направление»; вместе с тем, «письмо» предлагало требовать удаления Капниста, «позорящего имя не только педагога, но и человека вообще».

Одновременно Союзный Совет 42-х землячеств выступил с заявлением, что «беспорядки» раздуты старанием охраны и Капниста и что студенты собрались 2-го декабря лишь за тем, чтобы осведомиться о судьбе трех арестованных накануне товарищей.

Кроме того, было опубликовано постановление судебной комиссии Союзного Совета о недопущении харьковского приват-доцента Владимирова к чтению лекций в московском университете[4]).

После собрания в числе 30-ти человек на квартире Остроумова, оппозиционная профессура выработала особую петицию, редактированную Милюковым, Герье и Шервинским и, по почину Сеченова, пустила ее на подписи; затем специальная депутация в лице профессоров Тимирязева, Эрисмана, Миллера, Анучина и Герье вручила эту петицию, подписанную 42-мя лицами, московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергию Александровичу во время аудиенции, состоявшейся 17-го декабря. В то же время профессор Грот обратился с письмом к великому князю Константину Константиновичу, которому подробно описал московские события, выставляя главными виновниками беспорядков местную администрацию.

В своей петиции профессора заявили, что признают священным долгом являться ходатаями за учащуюся молодежь и быть ее заступниками в трудные переживаемые ею минуты жизни, особенно в данный момент, когда студенты подвергаются каре, превышающей их вину. По мнению петиционеров, большинство высланных подлежали университетскому суду, а не административным взысканиям. Академическая жизнь должна быть гарантирована от произвола и ошибок полицейских агентов; проступки, предусмотренные университетскими правилами, не должны караться наравне с государственными преступлениями, так как эти незаслуженные кары, падающие на лучшую часть юношества, несут за собою чуть ли не гражданскую смерть. Подписавшие заявили, что обратились с петицией в виду того, что, благодаря особенностям организации «Совета университетского правления», они не располагают возможностью ходатайствовать через него о нуждах студенчества[5]).

Заступничество профессоров возымело свое действие: особой комиссии в составе Капниста, Власовского, Бердяева, Шадурского и правителя канцелярии ген.-губернатора Истомина было поручено рассмотреть вопрос о степени виновности студентов, высланных административным порядком. Департамент полиции срочно потребовал от Бердяева представления исторического очерка студенческих организаций и подробные сведения об удаленных из Москвы студентах.

Комиссия, рассмотрев данные, послужившие основанием к высылке, разделила студентов по степени их виновности на 4 категории, при чем к первому разряду незаслуживающих снисхождения отнесла 16 лиц, а относительно остальных нашла возможным допустить те или другие послабления.

Полумеры, выработанные комиссией, никого не удовлетворили и повели к возникновению забавной полемики между «ведомствами», из которых каждое продемонстрировало бестолковость и непродуманность, которые были так свойственны мероприятиям царской бюрократии.

Обер-полицеймейстер в докладной записке (по охр. отделению) о студенческих беспорядках всю ответственность за них взваливал на Союзный Совет и поддерживающих его либеральных профессоров, а заканчивал свои рассуждения предложением: признать земляческую организацию (в целях взаимопомощи) и устроить для студентов казенные общежития, где за ними был бы возможен самый тщательный надзор. (Власовский полагал, очевидно, что дух времени за стены университетских казарм не сумеет проникнуть).

В обмен на этот доклад попечитель учебного округа прислал копию своей об'яснительной записки к петиции 42-х профессоров. Капнист тоже обвинял профессоров в том, что они своим признанием Союзного Совета поощряют студенчество к участию в нелегальной организации и роняют престиж университетского начальства, не пользующегося, в силу этого, никаким авторитетом среди студенчества. Ссылку профессоров на то, что инспекция знала о существовании союзнической организации и потому студенчество могло думать, что его право на корпорацию признается, Капнист назвал просто инсинуацией; на пожелание профессоров о том, чтобы проступки воспитанников университета ведались академическим судом независимо от инспекции, он ответил ссылкой на то, что взыскания исполнительной власти никогда (будто бы!) не вызывали протестов. Помимо восхваления института педелей, Капнист в заключение выступил защитником полиции; по его мнению, студенты вне университетских стен подлежат, как и всякие граждане, ведению общей администрации, раз они вступают в недозволенные союзы. Тем не менее, в конце-концов Капнист признал, что основательность действий полиции по отношению к студентам, участвовавшим в университетских «беспорядках», проверить необходимо, на что генерал-губернатор и согласился.

Но, конечно, не мог согласиться с этим департамент полиции, которому очень не нравилось вмешательство генерал-губернатора в дела, решать которые департамент полиции считал своей привилегией; и Петербург дал понять это недальновидному вел. князю, поставив его в неловкое положение. Сергий Александрович обещал депутации профессоров вернуть всех высланных, а департамент полиции предписал привлекать их к дознанию, возникшему при московском губернском жандармском управлении. Положение так осложнилось, что Власовский поехал лично докладывать государю; за ним выехал и Капнист. Нечаянно слиберальничавшему великому князю пришлось-таки уступить: убежденный записками охранного отделения в основательности высылок, Сергий Александрович предоставил Власовскому всякие полномочия, оставив в силе административные кары, уже приведенные в исполнение.

ДОЗНАНИЕ О СОЮЗНОМ СОВЕТЕ. ВЫСЫЛКА П. Н. МИЛЮКОВА

Страдать в чужом пиру от похмелья пришлось генералу Шрамму, так как на подведомственное ему управление выпала неблагодарная задача доказать, что студенты, участвуя в земляческой организации, совершали государственное преступление. Жандармам пришлось углубиться в историю и заняться чуть ли не микроскопическим исследованием документов, отобранных по обыскам.

На основании протоколов заседаний Союзного Совета землячеств и при помощи других бумажек дознание установило целый ряд «тяжких преступлений» членов студенческой организации. С. С. приступил к устройству центральной библиотеки «из книг редких и нелегальных», он помогал из земляческих денег «политическим ссыльным и заключенным»; кроме того, на заседаниях С. С. рассматривались вопросы чисто политические, например: указывалось на упадок народного хозяйства, на вражду крестьян к дворянам, недостаточность народного образования, неравномерность распределения налогов и т. д.; все эти недочеты государственной жизни об'яснялись «торжеством реакции», при чем высказывались мнения о том, что без изменения общего режима нельзя надеяться на существенное улучшение, почему является необходимым переустройство русской жизни «на началах большей свободы».

Поставили в вину С. Совету и публичные выступления его с осуждением Боголепова, тулонцев, Янжула, Владимирова, Ключевского; инкриминировали и деятельность судебной комиссии, занимавшейся разбором дел по обвинению некоторых студентов в шпионстве среди товарищей [6]).

Под конец своих изысканий производившие дознание напали на след главного преступника, отыскали самый корень зла. Оказалось, что С. Совет предлагал «землякам» распространять возможно шире лекции приват-доцента московского университета П. Н. Милюкова, как материал «весьма пригодный к подготовке студентов для общественной деятельности». Это указание в связи с имевшимися (в охранном отделении) сведениями о том, что Милюков «пользовался Союзным Советом, как готовой организацией для проведения своих крайних взглядов», заставило жандармов углубиться в изучение истории, в области которой, кстати сказать, их познания были чрезвычайно скудны. Молодой приват-доцент никогда не думал, вероятно, иметь такую почтенную аудиторию и таких усердных и внимательных читателей своих лекций.

В результате кропотливых исследований новых историографов поневоле было, как писал официальный летописец, «обнаружено, что во «Введении в курс русской истории», которое Милюков читал студентам историко-филологического факультета, молодой ученый «в конечных выводах проводил ту мысль, что развитие и сила самодержавной власти в России обусловливались давлением сверху, а не естественным зарождением и ростом народных идеалов. Последняя часть лекции была посвящена истории противоправительственных кружков, которая искусным подбором односторонне освещенных фактов давала понять, что этими кружками может быть поставлена преграда росту самодержавия в России. В той же части курса были помещены цитаты из сравнительно старинных произведений русской литературы; как заключающие в себе резкие отзывы о самодержавной власти, они могли воздействовать на политическое настроение учащейся молодежи в смысле отрицания существующего образа правления. Так, например, в лекциях цитировалось из произведений Княжнина следующее место: «Самодержавие повсюду бед создатель, вредит и самую чистейшую добродетель и, невозбранные пути открыв, дает свободу быть тиранами царям».

Но кроме русской истории, жандармам пришлось заняться еще заграничной литературой. Дело в том, что «осмотром № 24-го издаваемых «Фондом Вольной Русской Прессы» в Лондоне «Летучих Листков» за 1895 г. было выяснено, что Милюков в обзоре литературы, помещенном в июньской книжке английского журнала

«The Atheneum» за тот же год, заявил мнение о неотлагательной необходимости политической свободы для России и высказал пожелание о слиянии существующих в России партий на общую работу в этом направлении».

Не дожидаясь конца ученых исследований жандармского управления, департамент полиции распорядился 18 февраля 1895 года устранить Милюкова от педагогической деятельности. Узнав еще ранее об этом «отлучении», Милюков заявил на лекции студентам, что, в виду предстоящей кары, ему, лишенному заработка, останется только одно: уехать в Англию. Несмотря на запрет, Милюков прочитал 21-го февраля на педагогических курсах лекцию «о Петрашевцах», чем вызвал энтузиазм слушательниц, которым он обещал еще прочитать «Об общественном движении при Александре I», чего выполнить, однако, он не смог по «независящим обстоятельствам».

23-го февраля департамент полиции по телеграфу из'явил согласие на удаление Милюкова из Москвы сроком на два года. В первых числах марта опальный приват-доцент выехал в Рязань; провожать его собралась толпа молодежи человек в 400. Были также В. Гольцев, Д. Шаховской, Усов, Петрункевич и др.

„БЕССМЫСЛЕННЫЕ МЕЧТАНИЯ“

План обращения к царю с челобитной, возникший в среде московской учащейся молодежи, имел в виду составление петиции в общестуденческом масштабе. В целях установления единства действия между студенчеством некоторых университетских городов велись предварительные переговоры. Так, по сведениям лифляндского г. жандармск. управления, Я. Л. Гинсбург ездил во второй половине декабря 1894 года в Петербург и Москву для участия в составлении петиции от имени «всех студентов России»; с таким же поручением в ноябре месяце выезжал из Москвы в Харьков Певницкий; 5-го ноября в Москве был задержан, при от'езде в Ярославль, студент П. Е. Воларович, имевший несколько писем (к Л. Рума, М. Лобановой и др.). 20-го декабря, как мы уже знаем, был арестован прибывший в Петербург председатель московского Союзного Совета Ширский.

Но пока вырабатывался текст петиции, «обожаемый монарх» успел дать ответ на скромные пожелания учащейся молодежи. Еще на докладе о том, что некоторые студенты (40—в Варшавском и 7—в Петербургском университ.) отказались присягнуть, царь положил знаменательную резолюцию: «обойдусь и без них».

Так как чаяниями и ожиданиями были заражены не только «дети», но и некоторые «отцы», то понадобилось сделать более общее и решительное заявление. Случай не замедлил представиться. Как известно, на приеме представителей дворянства, земства и городов, происходившем 17 января 1895 года, Николай II сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»...

Оптимистам и либеральным мечтателям был нанесен жестокий удар; для иллюзий места не оставалось. Общественные круги, которых всего ближе касалось грубоватое царское слово о «бессмысленных мечтаниях», не замедлили отозваться. Среди публики получило скоро широкое распространение «Открытое письмо к Николаю II» (с датой: 19/1—95 г.), переизданное несколько раз кустарными способами. Автор этого обращения, упрекнув царя за необдуманность выражения, которым он назвал стремление земщины к сближению с монархом, заканчивал свое письмо в очень вызывающем тоне: «День 17-го января уничтожил тот ореол, которым многие русские люди окружили ваш неясный, молодой облик... Если самодержавие на словах и на деле отожествляет себя с всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии, якобы, временного положения об усиленной охране,—дело его проиграно...

Ваша речь вызвала чувство обиды и удрученности, от которого, однако, живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других оно обострит решительность бороться с ненавистным строем всякими средствами.

Вы первый начали борьбу,—и борьба не заставит себя ждать».

Как известно, автором этого «Открытого письма» был П. Б. Струве, написавший в 1898 году «Манифест российской соц.-дем. раб. партии», а ныне являющийся усердным защитником идеи самодержавия.

В другом документе: «Манифест русской конституционной партии», появление которого связано с той же речью Николая II (опубликован в гектографированной брошюре «В память 17 января 1895 года»), пожелания либералов того времени были формулированы более конкретно. «17-го января, говорится в «Манифесте», произнесены слова, которые представляют собою историческое событие. Борьба об'явлена с высоты престола, и нам, русским конституционалистам, остается только принять вызов... Мы обращаемся ко всем слоям русского общества, непосредственно заинтересованным в изменении существующего строя. Мы призываем все партии к единению на почве общего желания конституционного образа правления. Против абсолютизма власти мы выставляем: народное представительство без ограничения цензом. Против бюрократии: расширение местного самоуправления».

В качестве необходимых условий нового правового строя; говорилось далее в «Манифесте», должны служить: гарантии личной свободы, неприкосновенности дома, бумаг, писем; свобода промыслов и занятий; свобода совести, слова, печати, собраний и товарищества...

В экономической области партия намерена проводить финансовую политику в интересах большинства, фабричное законодательство в интересах рабочего класса и т. д.

«Вот наши цели, к осуществлению которых мы стремимся, которые на языке бюрократов, руководящих молодым императором, называются «бессмысленными мечтаниями»...

Новый год, принесший мечтателям глубокое разочарование, застал учащуюся молодежь в состоянии растерянности. Нельзя было сказать, что студенчество совсем упало духом; однако, ему, только-что испытавшему горечь разбитых надежд, было нелегко сразу занять определенную позицию, выбрать прямую линию поведения, диктуемую жестокой логикой событий; в поведении студенчества академизм и политика продолжали еще некоторое время смешиваться в неравномерных, часто случайных дозах, пока окончательно не наметился для всех студентов и не студентов—единственно верный путь,—путь революционной борьбы...

Немалое смущение внесла в настроение студенческой массы (университетской) позиция, которую заняла часть профессуры в конфликте молодежи с властями предержащими. Записка Капниста относительно «петиции 42-х», разосланная им всем профессорам, у большинства вызвала сочувственное отношение, и 73 из них высказались определенно против Союзного Совета.

Левое крыло профессуры пробовало реагировать на это, и на собрании, состоявшемся 5 января 1895 года в квартире Веселовского, был поставлен на обсуждение проект новой петиции.

Союзный Совет, со своей стороны, выступил от имени 43-х землячеств с несколькими воззваниями; в одном из них, от 28-го декабря, он, приводя список высланных и пожертвований в их пользу, осведомлял общество о событиях студенческой жизни за последнее время; в другом, появившемся 1 января 1895 года, Союзный Совет заявлял, что вместо ходатайств о помиловании пострадавших надо добиваться расследования дела во всей полноте—только не представителями инспекции и администрации, являющимися заинтересованною стороной; в третьем воззвании, вышедшем 10-го января, было подвергнуто обсуждению поведение 42-х и 82-х (правых) профессоров...

Через неделю после появления последнего листка была опубликована царская речь о «бессмысленных мечтаниях», и разговоры о петициях потеряли всякий смысл.

Судя по перлюстрационным данным, «союзники» первое время не унывали. Вениамин Бездетнов, принимавший в это время живое участие в земляческих делах (оказывал денежную поддержку, устраивал у себя сходки), писал, например, своему брату Василию 29-го января: «на нашу окрепшую организацию восстала администрация... Поведение профессора паскудное. Когда на них цыкнули, они отреклись от всего прошлого и покинули нас, прежде их верных союзников... Союз—сила стройная; бог не выдаст—свинья не с'ест»... Другой неизвестный корреспондент сообщил 12-го февраля в Тамбов Д. А. Телятникову: «несмотря на ректорское об'явление, нам ничего не делают, да и делать ничего не смогут... Без борьбы, борьбы упорной, мы не сдадимся».

Но звучали и другие нотки. Так, 20-го февраля из Москвы в Киев, Ф. П. Дитятину писали: «Наши дела смутны; похожи на Гордиев узел, который придется разрубать какому-нибудь скоту, в роде Бердяева или Капниста»... В позднейших корреспонденциях чувствовалась уже некоторая запуганность—у одних и энергия озлобленности—у других. А. Степанов, заведывавший земляческой библиотекой, писал, например, 13-го марта в Пензу гимназисту И. В. Щеголеву, прося прислать денег на помощь пострадавшим студентам, следующее: «только никаких упоминаний про землячества, про Союзный Совет быть не должно». В другом письме от того же числа из Москвы сообщалось:

«Союзный Совет выжидает; тишь поразительная. В нашем землячестве три радикала с двумя консерваторами поссорились; более 3—4-х боятся сходиться... Ты говоришь про нецензурные издания—напиши, какие можно достать»...

Из приписки к последнему письму видно, в какую сторону начинал дуть ветер. Этот уклон нашел себе яркое выражение в признаниях некоего «Павла», который в корреспонденции на имя А. М. Финкель (в Оренбург, 20-го марта) заявлял: «Прочитал я «Царствие божие внутри нас» Толстого... Я всеми силами своей души ненавижу правительство. Так-называемой церкви я не верю, попов терпеть не могу... Нельзя ли произвести сбор в пользу изгнанных»...

А «скот» Бердяев действительно продолжал рассекать «Гордиев узел». 23 апреля 1895 года московское охранное отделение представило в департамент полиции новый список лиц, вступивших в ряды Союзн. Совета [7]).

Через месяц московское г. жандармск. управление, получившее этот список от департамента полиции, потребовало обыскать всех упомянутых в нем лиц; по случаю летних каникул в Москве оказались на-лицо лишь двое, которых и подвергли обыску, при чем у Бельского отобрали архив Судебной комиссии Союзного Совета, а у Шишло взяли до 100 нелегальных изданий, гектограф и документы, касавшиеся обвинения некоторых лиц в предательстве (См. прим. 6-е).

Кроме привлеченных к дознанию о Союзном Совете В. М. Фивейского, Э. Ф. Руди, А. Лосицкого, П. В. Лаврова и Г. Н. Горшечникова, переписывавших (и для гектографа) союзовские документы, по требованию жандармского управления были потом обысканы: Д. В. Нагорский, Н. Н. Сытин, И. И. Лыжин, В. А. Руднев, Г. Н. Логачев, А. И. Антоконенко и арестованы: П. В. Лавров и М. Н. Янишевский [8]).

Так закончилась пора «бессмысленных мечтаний», вызванных вступлением на престол последнего самодержца.

ГЛАВА XII

Первые соц.-демократические кружки в Москве.—Дело С. И. Мицкевича.—Первые протесты московских рабочих.—Московский «Союз Рабочих».—Кружок «Рабочее Дело»

ПЕРВЫЕ С.-Д. КРУЖКИ В МОСКВЕ

Казенный летописец, обозревая положение заграничных революционных групп в 1894 году, писал, между прочим, следующее:

«Партия «Освобождение Труда» все более и более падала даже в глазах эмиграции, считающей ее не отвечающею потребностям современной революционной борьбы с правительством. Материальные условия названной группы попрежнему крайне печальны, а главные ее представители, Плеханов и Засулич, живут почти впроголодь... К концу года значение «освобожденцев» стало, однако, подниматься в виду полученных из России сведений об усилении, будто бы, в империи социал-демократической партии». («Обзор» XVIII, 114).

Что касается материального положения прародителей русского марксизма, то «летописец» был, вероятно, недалек от истины,— им, как и большинству политических выходцев, жилось за границей, конечно, не так сладко, как П. И. Рачковскому, на основании бойких донесений которого был дан вышеприведенный отзыв; но относительно роста с.-д. движения в России скептическое «будто-бы» являлось неуместным; правда, «партий», о которых говорит «летописец», тогда не существовало, но рост движения действительно начался—и не в 1894 году, а значительно ранее; достаточно припомнить весьма интенсивную пропаганду, которую вели с начала 90-х годов кружки М. Бруснева—в Петербурге, К. Чекеруль-Куша — в Риге, И. Калашникова— в Одессе и А. Машицкого—в Ростове[1]).

В Москве начальные успехи марксизма относятся к первым годам того же десятилетия, при чем уже с весны 1893 г. Бердяеву пришлось уделить особое внимание представителям революционного течения, которое стало очень быстро завоевывать умы и которому суждено было сыграть впоследствии такую исключительную роль.

26 апреля 1893 г. под наблюдение московских филеров поступили А. Н. Винокуров и его жена П. И., ур. Мокроусова; осенью (октябрь и ноябрь) слежка за ними сделалась хронической; она установила, что к числу ближайших знакомых Винокурова и его жены принадлежат: И. Давыдов, сестра его А. Рейнгольд и второй муж ее А. Рязанов, а также Гр. Мандэльштам, С. И. Мицкевич, З. И. Серебрякова, И. Немолякин, М. Н. Корнатовская и, наконец, сама А. Е. Серебрякова, которая нашла нужным почтить самолично рождение нового члена московской революционной семьи[2]).

Благодаря своей «мамочке», охранное отделение знало, что квартира Давыдовых являлась школой экономического материализма; было известно также, что Мицкевич старался обзавестись связями среди рабочих и даже приобрел таковые в мастерских Московско-Брестской жел. дороги, пользуясь содействием помощника машиниста С. И. Прокофьева[3]).

Но Бердяев в это время был занят народоправцами, на которых надеялся пожать лавры, и потому молодой социал-демократии особого внимания не уделял.

Между тем отдельные признаки указывали на то, что интерес революционной интеллигенции к пролетариату и само рабочее движение стихийно и самочинно начинали расти в геометрической прогрессии.

Нельзя сказать, чтобы охранное отделение этого не замечало; но сразу приспособиться к новой обстановке оно не могло: у него не было достаточной агентуры для всестороннего освещения революционного движения, рост которого направлялся вглубь и вширь.

Этот недостаток секретных сотрудников в значительной степени покрывался успешной деятельностью почтовых «цензоров», доставлявших охране своими перлюстрационными сведениями ценнейший розыскной материал, который, перекрещиваясь с агентурными указаниями, держал розыск на верном пути.

В октябре 1893 года, например, департамент полиции сообщил Бердяеву о том, что М. Нечаев разослал по почте (А. Чичкину, И. Алексинскому, Б. Федченко) приглашения явиться на собрание и что живущая за границей В. Чичкина находится в сношениях с москвичами «Николаем» и «Федором», которые сообщают ей (и петербургскому технологу Батурину) о кружке (6 реалистов и 2 гимназиста), в котором читают нелегальную литературу. Эти указания заставили охранное отделение обратить внимание на Чичкиных и Батуриных, которые через два года уже встали в боевые ряды московской социал-демократии[4]).

В январе 1894 года были получены тоже перлюстрационным путем указания на новое лицо, принадлежавшее также к марксистскому кружку. В письме, автором которого оказался М. Цейтлин к П. М. Ротгауз в Варшаву, сообщалось условным языком о «специализации наших сил и наличных наших способностей в одном направлении», при чем упоминались имена Мартына Мандельштама, его сестры Евгении (Генриеты), по мужу Пеховой, и др. лиц. К числу знакомых Цейтлина, как выяснилось, принадлежали и супруги Винокуровы[5]).

Тогда же почтовая «цензура» представила копию письма на имя Н. Н. Лебедевой, писанного В. А. Ждановым (впоследствии муж адресатки), на которого департамент полиции рекомендовал Бердяеву обратить внимание. Но оказалось, что охранное отделение занялось этим лицом еще ранее. Как мы знаем из предыдущей главы (прим. 1-е), 3 декабря 1893 года к Жданову принес гектограф Д. Калафати (знакомый секретного сотрудника Невского). В связи с этим обстоятельством было установлено наблюдение за О. Хаминым (приятель Жданова), который, по январским сообщениям агентуры, должен был разносить новую, только что изданную, «программу». 20 апреля 1894 года Жданов был обыскан и арестован, так как у него нашли «Об'явление об издании социал-демократической библиотеки» (потом его сослали в Вологодскую губернию).

ДЕЛО С. И. МИЦКЕВИЧА

В числе бумаг, отобранных у Жданова, оказалось письмо к Мицкевичу; но последний, как мы видели, охранному отделению уже был известен; находился ли он в непосредственных сношениях с шпионкой А. Серебряковой—это вопрос; но Мицкевич был знаком—а это почти равносильно—с Корнатовской, а также с ее подругами И. Калининой и М. Рыбиной (из Ниж.-Новгорода). Бердяев знал о выдающейся роли Мицкевича в организации социал-демократического кружка и ждал лишь благоприятного момента, чтобы с ним покончить.

Корреспонденция Мицкевича тоже не миновала цепких щупальцев почтовой «цензуры». 25 января 1894 г. департамент полиции сообщил московскому охранному отделению копию письма к Мицкевичу весьма конспиративного содержания, которое заканчивалось просьбой немедленно уничтожить его; автором письма оказался С. Н. Предтеченский, живший в 1892 году с Мицкевичем, а лицами, о которых шла речь в корреспонденции, — М. А. Плотников и Н. В. Поздняков, которые были на замечании охраны [6]).

Несмотря на все эти «данные», более основательно Мицкевичем охранное отделение занялось только осенью 1894 года, во второй половине ноября, когда за ним было установлено ежедневное наблюдение. В виду большой подвижности «лидера», филерские проследки дали существенные результаты и в течение двух недель выяснили ближайший антураж наблюдаемого, и в том числе главных его сотрудников по нелегальной работе.

Вот некоторые данные этого наблюдения. 19-го ноября Мицкевич виделся с В. Ф. Елчиным, З. В. Каллиопиной, В. и Е. Масленниковыми; на следующий день—с Калафати и К. Ф. Бойэ; 24-го ноября он имел свидания с А. А. Ганьшиным, И. В. Денисовым, М. Н. Янишевским, А. и В. Масленниковыми и А. А. Кокиным; 26-го ноября—с Е. Спонти, А. Карпузи, Д. И. Ульяновым, М. Т. и А. И. Елизаровыми, Винокуровыми, Б. Келлером, В. Ждановым, Н. Н. Малышевым, С. И. Мураловой, Н. и В. Пеньевскими; вечером этого дня Мицкевич с Винокуровыми пошел-было на вечеринку нижегородского землячества, но полиция этого собрания не допустила; 1-го декабря он посетил М. В. Черняеву и Н. В. Васильева...

3-го декабря Мицкевич был арестован одновременно с Винокуровыми, Цейтлиным и многими другими, в виду студенческих волнений; по обыску у него нашли мимеограф с принадлежностями, серию статей социал-демократического содержания («Беседы»), гектографированные воззвания к рабочим завода Вейхельдта, рукописную программу русских социал-демократов... Дело о Мицкевиче было передано для производства дознания в московское жандармское управление.

Так произошла первая стычка охраны с авангардом московской социал-демократии, стычка, перешедшая затем в длительный и ожесточенный поединок, затянувшийся более чем на два десятилетия.

ПЕРВЫЕ ПРОТЕСТЫ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ

В конце июля 1893 года токаря машинного отдела мастерских Московско-Казанской железной дороги прекратили работу и склонили к тому же большинство рабочих других мастерских; забастовщики, собравшись у правления дороги, потребовали, ссылаясь на новые правила пенсионного устава, выдачи причитающегося капитала за выслугу лет; начальство отказало; для переговоров с рабочими явился сам обер-полицеймейстер Власовский, который стал убеждать забастовщиков в необходимости подождать с удовлетворением их требований; увещания, подкрепленные соответствующим нарядом городовых, подействовали: рабочие решили «обождать».

В других местах трудовые массы были настроены не так миролюбиво. Как известно, в октябре 1893 г. произошли крупные беспорядки на фабрике Морозовой в Твери; весной 1894 года разразился бунт на Нижне-Тагильских заводах, сопровождавшийся избиением земского начальника; в июне того же года возникла забастовка 2000 рабочих на фабрике Хлудовых (в городе Егорьевске, Рязанской губ.), для прекращения которой потребовалось вмешательство двух казачьих сотен (стачка закончилась судебным процессом)...

Русский пролетариат стал пробуждаться к новой жизни; он напомнил о своем существовании, показав, какая огромная потенциальная сила в нем кроется.

Начал просыпаться и московский рабочий, являвшийся значительно отсталым в смысле развития своего классового самосознания по сравнению с фабрично-заводским населением других промышленных районов.

8 апреля 1894 года хозяин небольшого московского завода Вейхельдт получил «угрожающее письмо»; одно-

временно до 50-ти человек заводских рабочих пытались забастовать; попытка не имела успеха.

Несмотря на незначительность упомянутого события, я нахожу нужным его отметить, так как это был чуть ли не первый случай в летописи московского рабочего движения, когда осознавший себя пролетариат выступил в ногу со своими друзьями из социалистической интеллигенции; как выяснилось несколько позднее, забастовка у Вейхельдта была вызвана агитацией, которую вели слесаря завода А. Карпузи и К. Бойэ; последние принадлежали к социал-демократической группе Винокурова и Мицкевича, выпустившей воззвание, которое составитель «Обзора» не без основания назвал «угрожающим письмом». В нем, действительно, таилась угроза в будущем спокойствию заводчиков и фабрикантов, безграничной эксплоатации труда капиталом.

С этого момента рост московского рабочего движения шел параллельно, а несколько позднее — и в тесной связи с развитием социал-демократических организаций, которые преемственно и почти непрерывно стали возникать потом в столице.

Изменившееся настроение московского пролетариата стало выявляться с самого начала 1895 года; участились столкновения между рабочими и хозяйственной администрацией; безмолвный и всегда покорный прежде «наемник» сделался требовательнее, начал жаловаться, стал протестовать, иногда и весьма решительно.

На первых порах «недоразумения» возникали исключительно на почве экономических нужд и разных недочетов бытового порядка. Насколько еще примитивно было понимание этих нужд и как мелки были вначале рабочие претензии, видно из одной «прокламации», появившейся на стене фабрики Гоппера, близ «отхожего места» (в те времена только в этих злачных местах могли безвозбранно собираться рабочие). Это воззвание, писанное измененным почерком и малограмотно, на полулисте бумаги, было наклеено перед рождественскими праздниками (1894 года).

Вот содержание этой «самодельщины»: «Господа мастеровые и рабочие! Давайте уговоримся собраться, чтобы заявить, что мы желаем получить харчевые до праздника и чтобы работа была прекращена после обеда за день до праздника. Господа! Некоторые говорят, что думают ехать в деревню, другие хотят сходить в баню и церкву. Какие же мы православные, если пойдем грязные в церкву, или совсем в нее не пойдем? Иисус Христос учил быть непреклонными, зачем же нам бояться?».

Несмотря на скромность выраженных в «прокламации» пожеланий, автор его проявил разумную предусмотрительность и написал на оборотной стороне: «прошу не передавать, кому не следует»; его не послушали, и листок вскоре очутился в распоряжении заводской конторы, которая поспешила этот продукт истинно пролетарского творчества представить через полицейского надзирателя в охрану.

Гопперовцы не вняли голосу своего товарища и пошли в «церкву» немытые. Но зато другие московские рабочие проявили больше христианской «непреклонности» и выступили на защиту своих интересов коллективно. Вот несколько примеров.

25 января 1895 года рабочие мастерских Московско-Ярославской жел. дор. (преимущественно слесаря) забастовали, будучи недовольны новыми правилами пенсионного устава; их едва уговорили вернуться к станкам.

Двумя днями позже прекратили работу 200 рабочих шерстопрядильной фабрики Дюфурмантель; они потребовали для об'яснений директора. Конторщик Е. Черног заявил с бранью, что хозяина нет; рабочие удалились в спальни; директор тогда вдруг об'явился и велел позвать рабочих; забастовщики не пошли; явившейся полиции они заявили, что требуют поденной платы вместо сдельной; недовольных—12 человек—рассчитали.

10 февраля 1895 года забастовали 150 рабочих фабрики Постникова из-за того, что по книжкам расчет они должны были получать 7-го числа, а выдавали им плату всегда неделей—двумя позже; кроме того, их, вопреки правилам, заставляли работать в течение сырной недели. Забастовщики пошли с жалобой к участковому приставу, к мировому судье и, под конец—к обер-полицеймейстеру. Одержали победу.

20 марта 1895 года рабочие рассыпного и болтового отделения завода Гужона во время обеденного перерыва поколотили паспортиста В. Федорова, который их очень утеснял, показав тем пример тактики более действенной.

Еще большую активность проявили рабочие бумагопрядильной фабрики Мазурина (в подмосковном селе Кускове), где забастовавшие подсучивальщики с присоединившимися к ним ткачами 7 июня 1895 г. побили стекла в фабричной конторе и даже помяли станового пристава; фабрика, насчитывавшая 3000 рабочих, стала. 8-го июня явились неизбежные казаки, на которых администрация обыкновенно возлагала в этих случаях функции фабричной инспекции; отважные донцы плетьми загнали рабочих в спальни; на помощь им были посланы «молодцы-фанагорийцы»; полиция, кавалерия и пехота одержали, конечно, верх над рабочими, которые знали только одно оружие—челнок...

Почва оттаяла от льда вековой косности и ждала сеятеля.

МОСКОВСКИЙ „СОЮЗ РАБОЧИХ“

Наблюдение за Винокуровыми и Мицкевичем выяснило почти весь личный состав ядра социал-демократической группы, но во время зимнего погрома кружок этот не был ликвидирован полностью; дело Бердяеву казалось не совсем созревшим—он ждал приближения 1-го мая.

Однако, организация была еще настолько слаба, что ознаменовать должным образом рабочий праздник совсем и не пыталась; она ограничилась тем, что устроила в этот день небольшое собрание в Сокольниках и выпустила перед тем две серии (мимеографных и гектографных) воззваний. Об'ясняя рабочим значение 1-го мая и указывая на пример западно-европейского пролетариата, листки рекомендовали рабочим добиваться улучшения своего положения путем образования союзов и касс взаимопомощи, а также устройством общих стачек с требованием 8-часового рабочего дня.

После ареста Мицкевича организаторскую роль его взял на себя М. Мандельштам, в виду чего за ним было установлено наблюдение, которое велось особо интенсивно с конца весны 1895 года. Проследки установили, между прочим, сношения Мандельштама с вышеупоминавшимися А. Карпузи, К. Бойэ и С. Прокофьевым, а также констатировали свидания А. Карпузи с А. А. Гридиной и рабочим из села Раменского Ф. И. Поляковым. По временам смотрели также за А. Ганьшиным и К. Чекеруль-Кушем (виделся с И. Калининой—приятельницей М. Корнатовской) и другими.

Пользуясь летним временем, кружок решил использовать благоприятные условия для устройства «массовок»; они происходили с возрастающим успехом. После «маевки» состоялась сходка на берегу реки Яузы (присутствовало 20 человек, в том числе рабочий А. И. Хозецкий), во время которой обсуждались проекты рабочих кассы и союза.

4-го июня снова собрались в Сокольнической роще; сходкой руководили Г. Мандельштам и А. Карпузи, а внешнюю охрану вели А. Ганьшин, А. Масленников и примкнувший к организации А. Д. Кирпичников.

Дозор оказался на высоте своего призвания: соглядатай Ф. Иванов, следивший за участниками сходки, был замечен; его пытались даже поймать; внешность его была описана во всеобщее сведение, при чем одной из примет была указана «синяя рубашка», что повело к запрещению филерам носить что-нибудь подобное.

На сходке 4-го июня было решено напечатать устав кассы и воззвание от имени «Союза Рабочих»; следующее собрание было намечено на 11-е июня, в роще подмосковного села «Люблино».

Но дни организации, еще не успевшей народиться официально, были сочтены; внешнее обстоятельство ускорило приближавшийся «конец начала».

С первых чисел июня было установлено наблюдение «во-всю» за тройкой: Масленниковым, Кирпичниковым и тоже новым членом кружка—П. Д. Дурново. Филерские донесения за это время отметили: А. Карпузи принес Кирпичникову «валик», который потом был перенесен к Дурново; последний и Кирпичников отвезли 9-го июня какие-то вещи в подмосковное село Мытищи к жившим там братьям Масленниковым. Это обстоятельство, в связи с разыгравшимися событиями на фабрике Мазурина, заставило охранное отделение поспешить с ликвидацией «Союза», еще находившегося, так сказать, в утробе матери.

В ночь на 10 июня 1895 года были обысканы и арестованы: А. Ганьшин и жена его М. Я. Ганьшина, П. Дурново, А. Карпузи, А. Кирпичников, М. Мандельштам, А. и В. Масленниковы, Е. П. Петрова, А. И. Рязанов и Н. Чекеруль-Куш, а затем добавочно еще — А. П. Козловский, А. И. Смирнова, И. А. Давыдов и П. С. Карпузи; были задержаны также Н. А. Желвакова, надзирательница детского приюта в Мытищах, жившая у нее Л. И. Биронт (у них бывали Масленниковы) и М. З. Левиг, явившийся к последним во время производства обыска. По сожительству с Мандельштамом и Чекеруль-Кушем был обыскан М. Е. Земцев (известный с февраля 1892 года, когда за ним наблюдали в виду того, что он «должен был видеться» с Кушенским, жившим в Москве «без прописки»).

Результаты обысков Бердяева порадовали.

У А. Масленникова, жившего с братом Георгием (реалистом) на даче старушки Мироновой (в с. Мытищах), в квартире ничего не обнаружили. Но «недреманные очи» зубатовской агентуры видели даже и то, что находилось в недрах земли: около акведука, недалеко от дачи, нашли зарытыми в земле типографские принадлежности (полтора пуда шрифта, два валика, рамку) и несколько экземпляров воззвания, оттиснутого при помощи этого станка, с обращением: «Товарищи-рабочие» [7]).

У А. Ганьшина была найдена корзина с 140 экз. нелегальных изданий (в том числе: Плеханова—«Лассаль, его жизнь», «Памяти А. Зайцева» и др.), а также чемодан с разными документами [8]).

У Кирпичникова, кроме нескольких революционных брошюр, взяли мимеограф со всеми принадлежностями и рукопись программного характера (см. прим. 7-е).

В числе рукописей, отобранных у Мандельштама, была одна под заглавием: «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превратились».

У Дурново, Биронт, Карпузи, В. Масленникова и Рязанова забрали нелегальную мелочь, письма и рукописи.

В виду наличности солидных вещественных доказательств вся переписка о ликвидированном кружке была передана в московское г. жандармское управление. Дознание, начавшееся с привлечения десятка лиц, развернулось в довольно крупное дело. Повторилась старая печальная история: обвиняемые по тем или иным соображениям, иногда с весьма благими намерениями (выгородить других, ускорить окончание расследования и пр.), находили нужным вступать в разговоры со следователями, писать для них об'яснения и раз'яснения и, таким образом, давали им уличительный формальный материал, добывать который и составляло задачу жандармов.

Охрана, надо это признать, в большинстве случаев не ошибалась в выборе своих жертв; но, разумеется, многого она не знала; да и то, что было ей известно, само по себе не могло служить положительной уликой в дознаниях, производившихся в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, требовавшей некоторых юридических гарантий. Наконец, в интересах агентуры и дальнейших розысков, охрана обо многом вынуждена была молчать; ей нельзя было открывать свои крапленые карты в сложной игре, которую она вела.

Таким образом, на жандармов ложилась нелегкая обязанность доказывать виновность привлеченных к дознанию, и «синие мундиры» делали на этом свою карьеру; всеми способами они старались вымогать показания из арестованных, которые, чаще всего по наивности или неведению, попадали в эту ловушку.

Дознанием было установлено, что на сходке, состоявшейся 30-го апреля в дачной местности «Вешняки», на которой присутствовали Кирпичников, Масленниковы и Дурново, М. Мандельштам сказал речь о необходимости устройства «Союза» с кассой и библиотекой, при чем роздал до 60-ти экз. воззвания по поводу 1-го мая. Потом вместе с Кирпичниковым Мандельштам выработал устав «Союза Рабочих»; затем он устроил собрания в Сокольниках и на Воробьевых горах, в которых, кроме Масленниковых и Дурново, участвовал А. Карпузи.

Предполагалась еще рабочая сходка по поводу стачки на фабрике Корзинкиных в Ярославле. В. Масленников, получивший письмо об этом (отобранное у него по обыску), вместе с А. Ганьшиным ездил в Ярославль, куда они отвезли Каверину 20 экз. брошюры «Как люди на белом свете живут» [9]).

На сходке 28-го июня Мандельштам прочитал проект «устава», а на собрании, состоявшемся 7-го июня у Кирпичникова, было составлено, при участии Дурново и Петровой, воззвание, которое предполагалось огласить на массовке, назначенной на 11-е июня. 8-го июня

Кирпичников набрал и при содействии Петровой и М. Мандельштама отпечатал на квартире Дурново 400 экз. этого воззвания.

Относительно печатни, обнаруженной у Масленниковых, М. Мандельштам показал, что приобрел ее в августе 1893 года в Риге, через маклера и типографских рабочих; по доставлении типографии в Москву он поместил ее в опытной городской станции канализационных работ; бывая там на дежурстве, он оттиснул на этом станке листок «Мы живем в такое время». В феврале 1894 года Мандельштам зарыл печатню на берегу р. Москвы[10]).

Кроме того, показаниями было установлено, что непосредственные сношения с рабочими вели, кроме Винокурова и Мицкевича, Левит, Спонти и Е. Лакур. Статьи для рабочих: «Много ли мы зарабатываем» и «Кое-что о женщине-работнице» были составлены М. Мандельштамом. Некоторые статьи были переведены с иностранных языков Винокуровыми, Смирновой, Рязановым, Спонти и Г. Мандельштамом.

В то же время экспертизой почерков было констатировано, что многие рукописи, отобранные по обыскам, социал-демократического содержания были писаны Мицкевичем, Винокуровыми, И. Давыдовым, Г. Мандельштамом, Рязановым, М. Цейтлиным и Я. Гинсбургом. Программу русских социал-демократов переписывали Д. Буканов и М. Глобачева. Программу эту Кирпичников получил от Рязанова, который дал еще Мандельштаму рукопись «Кустарная промышленность в Германии»...

Читатель мог обратить внимание на то, что охранное отделение, ликвидируя «Союз Рабочих», арестовало только интеллигентов, а рабочих, заведомо принадлежавших к Союзу, не тронуло. У Бердяева была своя цель: выловить уцелевших пропагандистов из рабочих, служивших как бы приманкой, тем более, что число распропагандированных было еще весьма ограниченным и среди них действовала надежная агентура.

Агитация действительно продолжалась. 15-го июня 1895 г. были найдены воззвания близ мастерских металлического завода Московск. товарищества. 26-го июня на фабрике Мамонтовых в с. Раменском появились листовки с печатным стихотворением «Награда» (в распространении их был заподозрен местной администрацией Ф. Поляков). 10-го августа у ворот фабрики Даниловской мануфактуры появились прокламации «Мы живем в такое время» и «Пора опомниться, пора взяться за ум». 15-го числа того же месяца состоялась сходка (в местности «Ключики»), на которую явилось до 70-ти человек; на ней присутствовал тот же Поляков, раздававший рабочим воззвания: «Товарищам-работникам». Такие же листки на следующий день были представлены приставу 1-го уч. Рогожской части с фабрик Мусси и Баулина, 26-го ноября доставлены были в полицию 12 прокламаций, которые были наклеены на доме городской управы в Преображенском и других местах.

Между тем дознание о «Рабочем Союзе» успешно развивалось; были выяснены главные помощники центральной группы пропагандистов.

Было установлено, что К. Бойэ собирал рабочих для чтения «Бесед».

Ф. Поляков руководил не только сходкой в «Ключиках», но и собранием в Даниловке; им были нелегально напечатаны листовки: «Награда» и «Товарищи-работники» и переданы рабочим С. Королеву, А. Кудрину и С. Кузнецову (Федотову). Получив от М. Мандельштама 7-го июня несколько сот воззваний, Поляков передал их Колчину, который, в виду того, что вследствие арестов сходка, назначенная на 11-ое июня, не состоялась, разбросал полученные листки на улицах в рабочем районе.

С целью напечатания новых воззваний Поляков сблизился с наборщиком типографии Пашкова Р. Г. Наумовым, который набрал и оттиснул 60 экземпляров стихотворения «Награда» и два воззвания: «Товарищи, пора опомниться!» 40 экземпляров и «Товарищи-работники» — 200 экземпляров (Романов отпечатал, кроме того, уже после ареста Полякова, работая в типографии Яцкевича, воззвание «Рабочие всех стран, соединяйтесь!», которое 28 ноября 1895 года было расклеено в фабрично-заводских кварталах Лефортовской части).

В связи с дознанием о «Рабочем Союзе» возникло по случайному поводу другое дело, уже вне Москвы. 13-го июля в Туле у рабочего оружейной мастерской Нарышкина были найдены воззвания (из числа отпечатанных у Дурново), которые, как выяснилось, он получил от товарища по работе Н. Блинова; последнему дал 6 таких листков конторщик Моск.-Курской железной дороги А. Косарев. Такие же воззвания были отобраны еще у Н. Попова, работавшего на фабрике Митина, близ Чесменской платформы.

С осени 1895 года жандармское управление начало реализацию данных своего дознания.

16-го августа были арестованы братья Ф. и К. Бойэ, Прокофьев, Поляков (пытался бежать) и Хозецкий (у него найдена при обыске брошюра «Кто чем живет»). Одновременно были обысканы: Мария Бойэ, С. Захаров (Егоров), Г. Фортинский и И. В. Денисов. 23-го сентября был арестован Гузаков (распространял воззвания в мастерских Моск.-Каз. жел. д.). 30-го ноября генерал Шрамм потребовал ареста Д. Колчина, но он оказался выбывшим из Москвы для отбывания воинской повинности[11]). 12-го декабря по требованию жандармского управления были арестованы: Р. Наумов, Е. В. Соколов, Е. Спонти (у него обнаружили: гектографированную брошюру «1-е мая—праздник рабочих» и «5 последних стачек», а также рукопись «Положение рабочих в Англии и Америке»). Тогда же были обысканы: С. Федотов и А. Кудрин (В. Ананьева и М. Петрова, которых требовалось задержать, в Москве не оказалось). 6-го ноября был обыскан слесарь зав. Вейхельдта А. Богомолов, который передал рабочему Д. Малинову гектогр. листки «Разговор двух фабрикантов» и «Столковались у фабричного инспектора».

КРУЖОК „РАБОЧЕЕ ДЕЛО“

Выше было упомянуто об аресте Р. Наумова. В связи с его арестом и данными им показаниями было привлечено к дознанию более 20-ти его товарищей, из которых многие явились пионерами московской организации социал-демократии; я перечислю, поэтому, их имена с указанием сведений, которые о них имелись у жандармского управления.

И. Г. Горбунов, модельщик у Гоппера; жил с П. Черновым и Н. Гоголевым; познакомился с Наумовым в 1892 году и распропагандировал его.

П. Д. Чернов, тоже модельщик, познакомил Наумова с С. Федотовым, раздавал нелегальщину.

С. Ф. Федотов, жил с Поляковым, снабжал Наумова нелегальными изданиями, был на сходках под Даниловским кладбищем (20 июля 1895 года) и в «Ключиках» (15 августа 1895 года).

Ф. А. Киселев, ткач на фабриках Михайлова и Бутюгина, присутствовал на тех же собраниях, распространял прокламации на ф. Белова.

М. Зайцев, ткач с фабр. Михайлова; на июльской сходке (в Даниловке) говорил речь.

И. И. Пыльцов, электротехник, участвовал в собраниях.

П. Иванов (он же Гончаров), ткач на фабр. Ганьшина, был близок с Наумовым.

Ф. Царев, ткач, был выслан из Петербурга; говорил на собраниях речи.

В. Д. Никитин, работал на фабрике Ганьшина, посещал сходки; был близок Наумову.

И. Е. Царев, ткач у Ганьшина и на фабр. Ваяг, выслан был из Петербурга; на сходке 20-го июля говорил речь; в ноябре устроил собрание у себя на квартире.

Ф. Игнатьев, рабочий мастерских Московского технического училища, участвовал в сходках.

В. П. Дешевой и П. П. Дешевой, литейщики завода Перенуд, бывали на собраниях.

О. А. Анохин, хозяин слесарной мастерской, присутствовал на сходке в «Ключиках».

А. Ф. Маклаков, ткач на фабр. Буша и др., тоже; знакомый Наумова.

В. Г. Горичев, литограф в тип. Пашкова, был распропагандирован Наумовым; знакомый Д. Колчина.

А. А. Шукалев, литограф у Пашкова, был на сходке у Наумова, в ноябре 1895 года (умер).

Е. Д. Сеняев, ткач у Мусси, присутствовал на том же собрании.

Е. И. Лебедев, заготовщик, тоже.

Я. Д. Лебедев, работал на фабр. Михайлова, был близок Наумову и присутствовал у него на собрании[12]).

Н. У. Гоголев, рабочий у Гоппера, жил с Черновым и Горбуновым.

А. Н. Кудрин (А. Кудрявцев), работал у Гоппера и на заводе Бромлея, жил с Поляковым и Федотовым[13]).

Из приведенного списка (разумеется, далеко не полного—он касается лишь одной рабочей группы) видно, что социал-демократическая пропаганда в Москве на первых же порах имела значительный успех; несмотря на жестокий «провал», которым сопровождалась первая попытка широкой пропаганды, движение успело укорениться и никакие «ликвидации» уже не смогли в последующем остановить его могучий рост.

Правда, в первый год рабочее движение росло более вширь, чем вглубь; делом революционной интеллигенции было осмыслить и направить движение в русло сознательной борьбы, и она выполнила эту трудную задачу с полным сознанием своего исторического долга.

Для характеристики настроений, которые зарождались в толще рабочих масс, несомненно, под влиянием пропаганды «кучки агитаторов», следует упомянуть об одном деле, очень незначительном, правда, но весьма типичном для своего времени.

2 июля 1895 года в селе Раменском (где жил, кстати сказать, и работал деятельный Ф. Поляков), жандармский ротмистр Бот составил протокол по поводу заявления бронницкого крестьянина Малахия Калмыкова о том, что сын его сказал (без свидетелей, впрочем) в споре с отцом о государе: «Чорт его помазал!.. Царя следует выбирать»...

Дознания об «оскорблении величества» тогда, однако, не возбудили под тем предлогом, что Калмыков произнес свои дерзновенные слова в нетрезвом состоянии (на самом же деле потому, что дел по 242 ст. ул. о наказ., грозивших каторжными работами, возникало слишком много и по самым ничтожным поводам).

Такое решение было в известном смысле несправедливо: именно благодаря своему опьянению Калмыков и решился заявить во всеуслышание то, к чему привело его сознание, что он действительно думал: «царя надо выбирать»—иначе говоря: надо положить предел царскому самовластию.

Так появились первые молодые всходы ранних посевов.

ГЛАВА XIII.

Заговор против жизни Николая II-го (дело Распутина). Провокаторша З. Ф. Гернгрос-Жученко. Арест типографии группы народовольцев. Снова Гурович. Террористический кружок Оленина. Дело Прокоповича.

ДЕЛО „РАСПУТИНЦЕВ"

Речь Николая II, произнесенная 17/I—95 г., получившая более грубый характер, чем думал придать этому акту сам вдохновитель его—Победоносцев (царь, как известно, не смог твердо заучить текста составленной для него речи и вместо «беспочвенных» сказал о «бессмысленных» мечтаниях), явилась ушатом холодной воды для верноподданных «мечтателей»; зато на более экспансивные умы высочайший окрик возымел совершенно обратное действие: явилось желание на это «оскорбление словом» ответить соответствующим актом.

Мысль о покушении на жизнь Николая II возникала в самом начале его царствования не раз и, так сказать, самопроизвольно, вне зависимости от решений каких-либо партийных организаций; эта мысль являлась прямым результатом настроения, господствовавшего в широких радикальных кругах, желавших реагировать на вызов, брошенный молодым монархом русской общественности.

Один из таких заговоров, получивший наиболее реальное осуществление, возник в небольшом московском кружке землячеокого типа. Я не берусь, впрочем, утверждать, что в зарождении этого террористического предприятия революционная инициатива имела первенствующее значение; в деле, которое я имею в виду, провокация играла такую видную роль, что невольно возникает вопрос: не явилась ли идея о покушении первоначально у самого охранного отделения, которому, в виду предстоявшей коронации, было очень выгодно создать громкое дело, чтобы хорошенько отличиться?

Официальная переписка о так-называемом «распутинском террористическом кружке» начинается с запроса департамента полиции от 14/X—94 г. о личности В. И. Оссопинской, обратившей на себя внимание в виду полученных указаний на ее «вредное направление». Московское охранное отделение ответило тогда, что помянутая курсистка принадлежит к группе «сибиряков», в которую входят сестры Т. М. и А. М. Акимовы, О. Н. Чистякова, А. Н. Лукьянова, Г. Д. Няшин и Е. Д. Смирнова.

В ноябре того же года по перлюстрационным данным департамента полиции был выяснен А. И. Павелко-Поволоцкий, только-что поселившийся в общежитии сибиряков в доме Якуб, по Тишинскому пер., где квартировали Лукьянова, Акимовы и И. С. Распутин.

2 декабря 1894 г. директор департамента полиции протелеграфировал Бердяеву: «Вчера выехал Алексей Филатов, предполагающий побыть в Москве и ехать в Саратов на статистику; в его вещах есть черный округлый хлеб около четверти в диаметре, заключающий революционные издания, который он должен передать Кранихфельд (Лидии) через посредство А. Иогансон или Кривошеиной. Эти сведения совершенно секретны».

А. Ф. Филатов уже был известен охранному отделению: он состоял под негласным надзором полиции и был замечен по наблюдению (осенью 1894 года, когда он жил вместе с земляком Н. Н. Герасимовым, их посещала народоволька М. И. Ослопова, о которой уже была речь). По сведениям департамента полиции, Филатов был также автором письма (скопированного «цензурой») в Тобольск, на имя В. А. Ордынского, в котором он обнаружил революционный энтузиазм, заставивший обратить на него особое внимание.

«Какое мы переживаем время!—писал Филатов в помянутом письме.—Всюду жизнь, всюду движение, в воздухе носится тревога, чуется приближение бури, что скоро разразится гроза и неизвестно только, как она проявится и в каком направлении пойдет; интеллигенция готова, народ поддержит ее; недостает только руководителя, героя; но он явится, мы его создадим»...

Филерское наблюдение, установленное за Филатовым, выяснило, что к числу ближайших его знакомых помимо сибиряков, упомянутых выше, принадлежали еще: И. И. Скворцов, А. А. Яновский, З. П. Уваркина, А. М. Форафонтова и др.

Несмотря на то, что в распоряжении Филатова находился, как гласили «совершенно секретные» сведения, особенный «хлеб», являвшийся для охраны «насущным», Бердяев оставил сибирского энтузиаста в покое, так как в это время у него наклевывалось более серьезное дело: он готовился создать тех «героев», на отсутствие которых Филатов жаловался в своем письме.

Уже во второй половине 1894 года московское охранное отделение получило агентурные указания на то, что во время собраний у сибиряков Распутин «произносит речи террористического характера»; эта проповедь имела, повидимому, некоторый успех, так как с января следующего года за Распутиным началась усиленная «слежка», которая в две недели выяснила чуть ли не все его «окружение», в том числе М. И. Егорова, Н. О. Торобанько, С. Д. Кролевца, Н. Н. Корнейчик - Севастьянова, М. Г. Фролову, Н. Д. Пухтинского, Н. И. Аракчееву, В. Д. Бахарева, З. Ф. Гернгрос...

С марта месяца за сибирским кружком было установлено «неотступное» наблюдение, которое сразу дало чрезвычайно важные, хотя и не совсем неожиданные для Бердяева, результаты. Я коснусь дневника филерских донесений по этому делу несколько подробнее, потому что картина, которую они рисуют, представляет интерес: за сухими строками шпиковских докладов выступает драма, в которой жертвенность и наивность одних, вероломство и предательский расчет других связались в один крепкий узел, затянулись в настоящую «мертвую петлю».

Главными лидерами наблюдения были Распутин и Акимова, Бахарев и Гернгрос; слежка велась с чрезвычайной энергией—«в две смены», так как филеры становились на места ранним утром, а кончали лишь после того, как «укладывали спать» наблюдаемых; доклады своих «людей» Медников принимал поздней ночью, расспрашивая их подробнейшим образом о том, что они видели, и указывая иногда на то, чего они не заметили. Филеры догадывались, что в кружке есть всезнающая «подметка» и потому, опасаясь попасть в просак, старались «во-всю».

Я отмечу здесь лишь наиболее важные факты, констатированные наблюдением, и некоторые сопровождавшие их агентурные указания.

18—III Распутин и Т. Акимова ходили в аптекарский магазин Келлера и вынесли оттуда коробочку. На следующий день состоялось собрание у Фроловой, у которой были Распутин, Торобанько, Кролевец и Павелко. 23—III собрались вновь у М. И. Егорова: Распутин, Т. Акимова, Кролевец, Скворцов и Гернгрос.

8—IV Распутин виделся с А. Янковским, который потом закупал дорожные вещи («должен ехать за границу с поручением»). 9, 10 и 13—IV Распутин и Бахарев носились с книгой («Химия Бертело»).

15—IV Распутин смотрел расписание поездов Смолен. жел. дор. («ищут, где бы произвести пробу»). Бахарев приценивался к электрическому аппарату на Сухаревке. 17—IV Распутин ходил в аптеки Брунста и лечебницы о-ва врачей; Бахарев посетил элек.-техн. магазин Якуб и апт. м. Эниш. 18—IV Распутин и Бахарев рассматривали расположение императорских покоев на вокзале Николаевской ж. д. (платформа приходящих поездов) и дом Загряцкого на Мясницкой, где сдавалась квартира. 19—IV Бахарев купил резиновый баллон, пачку винтов, бутыль и флакон какой-то жидкости; 21-го числа он взял в скобяной лавке железный лист, изготовленный по его заказу.

23—IV Распутин и Бахарев осматривали Воскресенскую площадь, измеряли шагами расстояния и делали отметки в записной книжке. На следующий день Бахарев и Гернгрос днем посетили несколько аптекарских магазинов, а вечером гуляли около Калитниковского кладбища (снова «подыскивали место для пробы»).

25—IV Распутин и Бахарев пошли на Ваганьковское кладбище, перелезли через ограду в овраг у железнодорожного полотна; вскоре филеры услышали выстрел и увидели дым; наблюдаемые удалились потом на Ходынское поле; наблюдавшие подобрали в овраге стеклянную колбочку с желтоватым порошком... 26 и 27—IV Бахарев купил в аптекарском магазине Глазунова 2 пузырька жидкостей и пропускную бумагу. 28 и 29—IV Распутин и Бахарев переносили от последнего бутыли и прочее к Егорову (в школу).

2—V Т. Акимова, Распутин и Бахарев посетили Гернгрос, от которой Акимова с корзинкой и свертком поехала в Сокольники; за ней последовали туда и Распутин с Бахаревым; в лесу, между 3 и 4 просеками, компания просидела около 5-ти часов («заряжали»)...

Осмотр царских покоев, обследование путей «высочайшего следования», аптеки, «пробы»... Не требовалось обладать талантами Медникова, чтобы догадаться даже без всяких агентурных указаний, на основании одних филерских рапортичек, что «дело пахло порохом»...

В ночь на 4/V—95 г. была произведена «ликвидация» в широком масштабе: обыскали свыше 60-ти человек. У Распутина нашли: «Дело о злодеянии первого марта 1881 г.» (приложение к журналу «Исторический Вестник»); тетрадь с выписками из процессов о Нечаеве, об убийстве Мезенцева и др.; курс химии Потылицына с подчеркнутыми местами о пикриновой кислоте; семь чековых книжек.

В квартире Бахарева была обнаружена «лабборатория»: 170 склянок; гремуче-кислая ртуть; пикриновая и азотная кислоты; металлическая ртуть; бертолетовая соль; хлопчатая бумага; 3 аршина стопина; заряженный револьвер и 5 гильз, начиненных смесью гремучей ртути и пороха; литература о взрывчатых веществах (в том числе 1 и 2 части книги Бертело: „Sur la force des materies explosives d'après thermochimie").

У Егорова отобрали пакет с нелегальными изданиями («Прием депутаций» и «Пир советников»—гект., «По поводу речи царя»—печ. и др.), рукопись «Что теперь делать», револьвер и гектограф.

У Скворцова, Няшина, Уваркиной, Оссопинской, Чистяковой, А. Акимовой, Лукьяновой, Аракчеевой, И. В. Войнарского, Н. М. Руденко, А. Д. Карпузи, А. Ф. Вильковской, М. П. Рыжкиной, А. М. и В. Я. Муриновых оказалась разная мелкая нелегальщина.

Вышеупомянутые лица были арестованы; одновременно задержали: Торобанько, Кролевца, Корнейчик-Севастьянова, Герасимова, Филатова, Гернгрос и еще 26 человек, из которых большинство вскоре были освобождены [1]).

После заговорщицких планов Ю. Богдановича (оставшихся далекими от осуществления) в начале 80-х годов (тоже перед коронацией), дело «распутинцев» явилось в Москве первым террористическим предприятием революционеров и, естественно, вызвало сенсацию; для расследования приехал из Петербурга сам Добржинский (в то время директор д-та п.), пожелавший «вспомнить старину» (когда-то с успехом пытал народовольцев). Зубатов рассказывал, что старый прокурор проявил большую следовательскую опытность; например, допрашивая Распутина, Добржинский умышленно превозносил реакционную политику правительства и тем вызвал, будто бы, пространные реплики раздраженного собеседника, не побоявшегося сгоряча высказать свои революционные взгляды.

После предварительной «охранной подготовки» дело о распутинском кружке было передано для дознания в московск. губерн. ж. управление. В основу обвинения легли вещественные доказательства и подробный дневник наблюдения, при чем, вопреки обыкновению и в силу необходимости, были вызваны для допроса в качестве свидетелей все филеры, бывшие очевидцами инкриминируемых фактов.

Прежде всего была произведена экспертиза химических препаратов, отобранных по обыску в квартире Бахарева. Эксперт Колли заявил, что найденная гремучая ртуть и пикриновая кислота являются сильнейшими разрушителями, но «не представляют хорошего материала для метательного снаряда», так как последний, будучи начинен помянутыми веществами, «должен быть брошен очень метко». В пробирке, подобранной филерами за Ваганьковским кладбищем, оказалась пикриновая кислота в сплавленном виде (мелинит), которая испытывалась в виду большей пригодности ее для разрывных снарядов.

Результаты экспертизы несколько обескуражили производивших дознание, но на выручку им пришли сами главные обвиняемые (Распутин и Акимова), которые, следуя, повидимому, примеру народовольцев и полагая, вероятно, что дело поставят на суд и там их демонстративные заявления послужат целям пропаганды, сознались «в преступном замысле совершить террористический акт чрезвычайной важности».

Распутин на дознании заявил, что, занявшись самообразованием, он пришел к убеждению, что «жить узким личным интересом невозможно, что целью жизни надо поставить вопрос о голодных и раздетых» и что обратить внимание правительства на этот вопрос и разбудить общество можно лишь, произведя «эффект террористического характера»; в этих своих взглядах он сошелся с Акимовой, которая тоже думала, что крайне угнетенное состояние русского народа можно устранить лишь «борьбой с политическим строем путем систематического террора, вплоть до цареубийства».

Из об'яснений Г. Акимовой выяснилось, что Распутин и Павелко-Поволоцкий устраивали периодические собрания для вербовки лиц, пригодных к террористической деятельности. В янв. 95 г. Распутин задумал организацию по системе «пятерок»; примкнули еще: Кролевец, Торобанько, Егоров, Бахарев. Когда «мечты», вызванные сменой царствования, рассеялись, Акимова с Распутиным задумали организовать покушение на жизнь Николая II, который должен был приехать, как ожидали, в марте месяце в Москву. Бахарев, не сочувствовавший предприятию, взялся, однако, изготовить метательный снаряд. В конце марта была произведена в 3-х верстах от Смоленского вокзала проба: два снаряда — один с пироксилином, другой с бертолетовой солью—взорвались, но слабо. Бахарев решил перейти к сплавленной пикриновой кислоте, для изготовления которой приобрел при помощи Гернгрос необходимые вещества. В конце апреля была произведена за Ваганьковским кладбищем проба нового состава, который и заключался в пробирке, забытой на месте опытов. Так как при выработке гремучей ртути выделяется много газов, то Бахарев два раза проделывал эту операцию у Егорова (в школе). 2 мая Акимова, Распутин и Бахарев были в Сокольниках, где изготовили значительное количество гремучей ртути, начинили пять гильз и хотели произвести опыт, но этому помешало присутствие посторонних. Акимова думала послать Распутина в Берлин, где учился тоболяк Янковский, чтобы раздобыть рецепт особо взрывчатого состава, которым пользовались анархисты, но безденежье помешало осуществить эту поездку. Места для покушения осматривали, но не выбрали. Расходы на предприятие—50 руб. были взяты из средств Акимовой и Распутина; надеялись собрать под благовидным предлогом, по чековым книжкам, но поступило не более 5-ти рублей...

Бахарев на дознании об'яснил, что приборы и вещества имел для занятий по химии и частью—гальванопластикой; книгу Бертело достал для него в университете Войнарский; перевод 5-ти страниц из этой книги сделала Гернгрос.

Павелко-Поволоцкий признал свое участие в собраниях, на которых Распутин призывал к террору, но добавил, что потом стал убеждаться в ложности взглядов своего товарища и решил уехать на родину.

Войнарский заявил, что был осведомлен о заговоре, но не донес, так как Распутин говорил, что «всякий изменник будет убит и с ним поступят, как поступил Нечаев с Ивановым»; однако, чтобы предупредить злоумышление, он сообщил Бахареву ложный слух об ожидаемых обысках.

Гернгрос показала, что оказывала Бахареву, занимавшемуся химией, услуги, «обычные в кругу молодежи», и сокровенных целей его не знала.

Из других лиц, привлеченных к дознанию, А. Акимова призналась, что сначала разделяла взгляды Распутина, но потом почувствовала непригодность свою к серьезному делу и прекратила связи; Лукьянова об'яснила, что просила Распутина ввести ее «в стан погибающих за великое дело любви», но потом вышла из состава кружка; Аракчеева на дознании прямо заявила, что «признает террор безнравственным средством»...

Если смотреть на дело о «заговоре» не с точки зрения охранников, старавшихся его раздуть, то придется, конечно, признать, что из всей массы «распутинцев» действительно активными являлись только четыре человека: Г. Акимова, Распутин, Бахарев и Гернгрос и лишь двое первых были вполне убежденными террористами. Бахарев представлял собою любителя-техника (наподобие Кибальчича), а Гернгрос... о ее роли речь будет ниже.

Само начальство отнеслось к «заговору» (после того, как эффект «открытия» был использован) весьма снисходительно; дело «о террористическом кружке» было разрешено в порядке «высочайшего повеления» и только четверо понесли более суровое наказание: Распутин, получивший 5 лет т. з. и 10 лет ссылки в Якутскую область, Акимова, приговоренная к 3 г. т. з. и 10 лет ссылки в В. С., Павелко-Поволоцкий и Кролевец—1 г. т. з. и 5 лет В. С.; Бахарев умер до решения дела в Бутырской тюрьме от брюшного тифа, после демонстративной голодовки. 17 остальных «распутинцев» отделались высылкой под гласный надзор в разные места [2]).

ПРОВОКАТОРША ГЕРНГРОС-ЖУЧЕНКО

Внимательный читатель мог обратить внимание на то, что «плод», зревший на провокаторском древе, был сорван охраной несколько преждевременно: он не успел еще вполне развиться до настоящего «метательного снаряда»; это было, разумеется, не в интересах охраны, но на то имелись свои основания; Семякин, находившийся в Москве и следивший лично за ходом розысков по делу «распутинцев», эти основания формулировал в телеграмме к д-ру д-та п. от 4 мая 95 г. следующим образом: «В виду безусловного требования переехать завтра на конспиративную квартиру, на утро произведены обыски».

Эта депеша послужила мне когда-то отправной точкой в моих изысканиях по вопросу о том: кому такое требование было пред'явлено, иначе говоря—кто выдал «распутинцев»?

Что такой предатель был, не подлежало сомнению, так как охранное отделение было осведомлено даже о том, что террористы собирались делать; Медников, например, заранее предупреждал филеров, что опыты будут произведены около кладбища. Однако, в деле было замешано так много лиц, что остановиться на ком-либо с уверенностью было очень трудно. Одно обстоятельство навело меня на след: из дневников наблюдения, переданных в жандармское управление, были исключены некоторые обстоятельства, которые для дознания, несомненно, могли иметь значение. Так, например, сведения филеров о том, что Гернгрос вышла от Егорова с Бахаревым, неся в кульке бутыли, были заменены фразой: выхода наблюдаемых от Егорова замечено не было. В другом случае были вычеркнуты сведения о том, что Распутин, выйдя от Войнарского с Бахаревым, отправился к Гернгрос, у которой состоялось собрание,—филерам приказано было показывать, что наблюдаемые были утеряны.

Приведенные факты наводили на мысль, что охранное отделение старается выгородить Гернгрос — свою секретную сотрудницу. Но этому логическому выводу противоречили некоторые обстоятельства.

Вопрос о том, кто был предателем, интересовал прежде всего самих «распутинцев»; они замечали, будто бы, за собою наблюдение три раза и, между прочим, в Сокольниках. По агентурным сведениям, поступившим в июне месяце, выдачу кружка Распутин и Акимова приписывали одному мужчине, который был арестован одновременно с ними, а потом освобожден (повидимому шла речь о Скворцове), и женщине, которой не брали; то же обстоятельство, что в пред'явленных им данных наружного наблюдения отсутствовали существенные факты, касавшиеся Гернгрос, они об'ясняли тем, что охрана желает таким способом бросить на нее тень подозрений, чтобы прикрыть своего действительного агента. В невиновности Гернгрос убеждало еще то, что она была арестована наравне с другими, а находясь в тюрьме, принимала участие в общей голодовке протеста. В пользу Гернгрос говорило и то, что она, после годичного почти сидения под арестом, была сослана на 5 лет гласного надзора в Закавказье.

Однако, мои подозрения в отношении Гернгрос вскоре нашли косвенное подтверждение. В IX—95 г. д-т п. предложил Бердяеву обратить внимание на студента Жученко, собирающего пожертвования в пользу «распутинцев»; на это последовал ответ в том смысле, что, мол, и без вас знаем, не приставайте с пустяками... В это время Гернгрос уже была повенчана с Жученко.

Окончательно в провокаторской роли Гернгрос я убедился несколько позднее, когда мне было поручено однажды послать не то письмо, не то деньги в Германию, по адресу Жуковой, Лейпциг, 31, Брудерштрассе. Я схитрил и спросил Медникова: «разве «Зиночка» заграницей?»—«От мужа скрывается, он хочет огнять ребенка»,—последовал лаконический ответ...

Зинаида Федоровна Гернгрос-Жученко значится в списках старой провокаторской гвардии не без оснований. Дочь полковника, служившего на Кавказе, воспитанница, если не ошибаюсь, Смольного института, «Зиночка», как попросту звали Гернгрос первостатейные охранники, вошла в семью преемников Малюты Скуратова девой младой, когда у нее была еще длинная русая коса. Случилось это грехопадение в Петербурге, в 1893 г., а коварным соблазнителем явился Г. К. Семякин—департаментский глава политического розыска того времени. Новую секретную сотрудницу весной следующего года отправили в московский институт шпионажа, где Гернгрос, под руководством маэстро Зубатова, закончила свое провокаторское образование.

Первый же дебют молодой сотрудницы, выбравшей террористическое «амплуа», оказался блестящим. Сделавшись членом заговорщического кружка, Гернгрос проявила большую энергию: переписывала трактаты об изготовлении взрывчатых веществ, приобретала необходимые для того материалы, хранила их, подыскивала места для «проб» и т. д. Для чего все это делалось—Гернгрос, разумеется, не знала: она просто оказывала «обычную в товарищеской среде услугу». Несчастные товарищи тоже не знали, и—вправду, для чего делались эти услуги, оказавшиеся хуже медвежьих.

Кончилось все подобающим образом: Зубатову повесили орден Владимира «вне правил», а Гернгрос дали 1.000 рублей награды, 100 руб. месячной пенсии и послали отдыхать к родным, в Кутаис 3).

Но, если везло Гернгрос в политике, то не везло Жученко в любви: она не поладила с мужем и вынуждена была скрываться от него, в чем охранное отделение оказывало ей любезное содействие. Весной 1898 г. Ж. перешла на нелегальное положение и уехала в Германию; честь-честью ее поместили в розыскной список лиц, подлежащих аресту (на 1899 г.), с подробными перечислениями примет, вплоть до указания «небольших рубчиков на задней поверхности левого бедра и на левой стороне живота»; не был только указан лейпцигский адрес, по которому охранное отделение высылало ей жалованье...

После этого Ж. сошла с политического горизонта на несколько лет, и от нее остается лишь бумажный след в денежной отчетности департамента полиции, где она фигурирует под буквой З. в компании с другими таинственными инициалами «М. Р. и Х.»—секретных сотрудников, которым высылалось жалованье чере[illegible] московское охранное отделение.

О «Зиночке» вспомнили, когда весной 1903 года был убит социалистами-революционерами губернатор Богданович; охрана спохватилась: прилетела первая ласточка, нужна мобилизация! Послали к Жученко дельного посла—Медникова; как подобает премьерше, «Зиночка» поломалась немного, но затем согласилась итти спасать отечество. Медников свел Ж. с Гартингом, который и принял ее в число своих сотрудников под псевдонимом «Михеев».

По рекомендации своего нового патрона «Зиночка» поехала в Гейдельберг, сошлась с местными эсэрами и в сентябре 1905 года была командирована в Москву.

Время было тогда очень горячее. Поле для провокаторской жатвы открывалось широкое. На первых же порах Ж. сделала открытие: сообщила охране, что Беленцов, участвовавший в экспроприации Банка, выданный Швейцарией русскому правительству и бежавший с поезда от стражи, находится в московской тюрьме, как случайно задержанный бродяга. Чтобы скрыть происхождение этого указания, охранное отделение провело через газеты басню о том, что Беленцов сам себя выдал, проболтавшись о своем секрете уголовному арестанту.

Сделавшись деятельным членом областного комитета партии с.-р., Ж. вошла в боевую организацию и не замедлила выдать летучий отряд таковой. В дни декабрьского восстания Ж. вербовала дружинников, хранила бомбы, подала идею убийства градоначальника Рейнбота, снабдила с этой целью браунингом Фрумкину, которую и выдала (ее потом казнили)...

Когда я приехал в мае 1909 г. за границу, во время одной из первых встреч моих с Бурцевым речь зашла о «Зиночке».

— Не знаете ли,—спросил мой собеседник,—фамилию провокаторши, которая участвовала в покушении на царя и в голодовке, когда сидела в тюрьме, а дело вел Добржинский?

— Это Гернгрос, она же Жученко,—не задумываясь, отвечал я...

Вопросу, так легко разрешенному, оказалось, предшествовало сложное расследование, ознаменовавшееся одним трагическим эпизодом, о котором в другом месте придется рассказывать подробнее. Дело в том, что сведения, о которых говорил Бурцев, поступившие из судейских сфер еще до моего приезда за границу, были применены к боевичке, жившей в Париже,—Лапиной, рев. кл. «Бэла» (хотя достаточно было проверить лишь одно указание на Добржинского, который умер в 90-х годах, чтобы убедиться в том, что к Лапиной эти сведения не относились). К вящшему несчастью расследование по этому делу велось так небрежно, что «Бэла» узнала о возникших подозрениях и 19 мая 1909 года застрелилась. Лапина оставила записку, которая оканчивалась поучительным завещанием: «будьте осторожнее с другими»!..

Трагедия сменилась комедией. В августе 1909 года ц. к. партии с.-р. поручил Бурцеву «до пред'явления Жученко формального обвинения, сделать попытку получить от нее подробные показания». Свидание антиподов состоялось в середине того же месяца, в Берлине. Ж. очень подробно описала свои беседы с Бурцевым в письмах к ж. полковнику фон-Котену (нач. моск. охранного отделения), найденных в департ. полиц. *).

«Бурцев, прежде всего, заявил мне,—писала Ж.,—что получил сведения о ее службе в полиции, у охранников; среди с.-р.,—заявил он,—подозрений никаких не было... Спрашивал о многом, многом, но я отвечала только на пустяковые вопросы. Надеюсь, что все время оставалась покойной и ничего не выболтала»... При прощании Бурцев сказал мне: «как честному человеку, жму вашу руку, желаю всего хорошего»...

«Зиночка» сдержала свое слово («я не открою вам ничего, что повредило бы нам, служащим в департаменте полиции»), и Бурцев узнал из бесед с ней только то, о чем было и так известно: что она сотрудница охраны. Но сама Ж. выяснила зато из этих разговоров, где надо было искать источник осведомленности Бурцева, и это помогло охранникам установить, в конце-концов, что разоблачителем провокаторов был я.

Первое время Ж., сознававшая, что на ее совести немало преступлений, ожидала кары со стороны партии, которую она предавала; сначала она думала, что ее убьют, и в письмах к фон-Котену принимала позу героини, мужественно ожидающей трагического конца на своем посту; затем она опасалась с чисто женской тревогой, что ее обольют серной кислотой и, конечно,

---

*) Приведены в брошюре Павлова: „Агенты, жандармы, палачи" и в книге Агафонова: „Заграничная Охранка".

немало была удивлена тем, что все дело ограничилось рукопожатием, с пожеланием ей «всего хорошего». В благодарность Ж. написала несколько сантиментальных писем Бурцеву, в одном из которых (от 7 ноября) меланхолически заметила: «осень моей жизни наступила для меня после горячего, богатого лета и весны»...

Не без тоски Ж. вспоминала о «славном прошлом», о невозможности проявлять свои специфические таланты. «О, если бы не Меньшиков!—писала она фон-К дело уже сделано хорошо; наличные, наверное, воспрянут духом; колеблющиеся утвердились и число желающих появиться на этом амплуа—увеличилось. Правые и умеренные—тоже довольны. Кадеты и левые злятся, но злятся от сердитого бессилья; ибо в «сгнившем» появляется такая молодятинка, что у них физиономии начинают пухнуть от злости... Теперь слушайте: вместо переписки с Б-м, не устроиться ли вам официально при департаменте в качестве руководительницы и воспитательницы секретной агентуры? Выведите мне, пожалуйста, агентурных внучат... Это 1) даст исход случайно оборвавшейся вашей кипучей энергии и займет вас с головой; 2) высоко полезно будет для дела: ищут людей, а они под носом; собирают комиссии для реформы полиции, когда нужно одно—людей, умеющих зажигать в других искру божию и 3) это было бы и прогрессивно: поощрялся бы женский труд. Воспитание Николашки—дело хорошее, но не заскучаете ли вы? Впрочем, я не лишаю вас права выбора, а лишь хотел бы в вашем лице утилизировать для дела оказавшуюся свободной громадную общественную силу... Наличность многочисленных и добрых «внучат»—хороший залог прекрасного будущего, и вы их можете развести здесь и за морем. Подумайте. Родные посердятся и перестанут, когда увидят воочию и поймут, что вы прожили век «женщиной - мужчиной»...

Как мы видели, знаменитый идеолог агентурного дела считал Ж. образцовой секретной сотрудницей, помогавшей сыску самоотверженно и по убеждению. Сама Ж. заявляла (Бурцеву): «Я служила идее. Помните, что я честный сотрудник департамента полиции в его борьбе с революционерами»; она настаивала при этом, что «провокацией никогда не занималась»...

Надо признать, однако, что в заявлениях и действиях «идеальной» сотрудницы много очевидной позы, наглого бравирования и явной лжи. О бескорыстном служении «идее» шпионки, получавшей 100—150—300 р. пенсии и 500 руб. жалованья в месяц, говорить не приходится. Чтобы судить о «честности» сотрудничества Ж., достаточно, оставляя в стороне истории «распутинцев», с Фрумкиной и др., привести рассказ одного заслуженного жандарма, опубликовавшего свои «воспоминания» с исключительной целью обеления деятельности охранников.

Вот что пишет П. П. Заварзин, в своей книжке «Работа тайной полиции» (стр. 23—25): «В 1905 году партия с.-р. поручила Ж. взять на себя руководство убийством минского губернатора, впоследствии товарища министра вн. д. П. Г. Курлова. Получилась дилемма: или ее провалить отказом исполнить веление комитета, или для сохранения ее исключительного положения в партии пойти на компромиссы. С ее согласия и даже по ее настойчивой просьбе, остановились на втором разрешении трудного вопроса. Жученко из'явила готовность руководить порученным ей террористическим актом и деловито подвергла обсуждению с комитетом подробности этого задания. Разрывной снаряд она доставила в московское охранное отделение, где запальное приспособление было обезврежено, отчего при метании взрыва произойти не могло. Этот безопасный снаряд был брошен в губернатора и, конечно, без всяких последствий... К этому надо прибавить, что метатель бомбы в минского губернатора наказания не понес»...

Так повествует со слов Ж. бывший нач. московск. охранного отделения Заварзин.

А вот что рассказывает сам Курлов о покушениях на него: бомбы в него бросали дважды; один раз—в 1905 году, когда снаряд взорвался и были тяжело раненые, и вторично—1/I—06 года, когда бомба не взорвалась и бросивший ее Пулихов был схвачен и казнен. («Гибель императорской России», стр. 46, 55—56).

Кто же солгал: Жученко или Курлов?

Говоря о начале шпионской карьеры Ж., Заварзин пишет в своей книжке, что «она согласилась пойти в секретную агентуру из любви к таинственности, риску, а отчасти—авантюризму», и в особенности—к деньгам, могли бы мы добавить от себя.

Такова была идеальная, «идейная», «честная» сотрудница охраны З. Ф. Гернгрос-Жученко.

Минский губернатор, спасенный Ж., сделавшись товарищем министра, не остался в долгу: по ходатайству Курлова, 27 ноября 1909 года последовало высочайшее соизволение на пожалование Ж. пожизненной пенсии в размере 3.600 руб. в год. Тронутая такой монаршей милостью, провокаторша обратилась к своему покровителю с прочувствованным письмом. «Ваше высокопревосходительство,—писала Жученко Курлову,—приношу вам свою глубокую благодарность за назначение мне поистине княжеской пенсии. Считаю долгом сама отметить, что такая высокая оценка сделана мне не за услуги мои в политическом отношении, а только благодаря вашему ко мне необычайному вниманию»...

Несмотря на «княжескую» пенсию, Ж. от любви своей к столь своеобразному «авантюризму» не могла сразу отделаться: в 1910 году она ездила в Москву и, по свидетельству того же Заварзина, «ее колоссальная память и знание главарей партии с.-р. и их связей оказались весьма ценными при изучении состава партии и индивидуальных особенностей отдельных лиц».

Ныне Ж. почила от дел своих и приютилась в Бельгии, вероятно—под крылышком своего бывшего патрона Гартинга-Гекельмана, свившего свое гнездо в этой стране (женат на богатой бельгийке) наравне с другими охранниками, каковы А. А. Красильников, который банкирствует, его бывший секретарь Мельников и др.

Тяжело, надо полагать, теперь «Зиночке» оставаться без ее «любимого дела»!..

АРЕСТ ТИПОГРАФИИ ГРУППЫ НАРОДОВОЛЬЦЕВ.

В то время, как некоторые марксисты подвергались в Москве аресту по делу о террористическом заговоре, петербургские народовольцы занимались печатанием брошюр для социал-демократической организации. В этом явлении тоже сказалась своеобразность переходного момента середины 90-х годов: старые грани политических группировок стерлись, новые недостаточно еще выявились.

В главе VII уже говорилось о тщетных усилиях московского охранного отделения найти типографию, печатавшую «Летучие Листки» и др. издания группы народовольцев. Что не удалось Бердяеву, того сумел достигнуть Зубатов, занявший место заслуженного полковника, имевшего неосторожность проиграть за один присест в Охотничьем клубе до 10 тысяч руб. казенных денег...

В начале 1895 года были получены агентурные сведения о том, что Е. А. Прейс (урожд. Иогансон) вызывает в Петербург, для участия в издательском деле группы народовольцев, А. С. Белевского, с которым она была в очень близких отношениях. Сведения были, очевидно, настолько серьезны, что департамент полиции, «в виду того, что московские филеры усвоили себе приемы наблюдения, несколько отличные от приемов, практикуемых в СПБ-ском охр. отд.», признал целесообразным командировать в северную столицу 15 московских филеров, а непосредственное заведывание ими возложить на Медникова.

Официальный дневник наблюдения по этому делу начинается с 6/II—96 г., когда в Петербург приехал В. И. Приютов, которого встретила сестра его Настасья, с рабочим Г. Е. Тулуповым и... наряд московских филеров...

Последующий розыск развился быстрым темпом. 9 февраля Приютов виделся с Е. Прейс. 10 и 19-го числа Тулупов закупил много бумаги; 21-го он носил лудить ковш. 1 и 2-го марта Тулупов снова приобрел 2 пуда бумаги и цинковый лист, отнес к Приютову 2 гектографа. 5/III Тулупов купил еще два пуда бумаги. В то же время было замечено, что из рук в руки наблюдаемых стали переходить разные свертки больших и малых размеров. Наконец, 20/III Тулупов купил два револьвера с патронами...

Как мы видим, данных наблюдения (независимо от указаний агентуры) было вполне достаточно, чтобы не сомневаться в наличности «техники» и «бить наверняка». Но Зубатов медлил, выжидал: ему нужно было взять намеченную жертву «с головы».

Одновременно филерские проследки ввели в круг наблюдаемых лиц: А. М. Шулятикову, Л. П. и В. П. Махновцев, В. И. Купцова, А. Л. Катанскую, А. С. Шаповалова, Д. К. Крайнева, З. Н. Сибилеву, Н. Е. Смирнова и многих других.

30 апреля 96 г. Тулупов перевез вещи из своей квартиры (д. 23/4, на Крюковом канале) в мебельный склад (конспирация), откуда через день взял их и доставил к Прейс, поселившейся на Лахте, в д. № 10; сюда же 14-го мая приехал Белевский, который являлся душой всего дела...

Подходящий момент наступил..

24 июня 96 г. последовала «ликвидация». На лахтинской даче Белевского и Прейс обнаружили типографию, 4 пуда бумаги, боченок краски, гранки наборов «Царь-голод», «Лет. Листок» № 3 и воззвания от группы народовольцев[4]); незаконченную печатанием брошюру «Иван-Гвоздь», статью П. Лаврова «Социалистическое движение в Зап. Евр.», рукописи «Углекопы» и «О стачках», а также письмо, из которого усматривалось, что последняя рукопись была доставлена петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». При типографии, кроме Белевского и Прейс, были задержаны еще: Г. Тулупов, А. П. Приютова и Н. И. Белов. Одновременно было арестовано в Петербурге до двадцати человек; кроме того, в Одессе и Аккермане, куда ранее уехали В. Приютов, А. Катанская и Д. К. Крайнев, посадили под арест еще 11 [5]).

Возникшее при петербургск. г. жанд. управлении дознание о группе народовольцев пошло весьма успешно, так как некоторые обвиняемые дали показания.

Относительно прошлого типографии было выяснено, что еще осенью 1893 года А. Федулов, впоследствии арестованный, сдал на хранение И. Долинову архив группы народовольцев и часть типографии, которую доставила Л. Лазарева по поручению А. Ергина (потом ее мужа).

Осенью 1894 года Федулов, освобожденный из тюрьмы, перевез по инициативе А. Ю. Фейта типографские принадлежности в д. 10, по 11-й линии Васильевского острова, где поселились Ф. Ергин с В. Браудо, которые собрали станок и достали шрифт, имевшийся ранее в недостаточном количестве; в этом деле им помогал В. Приютов, добывавший шрифт через наборщика Н. Белова.

Из всех пространных об'яснений Е. Прейс выяснилось следующее. Летом 1894 года, в бытность свою в Нижнем-Новгороде у Белевского, она поручила приезжавшему из Тюмени С. Н. Прокоповичу отпечатать листок по поводу апрельских арестов в Москве; деньги на это дал Н. Н. Фрелих; свояк последнего—Фейт доставил ей 300 экз. этого воззвания, когда она была в Петербурге; он же познакомил ее с В. Браудо, которого она свела с В. Приютовым. Когда печатный станок был готов, она, Браудо и трое Ергиных оттиснули 200 экз. листка «От группы народовольцев к обществу», переделанного Фейтом (потом уехавшим за границу) из какой-то старой прокламации. На собрании, в котором принял участие и Федулов, воззвание это было забраковано и его сожгли, а напечатанное ранее Прейс распространила на курсах. Так возникла группа народовольцев в обновленном составе.

В дальнейшем Ф. Ергин, тяготясь положением хозяина конспиративки, от работы отошел, передав архив Приютову, а типографию—Прейс; тогда последняя вызвала в Петербург в первых числах января 1895 г. Белевского, который согласился участвовать в группе литературным трудом, но поместить у себя в имении печатню отказался. После этого Прейс дала 200 рублей

Приютову, и он устроил типографию в доме 23 на Крюковом канале. В феврале 1895 года началась работа и в последующее время были отпечатаны в количестве 700—3.000 экз. следующие издания: «Радикалы и поссибилисты», «Речь П. Лаврова»; «Летучий Листок», №№ 3 и 4»; брошюры «Царь-Голод», «Ткачи», «Об'яснение закона о штрафах», «Об'яснение новых правил для рабочих», «Вопросные листки» и «Борьба»—журнал свободной прессы. Статьи «Радикалы и поссибилисты», «Открытое письмо» и «Об агитации», помещенные в №№ 3 и 4 «Летучего Листка», писал Федулов. Перу Белевского принадлежали статьи: «Александр III и русское общество», «Ораторский дебют», «Об истекшем годе», «К делу», передовица в № 4 «Лет. Листка» и воззвание о пожертвованиях.

Е. Прейс являлась наиболее деятельным членом группы: она заводила связи, добывала литературный материал и денежные средства; устраивала склады и сбыт напечатанного; сама распространяла издания (например, через Л. М. Книпович и А. Шулятикову). Осенью 1895 года Прейс совершила агитационную поездку, посетив города: Саратов, Самару, Воронеж, Тамбов, Харьков, Кишинев, Одессу, Киев, где виделась «с неблагонадежными элементами», но сочувствия к группе не встретила. Через эмигранта Соскиса (женат на Анне Иогансон) Прейс добыла статью П. Лаврова о программных вопросах (напечатана в № 4 «Лет. Листка»); при посредстве А. Ергина она вошла в переговоры с «Союзом борьбы» о печатании для него брошюр; получила заказ на издание «Борьбы», которая была оттиснута в количестве 700 экз., из коих 600 Катанская отвезла в Москву.

Белевский, «руководивший направлением группы», весь 1895 год провел в имениях своих в Могилевской и Минской губ., но приезжавшая туда Прейс держала его в курсе дел, получала литературный материал и денежные средства.

Федулов, в апреле 1895 года высланный в Харьков, писал статьи, собирал деньги, в декабре 1895 года прожил нелегально в Петербурге несколько недель у Приютова, редактируя и корректируя печатавшееся.

Игравший видную роль в деле В. Приютов, по показанию Катанской, «был совершенно предан революционному делу, отличаясь фанатичностью убеждений; жестокий по характеру, он сначала даже стоял за террор, но затем изменил этот взгляд и идеалом революционной деятельности ставил организацию рабочей партии» [6]).

Расследование о лахтинской типографии закончилось арестом в ноябре 1896 года ее запасных частей, хранившихся в имении Белевского, в Могилевской губернии.

На этом дело не кончилось. Читатель мог заметить, что в числе «ликвидированных» не было некоторых лиц, намеченных наблюдением по этому делу с первых же дней, например, Махновец, А. Шулятикова, которые принимали, как это указывала и агентура, в нелегальной работе видное участие. Об'ясняется это тем, что они по зубатовской системе были оставлены «на разводку»; почему именно эти лица удостоились такой чести—увидим ниже.

После ареста типографии наиболее приближенные к Прейс сотрудницы ее Л. Ергина и А. Шулятикова намеревались продолжать дело, и последняя из упомянутых лиц составила даже воззвание о том, что «группа народовольцев», несмотря на понесенные потери, продолжает существовать и скоро заявит о себе. Шулятикова думала издать это заявление за границей, но Ергина отговорила, уверив ее, что «скоро будет своя типография».

Когда связи Ергиной были достаточно обследованы, обе они были 22 декабря 1896 года арестованы—по ходу дознания, а внимание розыска сосредоточилось на их знакомых Е. Дьяковой и, в особенности, на В. Махновец, относительно которого было известно, что он намерен поставить «технику».

27 марта 97 г. Дьякова, Якубова, Махновец и другие замеченные в общении с ними лица были арестованы, при чем у И. Рядкова, в чулане под полом, нашли типографскую раму, а в квартире Дьяковой и Порецкого обнаружили литературный материал.

Из отобранных рукописей одна представляла из себя проект воззвания, содержание которого заслуживает, как знамение своего времени, особого внимания. Говоря о понесенных утратах и намерении группы народовольцев продолжать свою деятельность, воззвание далее заявляло: «Мы, социалисты-революционеры, считаем осуществление идеалов научного социализма единственно возможным и необходимым выходом из противоречий современного социально-политического строя... Не будучи «экономическими материалистами», мы тем не менее не разделяем и взглядов утопистов-социалистов, которые считали возможной перестройку социально-политических отношений в обществе сверху, силами одной интеллигенции, как самостоятельного общественного класса. Только класс, несущий на себе всю тяжесть условий современного строя, только рабочий класс является действительной силой, которая может низвергнуть деспотический строй...

«В виду того, что наша практическая программа действий среди фабрично-заводских рабочих нисколько не разнится от программы «Союза борьбы», мы соединяемся с ним в этой деятельности... (в прочих отношениях) мы остаемся самостоятельной группой и выпускаем за нашей подписью: «Группа новых народовольцев»... [7]).

Это было, можно сказать, лебединая песнь изжившего себя народовольчества.

«Мы—социалисты-революционеры»,—заявили, сходя с политической арены, последыши народовольчества, и этот лозунг начертала на своем знамени партия, возникшая немного позднее и явившаяся идейной преемницей заветов когда-то грозного «Исполнительного Комитета».

ТАИНСТВЕННЫЙ „ВЛАСОВ“.

Дознание о группе народовольцев сопровождалось одним забавным qui pro quo. В одном из своих показаний (от 13/II—97 г.) А. Шулятикова рассказала: весною 1896 года она, по поручению Прейс, отвезла в Москву транспорт нелегальной литературы, который передала некоему «Власову»; последний при свидании с ней по этому поводу просил ее «доставить ему возможно больше изданий группы народовольцев»; тогда же она вручила этому господину письмо от Прейс и получила от него «100 рублей за литературу». В августе того же года Шулятикова доставила тому же «Власову» чемодан с нелегальными изданиями, хранившийся с мая у Ветровой, и рассказала ему об аресте типографии; виделась она с этим неизвестным в доме Вебера, на Смоленском бульваре...

Препровождая 9/II—97 г. копию вышеизложенного показания Шулятиковой, департамент полиции предложил московскому охранному отделению выяснить личность «Власова». Зубатов на этот запрос ответил: в доме Вебера, по Прогонному пер., близ Смоленского рынка, живет Елена Николаевна Каменецкая с детьми; она служит, обременена занятиями и «сношения в ее квартире происходили без ее ведома»...

Вся эта переписка была сплошной комедией, разыгранной для отвода глаз жандармов и прокуратуры. Охранное отделение хорошо знало, что Каменецкая уже не раз оказывала услуги тому же «Власову»; в марте того же года, например, он имел у нее конспиративное свидание: 3-го числа—с Н. Фрелихом, а 9-го—с Н. Татаровым, за которым тогда велась усиленная слежка. Не находя удобным просто замять крупные факты, выясненные формальным дознанием, департамент полиции в то же время не мог допустить и расследования по такому щекотливому обстоятельству, как необычайно щедрая оплата революционной литературы «Власовым», каковым был не кто иной, как знакомый нам «Приятель» охраны—М. И. Гурович!

Потому-то департамент полиции и нашел нужным дело выяснения личности «Власова», как «особо серьезное», взять исключительно в свои руки. Излишне добавлять, что таинственный незнакомец, большой любитель нелегальной литературы, остался невыясненным...

КРУЖОК ОЛЕНИНА.

Выше было упомянуто, что Е. Прейс пыталась организовать террористическое предприятие; в данном случае я имел в виду переговоры, которые она вела в Москве. 25/IV—95 года Прейс приехала из Петербурга и остановилась без прописки паспорта у своего отца (председатель Московского окружного суда); за ней было немедленно установлено наблюдение; в тот же день она имела свидание с неизвестным господином, с которым, к великому смущению филеров, отправилась в номера «для свиданий» гостиницы «Малый Эрмитаж», у Никитских ворот. Последующие события доказали, впрочем, как были неосновательны «превратные толкования» отмеченного факта наблюдавшими... [9])

Почти год спустя, 3-го апреля, Прейс вторично приехала в Москву, опять остановилась у отца и снова сделалась предметом филерского внимания. 5-го числа она отнесла письмо А. Муриновой и передала в кв. Брунсет — В. С. Татаринову привезенную ею корзинку. 7-го апреля Прейс гуляла у Девичьего монастыря с господином, которого филеры так долго и безуспешно ожидали когда-то из гостиницы «Малый Эрмитаж» и который оказался П. В. Олениным; с последним Прейс увиделась 8-го апреля еще раз, в сквере Патриарших прудов, после чего она прошла в кофейную Филиппова; здесь ее ожидал с понятным нетерпением... М. И. Гурович. 9-го апреля Прейс посетила В. И. Иванова, где в это время был В. М. Шулятиков, и вечером уехала в Петербург.

Присутствие в данной компании «Приятеля» помогло охранному отделению расшифровать все эти свидания. Оказалось, Прейс вела с Олениным еще при первой встрече разговоры о необходимости террористической борьбы, при чем он настаивал, главным образом, на устранении наиболее вредных агентов правительства, а она доказывала целесообразность цареубийства. При последних свиданиях Прейс предложила Оленину сотрудничать в «Борьбе» и старалась выяснить, в каком положении находится дело с изготовлением динамита... А в корзиночке, которую Прейс передала Татаринову, оказались «пустяки»—300 экз. той же «Борьбы»...

Среди питерских «народовольцев» Прейс была, кажется, единственной активной террористкой. По крайней мере, на собрании группы, имевшем место 11 ноября 1895 года, вопрос о терроре был решен почти единогласно, в отрицательном смысле. Белевский тоже был против террора и переехал в Петербург отчасти с целью парализовать слишком народовольческие тенденции своей сотрудницы.

На дознании сама Прейс не отрицала своих помыслов об акте «чрезвычайного значения», но пояснила, что, убедившись в том, что Оленин «скорее хвастливый болтун, чем серьезный деятель», она прервала с ним сношения.

Между тем «болтун» отнесся к предложениям Прейс вполне серьезно и, в виду приближения коронационного торжества, поспешил организовать, при содействии В. П. Захлыстова, фабрикацию взрывчатых веществ.

Ждать, когда новоявленные террористы перейдут к «опытам», Зубатов не мог—до коронации оставалось немного времени, и потому 28/IV—96 года последовала «ликвидация», во время которой, кроме Оленина, Иванова и Захлыстова, арестовали еще 20 человек, при чем сгоряча прихватили и нескольких марксистов (в том числе И. Франчески и П. Н. Колокольникова. [10])

У В. Захлыстова действительно нашли «лабораторию», не дошедшую, впрочем, в своей работе даже до фазиса «проб». Тем не менее дело об Оленине и Захлыстове, разрешенное в порядке 32—36 ст. пол. о гос. охране, кончилось для них ссылкою в Вост. Сибирь на 5 лет.

В заключение описанных выше «ликвидаций», Зубатов получил от начальства выражение особой благодарности «за искусное ведение агентуры».

Действительно, Гурович, игравший в этих делах роль предателя, остался тогда вне подозрений; и В. Махновец и другие пигерцы (Телятинский, Иваньшин) продолжали относиться к нему с полным доверием, которое он сумел потом использовать. Тем не менее для большей безопасности своего «Приятеля» Зубатов прибег к излюбленному им средству—валить вину с больной головы на здоровую. В данном случае козлом отпущения был избран В. М. Шулятиков; пользуясь агентурными языками, Зубатов пустил о нем «слушок», и—«пошла писать губерния».

Вот что писал (15/II—97 г.) по этому поводу Зубатов находившемуся в Петербурге «Евстратке» (Медникову): «Представь себе, Соловьевский*), пронюхав, что его тоже хотят огласить, решил прибегнуть к террору. Не было печали! Как тебе нравится?.. Приятель сегодня уехал в Н.-Н. Получил телеграмму, что товар прибыл»...

К последней фразе письма надо сделать пояснение: у Гуровича в это время были «дела» с Фрелихом (который жил в Нижнем-Новгороде) на этот раз по части контрабанды; дела, можно сказать, «чудные» и «чудные»! Но об этом—в другое время и в другом месте...

ДЕЛО ПРОКОПОВИЧА.

В некоторой, косвенной, впрочем, связи с народовольческой типографией находится дело С. Н. Прокоповича, который, получив «боевое крещение» 6/III—90 г., когда он был арестован во время студенческих беспорядков, потом не переставал притягивать к себе внимание охраны.

---

*) Филерская кличка Шулятикова.

Начиная с 1892 года, за П. велось с перерывами наружное наблюдение, в виду указаний агентуры (главным образом, Серебряковой) о том, что он занят издательскими планами. Сначала (как говорил Медников 6 июня 1892 года) П. думал лишь о гектографе; он предполагал сварить его по рецепту, который достал А. Иогансон, с тем, чтобы поехать в имение Заречье и оттиснуть там что-то.

Осенью 1892 года за П. была установлена неустанная слежка, которая выяснила, между прочим, связи его с А. Н. Максимовым (был знаком и с агентом Ф. Невским), Иогансонами, Н. К. Муравьевым, П. Малянтовичем, П. Николаевым, П. И. Кусковым [11]) и вездесущей М. Н. Корнатовской. Затем П. уехал в Петербург, где виделся, по данным наблюдения, с писателями К. Станюковичем, Н. Михайловским, В. Воронцовым и студентом Тыженовым; 5-го декабря П. вернулся в Москву.

В следующем году о П. поступили новые агентурные сведения, а именно: он написал «Программу описания бунтов», помещенную в № 2 сборника «Союз», изданного в Твери; интересуясь анархическим движением, собирается, в целях изучения его, побывать за границей, где предполагает, кроме того, организовать издание журнала наподобие герценовского «Колокола»; по этому поводу он вел уже переговоры через Шефтель*) с эмигрантом Добровольским; по словам Жевайкиной, приехавшей 10/VII—93 года в Москву из Н.-Новгорода, там Белевский приготовил уже для П. статьи...

Наружная слежка за П. прерывается лишь 31 августа 1893 года, когда он уезжает в имение своей матери фольварк Старый Селец, Городецкого уезда, где у него гостили тогда А. Иогансон и Е. Кускова. 10-го сентября ищейки Медникова уже снова дежурили на вокзале Московско-Брестской жел. дор., ожидая своего «Иезуита» (филерская кличка Прокоповича), который «должен был приехать» в это время. Одновременно поступили агентурные сведения, что П. «имеет почти все для своего издания,—нехватает лишь станка»...

---

*) В VI—93 г. за Шефтель наблюдали в ожидании ее от‘езда.

В 1894 году наблюдение за П. продолжалось с неменьшей настойчивостью. В мае месяце он посетил Н.-Новгород (проездом в Сибирь—на переселенчество, где он работал с А. Иогансоном и Чикеруль-Кушем). По агентурным сведениям позднейшего времени, П. поручил вышеупоминавшимся Оленину и Захлыстову отпечатать воззвание, составленное Белевским (по поводу смерти Александра III), которое распространили потом братья Покровские.

10 ноября 1895 года московское охранное отделение, сообщая департаменту полиции сведения о Ряховском, поведало, что он бывал на собраниях, происходивших по субботам у вдовы Вишневской (д. Мароховец, Харитоновский пер.); на одной такой вечеринке, устроенной в пользу нижегородского землячества с входной платой по 50 коп., присутствовал и Прокопович, который в особой комнате, отведенной специально для разговоров на революционные темы, вел горячий спор с воронежским врачом Шингаревым, которым он остался очень доволен. К сожалению, добавлял сокрушенный осведомитель, «разговор их нельзя было слышать хорошо из-за шума игры и танцев»...

Во время составления этого доклада П. находился уже за границей (выехал туда в III—95 г.); вернулся он в Россию лишь спустя несколько лет; на границе он был арестован и привлечен за старые грехи к дознанию при петербургском г. ж. у. Интересна переписка, которая возникла по этому поводу. В 1899 году департамент полиции запросил московское охранное отделение: не имеется ли препятствий к использованию на дознании сведений о Прокоповиче. На это 29-го апреля последовал ответ, основанный на следующих сакраментальных резолюциях Зубатова (по пунктам запроса): «3) нежелательны никакие опросы по изданию «Колокола» и о сношениях через Шефтель с Добровольским, так как далее предположений сие не пошло; об анархистах имеется показание Оленина. 4) Указаний на лиц, снабжавших Прокоповича деньгами, не имеется... 6) Жевайкина уже умерла... 14) Прокламации эти распространялись Павлом Покровским, Муравьевым и Иогансоном. 15 и 17) К допросу Покровских и Кусковой—препятствий нет. 18) Вернулся, надеясь на слабость улик и незначительность наказания. Агентура еще в действии и производить расследование о намерениях, а не деятельности, весьма нежелательно, так как, не добившись признания от арестованных, оно вызовет всевозможные догадки и предположения».

«Агентура» была символом веры Зубатова; ради нее он готов был всем пожертвовать.

И пожертвовал... самодержавием.

ГЛАВА XIV.

Письмо П. Л. Лаврова (X-95 г.). — Накануне коронации. — „Московский Рабочий Союз“ (дело Величкиных и др.). — „Рабочий Союз“ (дело Орлова и Радина). С.-д. кружок Батурина — Чичкиных.

ПИСЬМО П. Л. ЛАВРОВА.

В. Я. Яковлев был очень близок к истине, когда писал, как мы видели, в IX—95 г., что социал-демократическое движение в России становится господствующим. Действительно, в это время появление на политической арене авангардов пролетариата было уже констатировано даже официальным порядком (дознаниями жандармских управлений) в городах: Екатеринославе, Ковно, Нижнем-Новгороде, Самаре, Риге, Казани, Петербурге...

Но среди заграничных друзей Яковлева, в известной части русской политической эмиграции, некоторые народовольческие иллюзии продолжали еще жить; эти иллюзии нашли себе довольно яркое выражение в письме П. Л. Лаврова, которое было получено в России и «агентурным путем» попало в московское охранное отделение, где 18/X—95 г. с него была сделана в крайне спешном порядке (переписывали сразу трое) копия в трех экземплярах, из коих один был послан в департамент полиции.

В письме, обращенном к неизвестному лицу, (дата: X—95 г.), Лавров трактовал вопрос о том, какой программы следует держаться молодежи при данных обстоятельствах. «Все мои симпатии,—писал Лавров,—лежат на стороне старой народовольческой партии, в программе которой только один элемент заставлял меня не одобрять ее всецело и против которого я не раз высказывался, это—элемент террористический»... «Мне пишут,—продолжал Лавров,—что за последнее время большие успехи делают социал-демократы; но эта партия не может иметь широкой будущности, ибо при малейших попытках серьезной деятельности она столкнется с рамками, в которые ее поставит абсолютизм; ей придется считаться с политическими формами государства и, вынужденная вступить в борьбу с ними, она сама собой войдет в качестве отдельной фракции в партию с более широкими задачами, как, например, народовольческая. Вопросы об общине, о капитализме не помешают их солидарности»...

Лавров не одобрял, далее, «маскарадной политики выжидания, которой намерены придерживаться русские социалисты, думающие сделать кой-что для масс при настоящих политических условиях»; «всякая программа,—писал он,—хороша только тогда, когда находит достаточно энергичных, упорных и стойких адептов, и особенно полезен для партии «главный штаб», руководящий ее деятельностью, в роде Исполнительного Комитета в блестящий период его существования». [1])

Старый философ, зарывшийся в книгах, из глубины своего тесного кабинета на тихих задворках парижской улицы Сен-Жак не мог, конечно, видеть русской действительности, и подлинная жизнь на эти рассуждения «народовольца без террора» не замедлила дать свой положительный ответ: 24/V—96 года до 40.000 петербургских рабочих в контакте с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» забастовали, доказав, что русский пролетариат уже представляет силу, с которой надо считаться...

Зубатов, ставший тогда во главе московского охранного отделения, понимал, с какой стороны надвигается опасность, но видел он ее, главным образом, в лице революционной интеллигенции и потому направлял все свои усилия на уловление пропагандистов, «развращавших» своей проповедью «несознательных» рабочих.

После разгрома первых московских социал-демократических кружков, охрана, в ожидании приезда царя, занялась, главным образом, очищением столицы вообще от «неблагонадежных элементов»; при чем, в виду того, что предкоронационные высылки сильно продырявили агентурную сеть, охране пришлось разбрасываться и гонять своих филеров по всем направлениям.

В VIII—95 г. в Москве наблюдали за А. П. Казанцевым, относительно которого департамент сообщил, что на его имя из Петербурга был послан пакет с билетами, имевшими оттиск: «Печать типографии Воля», при чем на одном билете была сделана приписка: «Просим собрать деньги до половины апреля; куда отдать—узнаете после» [2]).

30/VIII началась слежка за Н. Тепловым, только что прибывшим из-за границы, где он находился, по агентурным сведениям, в сношениях с Плехановым и куда он ездил вместе с П. М. Марышевым, членом нижегородского кружка А. Кузнецова и Д. Розанова [3]).

В IX—95 года разыскивали в Москве Ланейзера, привлеченного к дознанию в Екатеринославе по делу о местном рабочем кружке, так как, по сведениям жандармского управления, Ланейзер мог скрываться в столице с невестой своей Миной у родственников Г. Мандельштама, с которым, а равно и с С. Мицкевичем, Ланейзер был знаком.

В X—95 года требовалось установить наблюдение за Анной (Инной?) Смидович, выбывшей 4-го числа из Петербурга [4]), и Р. Е. Заславской, ур. Дубинской, которая, еще живя в Одессе, обратила на себя внимание департамента полиции своей корреспонденцией (она писала, например, в феврале 95 г. в Киев З. Бурдину: «московская полиция оценила меня в 100 рублей»).

13/X—95 года московское охранное отделение было обеспокоено телеграммой владимирского губернатора Теренина, который сообщил, что от забастовавших рабочих Иваново-Вознесенской мануфактуры в Москву выехали для подачи жалобы генерал-губернатору «главные подстрекатели»—ткачи Кустов, Румянцев и Соловьев; задержать этих «зачинщиков», однако, не удалось [5])

22/XI—95 года возникло новое дело: полиц. пристав, в районе которого находилась известная Прохоровская мануфактура, донес, что, по заявлению владельца помянутой фабрики, среди рабочих таковой замечается «брожение»: они о чем-то толкуют в кружках и быстро умолкают и расходятся при появлении посторонних; в руках у них замечены какие-то листки; даже ткачихи стали оставаться в помещениях фабрики дольше обыкновенного и, повидимому, совещаются...

Нашелся и доноситель—рабочий Алексей Алексеев, который сообщил администрации (прося не выдавать его, а то—убьют), что на фабрике образовался комитет из 50-ти человек, который находится под руководством студента, живущего на Пресне и дающего рабочим читать запрещенные брошюрки (например: «5 последних стачек»); от помянутого комитета ездили представители на Раменскую мануфактуру. Особенной энергией, по словам Алексеева, отличаются братья Кремневы...

Сообщая о всем вышеизложенном, пристав добавил, что так как владелец фабрики Прохоров на-днях уезжает в Петербург, то он просит в случае надобности обращаться к заведующему мануфактурой, «который все это дело хорошо знает»...

Но не хуже все это знало и само охранное отдел.; еще год тому назад ему было известно, что на Пресне живут два студента Н. Н. Менгов и И. И. Волоцкий, с женами-сестрами Н. В. и С. В. Ташкиными, квартира которых являлась до некоторой степени конспиративной; охране уже было донесено, что 26/VIII—94 г.

Ментов, Волоцкий и приятель их В. П. Кащенко ходили за Пресненскую заставу читать новый заграничный журнал «Прогресс»; филеры тоже своевременно отметили, что Ментов с женой посещали воскресные классы для рабочих школы Трехгорной мануфактуры (7 и 21/XI—94 года). Было выяснено и то, что в церковно-приходской школе при названной фабрике устроилась С. С. Якобсон, приятельница наблюдаемой О. Смидович.......

Охранное отделение многое знало, но пока что ему было не до рабочих и беспокойство фабриканта Прохорова его не очень трогало; перед охраной стояла тогда более важная задача: надо было обеспечить спокойствие и безопасность «обожаемого» монарха, готовившегося надеть «шапку Мономаха».

Работа была нелегкая: нужно было следить за подозрительными интеллигентами, выслать несколько сот неблагонадежных лиц, организовать почти стотысячную «добровольную охрану»; приходилось иметь неусыпный надзор на земле (за вновь прибывающими в столицу, за всеми квартирантами и домами в наиболее важных стратегических пунктах) и даже под землей, тем более, что во главе технического заведывания канализационными работами в Москве оказался инженер Ф. Данилов, бывший уже на замечании [6]).

Столько было хлопот, а департамент полиции продолжал донимать своими перлюстрациями, требуя выяснить, наблюсти, донести!.. На переписки по студенческим делам охранное отделение даже и внимания не стало обращать. Филеров нехватало. Особенно неохотно ставилось наблюдение за приезжими, относительно которых имелись агентурные указания со стороны; в этих случаях вся забота была доказать, что эти указания не заслуживают внимания. Когда, например, департамент полиции сообщил 19/IV—96 г. сведения жандармов о том, что проживающий в Москве Н. А. Киселев «говорит о вечеринках, устраиваемых со сборами для партийных целей», что он, «социал-демократ русского пошиба, признает деятельность народовольцев вредной и рассказывает о существовании рабочих, строго дисциплинированных кружков» и т. д.,—Зубатов написал на этом сообщении: «все вздор»[7]).

Это было сказано для красного словца; в болтовне Киселева не все было вздором; достаточно привести несколько фактов, имевших место на протяжении одного лишь месяца, чтобы убедиться в этом.

В феврале 96 года некий Александр Тромачев донес письменно приставу 1-го уч. Пятницкой ч. о том, что рабочий фабрики Жако Спирин хранит запрещенные издания в сапоге и под койкой.

6 марта забастовали 45 рабочих завода Вейхельдта (вследствие понижения заработной платы), на котором, очевидно, еще жила ячейка, заложенная А. Богомоловым; рабочих «подзадорил», как полагала охрана, Д. Малинов, незадолго перед тем освобожденный из тюрьмы и поступивший на завод сборщиком; у одного из забастовавших—Ф. Г. Мартехина была отобрана брошюрка «Первое Мая» и он был арестован.

12 марта были обысканы, вследствие доноса рабочего Рачинского, три товарища его с фабрики Филиппова: И. И. Строганов, Ф. Григорьев и А. Будзинский; последнего задержали, так как у него нашли нелегальщину.

14 марта городовой, зашедший в отхожее место дома Дружинина на Живодерке, нашел там пакет с революционными изданиями и запиской к неизвестному рабочему, писанной, как выяснилось, жившей в том же доме М. П. Поляковой (уже бывшей на замечании), которую и арестовали.

26 марта конторщик завода Носенковых Слободчиков отобрал два гект. воззвания «Рабочего Союза» к рабочим завода Гужона у принесших и читавших эти листки рабочих А. А. Наркевича и И. Ф. Паникова, которые и были доставлены в полицию...

Революционное подполье само прорывалось наружу...

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ“.

Террористы выведены в расход; монарх «помазан»; щедрые подарки из «кабинета его величества» получены и распределены; многочисленные жертвы ходынской катастрофы убраны; около 100.000 серебряных медалей «в память священного коронования» свалены в пустующей камере нижнего этажа охранки и поручены заботам чиновника «особенных» поручений А. И. Войлошникова, с придачей ему в помощники бывшего агента К. Полторацкого...

Гора свалилась с плеч московской охраны. Однако неутомимый Зубатов не захотел почить на лаврах и, засучив рукава, решил сейчас же дать бой зазнавшимся «марксятам» (любимое его выражение). Противник не успел еще окопаться в захваченных позициях; он вел наступление с двух сторон: левый фланг устремлялся в атаку, правый шел обходными путями. Охране пришлось сражаться на два фронта.

Как известно, начало 90-х годов ознаменовалось повторным движением «в народ», новым стремлением радикальной интеллигенции сблизиться на этот раз, главным образом, с фабрично-заводским населением.

Для более удобного подхода к пролетарским массам снова начали прибегать к использовыванию легальных возможностей путем организации учреждений просветительного характера и персонального участия в них. При этом для одних, культурников, эта работа была самоцелью—отвечала их стремлению поднять образовательный уровень и общее самосознание народа; для других же это поприще являлось лишь средством для расширения кадров революционного актива. На практике перед лицом упрямого и «твердокаменного» врага эти сеятели «доброго, вечного» работали часто рука об руку: шли врозь, но били вместе.

Период культурнической работы, которая сопровождалась параллельно пропагандой и агитацией в чисто нелегальных формах, длился несколько лет, пока власть, испуганная ростом движения, не спохватилась и не приняла драконовских мер. Перипетии борьбы правительства и местной администрации с просвещенством изобиловали разнообразными инцидентами, и этой борьбе «между тьмой и светом» придется уделить особое место. Теперь же я упомяну лишь о фактах, имеющих прямое отношение к теме данной главы.

Когда Зубатов начинал кампанию против эс-дечества, он имел уже намеченных «лидеров». И в данном случае ему оказала помощь всегда верная и наиболее правдивая сотрудница охраны—почтовая «цензура», которая самым положительным образом, языком самих «об'ектов» розыскного внимания, подтверждала и корректировала иногда туманные указания секретной агентуры.

Еще в сентябре 94 года было сперлюстрировано письмо из Москвы в Петербург, в котором Д. Солодовников писал П. Колокольникову: «чувствуется недостаток души школы... Надо выбрать какую-нибудь учительницу в негласные руководительницы. Нат. Вас. указывает на Мокроусову. Филатов будет учить, но затрудняется, как студент; его можно выдать за окончившего университет... Был у Волоцких—славные люди, переехали в д. Деннет. Величкина просит подробный план бесед в воскресной школе»...

Упомянутый Колокольников, приехавший потом в Москву, сообщал 15/IV—95 года петербургской курсистке А. В. Волковой: «мне удалось пристроиться в школе... Не попал я только учителем в свою воскресную школу—ее ревизовал архимандрит и нагнал на батюшку такого страху, что он теперь против всяких учителей и против меня в особенности: он-де слишком вольно себя держит... Да, теперь надо ждать всяких стеснений. Есть возможность, впрочем, с наиболее интересными личностями иметь сношения и помимо школы... Пойду к Вахтерову *), с ним можно поговорить запросто»...

---

*) В. П. Вахтеров был тогда инспектором народных школ.

Н. Величкин, имя которого уже встречалось в нашей летописи и которому особенно не везло с его корреспонденцией, писал 30/VII—95 года А. (И.) Смидович, в Цюрих: «дела нашей лавки идут очень недурно: за первый месяц продал 945 книг, за второй—не менее»...

На запрос департамента полиции по этому поводу, охранное отделение ответило, что в письме Величкина речь шла о дешевых изданиях для народа, которыми торговали преимущественно книжные магазины Конусова, Муринова и фирмы «Посредник»; эти издания Величкин с друзьями своими Л. Рума и П. Колокольниковым и сестрой своей Клавдией распространял среди рабочих...

Вышеприведенные данные свидетельствовали, что уже в 1895 году Солодовников, Колокольников и Величкины занимались пропагандой; за ними время от времени даже ставили наружное наблюдение. Следили, например, за Колокольниковым (с 27/XI по 3/XII, когда он опять ездил в Петербург[8]). Но счеты с этой компанией Зубатов решил свести после коронационной, как он говорил, «кутюрьмы», когда многие из нужных людей (Величкины, Рума и др.) получили возможность вернуться из кратковременной высылки и когда агентурные мережки удалось уже починить[9]).

Кроме Солодовникова, Колокольникова и Величкина наружное наблюдение занялось еще их друзьями—Б. А. Кварцевым и В. В. Мягковым, который в это время как раз оказался под агентурным обстрелом[10]).

Пропагандисты довольно быстро обзавелись связями в рабочей среде и решили перейти, пользуясь летним временем, к массовкам. Одно из таких собраний, которым руководили Колокольников и Кварцев, происходило 8/VI—96 года у Симонова монастыря, при чем участники, в ограждении себя от сыщиков, явились с условными знаками, о чем, впрочем, Медников, заблаговременно осведомленный, предупредил филеров, порекомендовав им быть осторожнее, «дабы не поколотили».

Зубатов не стал затягивать розыска—материала накопилось достаточно (было намечено свыше 100 человек), а кроме того ему хотелось поскорее обзавестись хорошей агентурой «на низах», чтобы с большим успехом потом вылавливать на ней интеллигентов-агитаторов, в которых он видел главное зло.

6 июля 96 года последовала ликвидация; арестовали около 60 человек, из которых четыре пятых выпало на долю рабочих[11]).

Результаты обысков были жидковаты. У В. Мягкова обнаружили гектограф (переданный ему Колокольниковым) и брошюры («Еврейская стачка», «На рубеже двух царствований», «Что нужно помнить каждому рабочему» и др.); у В. Гуревича—гектографск. чернила, революционные издания и документы (между прочим, нашли карточку провокатора Н. Рудилева); у Солодовникова—«Исповедь» Л. Толстого, записи с фамилиями рабочих; у В. М. Смирнова, Т. Я. Евстигнеева, М. Н. Белогурова, З. Литвина, А. М. Тананина, М. Афанасьева, В. Семенова и О. Васильева отобрали мелкую нелегальщину.

Главная цель Зубатова была, как я упомянул, получить в свое распоряжение живой материал, чтобы выбрать из него и «обработать» для своих целей подходящие «сюжеты». Несмотря на то, что у некоторых арестованных были найдены «вещественные доказательства», дело о «Московском Рабочем Союзе», как называл себя ликвидированный кружок, в жанд. управление было передано не сразу, а только после предварительной подготовки в порядке охранного расследования.

Надо отдать справедливость энергии Зубатова, его красноречию, диалектическим способностям; целые часы, даже сплошь—дни, за бесконечным чаем, в табачном дыму, вел он свои «беседы» с арестованными, которых привозили для этого по-одиночке в охранное отделение, где усаживали в мягкие кресла начальнических кабинетов и в случаях, когда диспуты слишком затягивались, кормили обедами, взятыми на казенный счет из соседнего трактира.

Чего хотел достигнуть этой тактикой Зубатов—понять нетрудно. В бесконечных спорах на теоретические темы, в разговорах почти «запросто», мало-по-малу он незаметно выяснял моральный облик, степень убежденности, удельный революционный вес своих партнеров, старался отравить их умы ядом сомнения в успех своего дела, намечал жертвы—лиц, которые, казалось ему, по состоянию своей психики могли бы вступить на путь предательства.

Чего думали достигнуть пленники Зубатова, вступая в разговоры с ним, затрудняюсь сказать; едва ли они думали переубедить этого патентованного охранника; возможно, что их привлекала необычайная обстановка «допросов», вовсе не напоминавших им жандармские застенки, соблазняло желание внести некоторое разнообразие в монотонность своего одиночного заключения...

Наибольшее внимание Зубатов уделял, разумеется, интеллигентам. Особенно много пришлось ему спорить с Л. Рума, который считался наиболее начитанным марксистом. Зато К. Величкина относилась к «подходам» Зубатова так резко-отрицательно, что иногда хитроумный начальник охраны выходил из терпения, выскакивал из кабинета красный от волнения и отпускал по адресу своей экспансивной собеседницы площадную ругань.

С рабочими, конечно, разговоры у Зубатова были короче; вся забота его в этих беседах была направлена на то, чтобы восстановить «невинные жертвы своей несознательности» против «эксплоатирующих ее интеллигентов-пропагандистов» и в подходящих случаях—предложить «раскаяться».

Насколько мне известно, кроме внесения некоторой деморализации в революционное сознание кой-кого из руководителей «Союза»12), Зубатов никаких более положительных результатов не добился; зато в отношении «малых сих» ему повезло больше: из арестованных рабочих несколько человек вышли из тюрьмы платными агентами охраны13).

Процедив свой улов, спрятав агентурные концы и подготовив «языки», Зубатов сдал дело для окончательной обработки в московское губ. жанд. управление. Формальное дознание без особого труда выяснило картину возникновения группы, личный ее состав и деятельность. По данным этого дознания, «Московский Рабочий Союз» образовался осенью 1895 года по инициативе Кварцева, Колокольникова, Величкина и Рума. В ноябре упомянутого года названные лица собрались у Солодовникова, имевшего уже склад нелегальных изданий («Что нужно знать и помнить», «Рабочий день» и тому подобное), доставленных из-за границы благодаря заботам В. Д. Бонч-Бруевича14). Поделив литературу, члены «Союза» решили начать пропаганду с тем, чтобы каждый в отдельности старался обзавестись связями в рабочей среде. Пользуясь содействием М. Ф. Бойэ, Кварцев приобрел знакомства на заводе Бромлея и в мастерских Московско-Брестской жел. дор.; Колокольников вошел в контакт с рабочими на мануфактурах Измаиловской и Прохоровской, на заводе Гоппера и на фабрике Филиппова; Величкин связался с заводом Вейхельдта, а Рума—с фабрикой Мещерина и т. д. На беседы с рабочими, происходившими в трактире Даниловской слободки, вместе с Рума ходила и К. Величкина.

В том же ноябре 95 года у модельщика П. Егорова состоялось собрание гопперовских рабочих: Ф. А. Ремизова, Г. Д. Гаврилова, А. М. Тананина и С. Федотова; на этой сходке Рума прочитал доклад «о современных условиях жизни трудящегося человека». Несколько позднее Кварцев составил, а Рума перевел на французский язык приветствие московских рабочих французским по поводу 25-летия Парижской Коммуны; в то же время Колокольников и другие лица собирали деньги на соответствующий венок.

В марте 96 года у В. Мягкова состоялось общее собрание, на котором были: Колокольников, Кварцев, Величкин, Рума и рабочие: Г. С. Малахов, И. М. Гаврилов, А. К. Мешков, П. П. Емелин и др.; читали записку о коммуне и обсуждали вопрос о кассе. На следующем собрании, происходившем под руководством Кварцева, присутствовали: Н. И. Федоров, Н. Смирнов, О. Васильев, В. Цыпляев.

В конце мая было решено перейти к агитации в широком масштабе. 2 и 9 июня состоялись в Тюфелевой роще сходки, на которых Кварцев говорил о необходимости завести боевую кассу на случай забастовок. Около того же времени Кварцев и Колокольников составили и отгектографировали воззвание от имени «Московского Рабочего Союза» по поводу петербургских стачек. Для проверки впечатления, вызванного этой листовкой, 16/VI собрали сходку близ Николо-Угрешского монастыря; на ней были еще: И. Н. Михалевский, М. Н. Белогуров, Я. С. Бугров, В. П. Дешевой и З. Д. Лавров; последние двое держали по знамени с надписями: «Московский Рабочий Союз»; Кварцев приветствовал образование «Союза» и передал 31 рубль денег, собранных в фонд кружковой кассы; затем он и Лавров прочитали петербургские прокламации, причем Кварцев высказался за то, что следует поддержать товарищей стачкой. В этом смысле была выпущена потом еще одна прокламация. Кроме того, были отгектографированы 40 листков с перечислением требований петербургских забастовщиков и воззвание, писанное на машине, о правительственном сообщении, появившемся 15/VI—96 года; в этом листке доказывалось, что власть стоит на стороне хозяев и что силу для защиты своих интересов надо искать в самих себе.

Когда вызвать таким путем стачку сочувствия не удалось, «Союз» стал выпускать листовки по частным поводам и применительно к местным нуждам; таким образом, появились воззвания к рабочим Измайловской мануфактуры, мастерских Московско-Брестской жел. д.

и Михайловской фабрики. Кроме того, было устроено во второй половине июня несколько собраний, из которых одно крупное имело место в с. Останкине.

Техническую работу по издательству выполнял, главным образом, В. Мягков: он переписывал, гектографировал, распределял листовки. Одно воззвание помогла написать В. Суходольская (потом Зернова). Г. Д. Гаврилов посредничал между Рума и рабочими. Белогуров, Г. С. Малахов, Н. и В. Смирновы, А. К. Мешков и П. И. Серов собирали деньги в кассу, распространяли воззвания, между прочим давали таковые Ф. А. Ремизову, Тананину, Е. Бочарову, Н. Г. Трусову, Г. П. Лапшину, Евстигнееву[15].

Дело о «Московском Рабочем Союзе» разрешилось «в. п.» от 4/III—98 года, при чем К. Величкина и Солодовникова получили 6 м. т. з. и 3 г. г. н.; Кварцев Суходольская, Гуревич и Серов—4 г. г. н.; Федотов и Белогуров—3 г. г. н.; В. Дешевой и Лапшин—2 г. г. н. и 10 других рабочих—по 1 г. г. н.

Однако многие из арестованных по «М. Р. С.» были освобождены задолго до приговора; более того, некоторые из главарей были оставлены даже в самой столице —по «агентурным соображениям».

Охранный кот затеял жестокую игру с шустрыми мышками революционного подполья.

«РАБОЧИЙ СОЮЗ»

Зубатов и его подручные жандармские офицеры (Ратко и Сазонов) продолжали еще выматывать душу у своих подневольных собеседников июльского улова, а филеры уже бегали за новыми «лидерами»; при этом сразу было замечено, что наблюдение попало на верный путь, и кружковой клубок стал наматываться быстро. Я думаю, что не слишком утомлю читателя, если снова привлеку его внимание к данным филерских проследок, в которых и на этот раз постепенный рост кружка и ход сопровождавшего его розыска развернулись быстро и выпукло.

В первый же день наружного наблюдения, 24 августа 96 года, наметились три лица, которым суждено было в последующем играть первенствующую роль: кандидат естественных наук Л. П. Радин посетил студентов Н. А. Корчагина и С. М. Синицына, за которыми немедленно поставили особое наблюдение. 26 числа Корчагин делал покупки в железных лавках на Балчуге и в Зарядье; приобрел, между прочим, какую-то раму. 27-го Радин поехал на Сухаревский рынок, где увиделся с Синицыным; последний пошел затем в москательную лавку Дуленкова и отправился к своей матери (чтобы заместь следы). 29-го Синицын гулял с Н. И. Зуевой—маневрировал, с целью изловить филеров, которых, впрочем, не замечал. 30-го Радин с Л. К. Колачевской посетили д. Мушнина, на Мухиной горе—будущую ее квартиру (в глухой местности). Синицын вечером пошел на Крымский мост, где встретил лекаря А. Н. Орлова; оба были одеты в простые костюмы; филеры из предосторожности предоставили им свободу действий. 31-го Радин явился домой с пакетом в синей бумаге, затем посетил два магазина красок.

1-го сентября Синицын пошел в читальню Островского, спрятал пенснэ в карман, заглянул в портерную, встретил на Смоленском бульваре рабочего, которому что-то передал, после чего неизвестный пошел в д. Сатина (здесь жил В. Н. Терентьев). Вечером Синицын навестил Н. А. Флерова. 3-го Корчагин посетил В. А. Руднева; Н. Флеров что-то унес от Радина, который навестил затем Колачевскую. 4-го Радин был у А. М. Шутовой и ходил за Москву-реку на свидание с рабочим Терентьевым; Корчагин отнес что-то в туго набитых карманах своим коллегам П. С. Крылову и Н. Н. Корчагину. 6-го Радин посетил М. Н. Корнатовскую; Корчагин купил стопу бумаги, часть которой Синицын отнес к Шутовой. 7-го Радин пошел опять к Корнатовской, после чего отправился на свидание с Орловым и к Шутовой; Орлов купил стекло, посетил слесаря А. П. Никитина; Синицын купил красок в маг. Дуленкова; Корчагин, сменив белую фуражку на картуз, пошел в магазин красок Кругликова, купил у Феррейна желатин и у Александрова— стопу бумаги. 8-го и 17-го Орлов был у Гуровича. 18-го Радин снова ходил к Корнатовской; Синицын что-то заложил; Корчагин посетил О. Смидович и С. Якобсон. 19-го состоялся ряд свиданий: Корчагина с Радиным; А. В. Генерозова с Бриллингом; А. Р. Бриллинга с рабочими (в Технич. училище) М. А. Пантелеевым и К. П. Барютиным; А. Фина с А. Никитиным. 20-го Корчагин на свидании с Радиным получил сверток; к нему заходил А. Богомолов, живущий у К. И. Крышенского с бромлеевцами И. И. Добриковым, А. Л. Кононовым, К. М. Суховым, Н. Александровым и Е. А. Андреевым; Синицын виделся в Третьяковской галлерее с П. Колокольниковым; Генерозов посетил Е. В. Полянского. 24-го Орлов был у Гуровича.

2-го октября Радин купил много бумаги, повидался у Колачевской с Орловым, который пошел затем к М. И. Гуровичу, после чего отправился в банкирскую контору Волкова, где заложил процентную бумагу. 3-го Орлов ходил к Богомолову, вышел с рабочим Я. Ларионовым. 4-го у Синицына до ночи заседали Радин, Корчагин, Рума и Величкин; Орлов виделся с рабочими И. и С. Липатовыми; Фин посетил Колокольникова. 5-го Радин имел свидание в читальне Румянцевского музея с Корчагиным; Орлов посетил Бриллинга; Сухов ходил к Емелину; у Фина были Колокольников и Рума. 6-го у Колачевской совещались: Орлов, Радин и Корчагин, который пошел затем к Сухову и К°. 7-го Радин еще раз ходил к Корнатовской; в читальне Островского он виделся с Корчагиным. 9-го Радин купил что-то в магазине красок Франке и бутылку жидкости в аптекарском магазине; Орлов посетил М. И. Семенова. 10-го у Колачевской были Орлов, Радин и Корчагин; Радин имел свидание с рабочим в читальне Островского; Орлов был у И. И. Листикова и С. Е. Дубликина. 11-го Радин посетил Корнатовскую, виделся у Колачевской с Орловым, который имел после этого свидание на Девичьем поле с Корчагиным. 12-го Орлов пошел к Генерозову, потом к Гуровичу. 13-го Орлов, после свидания с Радиным, отправился к Гуровичу. 14-го Радин посетил Корнатовскую; Корчагин взял у Колачевской сверток и отнес его к рабочему Сухову...

Я сделал только беглые выметки из дневника наблюдения и всего лишь за полтора месяца; но этих заметок достаточно, мне кажется, чтобы перед взором читателя встала уже знакомая картина, говорящая сама за себя: магазины красок—наличие «техники»; свертки, свидания с рабочими—пропаганда; переодевания, читальни и пр.—конспирация.

Но чего достигали эти меры предосторожности? Прежде всего, они были весьма примитивны и являлись для наблюдавших только лишним подтверждением того, что деятельность наблюдаемых лиц имеет нелегальный характер. И много ли значила эта конспирация во-вне, когда внутри кружка с трех сторон шло предательство?

Чуть ли не каждую неделю Орлов—«завар всего дела»—ходил «с докладом» к Гуровичу, и важный Михаил Иванович, по известной нам щедрости своей, пожертвовал даже «в интересах пролетариата» одну из своих процентных бумаг, купленных на иудины сребренники. Другой главарь—Радин также часто забегал «потолковать о делах» к несчастной Марье Николаевне, за которой пряталась всегда нейтральная «Мамочка». А на низах вертелся Емелин, обслуживавший «бромлеевцев», и, вероятно, несколько Емелиных [16]).

Прошел месяц с начала розысков, и Зубатов имел уже в своем распоряжении вещественное доказательство нелегальной работы наблюдаемых лиц: 2/X—96 года московское охранное отделение представило департаменту полиции экземпляр издания «Рабочего Союза» (IX—96 г.): «Отчет делегатов русской социал-демократии, читанный на международном социал-демократическом конгрессе в Лондоне»,—только что выпущенный и «еще мало распространенный».

Издательская работа кружка была на-лицо, но Зубатов не спешил с ликвидацией—он ждал еще «транспорта». И таковой не замедлил прибыть; его привез латыш И. М. Пуце, приехавший в Москву к Э. Ролау, у сожителя коего Н. Горяева он оставил чемодан с нелегальщиной; ночевал Пуце у Синицына; последний 11 октября перенес, при содействии Корчагина, транспорт в квартиру Колачевской; 15 октября транспортист выбыл (конечно—в сопровождении филеров) в Ригу, где за ним продолжалось наблюдение, захватившее потом и Либаву[17]).

Между тем, положение вдруг осложнилось. В первых числах октября 400 рабочих фабрики Зотова в Костроме забастовали из-за понижения расценка; они обратились к московским товарищам за содействием и денежной помощью, так как самостоятельно могли продержаться не более 2—3 недель. Гектографированный листок, поступивший в «Рабочий Союз» (с него была сделана в охранном отделении копия), вызвал под'ем духа в кружке, который чувствовал себя уже достаточно окрепшим; было решено приступить немедленно к агитации.

7/XI—96 года 49 литейщиков Московско-Казанской железной дороги забастовали, подав за своими подписями управляющему мастерскими Нольтейну заявление, в котором жаловались на несправедливость расценок. В качестве руководителей забастовки выступили члены «Рабочего Союза» Орлов и Синицын, действовавшие через рабочих И. Е. Аввакумова, П. Жукова и Кондакова. 10-го ноября состоялись две сходки: одна—в Черкизове под председательством Орлова, другая—на Садовой в присутствии Синицына; на этих собраниях был решен в положительном смысле вопрос об общей забастовке...

Эта первая попытка «Р. С.» перейти от слов к действиям явилась началом конца организации.

В ночь на 11 ноября разразилась ликвидация, давшая охранному отделению обильную жатву. Арестовали до 20-ти интеллигентов и около 40 рабочих[18]). «Поличное» оказалось богатым. По обыскам у арестованных обнаружили: у Радина—часть гектографа и соч. Каутского, у Орлова—Лассаль и Листок Ф. В. Р. П.; у Корчагина, Синицына и Колачевской—склады изданий «Рабочего Союза» и заграничных, мимеографы, гектографы и пишущие машины, а также рукописи Орлова, предназначавшиеся к воспроизведению, и отчеты «Раб. Союза». У М. Семенова, М. Горюшина и Е. Полянского тоже нашли мимеографы с принадлежностями, при чем у последнего из них отобрали около 500 листов неоконченной тиснением биографии Ф. Энгельса. У Н. Горячевой взяли машину «ремингтон», переписанную на ней для мимеографирования брошюру «Беседы о положении народа» и рукописи; у рабочего Т. Орлова—4.000 листов оттиска «Манифеста Коммунистической Партии»; у А. Сеславинского, В. Руднева, Н. Горяева, А. Фина и у рабочих И. Шумова, Я. Ларионова, А. Богатырева и Н. Власова обнаружили нелегальную литературу.

На этот раз дело было целиком передано в жанд. управление; успех дознания был значительно облегчен богатством уличительного материала. «Показаниями обвиняемых А. Орлова, Корчагина, Семенова, Синицына, Радина, Т. Федорова (Орлова), Богомолова, Сухова и других» («Обзор» XIX) выяснилось следующее. Ядро кружка составляли: А. Орлов, Радин, Корчагин, Семенов, Синицын и Колачевская (вышедшая замуж за Орлова). «Исходя из положений экономического материализма», они пришли к мысли о необходимости «поднять умственный уровень рабочих» и в то же время «помочь ему в мирной борьбе с эксплоататорами-капиталистами», с каковыми целями они и предприняли издание социал-демократических произведений, организацию транспортировки их из-за границы и пропаганду среди рабочих.

Из лиц, составлявших центр кружка, Радин заведывал издательской техникой; Корчагин помогал редактировать. Семенов являлся посредником в сношениях с лицами, занимавшимися мимеографированием (одни— по сочувствию, другие—за плату). Орлов заводил связи с рабочими, а Синицын, отчасти и Корчагин, вели среди них пропаганду. Колачевская содержала квартиру для хранения нелегальщины, свиданий и совещаний «центра».

Тиснением занимались в трех местах. В VIII—96 г. Синицын поручил Т. Федорову-Орлову снять подходящее помещение и заняться мимеографированием за плату в 25 руб. в месяц; Радин дал ему аппарат и с месяц наблюдал за его работой. Горюшин и Сеславинский занимались издательством тоже за плату. В октябре 96 года А. Орлов уговорил Полянского заняться тиснением на мимеографе, которым его снабдил Семенов. Трафаретки писали В. Лукьянова и Н. Горячева [19]).

Благодаря широкой постановке издательского дела, группа, несмотря на кратковременность своего существования, успела выпустить в сентябре 96 г. брошюрки: «Касса, для чего она нужна рабочим и как ее устроить» (300 экз., оттиснул Т. Орлов) и «Отчет делегатов русской социал-демократии» (перевод с немецкого, сработали Горюшин и Сеславинский). В октябре были изданы воззвания: «Ко всем московским рабочим», (дата—14/X, составлено Орловым); «К московским студентам», (дата: 3/XI, от имени Центрального Комитета «Рабочего Союза» приглашало молодежь бросить «бесцельную академическую борьбу и посвятить силы рабочему движению») и «К рабочим завода Дангауер» (дата: 4/XI, требовало сокращения рабочего дня «до 10-ти часов»). Не были окончены изданием «Манифест Коммунистической Партии» и «Биография Ф. Энгельса».

Доставка революционной литературы из-за границы была устроена Синицыным при содействии В. Бонч-Бруевича, жившего в Швейцарии.

Пропагандой, развитой «Раб. Союзом», было захвачено более 30-ти рабочих; знакомился с ними Орлов в трактирах и пивных. Корчагин, называвшийся «Емельяном Петровичем», предпочитал вести об'яснительные чтения; Синицын назывался «Николаем Петровичем». Орлов вел сношения: с токарем А. Пантелеевым; слесарем М. Пантелеевым; с токарями К. Барютиным, С. Липатовым, Г. Липатовым, И. Дробиковым, А. Консковым, К. Крышенским и Д. Александровым; с модельщиками Е. Андреевым, С. Дубинкиным и И. Листиковым; с жел.-дор. рабочими Г. Лукьяновым, М. Лихачевым, П. Кочергиным, А. Никитиным, Н. Александровым и слесарем Н. Власовым. Корчагин посещал А. Богатырева, И. Дубова и Н. Голеева. А. Пантелеев, Г. Липатов и Н. Александров занимались сборами в пользу «Союза».

10/XI—96 года у техника А. Р. Бриллинга Орлов и Корчагин собрали сходку более сознательных рабочих для взаимного их ознакомления; на ней присутствовали А. Богомолов, К. Сухов и др.

Дело о «Рабочем Союзе» разрешилось в порядке «в. п.», состоявшегося 4/II—98 г., по которому были сосланы под г. н. п., в Уфимскую губернию: А. Орлов—на 4 года, Н. А. Корчагин и С. Синицын—на 3 г., Л. Орлова—на 2 г.; Л. Радина, Е. Полянского, Т. Федорова-Орлова, В. Лукьянчикову и А. Сеславинского отправили на 2 года в Вятскую губернию; на тот же срок пошел в Астраханскую губернию М. Семенов. Рабочие отделались 1 г. г. н. вне столиц и фабричных районов[20]).

КРУЖОК ЧИЧКИНЫХ—БАТУРИНА

Центральный Комитет «Рабочего Союза» был уловлен и с изрядным «поличным». Зубатов мог бы торжествовать победу. Но... на заводах и фабриках остались рабочие и уже не те, которых можно было когда-то безбоязненно записывать в «добровольную» охрану, кричавшую восторженное «ура» при одном виде придворного экипажа. В октябре 96 г., например, по сведениям департамента полиции, в мастерских Московско-Курской жел. дор. началось «брожение», и во главе «зачинщиков» стоял десятник императорских поездов А. Д. Осеев!..

«Ликвидации» на пролетариев мало действовали. Не прошло и недели после из'ятия «Раб. Союза», а 39 рабочих фабрики Шейбеля забастовали (15/XI); повод для этого был особенный: «хозяин» женился, и по случаю такого радостного для Шейбеля события рабочие были распущены на два дня; но «хозяин» по случаю свадьбы, должно-быть, слишком поиздержался и уплатить за эти дни не пожелал; произвол был так очевиден, что даже полицейский пристав возмутился хозяйским беззаконием, встал на сторону рабочих и уговорил новожена раскошелиться. А на следующий день рабочие фабрики Цинделя поколотили без дальних разговоров старшего мастера, их жестоко утеснявшего. Наконец, 28/XI на заводе Старый Бромлей тоже началось такое «брожение», что, в предупреждение забастовки, охране пришлось из'ять и удалить из столицы 23 «подстрекателя» [21]).

Но внимание Зубатова попрежнему фиксировала зловредная интеллигенция, в среде которой он, по своей системе оставлять «на разводку», старался держать всегда розыскной «эмбрион». При ликвидации издательского кружка некоторые из наблюдаемых не были тронуты (например, И. Чорба), хотя они были очень на виду. Но у Зубатова были «в запасе» не только отдельные лица—имелась и целая группа.

В главе XIII я упомянул о гимназическом кружке, к которому принадлежали, кроме Величкина, Чичкины и Батурин и за которым, по откровенному заявлению Бердяева, имелось наблюдение «и внешнее, и внутреннее». Юноши за три года подросли и с пылкостью, свойственной молодости, от «саморазвития» перешли прямо к «развиванию»; а так как в те времена мечтой чуть ли не всякого серьезного революционного подростка была «типография», то энергичная «молодятинка», перейдя к пропаганде, решила сейчас же обзавестись и печатным станком. Этого и дожидалось охранное отделение.

Но непредвиденный случай расстроил дальновидные планы Зубатова и вызвал, так сказать, преждевременные роды. Дворник дома, в котором квартировал слесарь Михаил Маринин, заметил у жильца запрещенные книги и донес об этом полиции, а пристав, не спросясь у охранки, обыскал названного рабочего, нашел у него склад революционных изданий и даже добился от Маринина признания в том, что эту нелегальщину ему дал студент Батурин. Ретивый полицейский получил за непрошенное усердие «нагоняй», но делать было нечего—пришлось ликвидировать кружок незамедлительно.

Таким образом, 9/XII—96 года были арестованы Н. В. и А. В. Чичкины, Г. Н. Масленников, К. Н. Батурин и С. А. Озеров, а двумя днями позже—А. Ф. Войткевич[22].

По обыскам у Н. Чичкина обнаружили типографские принадлежности и 7 экз. гектографированной брошюры «Франкфуртская стачка» (издание Московского «Рабочего Союза», 7/XII); у Батурина в погребе нашли склад социал-демократической литературы и рукопись программы «боевой организации рабочих»; у А. Чичкина—партию старых нелегальных изданий и у рабочего Ф. Балакирева—несколько брошюр революционного содержания.

Возникшее по этому поводу при московском г. ж. у. дознание выяснило, что осенью 96 года приехал из Нижнего-Новгорода студент А. Никитин, который привез с собой 30 брошюрок, свел знакомство с рабочим завода «Перенуд» В. Шашкиным, устроил у него несколько собраний и затем передал его своему товарищу Озерову, так как считал себя недостаточно «чистым» (действительно, 1/X он был арестован по требованию нижегородского г. жанд. управления, при чем у него были найдены «Рабочий» № 2 и другие брошюры).

Было дознано, кроме того, что Никитин, Озеров и примкнувшие к ним К. Батурин, Г. Масленников и А. Фин вели пропаганду через рабочих Шашкина, Маринина, З. Литвина, Г. Жарова и Н. Авдеева. Связи устраивал и хранил нелегальщину Н. Чичкин. Шишкин, Жаров и Маринин раздавали нелегальную литературу своим товарищам: В. Горичеву (Григорьеву), А. Шукалеву, И. Крутицкову, А. Грачеву и Ф. Балакиреву.

Кроме упомянутых лиц по ходу дознания были привлечены еще в качестве обвиняемых: Войткевич (знакомый Озерова), рабочие А. Пирогов (сожитель Жарова), Г. Ильин и Г. Апрельков (приятели Литвина).

Из отдельных эпизодов жандармского расследования по этому делу следует отметить, во-первых, показания Озерова; этот обвиняемый заявил, что, называясь «Николаем Михайловичем», он знакомился с рабочими «из личного любопытства», а нелегальными изданиями пользовался лишь для бесед с ними; Озеров дал затем характеристики и приметы рабочих, с которыми имел дело, и перечислил книги и нелегальные издания, которые он видел у них. На вопросы по данным наружного наблюдения Озеров показал, например, что 8 декабря 96 года был в трактире Кузнецова с рабочими «Петром Кузьмичем» и Николаем Ивановым; что неизвестного, которого он встретил у Страстного монастыря, зовут «Павлом Ивановичем»; что на заводе Анонимного Общества он имел 2 рабочих, которым передал 5/XI гектографированное воззвание «К рабочим Анонимного Общества» и т. д. На запросы жандармского управления (17 и 31/I — 97 года) по этому поводу охранное отделение ответило, что лицами, подлежащими выяснению, являются: П. К. Засоркин, Н. Иванов и В. В. Шашкин.

Относительно рабочих, которых К. Батурин «признал за своих знакомых», Зубатов сообщил генералу Шрамму следующее: «Опекунов», отказавшийся взять у Батурина нелегальную литературу—это В. И. Пикунов; «Семен Сергеевич», с которым Батурин должен был иметь свидание в пивной,—слесарь С. С. Гинсбург, рабочий, у которого Батурин бывал в доме Садомова,—Ф. Л. Долин, а маляр, производивший сборы в кассу,—Н. В. Авдеев и что последний еще в 1885 г. подвергался двухнедельному аресту по 246 ст. (оскорбление «величества»); а Пикунов и Долин привлекались по делу о «М. Р. Союзе».

Кроме того, по поводу заявления Маринина о том, что нелегальщину он получил от интеллигента, адрес которого ему дал В. А. Никулин, охранное отделение сообщило жандармскому управлению, что упомянутый рабочий принадлежит к числу сильно распропагандированных, знаком с Б. Кварцевым, ему было воспрещено жительство в столице (по 1/VII—96 года) и что, находясь под надзором в г. Городище, Пензенской губ., он, по сведениям местных жандармов, продолжал обнаруживать свое вредное направление, заявляя публично, что «нас хотя и выслали из Москвы, но голова наша там и мы свое возьмем»...

Наконец, относительно агитации, которая велась в мастерских Московско-Брестской железной дороги, Зубатов сообщил Шрамму, что прокламация, обнаруженная 9/XII—96 года в помянутых мастерских, была издана кружком Озерова, и что распространял ее, стараясь подготовить забастовку, К. Батурин, которому помогали Авдеев и Пикунов...

Дело, по обыкновению, разрешилось «в. п.» (18 марта 98 года), по которому пошли под г. н. п. в Вятскую губ.: А. Никитин—на 4 г., Озеров и Н. Чичкин—на 2 года; в Астраханскую губ.: Фин—на 3 года, Батурин—на 2 года. Относительно рабочих мне известна судьба двоих—В. Горичева и И. Крутицкова (2 и 1 г. гласного надзора).

В заключение упомяну еще об одном эпизоде, связанном с этим делом. В бумагах, отобранных у Батурина, было найдено письмо, писанное студентом Н. П. Суворовским, содержание которого послужило основанием для привлечения его автора к дознанию. Документ этот по непосредственности и силе переживаний, в нем отразившихся, столь характерных для молодежи того времени, пожалуй заслуживает того, чтобы процитировать из него некоторые места.

«Батурин!—писал Суворовский,—пользуюсь редкой минутой, когда голова немного работает... Я вел себя, как сумасшедший, когда хотел узнать, благословите ли вы на самоубийство человека, отлично понимающего, что надо делать, но не имеющего физической возможности жить по убеждениям... Главным мотивом действия всех мыслящих, честных людей является желание освободить русский народ от политического рабства... 30 лет научили нас, мы знаем, что делать, чтобы спасти русский народ. Надо уничтожить условия, при которых возможны «великие реформы»; возможно позорнейшее январское событие; когда на мольбы верноподданных земцев, просящих только о «единении царя с народом», о непосредственном доступе голоса земцев к «престолу», о гласности, наконец, о том, чтобы закон стоял выше административного произвола (ходатайство тверского земства),—раздалось топанье слабоумного щенка, не умеющего без бумажки слова сказать...

Долой, поэтому, то, что по природе давно уже расползается по всем швам, но искусственно поддерживается штыками и бесподобными учреждениями, в роде охранного отделения!»...

Да, «бесподобные учреждения»—поддерживали!..

Поддерживали,—не нам в огорчение будет сказано,—так иногда, как веревки царских палачей часто «поддерживали» повешенных революционеров!..

ГЛАВА XV.

Студенчество на распутьи. — Захарьинская история. Декларация Союзного Совета от 21/X-96 г. — Ходынская демонстрация. — Самоубийство Ветровой. — Оппозиция „академистов“. — Дела Вотякова, Роша и о коробке из-под ваксы.

СТУДЕНЧЕСТВО НА РАСПУТЬИ

1896 год для московской охраны был очень тревожным: пребывание царя в столице, три смены пропагандистов, беспокойство рабочих и, под конец, опять волнующееся студенчество, снова «беспорядки», сделавшиеся почти хроническими, ставшие настоящим «бытовым явлением».

Середина 90-х годов и для учащейся молодежи была переходным временем, эпохой перелома. Студенчество также стояло на распутьи. Хотя политическая и классовая борьба начала уже все более и более захватывать подрастающее поколение прогрессивно-мыслящей интеллигенции, но основная земляческая масса оставалась еще сырой и старалась удержаться на почве чистого академизма.

Тем не менее многие из студентов, уже имевших определенные революционные взгляды, принимали участие в союзнической организации, одни—затем, чтобы направить ее деятельность в сторону борьбы за политические лозунги, другие—потому, что эти лозунги нашли уже себе некоторое отражение в публичных заявлениях руководящего центра организации.

Как я уже упомянул, московское охранное отделение, занятое коронационной «кутюрьмой», мало обращало внимания на академические дела учащейся молодежи, несмотря на то, что усердствовавшая, как никогда, почтовая «цензура» доставляла на этот счет богатейший материал.

Мы сделаем беглый обзор этих своеобразных агентурных сведений. Некий «И. Л.» сообщал в V—95 г. петербургскому студенту В. Крылову об организовавшемся в Москве ярославском землячестве (упомянуты участники: В. А. Кудрявцев и др.). А. М. Станиловский писал 1/VII в Ярославль П. А. Васильеву о делах рыбинского землячества, называл имена его членов и предупредительно указывал свой адрес. А. И. Смирнов докладывал в письме в Орел от 7/XII Н. А. Вербицкому о собраниях орловцев. То же делали: неизвестный автор в корреспонденции (4/II—96 года) в Киев, к Н. Н. Бабинову, относительно елисаветградского землячества и Н. (Ждан) Пушкин, в письме к киевскому студенту С. М. Ястребову, о кубанцах.

Между прочим, А. А. Богданов сообщал 20 сентября в Казань Л. Н. Ромодину: «Кузнецкий и я поступили в оренбургское землячество... Явилась мысль основать екатеринбургский кружок... Заметь, что я тебе пишу в пределах возможности—советую и тебе делать то же, ибо по некоторым причинам приходится остерегаться». Автор письма, воспринявший уже, очевидно, начатки конспиративной азбуки, был, как свидетельствует эта перлюстрация, совершенно прав...

Другой, менее искушенный юноша, В. И. Иванов писал (27-го октября) студентке Е. Манджос в Монпелье: «Мы живем хорошей студенческой жизнью, несмотря на все неблагоприятные условия... Замечается страшное стремление к истине»...

Большинство «подцензурных» корреспондентов об осторожности, конечно, не думало; они невольно выбалтывали маленькие секреты студенческой жизни; охране, разумеется, шли на пользу всякие перлюстрационные указания на лиц, прикосновенных к той или другой нелегальной работе, которые не были еще известны ее секретной агентуре; пользуясь такими указаниями, охрана направляла своих сотрудников на сближение с наиболее активными личностями, таким путем выяснившимися; благодаря перлюстрации она легче ориентировалась в тысячеголовой массе учащейся молодежи и с большим успехом плела свою розыскную паутину.

В том же 1895 году, например, универсант С. Ф. Дмитриев писал 22 сентября в Петербург своему брату Николаю: «Ныне иду к студ. Анциферову или, вернее, к его товарищу Сорокину. У них собираются студенты и разбирают, что полезно для народного чтения; летом распространяют среди мужиков книги, ведут с ними беседы, об'ясняют непонятное для них. Очень интересно приглядеться к этому делу»...

Весной 1897 года названные пропагандисты после некоторого внутреннего и наружного обследования были ликвидированы...

В начале 1896 года настроение студенчества было несколько подавленным, и учащаяся молодежь ни на какие выступления не шла.

Год начался маленькой «историей». 10-го января приват-доцент московского университета П. В. Безобразов прочитал в аудитории Исторического Музея лекцию: «О женщине в истории». Если верить докладу местного пристава, лектор «иронически и оскорбительно» отозвался о правительстве, которое не дает русской женщине возможности получать высшее образование, несмотря на единодушное требование общества. «Дело за вами, — сказал многозначительно Безобразов, обращаясь к слушавшей его молодежи.—Сплотитесь, будьте стойки и добьетесь своего!»... В заключение лектор обозвал холопами, холопчиками и холопишками «карьеристов», под которыми, по догадке сметливого полицейского, Безобразов разумел профессоров, подписавших петицию, а потом струсивших... Кроме этого донесения пристава, лекция других внешних последствий не имела.

Перед университетским праздником Союзный Совет выпустил (10/I—96 г.) гектогр. воззвание, в котором, впрочем, ограничился приглашением студентов устраивать и этот день вместо обычных кутежей частные собрания, на которых можно было бы обсудить насущные вопросы.

Татьянин день тоже прошел сравнительно тихо, и единственным событием было то, что собравшаяся в ресторане «Яр» молодежь спела «Галочку», переделанную на московский лад («Наш Бердяев-генерал всех жандармов созывал»...), а запевало (оказался болгарином О. О. Иосифчевым) высказал, вероятно—под хмельком, желание поколотить «обера» Власовского.

Это вялое настроение студенчества отмечено в письме неизвестного москвича, который сообщал 1/I—96 года Б. В. Авилову (впоследствии известный с.-д. деятель) через сестру последнего, живущую в г. Калуге, следующее:

«Полиция меня не выставляет..., прописали они меня в предрождественской суматохе, но мое пребывание им не особенно приятно... Публика здешняя сплошь ослабела; очень немного из самых отчаянных еще попрыгивают, но, увы, «ходит птичка весело по тропинке бедствия»... Боголепов организованно и систематически упраздняет науку и проектирует какие-то Варфоломеевские ночи по отношению к студентам. Власовский несколько сократился. Его высочество губернаторствует...

Ожидали, что студенчество «заговорит» в годовщину освобождения крестьян. Московский универсант И. И. Зaремба писал, например, томскому студенту К. А. Давыдову: «19 февраля мы празднуем; на лекции, несмотря на то, что они будут, вероятно, никто не явится. Вечером предполагаются собрания, речи, рефераты, пожалуй—демонстрации и пр. Будет и наше сибирское собрание»...

Однако, годовщина прошла совершенно спокойно.

Несмотря на такое скромное поведение учащейся молодежи находились охранители, которые даже и в притихшем студенчестве не переставали видеть крамолу. Один из таких «верноподданных» жаловался в письме от 16/I—96 года на «крайнюю распущенность» московской учащейся молодежи и, как на пример, указывал, что студенты позволяют себе являться «даже в императорские театры» в тужурках, «что коробит привычный глаз» и т. д. Эту перлюстрацию департамент полиции нашел нужным сообщить московскому обер-полицеймейстеру, желая, вероятно, поставить на вид столичной администрации ее недостаточно строгое отношение к университетским вольнодумцам...

Сознательная часть студенчества переживала, несомненно, в процессе развития своего миропонимания и в определении своего отношения к окружающей действительности критический момент; либеральным чаяниям пришел решительный конец; многие понимали уже, как Суворовский, письмо которого было цитировано в предыдущей главе, что именно «нужно делать» «мыслящим и честным людям»; но «жить по убеждениям» иным нехватало сил, и на этой почве создавались острые коллизии, заканчивавшиеся иногда трагически.

Еще не успели забыть неожиданной смерти популярного в товарищеских кругах студента Н. Соловьева, покончившего самоубийством, как разыгралась новая драма: 2/I—96 года В. Михайловский (привлеченный к дознанию по делу о Союзном Совете) сбросился из 4-го яруса в Большом театре во время спектакля; эта смерть носила явно демонстративный характер и вызвала большое волнение...

Частые самоубийства среди московской молодежи (за короткое время—3 случая) вызвали даже запрос департамента полиции, который в своих попечительных заботах об учащейся молодежи пожелал узнать, в чем дело и «нет ли связи между смертью студента Эфруси, покончившего с собой, и другими подобными фактами».

Связь, конечно, была—сам департамент полиции, охрана, их деятельность, в которой выявлялась политика реакционного правительства, поставившая перед молодежью, имевшей «страшное стремление к истине», сказочную дилемму: «направо пойдешь—коня (идеал) потеряешь, налево—смерть найдешь»...

И все вдумчивое, бодрое, идеалистически настроенное пошло налево, дабы через смерть свою обрести жизнь другим...

ЗАХАРЬИНСКАЯ ИСТОРИЯ

(Декларация С. Совета от 21/X-96 г.)

Едва начался новый учебный год, как охранное отделение поспешило донести (30/IX—96 г.) департаменту полиции о возобновившейся деятельности Союзного Совета, выразившейся в агитации против профессоров Захарьина и Попова и в сборе пожертвований (что являлось особо знаменательным) в пользу забастовщиков костромской фабрики Зотова...

Борьба студенчества с названными выше профессорами имела уже свою историю. Захарьин—знаменитый врач-диагност, известный не менее легендарными суммами гонорара, которые он брал с пациентов, как человек, не пользовался хорошей репутацией. Интересно, что, когда умер Александр III, стоустая молва обвиняла в смерти царя самого Захарьина, который его пользовал: говорили, что он умышленно отравил «миротворца»; эти слухи, имевшие юдофобский характер, вызывали даже попытку разгромить принадлежавший Захарьину дом на Мещанской улице (сам он поспешил тогда уехать за границу).

Студенты-медики были тоже настроены против Захарьина, читавшего лекции в клиниках, но, разумеется, по другим мотивам. Недоразумения начались еще в ноябре 1895 г. Слушатели Захарьина заявили ему через своих делегатов Ментова и Волоцкого (упоминались в предыдущей главе), что студенты-медики решили не посещать его лекций, находя, что он роняет свое достоинство, совмещая ученое звание с какой-то чиновной должностью по министерству императорского двора. Захарьин с обычной грубостью ответил: студенты—ученики, он—учитель и в их советах не нуждается...

13-го ноября на лекцию Захарьина из 150 записанных явилось 4 человека.

Демонстрации против клинических профессоров и порядков продолжались и в следующем месяце, при чем зачинщиками таковых охранное отделение считало студентов Рукавишникова, Певзнера, Шиловцева, Янсена, Гречишникова и Яновского. Хотя у Захарьина нашлось все-таки 18 слушателей[1]), но, в конце-концов, упрямый профессор отказался от чтения лекций и уступил кафедру своему ставленнику Попову. Это почти не изменило сущности дела—медики стали бойкотировать и Попова, протеже Захарьина, и неизвестно, чем бы эта история кончилась, если бы не разыгрались «события».

Как уже было упомянуто, центральный орган земляческой организации, по сведениям охранного отделения, начал действовать с первых же дней учебного семестра; это подтверждалось и перлюстрационными данными. М. С. Чуйко писал, например, брату своему Виктору в Валки 6/X—96 года: «В Московском университете идет теперь работа: разделяются по группам и выбирают представителей; совет их выбирает старшин и эти органы ведают всеми студенческими делами»...

В конце октября Союзный Совет успел уже об'единить на почве земляческой организации все прогрессивные элементы студенчества и ждал только случая проявить свою силу.

26/X—96 года Зубатов докладывал обер-полицеймейстеру:

«В настоящее время среди студентов университета господствует сильное брожение, готовое принять форму беспорядков, которых студенты сами не могут мотивировать с должной ясностью и доказательностью, и весь их образ действий покоится на бессознательно ощущаемой молодежью потребности протеста, чтобы разбудить этим путем дремлющее общество, которое-де проснется, когда отцы почувствуют, как жестоко их дети наказаны за беспорядки.

«Революционный элемент агитирует против беспорядков, так как боится, что общая репрессия вредно отразится на его конспиративной деятельности.

«Почти все землячества подали Союзному Совету заявления о необходимости беспорядков... Наблюдение за учащейся молодежью усилено, и при первой в том надобности будут приняты решительные меры».

В донесении, посланном охранным отделением на следующий день в департаменте полиции (№ 2877), повторялось то же самое, но с некоторыми добавлениями. «Лица, хорошо знающие студенческую среду,—докладывал Зубатов,— утверждают, что едва ли беспорядки состоятся в текущей половине академического года»... Тем не менее, установленным за известными членами Союзного Совета наблюдением выяснено, что собрания его членов происходят крайне часто, а именно: 21/X, в 11 ч. утра была сходка у домовладелицы Анисимовой; 25/X—в д. Гирш, в кв. Яковлевой; 27/X—у члена Союзного Совета А. О. Огаджанова и в 2 часа дня того же числа—в доме Карцева, по Косому пер. (неизвестно у кого)... Союзным Советом выпущена прокламация, которая по рукам не ходит, а лишь оглашается на общих земляческих собраниях через представителей Союзного Совета. К числу выясненных членов последнего принадлежат: А. Громан, В. Михалевич, М. Чиков, В. Иванов, А. Огаджанов, Н. Москалев, В. Громан, А. Ступин и И. Бондаренко...

В ожидании «беспорядков» департамент полиции сделал распоряжение: «наблюдать за членами Союзного Совета, выследить их сборища, переписать». 29-го октября охранное отдел. уже представило списки участников вышеупоминавшихся собраний. Но в Петербурге, повидимому, колебались и не знали, что предпринять. Вопрос решила прокламация Союзного Совета (о которой говорилось в донесении за № 2877), выпущенная от имени 45-ти землячеств с датой 21/X—96 г.

Эта декларация руководящего центра организованного студенчества брала, так сказать, «быка за рога»; на место защиты узко-академических интересов, она определенно ставила борьбу за политические требования, борьбу за изменение «устава»—не университетского, а всероссийского.

С первых же строк воззвание от 21 октября заявляло:

«I. Союзный Совет полагает, что главной целью Союза землячеств должна быть подготовка борцов к политической деятельности.

«II. С. С. считает, что организованный, активный протест в данную эпоху все усиливающейся реакции будет иметь и широкое воспитательное значение.

«III. С. С. находит факт с проф. Поповым достаточно важным мотивом для поднятия организованных беспорядков—с целью борьбы против современного университетского режима, как частичного проявления общегосударственной политики» [2]...

Когда охранное отделение препроводило экземпляр вышеупомянутого воззвания в департамент полиции, то в Петербурге поняли, что студенчество решительно стало на новый путь и что церемониться с ним рискованно; поэтому директор департамента преподал московской охране другой наказ: «арестовывать собирающихся на сходки, обыскивать и высылать—сходка за сходкой».

Но осведомленность московского охранного отделения о студенческих делах была в это время слабовата; это видно хотя бы из того, что такой важный документ, как воззвание Союзного Совета от 21 октября, был представлен департаменту полиции лишь 1 ноября. Чувствовалось отсутствие «Феденьки» (Невского), который, окончив свой «курс», почил на лаврах. Правда, в распоряжении охраны имелся теперь агентурный козырь в лице Гуровича, но последний не был специалистом по земляческим делам.

Занявшись «марксятами», Зубатов вообще запустил несколько надзор за академической сферой; во всяком случае, он был очень далек от истины, когда доказывал, на основании отзывов «лиц хорошо знающих студенческую среду», что беспорядков можно ждать лишь «во втором полугодии».

Более точные сведения дала почтовая «цензура», представившая копию письма, адресованного в г. Рыбинск на имя Н. Н. Дильдежко, в котором универсант М. И. Латти писал 5/XI—96 года следующее: «Сообщу тебе секретную университетскую новость, которую ты, думаю, будешь держать в тайне. У нас в Москве, как теперь это уже есть в Киеве, Харькове, вспыхнут в скором времени студенческие беспорядки, как протест против всего реакционного направления царствования Николая II. Поводом к беспорядкам будет принята так-называемая Поповская история»...

Пришлось охранному отделению заняться и студенчеством. Оказалось, что для координирования действий выехали делегаты: в Петербург—В. Н. Масленников и в Одессу—некто, направившийся к местному универсанту Бартольду. С другой стороны, в Москву прибыл из Петербурга, для переговоров с Союзным Советом, студент Лесного института Аветисянц. Одновременно последовал ряд новых студенческих сходок: 27-го октября—у И. Г. Куницкого, затем у кассира пермяков С. И. Корнилова, у закавказца Огаджанова, у тамбовца М. Р. Ростошинского, у И. Я. Мурза...

6-го ноября «началось»:—студенты, собравшиеся в клиниках на лекции Попова, вели себя так демонстративно, что профессор предложил им оставить аудиторию, но «слушатели» не подчинились, и пришлось удалиться самому лектору...

ХОДЫНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ

Вместо того, чтобы ликвидировать, как рекомендовало высшее начальство, «сходку за сходкой», московское охранное отделение чего-то выжидало. Наконец, появилось воззвание Союзного Совета, которое приглашало учащуюся молодежь на демонстрацию, назначенную на 18/XI—96 года, в день полугодовщины ходынской катастрофы.

Настроение студенчества было приподнятое, даже боевое; это сказывалось и в мелких фактах. 14/XI произошел, например, такой случай. На денном спектакле в театре Корша по случаю «царского дня» оркестр исполнил так-называемый народный гимн; едва раздались звуки «Боже, царя храни!», публика, по обыкновению, поднялась с мест; но один из зрителей, оказавшийся студентом Г. Харазовым, остался сидеть; по требованию его соседа - офицера полицией был составлен по этому поводу протокол, с которым дерзновенного юношу отправили в охранное отделение; здесь долго размышляли о том, по какой статье наказуется проступок, совершенный Харазовым, который и протокол подписать и дать какие-либо об'яснения отказался; в конце-концов, ничего не придумав, своеобразного демонстранта отпустили с миром. (Это, впрочем, ему не прошло совсем безнаказанно: когда возникли беспорядки, Харазова арестовали.)

Чтобы парализовать агитацию, охранное отделение произвело в ночь на 17/XI—96 года аресты участников сходок, которые были намечены наблюдением за представителем юго-западных землячеств В. И. Михалевичем, проявлявшим особую энергию, за упоминавшимися выше Чиковым, Бондаренко, Ступиным, а также за И. Ф. Блиновым и А. А. Ассингом; всего было задержано 53 человека, при чем по обыскам у М. Р. Ростошинского взяли гектограф, а у Михалевича, Ассинга, Н. В. Васильчикова, П. Н. Яковлева, П. М. Назарьева, Куницкого и Н. Э. Фосс (член Союзного Совета от калужского землячества) была обнаружена разная нелегальщина и земляческие документы[3]).

Тем не менее, утром 18 ноября у Пресненской заставы собралось около 400 студентов, которые намерены были пройти на Ваганьковское кладбище (где похоронены жертвы ходынской катастрофы), чтобы отслужить панихиду; приготовленный заранее наряд полиции толпу эту не пустил, и она двинулась тогда к университету, чтобы требовать у ректора разрешения помянуть погибших в университетской церкви; вместо этого демонстрантам предложили разойтись, и когда они этого не сделали, их пригласили в манеж—классический форум студенчества, где блистательный Войлошников (это была его специальность) немедленно приступил к «всестуденческой переписи»; всего было зарегистрировано 446 человек, но задержали на этот раз лишь 17 универсантов, 4 женщины и 15 разночинцев.

На следующий день учебное начальство вывесило в стенах университета об'явление о воспрещении сборищ; «это обстоятельство (простодушно говорит официальная справка о беспорядках) послужило для студентов поводом вновь собрать сходку» (в гистологическом кабинете), которая шумно заявила требование освободить товарищей, задержанных накануне; собравшимся предложили очистить лабораторию к 4-м часам дня; требование не было исполнено, и снова 403 человека попали в манеж, а оттуда—в тюрьму.

20-го ноября сходка повторилась в актовом зале университета; вновь задержали 206 человек, в том числе 1 женщину и 4 разночинцев. 22-го числа произошла новая стычка: студенты собрались на лекции Попова, в клиниках—30 человек в аудитории, остальные в смежном коридоре; демонстранты подняли шум, мешали лектору заниматься и пред'являли ему «разные неуместные претензии». При этом особо отличились: А. Н. Шмидт, В. И. Рейнмиллер, М. И. Моргулин и

Н. М. Романовский. В руках победоносной охраны оказалось снова 66 пленников...

Наконец, 23-го ноября студенты опять собрались в университете с целью добиться освобождения товарищей; на этот раз учебное начальство не обратилось к содействию полиции, наоборот,—обещало ходатайствовать об освобождении арестованных; оно спасовало перед альтернативой: или перенести чтение лекций в Бутырки, или превратить «храм науки» в дом предварительного заключения...

В подкрепление обещаний учебного начальства охр. отделение того же 23 ноября арестовало: М. К. Вольского, А. Н. Грамматикова, С. М. Швайцера, Н. М. Петрова, М. Л. Гуревича и И. А. Барского; последних трех задержали в виду «заявления педелей университета о том, что эти лица были замечены ими на всех сходках и являлись главными агитаторами последних, но своевременно ускользали каждый раз из рук полиции»...

Образец трогательного взаимодействия университетских «пуделей» и филеров охраны![4])...

В конце-концов началось, по обыкновению, распределение на категории. Университетское начальство, чувствовавшее себя как бы виноватым, отнеслось к провинившимся студентам очень снисходительно: из университета было исключено всего 26 человек и то с правом поступления в другие высшие учебные заведения; другим был об'явлен «выговор» по ст. ст. 31 и 37 университетских правил; из остальных участников беспорядков 624 студента были к 28 ноября освобождены из-под стражи. Охрана же 92-х человек, отнесенных к первой категории, выслала из Москвы, а 3-х (К. А. Скиданенко, П. А. Михайлов и Э. Х. Ролау), привлеченных к дознанию, оставила под стражей; наконец, 24 студента из первой категории были лишены, как подчиненные гласному надзору, права жительства в столице[5]).

САМОУБИЙСТВО М. Ф. ВЕТРОВОЙ

Относительно ноябрьских беспорядков правительство опубликовало сообщение, в котором, разумеется, была обвинена во всем учащаяся молодежь. По этому поводу «группа студентов» выпустила (XII—96 г.) гектографированное «Дополнение к правительственному сообщению», в котором выступила на защиту Союзного Совета. Одновременно появилось воззвание (тоже гектографированное, под заглавием «Чья вина?» и с подписью «Голос из общества»), критиковавшее университетские порядки и доказывавшее, что студенческие волнения явились результатом общего курса правительственной политики.

Несомненно, «беспорядки» произвели немалое впечатление на русское общество; весть о них затронула даже заграничное общественное мнение, отголоском которого явились приветствия, полученные Союзным Советом от западно-европейского студенчества. Так, парижская группа социалистов-революционеров-интернационалистов (секретарь Леон Реми) по поводу арестов, вызванных ноябрьскими демонстрациями, прислала свою декларацию, в которой заявила, что «счастлива констатировать тот факт, что даже в России существует серьезное революционное движение», и выразила свою симпатию «товарищам, которые борются в русских университетах за дело революции». Эта декларация тоже была опубликована союзниками в гектографированной листовке, вместе с приветствием, полученным от студентов Римского университета, которое содержало протест «против жестокостей политических преследований» и выражало пожелание «скорой и полной свободы русскому народу».

Платонические декларации, конечно, не могли остановить репрессивной деятельности царского правительства. Московская охрана продолжала с еще большей энергией «политические преследования». Особое внимание было оказано тамбовскому землячеству, которое отличалось революционным настроением и в организации беспорядков принимало живейшее участие. Помимо Слетова, представителя тамбовцев в Союзн. Совете, его заместителя Вольского, библиотекаря Назарьева, гектографщика Ростошинского, были арестованы еще: М. М. Дорохов (писавший тексты воззваний), Н. Н. Сатин (кандидат в заместители), Д. К. Лысогорский и Н. Н. Васильев («социал-демократы по убеждениям»), Н. С. и А. С. Жихаревы, Г. Н. и Л. И. Залыгины, С. А. Студенецкий и другие.

Были арестованы также: Б. Д. Некрасов, у которого, согласно показаниям Ф. К. Арнольди, происходили собрания ново-московского землячества; Дерябин, являвшийся, по заявлению на дознании Г. М. Функа, представителем пермского землячества в Союзном Совете; А. Г. Михайловский, деятельный член союзнической организации (перлюстрационные данные) и В. В. Серебренников, который, как выяснилось, дал Ассингу нелегальную брошюру. Разыскивали также Л. В. Залуцкого, который, по сведениям департамента полиции, служил посредником между петербургским и московским студенчеством по передаче сведений о ходе беспорядков...

Новый год ознаменовался новым государственным преступлением, законами не предусмотренным: 2 января 1897 г. ученик филармонии П. М. Велигорский, находясь в театре, «отозвался неуважительно о народном гимне»; в данном случае охране не пришлось долго подыскивать статьи уложения о наказаниях, так как у «преступника» нашли при личном осмотре нелегальный журнал «Работник»; дело, впрочем, осложнилось: Велигорский заявил, что книжку эту дал ему... Н. Н. Теселкин! Так как привлекать старого провокатора за распространение революционных изданий было неудобно, то ограничились тем, что вызвали его для об'яснения и положили дело под сукно.

Наконец, 23/III—97 года были задержаны во время собрания, происходившего в квартире В. А. Медведева и жены его К. П. Медведевой, 19 членов Союзного Совета. Одновременно были обысканы и арестованы 6 других представителей землячеств, 9 членов судебной комиссии, 2 кассира, 1—от бюро труда, 1—«издатель» и несколько человек—по другим делам [6]).

Ближайшим поводом к мартовской ликвидации послужило опасение новых демонстраций в виду событий, разыгравшихся в Петербурге. 12/II—97 года в Петропавловской крепости покончила с собой, путем самосожжения, политическая арестантка М. Ф. Ветрова [7]). Трагическая кончина молодой курсистки вызвала сильное возбуждение среди петербургской учащейся молодежи. 4/III на площади Казанского собора собралось до 5.000 человек; после того, как священник собора отказался служить панихиду, толпа, несшая венки с соответствующими надписями, двинулась по городу, но была встречена охранной ратью всех «трех родов оружия» (полиция, жандармы, казаки), которой и удалось охватить часть демонстрантов (903 человека); они были переписаны. На следующий день по этому поводу в университете состоялась сходка (присутствовало до 300 судентов), на которой было решено собирать подписи лиц, солидарных с демонстрантами, и послать агитаторов для организации совместных действий учащейся молодежи других городов.

С своей стороны провинциальное студенчество командировало делегатов в Петербург для ознакомления с происшествиями. Так, в Москву прибыл из Харькова Н. И. Попов, о котором Зубатов телеграфировал 15-го марта департаменту полиции следующее: «Почтовым едет в Петербург депутат харьковского Союзного Совета разобраться в ветровской истории. Увидится с вожаками: лесником Герчиком, медиками Герихом и Ярцевым-Катиным, технологами Бауером и Шиллингом; 17-го проездом в Харьков Попов будет в Москве. Желательно наблюдение для выяснения руководителей Союзов Петербургского и Харьковского».

Тремя днями позже Зубатов донес: Попов 18/III выехал в Харьков; будучи в Москве, он передавал, что будто бы «в Петербурге подано прошение на высочайшее имя об указании просителям места погребения курсистки Ветровой и что в случае благоприятного ответа на могиле ее ожидается новая демонстрация».

В прямой связи с «ветровской» историей стоял другой эпизод. Сообщая об агитации, которую вызвала трагедия, разыгравшаяся в Петропавловской крепости, директор департамента полиции предложил 4/III—97 г. выяснить личность жениха Ветровой, живущего в Москве, учителя Шапошникова, а через неделю поступило телеграфное требование установить за ним «неотступное наблюдение». Тревога была вызвана, оказалось, письмом (которое было перлюстрировано), посланным Шапошниковым своей родне, жившей в Курской губернии; он, между прочим, писал: «Да, моя Маруся умерла..., сгибла в когтях царских... Клянусь у свежей могилы Маруси, что я сумею отомстить за нее. Она, может-быть, просила известить меня, а палачи царские пошло хохотали»...

Это продолжение ветровской истории имело, впрочем, совершенно мирный исход: получивши в департаменте полиции сведения об обстоятельствах смерти своей невесты, Шапошников успокоился и, вернувшись 17-го марта в Москву, вступил в исполнение своих обязанностей библиотекаря Румянцевского музея.

Попытка вызвать движение среди московской молодежи по поводу самоубийства Ветровой успеха не имела. Три студента сельско-хозяйственной академии (Я. Агуцевич, Н. П. Рахманов и П. Е. Вукович), хлопотавшие о панихиде по Ветровой, были арестованы одновременно с ликвидацией Союзного Совета. Кроме того, 29-го марта была задержана случайно занимавшаяся агитацией по тому же поводу В. И. Уманцева, которая сделалась жертвой своей излишней осторожности: при огульной проверке жильцов Мурашевского подворья (в целях уловления евреев, покинувших «черту оседлости»), полиция нашла под окнами сверток, содержавший две копии воззвания С. Совета о Ветровой, разные документы по тому же делу и письмо, в котором «Валя» (Уманцева) писала: «У нас эти прокламации имеются, но так как полиция обыскивает ночью, то мы с Сашей*) решили при первом стуке спустить на нитке за фортку воззвания и нелегальные брошюрки»...

И вышло: где тонко—там и рвется!..

ОППОЗИЦИЯ «АКАДЕМИСТОВ».

Удар, нанесенный Союзному Совету, был намечен верной рукой—по всей видимости, заместитель «Фединьки» нашелся, и Зубатов чувствовал себя господином положения[8]). Когда, например, департамент полиции сообщил (30/III) московскому охранному отделению выдержку из письма Н. А. Золотарева («в вербн. воскр. будет заседание бюро труда, в котором я буду представителем»), то Зубатов вступил с автором корреспонденции в полемику: в донесении по поводу этой перлюстрации он писал, что заседание, о котором упоминал Золотарев, не могло иметь места, «так как все видные представители как в С. Совете, так и в суд. комиссии и в бюро труда в ночь на 23 марта были обысканы и арестованы, а наблюдение, установленное 6-го апреля за некоторыми оставленными на свободе членами земляческой организации, вполне подтвердило, что никакой студенческой сходки в этот день не было»...

В упомянутом выше письме Золотарева имелась еще фраза, достойная особого примечания. Он писал: «В следующий раз будет обсуждение устава... Сильное брожение во всех землячествах; протесты против Совета..., вообще концерт расстроился»...

Мы уже знаем, что центр земляческой организации имел определенный политический уклон (воззвание Союзного Совета от 21/X—96 года); эту тенденцию он

---

*) **Сожительница Уманцевой — А. М. Малиновская.**

продолжал сохранять и в последующее время. В программе занятий с'езда представителей нелегальных организаций при высших учебных заведениях (V—97 г.); в числе тем, предложенных на обсуждение с'езда организационным комитетом, имелась следующая (пункт 2): «Подготовка участвующих в организациях к активной общественной и политической деятельности»; и, как одно из средств этой подготовки, «коллективные, активные действия организованных групп по поводу выдающихся явлений общественной и политической жизни. Отношение организаций к действующим революционным партиям. Участие в общественных и политических делах».

В декларации союза московских об'единенных землячеств (относится тоже к 1897 году, цитируется по рукописи) заявлялось: «Социальные и политические условия русской жизни как нельзя лучше отразились на характере трех целей и задач, которые являются связующим звеном для ячеек союзной организации. Борьба с правительственной политикой по отношению к университету, выработка передовых общественных деятелей, поднятие нравственного и умственного уровня студенчества, помощь пострадавшим в столкновениях с существующим режимом и материальная взаимопомощь—вот что написал Союз на своем знамени». К этому же можно прибавить, что в проекте устава Союза московских об'единенных землячеств (1897 г.) задачи союза определялись еще яснее. Пункт первый гласил: «Борьба с правительственной политикой по отношению к университетской и внешней жизни. Выработка общественных деятелей оппозиционного направления» (разрядка автора книги).

Не следует забывать, однако, что союзническая организация охватывала лишь часть университетского студенчества. По данным 96—97 годов к Союзному Совету примыкали 45 землячеств и до 1.500 участников, т. е. отношение организованного студенчества к общей его массе выражалось, приблизительно, в 30%

(около одной трети). Надо еще сказать, что в землячествах, и особенно в их активных выступлениях, принимал, гл. образом, участие молодняк — слушатели первых трех курсов, тогда как «бородачи», которым оставалось немного до получения диплома, старались держаться в стороне. В Союзном Совете, как мы видели, чаще преобладали «политики»; но соотношение между последними и «академистами» на низах было не всегда одинаково; будучи очень восприимчивым, земляческий молодняк в то же время не отличался устойчивостью и в трудные минуты легко менял свою диспозицию.

Наученные опытом, «земляки», посылая своих представителей в Союзный Совет, выбирали одновременно и заместителей их, чтобы в случае арестов деятельность полномочного органа не прерывалась. Но второй набор Союзного Совета бывал интеллектуально слабее, а главное, после каждого полицейского набега настроение экспансивной молодежи быстро падало, появлялась усталость, начиналась критика тактической линии руководящего коллектива, усиливалась оппозиция ему со стороны чистых академистов.

Ноябрьские беспорядки и, в особенности, мартовский удар по центру вызвал сильную реакцию в земляческих сферах. Для характеристики переживаний отдельных кружковых деятелей и общего настроения организованной части студенчества того времени я приведу из богатого архива «черных кабинетов» несколько «человеческих документов», говорящих лучше всяких агентурных сведений, так как в них четко сказывалось «нутро» пишущих, отражалась сама жизнь.

Филолог 3-го полугодия Г. П. Гербаненко в письме от 9/II—97 года, из Москвы в Полтаву, «для Саши», так изливал свою душу: «Между нами должен же стать, наконец, мститель великий, сильный мститель. Это одно из средств облегчения переносить гнет и страдания... Какое же тайное общество? Будь осторожен, следи за каждым своим шагом; не надо быть трусом, но надо быть осторожным. Знаю по опыту. В Москве среди студентов теперь какая-то паника. Недавно разнесся слух, что будут повальные обыски. Не можешь представить, какое чувство испытывали мы. Целый вечер бегал и сбывал книги в надежные места и не мог найти таковых. Пришлось оставить у себя. Всю ночь потом чудилось. Землячество наше расстроилось, так как представителей повысылали. В общем, реакция, подавленность очень заметны. Теперь, кажется, соц.-дем. элементы отложатся от остальных. Осторожность не мешает предать сожжению это письмо»... (Остерегавшийся всего юноша очевидно не знал еще, что кроме подлинников могут сохраняться копии писем).

Тот же автор одновременно писал М. Горбаненко: «Ну что поделаете с такими сукиными сынами, как Марков, Мандро и прочие... Они, канальи, благонадежны, ни в Бутырки, ни в Петропавловки не ходили... Но они, ведь, пешки, куклы, которые пляшут и вертятся так, как их завели там наверху. А кто там? Такие же сукины сыны... Да что же мы—бесчувственные истуканы, камни, которым не больно?.. И после этого можно говорить, что дурно, «бесполезно» бороться против окружающих условий!.. Рано или поздно, когда мера переполнится, революция будет, и мы должны ее подготовлять... Нет, стоит жертвовать собой! Когда мы говорим, что это бесполезно, мы лицемерим, в нас говорит наш эгоизм... Я сам сознаю, что мало искренности в моих словах,... во мне больше слов, чем решительности привести в дело то, что говорю. Но за это я презираю себя, не менее чем Марковых»...

У экзальтированных юношей настроения иногда быстро менялись, переходя из одной крайности в другую. Вот пример. И. М. Тихомиров (19-ти лет) писал в ноябре 96 года Ф. Шкляревскому: «Студенты бунтуют. У нас в Техническом большие сходки и манифестации. Я пишу прокламации и собираю в пользу политических преступников. «Рабочий Союз» тоже бунтует. Казанский университет бунтует, в С.-Петербурге и Харькове—тоже»... Но наступил апрель 97 года, все отбунтовали и молодой человек пишет своей сестре: «Я не имею ни малейшего желания бросаться наобум с мальчишеской задорностью на первого полицейского крючка и погибнуть за медный грош... Я почел бы унизительным для себя действовать там, где нет ни расчета, ни заранее обдуманного плана... Я со всем прошлым порвал и посвятил свои силы изучению наук общественных, а инженером буду только для жалованья»...

В письме А. Н. Соколова (12/IV—97 года) к Д. П. Пичугину в Казань находим описание союзнических дел с точки зрения оппозиционных элементов, о которых упоминал в своем письме Золотарев. «Самое больное наше место,—писал автор упомянутой корреспонденции,—земляческий вопрос; как администратору, пишу, что нашему землячеству нанесен страшный удар: 19 человек-союзников арестованы (в том числе наш представитель Зах.)*). Новый представитель, Луков—заклятый враг С. С... Ты говоришь, что нужно бы в землячествах приобретать умственный багаж и с помощью его выработать в себе правильную, критическую оценку общественного и государственного строя. Соглашусь, что надо, но не соглашусь, что именно в землячествах... Я вообще враг этих прокламаций, союзов с рабочими и т. п. Они ни к чему не ведут, губят молодые силы, заставляют рано разочаровываться в народе—и только. Надо развиваться самому, а потом уже действовать... Что теперь представляет землячество? Это все люди молодые, не знающие своего призвания—в роде нас с тобой... Двух человек, вполне согласных во всем, трудно у нас встретить».

Так говорила студенческая оппозиция. Правда, упадок духа у впечатлительной молодежи продолжался обыкновенно недолгое время и так же легко сменялся повышенным настроением, тем более, что каждая осень приводила в стены университета свежие силы. Тем не менее в моменты застоя деморализация заходила в отдельных случаях очень далеко, толкая более слабых и на ренегатство и на путь явного предательства. В то время, как «лебедь рвался в облака», а «рак пятился назад», охранная щука тянула обоих вместе с возом «в воду».

---

*) Борис Захаров.

Как истый последователь Маккиавели, Зубатов не хуже Людовика XI понимал практическое значение принципа «divide et impera» и его «сотрудники»: одни—за страх и деньги, иные—за совесть разводили оппозицию, становясь на защиту науки, «мирного течения академических занятий», против смутьянов, «вносящих раздор в мирную университетскую семью».

Недостатка в кающихся в смутные моменты студенческого движения, обыкновенно, не было. Расскажу о некоторых случаях. Участник студенческих беспорядков Я. В. Комаринец (входил в состав бельского землячества) в поданном им прошении из'явил готовность «принести самое чистосердечное раскаяние»; в отзыве по этому поводу (февраль 97 г.) московское охранное отделение сообщило департаменту полиции, что «по тону прошения Комаринца можно допустить искренность его просьбы о помиловании и надеяться на то, что он пребыванием своим в одном из провинциальных университетских городов не воспользуется уже для оказания вредного влияния на своих коллег».

В. Д. Чельцов, задержанный на сходке у Медведевых, при допросе показал, что собрание, на котором он присутствовал, «являлось заседанием членов бюро труда» и что из числа найденных тогда документов «он ничего не приносил». Однако, 31/V—97 года Чельцов уже написал в охранное отделение заявление о том, что «теперь, оправившись физически и трезво обсудив дело, считаю своим долгом чистосердечно, в интересах истины, заявить, что собрание, на котором я был арестован, представляло из себя заседание Союзного Совета и что заявление от рязанского землячества принесено было мною».

Повидимому, то же своеобразное стремление к истине заставило А. Деревяшкина подать 26/IX—97 года московскому обер-полицеймейстеру прошение, в котором он, отрекаясь от всякой солидарности со студенческой организацией, дал подписку в том, что никогда не будет участвовать в каких-либо кружках, для проверки чего просил учредить за ним особо бдительный надзор»... Зубатов, впрочем, поверил на слово искренности Деревяшкина и ограничился тем, что пригласил его «на беседу». Деревяшкину после этого разрешили вернуться в университет.

Но некоторые из разочаровавшихся шли еще дальше. Так, например, бывший студент московского университета Иван Петров отрекся не только от участия в кружках, но и от самой науки и в челобитной, поданной 20/V—98 года начальнику охранного отделения, прямо ходатайствовал «дать возможность занять какое-либо место в подведомственном учреждении». Зубатов приказал ответить просителю: «нет вакансий». Такая немилостивая резолюция могла последовать потому, что отец провокации к слишком навязчивым добровольцам относился с некоторым предубеждением.

А, может-быть, и впрямь все шпионские «вакансии» были заняты!..

Но если в самой академической среде рефлексы активных выступлений студенчества вызывали некоторые отрицательные явления, то моральное значение демонстраций учащейся молодежи имело свой удельный вес в нараставшем движении. «Беспорядки», являясь до некоторой степени первоначальной школой гражданской действенности, давали толчки дремавшему обществу, будили надежды у юношества, бодрили революционные авангарды; благодаря им дух протеста ширился, шел вглубь.

Какой отклик имели студенческие выступления вне академических сфер и как вести о них преломлялись иногда в сознании более широких кругов, об этом может, пожалуй, дать некоторое представление воззвание, появившееся в Киеве 5/IX—97 года; писанное на листе бумаги не совсем грамотно, оно было приклеено хлебом к дереву на видном месте. Привожу выдержки из этой своеобразной «самодельщины»: «На-днях я думала, и очень много, о социалистах... Их осуждают, но... «просвещать народ», «пробуждать самосознание общества»—печатным словом—невозможно; социалисты правы... Истинно развитой человек не может не быть социалистом!..

Восторженно - любящий друг мыслящих студентов и их деятельный агент. Работница...»

Для больших простодушия и трогательности этой «прокламации» нехватало только подписи ее автора!..

ДЕЛА ВОТЯКОВА, РОША И О КОРОБКЕ ИЗ-ПОД ВАКСЫ.

Но помимо возни с «марксятами» и учащейся зеленью, у охранного отделения было много и других—особенных дел. Расскажу о некоторых, более типичных.

Дело Вотякова было незаурядным и по своему началу, по герою и по своему концу. Возникло оно вследствие анонимного заявления о том, что Вотяков хранит нелегальщину; за сделанное открытие предусмотрительный доносчик просил уплатить ему деньги «вперед». Сколько было дадено за предательство—не знаю, но по обыску, произведенному 31/VII—96 года у служившего в контроле Курской жел. дор. А. Г. Вотякова, обнаружили несколько сот гектографированных воззваний «возмутительного содержания»; молодого человека посадили под арест... Так неожиданно вскрылась деятельность этого оригинального агитатора-самоучки, продолжавшаяся почти год.

Еще в октябре 95 года появились воззвания за таинственной подписью: «Революционеры из недр России». Один такой листок, озаглавленный «Революционеры о земских арестах», был прислан на имя председателя Ельнинской уездной земской управы; в этом воззвании утверждалось, что для достижения народного благосостояния требуется уничтожить монархическую власть; заканчивалось оно возгласом: «Да здравствует свободная республика!»

В декабре того же года появились еще листки: один—«К народу», другой—с обращением: «Граждане!», (оба тоже гектографированные и с той же подписью); некоторые из этих воззваний были наклеены на заборах и даже на стенах Троицкой церкви в Воронеже. Воззвание «К народу» предлагало крестьянам требовать созыва Земского Собора, свободы печати и т. д.; второе же заканчивалось призывом: «Да здравствует крестьянская Русь! Да здравствует Народная Воля!».

В числе отобранных у Вотякова бумаг оказались оттиски и оригиналы вышеназванных листков, и он не замедлил признать, что составлял, изготовлял и распространял эти воззвания он сам—«с целью побудить общество и народ ниспровергнуть существующий в России государственный строй и установить новый, более согласный с началами евангельского учения и любви к ближнему». Вотяков пояснил на дознании, что «путем саморазвития и наблюдения над жизнью он выработал в себе крайне революционные убеждения; не допуская по своему характеру конституции и подчинения, он потому не принадлежал ни к какой партии. Личная его задача заключалась в создании возможно большего числа революционных деятелей и в склонении существующих партий к об'единению».

К сожалению, Вотяков не ограничился признаниями, касавшимися только его личности, а дал показания, которыми впутал в дело несколько своих знакомых по Воронежу. Вотяков заявил на дознании, что счетовод И. В. Крапп получил от приехавшего из Ростова Баранова нелегальные издания, из которых некоторые дал ему для гектографирования и что издавать и распространять нелегальщину ему помогал конторщик Ф. А. Колчин. Фармацевт М. Д. Шнейдер тоже составлял, издавал и распространял революционные издания и, кроме того, соглашался принять участие в устройстве аптеки для изготовления взрывчатых веществ. Писец М. И. Черенков брал у Краппа книжку «В защиту конституции» Лассаля. Офицер С. П. Мазуренко *) дал Вотякову «Коммунистический манифест», сам брал у него революционные брошюры и передавал их товарищам по службе. Слесарю Г. А. Рыбакову Вотяков, уезжая в Москву, передал имевшиеся у него нелегальные издания. С. Г. Михайловская перевела на французский и польский языки воззвание, составленное Вотяковым...

9/XII—97 года вышеупомянутые Крапп, Рыбаков, Колчин, Черенков, Шнейдер и Мазуренко были арестованы, при чем у первых двух по обыску нашли нелегальщину.

Несмотря на свои откровенности, Вотяков просидел в тюрьме до августа 98 года; под конец он стал обнаруживать признаки умственного расстройства и, по освидетельствовании, был признан страдающим хроническим нервным помешательством...

Из числа «особенных» дел рассматриваемого периода следует отметить еще два. Во-первых, наблюдение за французским адвокатом, социалистическим депутатом Жаном-Морисом Рошем, который в июне 97 года появился в Петербурге; «знатный иностранец» привел в смущение департамент полиции, который лишь задним числом узнал, что Рош приехал, будто бы, для изучения русского социально-революционного движения и что он уже более месяца пробыл в Москве. Директор департамента немедленно потребовал от московского охр.

---

*) Впоследствии известный деятель нелегальных „Крестьянских Союзов“.

отделения собрать «негласным путем» сведения о деятельности и сношениях любознательного француза; но и всеведующий Зубатов ничего особенного о пребывании Роша в первопрестольной не узнал.

Другое особенное дело является особенным в полном смысле этого слова и относится скорее к числу анекдотических. Некий Письменный, горя верноподданическим негодованием, представил властям предержащим коробку из-под ваксы, на дне которой, с внутренней стороны, оказалось изображение самого Николая II... Наваксить физиономию царю—это ли не государственное преступление?!

При старом режиме было все строго регламентировано,—если не законами, то административным усмотрением. И на этот случай нашелся циркуляр министра внутренних дел от 29/V—95 года, за № 2307—и заскрипели перья! Киевский губернатор сообщил 23/VI—97 г. об этом чрезвычайном событии московск. обер-полицеймейстеру; ретивый полковник Трепов приказал охр. отделению произвести строгое расследование, которое после немалых трудов установило, что крамольная жестянка была сделана на московской фабрике Бонакера из бракованого, пользованного материала.

Так как главным виновником в этом деле оказался фабрикант, допустивший, ради большей наживы, профанацию изображения «священной особы государя императора», то дознание об этом «государственном преступлении» особых последствий не имело.

Вздорное дело. Но как ярко отразились в этой истории о коробке из-под ваксы натура и суть изжившего себя режима: тут и фальшь дутого царского величия, и фетишизм еще дикого обывателя, и безграничное скудоумие властвующей бюрократии!

Занимались пустыми жестянками, когда подгнившие корни самодержавия теряли почву, а первое дыхание приближавшейся политической бури начинало уже кренить к земле одряхлевшее дерево монархической деспотии.

ГЛАВА XVI.

Московские рабочие требуют сокращения рабочего дня. — Кружок Рыкачева. — Предмайская ликвидация. — Социал-демократическая группа „техников“. — Кружок Колесникова. — „Группа об'единения народных сил“. — „Лига разума и справедливости“. — Охранка и жандармы. — Еще „Рабочий Союз“. — Дела социал-демократические. — Пролетариат просыпается.

МОСКОВСКИЕ РАБОЧИЕ

Не успело охранное отделение разобраться как следует в богатом наследии трех «ликвидаций» 96 года, как появились явные признаки того, что «жив Курилка!». Об этом говорили не только листки—призывы революционной интеллигенции, но и самый чумазый «Курилка», начавший упорно напоминать о своем мизерном существовании и скромными заявлениями, и жалобами, и открытыми коллективными протестами.

Лейт-мотивом рабочих выступлений начала 97 года явилось требование сокращенного рабочего дня.

Первыми с этими лозунгами выступили рабочие заводов Доброва-Набгольца и Мейера, на которых 3/I появились рукописные плакаты, приглашавшие требовать 9½-часовой рабочий день и уплату жалованья 2 раза в месяц.

20-го января группа рабочих кружевной фабрики Феттера не вышла на работу и потребовала или сократить рабочий день, или выдать расчет; им об'яснили, что таковой могут получить, но через узаконенные две недели: они решили обождать.

В том же январе началось «брожение» на вагоностроительном заводе в Мытищах, которое продолжалось вплоть до лета, когда рабочие пытались устроить забастовку. Одним из агитаторов, по заявлению управляющего заводом Юденкова, был рабочий П. Д. Виноградов, который приглашал прессовщиков к забастовке и двум из них, А. Чевордаеву и С. Язеву, дал несколько воззваний «Рабочего Союза». 10-го января Виноградов выехал в Москву и был, по требованию жандармов, обыскан, но безрезультатно. 30-го января на заводе снова появились листки «Р. С.», при чем другой «подстрекатель» П. Федотов 2-го февраля был арестован в Москве[1]).

В январе же 97 года была забастовка на фабрике Коншина в Серпухове, во время которой арестовали до 50-ти человек, в том числе рабочих В. и Н. Смирновых, принадлежавших к первому выводку распропагандированного молодняка Московского «Рабочего Союза».

В феврале рабочие фабрики Фаберже подали московскому генерал-губернатору заявление, требуя сокращения рабочего дня с 10½ час. до 8 час.; эта петиция была направлена... в охранное отделение.

8-го марта 300 рабочих завода Дангауера самовольно прекратили работу на 1 час ранее срока, определенного правилами внутреннего распорядка, протестуя, таким образом, против введенного с ноября 96 года 10½-час. рабочего дня; участковый фабричный инспектор Протопопов, командированный на завод, долго доказывал рабочим, что избранный ими «явочный порядок» действий является, с точки зрения существующих законов, явным беспорядком...

14-го марта забастовали 300 рабочих пуговичной фабрики Алексеева, требуя сокращения рабочего дня; бросив работу, они направились к старшему фабричному инспектору, от которого, разумеется, ничего, кроме «словесности», не добились; они подали ему «жалобу», написанную А. П. Сорочинским; «подстрекателями» были, по сведениям охранного отделения, рабочие И. А. Летучев, Я. А. Князев, В. И. Уточкин и Т. Т. Зеленский, уволенные с фабрики еще 28-го февраля за «неспокойное поведение».

18-го марта заволновались рабочие мастерских Московско-Брестской жел. дор. по поводу предпраздничного расчета; брожение не получило развития, так как Трепов вызвал управляющего дорогой и предложил ему удовлетворить требование рабочих.

20-го числа того же месяца рабочие Газового завода потребовали увеличения платы за работу в праздники; управляющий инженер Кишкин успокоил их обещанием, что он снесется по этому поводу с администрацией завода, находящейся в Париже.

Днем позже рабочие чулочной фабрики Демина решили требовать окончания работ в субботние дни часом ранее—в 6, а не в 7 час.; для пред'явления этого требования избрали депутатов П. Алексеева, Илюхина и Смирнова...

Но казенное красноречие чиновников министерства финансов и обещания фабричных заправил не всегда действовали успокоительно на протестующих рабочих; потерявши веру в доброжелательство фабричной инспекции и выведенные из терпения невниманием к их нуждам и требованиям, рабочие иногда прибегали к иным способам действия. Так, 500 ткачей фабрики Шлихтермана, прекратившие работу 28/II—97 года, проявили такое воинственное настроение, что для их успокоения пришлось командировать на фабрику наряд городовых с полицеймейстером во главе. Но это лишь подлило масла в огонь: возмущенные рабочие избили одного полицейского, а их начальнику барону Будбергу неосторожно угодили табуреткой в физиономию... За это «вооруженное сопротивление» 254 человека было задержано; 12 «коноводов» выслали из столицы...

Так началась весна 97 года. Поступательное движение московского пролетариата, несомненно, росло, но росло, главным образом, стихийно, само по себе; в этом движении не было еще планомерности, спайки; чувствовалось отсутствие направляющей руки организационного аппарата...

КРУЖОК РЫКАЧЕВА

Не следует думать, однако, что удары, нанесенные охраной московской социал-демократии во второй половине 96 года, совсем обескуражили «марксят»: на место выбитых из строя становились новые работники, ряды их не переставали множиться, идея «Рабочего Союза» не умирала. Только связь этих организационных ячеек с рабочей массой была еще слаба, часто порывалась и восстанавливалась с трудом; осмыслить, координировать и направить спорадические вспышки рабочего недовольства эти ячейки часто были не в состоянии.

Читатель мог обратить внимание на то, что в многочисленных выступлениях московской учащейся молодежи совсем незначительную роль играли студенты Технического училища; это об'яснялось до некоторой степени особенностью культуры воспитанников названного учебного заведения: в то время, как универсанты, по своему первоначальному образованию, были «классиками», среди техников преобладали «реалисты»; это обстоятельство имело свое влияние на их психологию и поведение.

Интересную характеристику настроения студентов Технического училища дало в 97 году охранное отделение на соответствующий запрос департамента полиции. Хотя среди техников, докладывал Зубатов, в связи с ноябрьской манифестацией «и появилось некоторое брожение, но выразилось оно лишь в том, что небольшая часть их раза два собралась в чертежной комнате своего училища и, обсудив вопрос о возбуждении беспорядков, решила, согласно мнению подавляющего большинства, их не учинять. Энергичных и серьезных сторонников устройства беспорядков среди воспитанников Технического училища не было, так как наиболее политически неблагонадежные молодые люди придерживались социал-демократического направления и, следовательно, были противниками всяких студенческих историй».

Охранное отделение в данном случае не ошибалось. С легкой руки братьев Масленниковых и А. Бриллинга (арестованного по делу «Рабочего Союза») техники приняли живейшее участие в социал-демократической пропаганде, и некоторое время главная инициатива предприятий этого рода исходила преимущественно из их среды.

После ареста Батурина и братьев Чичкиных за продолжение их дела взялся техник Н. Д. Рыкачев, который, прежде всего, занялся организацией издательских средств и обзавелся бывшим тогда в большой моде мимеографом и пишущей машиной. Первым изданием Рыкачева были упомянутые в предыдущей главе воззвания: одно—по поводу правительственного сообщения о ноябрьских беспорядках и другое—в связи с теми же манифестациями, под заглавием «Чья вина?»[2]).

Листки «14-е ноября» (за подписью «Рабочего Союза») были распространены в Мытищах, на заводе Доброва-Набгольц (16/I—97 года) и должны были появиться на заводе Листа, но этому помешало охранное отделение.

14-го января был арестован по делу о московском «Рабочем Союзе» А. К. Мешков. По этому поводу Зубатов докладывал департаменту полиции следующее: «На-днях Мешков получил и спрятал 100 экземпляров воззвания «14-е ноября», которое он предполагал расклеить и разбросать на заводе Листа, где он работал, и с этой целью подыскивал себе подходящих людей, которыми оказались бы подростки из рабочих». «Во избежание жертв, продолжал сердобольный начальник охраны, Мешков и был арестован. Так как о намерениях его знал на заводе лишь один человек, то, во избежание нежелательной огласки, имею честь просить департамент полиции внести Мешкова в особое совещание по агитационной группе завода Доброва, арестованные рабочие которого А. Воронцов, Н. Кириллов, В. Ефимов и другие действовали отчасти под его влиянием».

Но «Каранатыч», о котором еще ранее доносил с. с. Емелин (см. прим. 21, гл. XIV), был себе на уме и о том, куда он спрятал воззвания, тому «единственному», который знал о них, ничего не сказал; благодаря этому, листков по обыску у Мешкова не нашли, и Зубатову пришлось департамент полиции утешить рассуждениями о том, что, «если прокламации, спрятанные на заводе, когда-нибудь и найдутся, то будут, несомненно, доставлены в контору завода, так как энергичных агитаторов среди местных рабочих не имеется»...

Своего агента Зубатов, повидимому, к числу «энергичных» не причислял...

За Рыкачевым велось, конечно, постоянное наружное наблюдение; оно наметило целый ряд лиц, которых хватило бы на целую ликвидацию; последней не суждено было состояться вследствие одного, редкого даже в летописях охраны, происшествия[3]).

3/III—97 года Рыкачев, сопровождаемый филерами, направился в Сокольническую рощу; как ни интриговало соглядатаев загадочное поведение наблюдаемого, но из предосторожности они были вынуждены оставить его без призора, и это был редкий случай, когда приходилось пожалеть о том, что у филеров нехватило нахальства для дальнейшей проследки...

На следующий день газеты сообщили, что в Сокольниках найден повесившимся студент Рыкачев...

А некоторое время спустя начальник саратовского г. жанд. упр. потребовал обыскать Рыкачева по ходу производимого им дознания... Опоздали!

Что послужило причиной трагической развязки, мне неизвестно, но невольно думается: не приложила ли к этому делу свою грязную лапу охрана, которая имела к Рыкачеву свой «подход»?

В прокламации «Чья вина?», изданной, как я упомянул, Рыкачевым, одно место обращало на себя особое внимание; она заканчивалась не совсем обычно:

«что можно ожидать от полиции, заявлялось в листке, если начальником охраны назначен бывший агент-провокатор Зубатов, вовлекавший неопытных юнцов в революционные дела и выдававший их потом?»

Этот выпад против «властителя московских дум» являлся чрезвычайно пикантным, если принять во внимание, что к редакции воззвания «Чья вина?» имел косвенное отношение и «добрый знакомый» Рыкачева... М. И. Гурович—«Приятель» (агентурная кличка) самого Зубатова.

Не был ли несчастный студент жертвой какой-нибудь шпионской махинации этих охранных «приятелей?» Как знать!..

ПРЕДМАЙСКАЯ ЛИКВИДАЦИЯ

Зубатов не особенно горевал о том, что Рыкачев ушел от него «в пределы недосягаемости»—у охранного отделения уже наметились другие перспективы. В предыдущей главе было упомянуто, как, благодаря почтовой цензуре, попали на замечание охраны Н. Анцыферов и Н. Сорокин. Тем же путем были выяснены еще два революционных деятеля, имевшие неосторожность довериться почте.

4/I—96 года было перлюстрировано письмо за подписью «И. К.», посланное из Саратова в Москву Н. Н. Кардашеву. Автор упомянутой корреспонденции (И. М. Колесников, как выяснилось) писал своему другу, между прочим, следующее: «Если ты задаешься вопросом, не состою ли я на службе у жандармов, то я отказываюсь отвечать... Если же ты говоришь о том, что меня не знают в том кружке, из которого исходят книжки, то я не понимаю, зачем им это требуется, так как дело я стал бы иметь через тебя, что необходимо с точки зрения сохранения конспирации... А посылал я требование на книжки потому, что мне приходилось иметь дело с рабочими. Наконец, чтобы меня не считали за сумасшедшего, прилагаю устав «Саратовского общества взаимного вспомоществования книгопечатников»... Многие действия его прикрываются легальностью... Ясно, что в Саратове больше делают, чем в Москве. В обществе порой поднимаются щекотливые вопросы, например,—о 8-часовом рабочем дне».

После такого письма охрана не могла не обратить внимания на Кардашева, тем более, что наблюдением было установлено, что его посещал в X—96 г. Н. А. Корчагин, деятель «Рабочего Союза», а также новые пропагандисты Сорокин и А. А. Пономарев. Колесников, перебравшись в Москву, тоже не замедлил вступить вкупе с А. В. Резцовым в сношения с рабочими.

Кроме перечисленных лиц, лидером наблюдения явился еще приятель Рыкачева—В. Н. Хатунцев, хотя, по отзыву Зубатова, он был лишь культуртрегером и осуждал нелегальщину; находя удовлетворительной брошюрой лишь «Об’яснение правил», почему и предпочитал вести устную пропаганду (в частности через рабочего завода Гужона И. И. Иванова)...

Но прошли счастливые времена, когда охранное отделение могло спокойно планировать свои розыски. На фоне революционной борьбы появился новый фактор—грозная дата «19/IV—1/V», приближение которой отныне стало приводить в замешательство правящую бюрократию, когда-то не знавшую ни страха, ни сомнений. Пришлось и охране приноравливать свои ликвидационные наскоки к этой дате, и апрельские погромы сделались, таким образом, новым «бытовым явлением».

На первый раз с предупредительными мерами Зубатов поспешил. Не успели еще москвичи опомниться от ночной вакханалии полицейских орд, разыгравшейся 23/III—97 года (аресты союзников), как под утро 4/IV снова в жиденькие двери студенческих квартир и рабочих закутков властно застучали дюжие кулаки самозванных «телеграфистов». В данном случае обыски и аресты были произведены, как писало охранное отделение в одном своем докладе, «в виду ожидавшихся на 19/IV (1/V н. с.) рабочих забастовок, вследствие чего явилось необходимым своевременное из'ятие из обращения всех лиц, которые вели или могли вести агитацию в этом направлении». Накануне рокового дня—18/IV и в первых числах мая последовали дополнительные аресты. Всего было «из'ято из обращения» до 70 человек, по равной доле: интеллигентов и рабочих[4]).

Результаты многочисленных обысков были в общем незначительны: у Е. Е. Каммера обнаружили склад нелегальщины; у В. К. Лукьянчиковой, И. В. Тихомирова и П. К. Рено нашли значительные партии революционных изданий; у других (А. А. Пономарев, Н. И. Семенова, В. Хатунцев, О. И. Шпаковская, В. В. Воровский, К. М. Величкина, В. Романов, И. З. Шишов и С. А. Зернов) отобрали нелегальщину по мелочам и кой-какие рукописи «предосудительного содержания».

Главная цель, конечно, была достигнута: маевку удалось сорвать. Но когда опасность миновала, охранное отделение очутилось в затруднительном положении: оно не знало, что делать с массой из'ятых из обращения, так как относительно большинства их у охраны никаких вещественных доказательств не имелось и повинны они были только в том, что, по мнению Зубатова, «могли вести агитацию».

Разобраться в этом предмайском букете поручили Ратко (будущему начальнику московской охраны). Целый месяц элегантный ротмистр возился с разношерстной «пропагаторской группой», стараясь «и лаской, и таской» добыть «языки», в которых, при данных обстоятельствах, чувствовалась крайняя необходимость; но многого ему достичь не удалось. Результаты своих изысканий Ратко изложил в представлении охранного отделения департаменту полиции от 11/V—97 года, которое является столь типичным образчиком безграничного охранного усмотрения, что я приведу текстуально большую часть этого любопытного документа.

«По осмотре вещественных доказательств, после бесед с арестованными и по соображении данных агентурных и наблюдения, было признано целесообразным расклассифицировать, по агентурным соображениям, для неослабности дальнейшего преследования социал-демократического движения, упомянутый личный и вещественный материал на три группы: часть рабочих, составляющих кружок литографщиков с рабочим Григорием Жаровым во главе, передать по кружку Абе Фина и Сергея Озерова, для привлечения к производящемуся о названных лицах формальному дознанию»... Таким образом, были переданы в распоряжение начальника жандармского управления: Г. Жаров, Василий Горичев, Иван Крутицков, Алексей Шукалев, Александр Грачев, Алексей Пирогов, Владимир Черненко, Григорий Ильин и заводские рабочие—Григорий Апрельков и Николай Авдеев.

«В состав второй группы вошли, главным образом, студенты императорского технического училища и Иван Колесников, пропагандировавший среди тех же рабочих, что и техник Владимир Николаев Хагунцев, и являющийся наравне с последним главным деятелем пропаганды за последний период, пользовавшийся для означенной цели не только адресами ранее распропагандированных рабочих, но пошедший далее того и завязавший самостоятельные связи. К тому же по личным свойствам Колесников является человеком установившимся, зараженным такими кружковыми предрассудками, что излечиться от них в скором времени он не в состоянии. К этой же группе отнесены: студент московского университета Кардашев—приятель Колесникова и Петр Павлов Митрофанов, явившийся предупредить Каммера об обысках 4-го апреля, чем он и дал нить к обнаружению в квартире Каммера нелегального склада. В общем, помимо названных 5-ти лиц, к означенной категории отнесены техники: Илья Самойлов Бабаджан, В. В. Воровский, Николай Николаев Вашков, Александр Филимонов Кабаков, Иван Тимофеев Юрьев; рабочие: Петр Кузьмин Засоркин, Иван Иванов Иванов, Николай Иванов, Дмитрий Иванов Калашников, Михаил Петров

Кузьмин, Василий Романов, Алексей Гурьев Самойлов, Николай Григорьев Трусов, Иван Захаров Шишов, Иван Владимиров Тихомиров и И. Буданов; а из неучащихся—Борис Евгеньев Арманд и Павел Николаев Колокольников, в виду больших рецидивов последнего. Всего же передано для производства формального дознания 34 человека, включая в это число Варвару Константиновну Лукьянчикову, привлеченную по делу кружка Александра Николаева Орлова.

Остальные 30 человек из числа арестованных за время с 4-го апреля желательно выслать через особое совещание».

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ. ГРУППА «ТЕХНИКОВ»

Наиболее крупной добычей предмайской ликвидации был склад, хранившийся у Каммера и его ученика Б. Арманд, жившего в с. Пушкине. В числе вещей, отобранных по этим обыскам, находились: 4 мимеографа, с.-д. нелегальная литература и воззвания, выпущенные в ноябре 96 года от имени «Рабочего Союза»; кроме того, были найдены, заготовленные к оттиску и отчасти скопированные, брошюры: «Хитрая механика», «Кто чем живет», «Голос за русской народ» и «Первые шаги молодого монарха», а также листки: «Отчет денежных сумм «Рабочего Союза» (от 15 октября 96 года) и «К рабочим завода Гужона—ко дню празднования 25-летия Парижской коммуны» (последнее воззвание имело подпись: «Сознательные московские рабочие»).

Из вещей, отобранных у Хатунцева, представляли интерес печатн. листок «К нашим товарищам в России» (перевод с английского) и черновики отмимеографированных упомянутых выше брошюр; у Н. И. Малинина (арестованного 13-го октября) взяли пишущую машину, валик для накатывания краски и революционные издания[8]).

Дознанием, которое производилось моск. г. жандарм. управлением о с.-д. группе техников, было выяснено следующее. «По словам Хатунцева» («Обзор» XXI, 36), Величкин и Рума склонили его к агитационной деятельности и познакомили с рабочим Трусовым, который свел его с товарищами своими Н. Ивановым и В. Романовым; Хатунцев пропагандировал под именами «Степана Степановича» и «Александра Александровича»; сначала он давал рабочим только легальные издания, а затем стал их снабжать и нелегальными брошюрами, которые доставляли ему Бабаджан и Вашков; последние вместе с Воровским, Каммером и Деомидом Карагодиным занялись впоследствии воспроизведением революционных изданий. Еще в сентябре 96 года Воровский доставил Малинину партию нелегальных брошюр из полученного тогда транспорта. В марте 97 года Бабаджан принес Малинину мимеограф и пишущую машину, рукописи и другой материал, оставшийся после покончившего с собой Н. Рыкачева. В начале того же года Каммер поручил Арманду перевезти к себе нелегальщину, уцелевшую после ареста Чичкина и Батурина. Издательским делом руководил Вашков, а техническую работу выполняли Бабаджан, Каммер, Воровский и Карагодин. Сам же Хатунцев написал лишь проект воззвания к рабочим завода Краснова.

КРУЖОК КОЛЕСНИКОВА «ГР. ОБ'ЕД. НАР. СИЛ»

Судя по данным жандармского дознания, еще в начале 97 года из кружка Батурина выделилась группа, во главе которой встал (упоминавшийся выше) И. М. Колесников, который под именем «Ивана Ивановича» познакомился с рабочими А. Самойловым, И. Тихомировым и Д. Калашниковым и стал давать им книжки легальные и нелегальные, а в беседах с ними «старался внушить им необходимость классового самосознания»; упомянутые рабочие уже были несколько подготовлены их товарищами, уже давно распропагандированными Авдеевым, Дешевым и другими. Вскоре к Колесникову присоединился только-что выпущенный из-под стражи П. Колокольников; ближайшими их помощниками явились рабочие—Зотов и П. К. Засоркин; последний, узнав от рабочего Н. А. Ухарского о чрезмерных штрафах на заводе Шмеля, передал ему и рабочему Н. С. Абрамову изготовленные по этому поводу воззвания, которые, однако, распространения не получили, так как к этому времени недоразумение с заводчиком уладилось. Запас нелегальной литературы хранился у Тихомирова, у которого она и была отобрана во время ареста.

В связи с дознанием о группе техников выяснилось существование кружка, стоявшего обособленно и носившего довольно громкое название: «Группа об'единенных народных сил». Кто-то из обвиняемых имел нескромность назвать жандармам имена курсисток А. Д. Зайцевой, Е. Н. Добровольской и В. К. Урбанович. Оказалось, что они известны по наблюдению, как знакомые арестованного Н. И. Малинина. 4 октября 97 года генерал Шрамм потребовал обыскать этих девиц. Зайцевой в Москве не оказалось, у Добровольской ничего не нашли, а Урбанович арестовали, так как у нее обнаружили нелегальщину (брошюры: «Задачи рабочей интеллигенции в России», «Международный социалистический конгресс в Брюсселе, 1896 г.» и др.).

На допросе в жандармском управлении Урбанович показала, что часть революционных изданий ей дала акушерка Е. Бакшеева; последнюю и живущую с ней А. Иноземцеву 11 октября 97 года обыскали, при чем, кроме изданий «Рабочего Союза», обнаружили два гектографированных воззвания от «Группы об'единенных народных сил». В одном из этих листков упомянутая группа заявляла, что «борьба с капиталом в России невозможна без борьбы с царизмом» и что для этой борьбы необходимо об'единение всех революционных массовых сил; одной из таких является «люмпен-пролетариат» больших городов, среди которого и следует начать пропаганду. В другом листке группы московское общество приглашалось делать пожертвования в пользу находящихся в пересыльной тюрьме политических арестантов. Кроме этих воззваний была найдена и каучуковая печать «Группы об'единенных народных сил», но «существования самого общества» (как свидетельствовал составитель XXI «Обзора», на стр. 84) обнаружено не было, хотя жандармы и прилагали к тому усилия; так, по их требованию, были обысканы 16 ноября 97 года А. Ф. Гофман, жившая ранее с Иноземцевой, и 26-го ноября—А. П. Алабин, явившийся, согласно показанию Е. Бакшеевой, тем «А. П.», который поручал ей в одном из отобранных у нее писем спросить у ее мужа «Эрфуртскую программу» (Алабин жил тогда у негласноподнадзорных Н. И. и Е. И. Алякритских).

Обыски не дали результатов.

«ЛИГА РАЗУМА И СПРАВЕДЛИВОСТИ»

7 ноября 97 года, в связи с беспорядками, возникшими в конце октября месяца в варшавском унив-те, была произведена в качестве предупредительной меры ликвидация Союзного Совета. Обыски, произведенные по этому поводу, дали весьма существенные результаты. В частности, у студента П. М. Дондарова был обнаружен целый тюк литографированных брошюр: «Экономическое учение К. Маркса, в популярном изложении Каутского» и «Экономическое положение женщины» К. Цеткиной. Как выяснилось, брошюры эти были изданы иждивением Московского «Рабочего Союза»; транспорт их был получен из Харькова медиком П. А. Сергиевским, при посредстве гостившего у него харьковского врача Х. М. Черникова, который виделся по этому поводу с Н. Н. Розоновым, принадлежавшим к московскому соц.-дем. кружку. Часть харьковского транспорта была помещена Розоновым у Дондарова, а другая часть продана им же В. Елагину (на 45 руб.) и В. К. Вольскому, которые затем брошюры перепродали: Елагин (при содействии Д. И. Ульянова)—П. Бы-

кову, а Вольский—К. А. Егорову; последний, в свою очередь, партию брошюр сбыл К. Н. Романовичу[9]).

Из упомянутых лиц Сергиевский, Розонов, Вольский и Егоров были арестованы в ликвидацию 7-го ноября; другие — потом; почти у всех по обыскам была найдена нелегальная литература. В частности, у Н. Розонова отобрали рукопись «Проект устава кассы рабочих», который заканчивался словами: «клянусь... всю жизнь стоять за святое рабочее дело, не боясь никаких притеснений».

По этому делу было возбуждено при московском г. жанд. упр. дознание, к которому были привлечены еще С. Волынский, Е. Федорова и В. Петров, задержанные «с поличным».

Последний из названных лиц хотя и был арестован по делу С. Совета (7-го ноября), но принадлежал, вероятно, к социал-демократам; по крайней мере, в числе отобранных у него нелегальных изданий были: «Работник» №№ 1 и 2, «Рабочий день» и 15 брошюрок: «1-е мая—международный праздник рабочих».

Дело об издании сочинений Каутского и Цеткиной имело отклик по месту начального их появления— в Харькове. Местное жандармское управление получило указание на распространение этих брошюр еще в апреле 97 года; по его сведениям, к изданию близко стояли технологи М. Кефели, А. Кузнецов и А. Булычев; осведомлены о том были К. Зубковский, И. Файншмидт, Г. Малкин, М. Зуев и С. Камашкирцев.

При обыске, произведенном в июне 97 г. в г. Орлове, Вятской губ., у Августы Кузнецовой, был обнаружен тюк с 69-ю экземплярами бр. Каутского и Цеткиной, принадлежавший, как выяснилось, А. Кузнецову, гостившему у сестры.

В конце октября в Харьков прибыла из-за границы В. Рыбалкина, которая, по имевшимся у жандармов агентурным сведениям, взялась отвезти в Петербург партию брошюр; таковые ей доставили вскоре Д. Буданов и Варвара Михневич (урожд. Кожевникова). 27 ноября 97 года Рыбалкина была обыскана и у нее нашли 153 экз. бр. Каутского и Цеткиной; у Кефели, Кузнецова, Булычева и Зубковского тоже отобрали несколько экземпляров этого издания; названных лиц привлекли к дознанию.

На допросах Кузнецов показал, что брошюры Каутского и Цеткиной были изданы по его личной инициативе, на его средства и при его главном участии, в харьковской типо-литографии Степанова, под видом студенческих лекций; затрачено было на издание около 800 руб. «Лиги», в действительности, никакой не существовало. 80 экз. брошюр Кузнецов послал в Москву с Х. Черниковым П. Сергиевскому, который часть их отправил в Кубанскую обл. врачу Г. Гречишкину, а остальное передал Н. Розонову.

Другим трофеем ликвидации 7 ноября 97 года был захват типографских принадлежностей у П. Павлова, у которого было обнаружено полпуда шрифта, самодельный прибор для печатания и 529 экз. оттиснутых на этом станке 4-х страниц брошюры «Речь о свободе торговли»; кроме того, были найдены: рукопись названного произведения, гектограф, пишущая машинка и партия нелегальных изданий.

Будучи привлечен к дознанию при московском губ. жандармском управлении, Павлов показал, что шрифт он похитил в типографии Лашкевича, а печатал сам, «желая распространить учение экономического материализма», когда жил летом 97 года на уроке, в имении Рукиных, в Звенигородском уезде.

Павлов принадлежал к с.-д. кружку Н. Розонова.

ОХРАНА И ЖАНДАРМЫ

Как мы уже видели, Зубатов в своей агентурной игре кошки с мышками часто забывал «установленные законы» и лиц, явно подлежащих преследованию в порядке 1035 ст. уг. суд-ва, часто направлял в административный трибунал и—наоборот. Жандармское у-ние нередко попадало в затруднение, не зная, что делать с переданными ему для дознания «государственными преступниками», относительно которых сплошь и рядом ничего, кроме филерских и агентурных сведений, не имелось (в те отдаленные времена шпионские безымянные «указания» не представляли еще ценности бесспорных формальных улик, как это было введено позднее, даже в судебную практику, всемогущим Плеве).

И жандармское управление (чего не бывает!) стало в конце-концов либеральничать, выпуская на волю тех обвиняемых, в содержании которых под арестом по ходу дознания надобности не встречалось. На этой почве между Зубатовым и Шраммом не раз возникали недоразумения. По существу, в большинстве случаев начальник охраны был прав: с поличным чаще всего попадались неосторожные простачки, а опытные революционные деятели шли под арест голенькими. Но полагаться всецело на аттестацию охранного отделения, что «тот—простак, а этот—мастак», жандармы не решались, тем более, что за их спиной стояли прикомандированные к ним «стражи закона», в числе которых некоторые (например, прокурор А. А. Лопухин) помнили еще кой-что о «заветах» судебных уставов 60-х годов.

К каким цветам охранного красноречия приходилось иногда прибегать Зубатову, чтобы добиться продления содержания под стражей своих клиентов, может демонстрировать письмо его к Шрамму, в ответ на запрос последнего от 27 ноября 97 года, касающийся деятелей «Рабочего Союза».

«Освобождение Павла Колокольникова, Ивана Колесникова и Николая Вашкова,—писал Зубатов,—на мой взгляд представлялось бы нежелательным по нижеследующим соображениям. Павел Колокольников является беспримерным в своем роде агитатором, обладающим удивительной способностью вести беседы с рабочими и умеющим, благодаря внешнему образу жизни, обращению и вообще своему поведению, настолько тесно с ними сближаться, что рабочие окончательно перестают чувствовать разницу между ним, интеллигентом, и собой. На этом основан громадный авторитет Колокольникова в рабочей среде и многочисленные связи и знакомства в ней, лишающие его возможности пройти с покрытой головой по рабочему кварталу. Если к вышесказанному присоединить сознание Колокольниковым своего обаяния на лиц этой категории, горячую убежденность и крайне энергичный характер его, а также постоянную возможность отлучаться из-под надзора в места надобности, что ему не грозит значительной ответственностью, то нахождение Колокольникова на свободе может иметь своим единственным и печальным последствием новую пропаганду и новую агитацию в рабочей среде, в соприкосновение с которой он, по примерам прошлого, не замедлит войти.

«Иван Колесников является верным последователем и выучеником Колокольникова, не уступающим ему в предприимчивости и отличающимся такой конспиративностью, что установка его личности потребовала значительных усилий. Если деятельность такого суб'екта, как Колесников, с трудом поддалась выяснению и обнаружению в столице, то, надо думать, в провинции она получит возможность развиваться без всяких помех и даст нежелательные результаты.

«Николай Вашков и Александр Бриллинг могут считаться насадителями неблагонадежных элементов в московском Техническом училище, воспитанники коего после ареста Рейнгольда Циммермана долгое время (с 1887 по 1894 года) находились в состоянии политического индиферентизма. Пагубное влияние на товарищей Вашкова и Бриллинга своевременно было замечено, и они были представлены к удалению из столицы, но, по независящим от отделения обстоятельствам, лица эти были возвращены в Москву. Умудренные опытом, они занялись организацией строго конспиративных предприятий, в связи с которыми появились самодельные множительные аппараты-циклостили, мимемографы, гектографы и пр.; началось водворение в столицу транспортов заграничных изданий, завелись связи как с производителями недозволенных сочинений, так и с потребителями оных; образовались местные издательские кружки и кружки саморазвития среди студентов Технического училища, универсантов и курсисток, служившие для пополнения контингента активных членов социал-демократии, равно и для использования и распространения наличной революционной литературы в среде интеллигенции и рабочих.

«Из вышеизложенного видно, что деятельность Вашкова и Бриллинга была, главным образом, руководящей и посреднической и не могла, поэтому, выразиться в чем-либо вещественном, имеющем значение неотразимой юридической доказательности»...

С таким пафосом писал Зубатов, когда нужно было добиться, чтобы нескольких человек продержали несколько лишних месяцев в тюрьме. Было чем ему вдохновляться!..

В данном случае Зубатов, кажется, немного увлекся; по крайней мере, отзыв его о Вашкове находится в некотором противоречии с тем, что он писал о том же лице и тому же Шрамму на запрос его от 27 января 97 года:

«Н. Вашков,—сообщал Зубатов,—с давнего времени известен своим вредным направлением и состоит под негласным надзором полиции, но в сношениях с лицами, примыкавшими к кружку «Рабочего Союза», замечен не был и, повидимому, к деятельности названной организации прямого отношения не имеет, что явствует из того обстоятельства, что адрес Вашкова, найденный у рабочего Убогова, относится к давнему времени» (к 94 году).

Впрочем, из этого сравнительно благоприятного о Вашкове отзыва могло «явствовать» и нечто другое, а именно, что в то время Зубатову пребывание на свободе этого агитатора представлялось так же необходимым, как являлось необходимым впоследствии (когда Вашков уже был «ликвидирован») содержание его в тюрьме.

Все—применительно к «агентурным соображениям»!

ЕЩЕ «РАБОЧИЙ СОЮЗ»

В феврале 96 года В. Махновец, которого Зубатов берег, в виду близости к нему двухстороннего «приятеля» Гуровича, совершал в сопровождении медниковских «туристов» деловую поездку (о ней будет речь впереди). Первым городом, который посетил наблюдаемый, был Орел. Здесь Махновец, как установило наблюдение, имел свидание в квартире землемера А. Я. Никитина с И. Э. Гуковским и Л. П. Семеновой.

В апреле 97 года Е. Каменецкая, у которой, как мы знаем, таинственный «Власов» устраивал свидания с Шулятиковой, ездила в Киев, куда за ней в поисках «южной типографии» посылали филеров. Возвращаясь в Москву, Каменецкая виделась в Курске с А. Е. Лосицким, который, по агентурным указаниям, мог стоять «наиболее близко» к деятельности упомянутой типографии. В виду этого за Лосицким было учреждено самостоятельное наблюдение[10]).

Филерские проследки установили в дальнейшем, что 11/IV Лосицкий, вместе с И. Гуковским и К. А. Минятовым, встретили приехавшего в Курск А. Никитина. В тот же день Минятов уехал в Москву, куда через три дня отправился и Никитин (Минятов вскоре уехал за границу).

Последующая филерская слежка за Никитиным захватила в свой круг появившихся в столице Л. Семенову, И. Ф. Дубровинского, П. Быкова, а также В. Б. Елагина, в числе близких знакомых которого оказались П. Н. Малянтович, С. П. Эйранов и... М. Н. Корнатовская[11]).

В то же время наблюдение установило связь этого социал-дем. кружка с другим того же направления, во главе которого стояли Н. Розонов, П. Павлов и Д. Ульянов. Так, было констатировано, что главарь «Рабочего Союза» Дубровинский часто виделся с И. А. Машиным, которого посещали Н. Розонов и П. Павлов; П. Быков, знакомый Никитина и Семеновой, поддерживал сношения с Д. Ульяновым; приятель Дубровинского—С. Волынский имел свидания с Г. Васильевым, высланным впоследствии по делу кружка Розонова из Москвы на родину. Наконец, Дубровинский и Розонов пропагандировали одних и тех же рабочих...

Одним словом, как отмечало охр. отделение в одном из своих сообщений генералу Шрамму, кружки Розонова и Дубровинского «представляли из себя общую наличность активной социал-демократии зимы 97 года, задавались одной и той же целью пропаганды, хотя и разделялись по средствам осуществления этой задачи; они были достаточно подготовлены к полному слиянию в одну стройную революционную организацию»...

Но этому помешали «ликвидации»: одна, ударившая 7-го ноября по кружку Розонова, и другая, разразившаяся месяцем позже.

12 декабря 97 года Зубатов телеграфировал департаменту полиции: «У Дубровинского взято при массе революционных изданий 126 свежих мимеографированных прокламаций к рабочим. Никитин, Семенова, рабочие Ястребов, Романов и Дроздов, Волынский—студент и Федорова оказались с видным поличным. У студента Машина—выписки из Каутского. Обыскано 11, арестовано 9, так как у Миняговой и Коломенкиной ничего не обнаружено. В Курске взяты «ремингтон и мимеограф» [12]).

Из совокупности об'яснений обвиняемых и данных дознания, возникшего при моск. г. жанд. упр., выяснилось следующее. Еще в конце 96 года К. Минятов выписал из-за границы мимеограф и приобрел пишущую машину «ремингтон»; на рождественских каникулах он, вместе с Л. Семеновой и Никитиным, попробовал в своем имении (с. Комаровка, Черниговской г.) заняться тиснением, но неудачно. После этого Семенова уехала в Калугу, где, при содействии Дубровинского, на доставленном Минятовым мимеографе и при помощи его «ремингтона» издала 400 экз. «Коммунистического манифеста». В апреле 97 года в Калугу прибыл из Москвы Никитин и отмимеографировал 250 экз. воззвания «Ко всем московским рабочим»; затем Никитин и Семенова вернулись в Москву. После этого принадлежности тиснения были отвезены в Курск к А. Мухину, а нелегальную литературу, доставленную горняком Б. Пересом, отправили в Орел. Во время ликвидации вместе с мимеографом, отобранным у Мухина, нашли трафаретки заглавия брошюры «Четыре речи рабочих, произнесенные на собрании рабочих 1 мая 91 года» и др.

Кроме того, дознанием было выяснено, что Розонов и Дубровинский старались обзаводиться связями в пролетарской среде, при чем («Обзор XXI, стр. 43) «показаниями рабочих Ивана Романова, Петра Ястребова и Тимофея Дроздова» было установлено, что Розонов и Дубровинский снабжали их нелегальными изданиями, которые по обыскам и были у них обнаружены[13]).

Так бесславно погиб последний московский «Рабочий Союз»... с тем, чтобы воскреснуть через год в лице «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»!

ДЕЛА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ

Описанные «дела» не покрывают, конечно, всего комплекса «подпольной» жизни московской социал-демократии за 97 год; они касаются лишь той части ее деятельности, которая была «ликвидирована». Многое охранному отделению вообще не было известно. Были, наконец, дела, которые, выбиваясь из-под конспиративного покрывала, останавливали внимание «недреманного ока», но, пребывая вне формальной связи с текущими событиями, не вызывали никаких следственных действий и оставались изолированными фактами. Умолчать об этих фактах, мне кажется, нельзя, так как внутренняя связь между ними и та или другая связь их с революционным движением того момента несомненна. Упомяну о некоторых из них, более значительных, соблюдая хронологический порядок.

18 апреля 96 года в Петербурге был задержан крестьянин А. А. Кириллов с 30 экз. воззвания «Рабочий праздник 1-го мая» (издание «Союза борьбы за осв. рабочего класса»), полученными от универсанта Е. Стратановича, который вел (под именем Тряпкина) пропаганду на собраниях рабочих. По инициативе Кириллова, «беседы» устраивались не только у него, но и у рабочего Ивана Байкова, куда он ввел пропагандиста-технолога Ф. Ленгника.

«При допросе в качестве обвиняемого Кириллов дал откровенные показания»; 23 декабря 96 года он был освобожден под особый надзор полиции на родину. Департамент полиции, сообщая обо всем этом 31 января 97 года за № 223 охранному отделению, присовокупил, что Кириллову теперь разрешено выехать на заработки в Москву и что по приезде в столицу этого рабочего надо «предостеречь», установив за ним наблюдение.

30 января 97 года охранное отделение получило от департамента полиции копию перлюстрированного письма, автором которого оказалась О. В. Немытова, невеста А. О. Огаджанова, высланного из Москвы по делу о С. Совете.

В корреспонденции этой упоминались обстоятельства и лица, которые были немедленно расшифрованы», и через неделю Зубатов уже доносил:

«Катя, о которой писала Немытова, и ее «божок—социал-демократ», это—Е. О. Калиниченко и женившийся ныне на ней Л. Рума; защищавшая последнего в споре «Ан. Серг.» была негласноподнадзорная А. С. Карасева, а самое собрание, на котором происходил спор, имело место у Анны Эйгес, которая жила вместе с землячкой (тоже из г. Орла) Е. П. Купниковой, участвовавшей вместе с М. С. Карасевой в ноябрьских манифестациях 96 года.

Можно подумать, что Зубатов сам принимал участие в споре о Рума,—так обстоятельно он был осведомлен об этом разговоре; но дело об'яснялось проще: Немытова жила в д. Мишке, по Смоленскому бульвару, в квартире состоявшего под негласным надзором П. А. Серебрякова, имевшего жену А. Е. Серебрякову, под надзором которой были и муж ее, и квартиранты его, и знакомые квартирантов...

28 января 97 года департамент полиции запросил у московского охранного отделения сведения о личности проживавшей ранее в Москве Б. А. Бессель, которая, находясь в Вене, «обратила на себя внимание сношениями с местными революционерами и, особенно, с социал-демократами, при чем она старалась установить связь между австрийскими и болгарскими социалистами, с каковыми целями об'единения она, будто бы, скоро выедет в Москву».

Было выяснено и сообщено департаменту полиции, что Б. Бессель жила в сентябре 96 года у своей сестры Любы (без прописки документа) и что последняя 15 февраля 97 года тоже выехала за границу; относительно того, удалось ли Б. Бессель выполнить свою сверхестественную задачу—об'единить австрийских и болгарских социалистов в Москве,—Зубатов умолчал.

Он умел быть деликатным.

В особенности — по отношению к высшему начальству, говорившему вздор.

25/III—97 года в Москве была арестована А. А. Рейнгольд, у которой одновременно был задержан брат ее И. А. Давыдов, известный еще с 91 года, как член московского кружка марксистов; перед тем он жил в Рязани и должен был следовать в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции (на 3 года); в Москве он находился нелегально, но зубатовская агентура пронюхала об этом. Тогда же у Рейнгольд обнаружили сестру ее Р. Лихтенштейн, жившую тоже без прописки. Давыдова отправили в ссылку этапным порядком, сестре его «за укрывательство и агитацию среди рабочих» воспретили жительство в столицах на 3 года, а Лихтенштейн выслали на родину.

В связи с этими арестами возникло два перлюстрационных дела. Был выяснен (IV—97 г.) автор письма из Москвы в г. Егорьевск к Н. Ягодиной, сообщавший об истории с Давыдовыми; таковым оказался универсант П. Г. Князев, живший в земляческой квартире рязанцев с коллегами Н. В. Горкиным, Н. М. Дашковым и И. А. Чиняковым, которые участвовали в ноябрьских демонстрациях 96 года.

В мае 97 года департамент полиции прислал охранному отделению копию письма в Юрьев В. Шанцеру следующего содержания: «Я все ждал, что вы мне вышлите портреты Энгельса, Маркса и Лассаля... У нас здесь в Москве имеется большое количество нелегальных книг, так что, если вам в Дерпте надобно, то я мог бы выслать вам. Книги вот какие: статьи Плеханова, Аксельрода, Маркса, Энгельса и др. У вас, кажется, там чувствовалась нужда в русских книгах в виде «Эрфуртской программы», изложения теории Маркса—Каутского. Если вам нужно, т.-е. хотя бы в библиотеку Конкордин, то я могу вам доставить, но, конечно, не задаром. Аресты в Москве хотя и затихли (чистая эпидемия)..., но 4-го апреля, кажется, провалилась целая партия. Сестра И. А. все сидит и один аллах ведает за что. Адрес мой: Малая Бронная, дом Гирша, кв. 4. Ив. Чин.».

Установить, что автором письма являлся вышеупоминавшийся рязанец Чиняков, для охранного отделения никакого затруднения не представляло; сообщение автором своего адреса было уже излишней роскошью.

Так писали «первокурсники».

Но и революционеры старшего возраста часто грешили в этом отношении. Я уже отметил ранее, как не везло Н. М. Величкину с его корреспонденцией. При обыске 4-го апреля у К. Величкиной отобрали два письма ее брата, в одном из которых он писал (из Тулы): «Ведь здесь 11 человек, а интеллигенции, с которой собрать можно, совершенно нет; 15 руб. 50 коп. собрали, да и то не с интеллигенции... Здесь, по крайней мере, лучшую публику не тюрьма, а голод сломили»...

Выяснением этих «11 человек» занялось тульское г. жанд. упр., которое привлекло Величкина к дознанию по обвинению в руководстве рабочими сходками.

14 сентября 97 г. департамент полиции препроводил московскому охранному отделению (в дополнение к сообщению о том, что Величкин думает поехать тайно из Тулы в Москву) копию письма его, уже из Воронежа, по адресу В. Я. Полуниной к Е. Ф. Ратиной. «Был в Москве,—писал Величкин;—к тебе не зашел по двум причинам. Во-первых, мои телохранители, беспокоясь о моей безопасности, слишком уже неотступно ходили за мной, и я боялся навлечь на тебя неприятности... Предупредить тебя тоже не мог, потому что, не любя слишком пышных встреч со стороны представителей всякой власти, я предпочитаю ездить инкогнито, а они имеют тоже нехорошую привычку читать иногда, для развлечения, чужие письма. Останавливаться где-либо тоже не представлялось возможным, т. ч. они, черти, затеяли манеру при остановках спрашивать одну самую ничтожную бумажку, именуемую паспортом, а у меня случайно ее нехватает...

«Я здесь со скуки затеял заняться чтением книг... Знакомлюсь здесь с публикой и нахожу, что народ, вообще говоря, везде есть и везде он говорит, говорит и ни разу не видал, чтобы кто-нибудь на месте изошел словами»...

«Народ» говорил и говорил... А Николай Михайлович все писал и писал, зная, что «черти» чужие письма читают; писал, по правде говоря, не совсем осторожно...

В конце-концов Величкина сослали в Вятскую губ. под гласный надзор полиции на 5 лет (в 1902 году он уехал за границу к своему приятелю Бонч-Бруевичу).

А вот письмо «второкурсника»: сообщая (V—97 г.) И. Ф. Блинову о «ветровской» демонстрации, об арестах в Москве и упоминая общих знакомых, он находит благоразумнее подписаться просто «Левка». Но адресат письма—лицо, слишком хорошо известное охранному отделению, и потому автора корреспонденции выясняют быстро. Блинов давал уроки Льву Печковскому, с которым жил одно время на одной квартире; репетируя, он, как писало охранное отделение, «успел привить ученику свои антиправительственные взгляды», которые тот «не замедлил обнаружить, приняв участие в ноябрьских демонстрациях 96 года. К Печковскому же перешли, после удаления Блинова в Архангельскую губернию, обширные связи последнего».

Из числа общих знакомых Печковского и Блинова, принадлежавших «чаще всего к наиболее неблагонадежным элементам московской интеллигенции», в письме были упомянуты: В. П. Шпак («Влад. Петр.»)—давнишний знакомый Блинова, Бонч-Бруевич и Величкины; известный департаменту полиции С. А. Протопопов («Алексеич»); привлеченные к делу о «М. Р. С.», С. А. Зернов и В. П. Зернова («тезка» с «супругой»); О. В. Вадбольская («Ольга Владимировна»), вышедшая замуж за Блинова; сестры А. А. и Е. А. Рыжкины («Анхен» и «Женя»), попавшие на замечание еще со времен «Нар. Права»; приятельница последних—О. А. Готфрид («Ол. Ант.»), у которой в 95 году хранился станок мимеографа; П. П. Богомазов («П. П.»)—близкий человек Н. Величкину и его кружку; Н. Л. Калягина («Над. Л.»), квартиру которой, ради удобств конспирации, постоянно выбирали для своего жительства как сами Блинов и Печковский, так и Богомазов, Бонч-Бруевич, Рыжковы и др.; А. И. Рязанов («Ар. Ив.»)—хорошо известный по деятельности рязанского землячества, зараженного марксизмом...

«Расшифровано» было «как по нотам». Целый кружок «марксятины»—хоть ликвидируй!..

Наконец—«окончивший курс» (но только по филологическому факультету) И. Н. Филатов. Вместо того, чтобы пойти лично переговорить, этому не совсем молодому человеку вздумалось написать (17 декабря 97 г.) городское письмо В. И. Молчанову (участник беспорядков 90 года, брат известного департаменту полиции врача М. И. Молчанова) с просьбой указать «студента из Шуй»... «для культурного дела», при чем был «нужен более чем культуртрегер»...

На запрос департамента полиции об авторе письма охранное отделение донесло, что Филатов принадлежит к числу знакомых Н. Н. Ментова, З. Н. Сибилевой и М. Ф. Цениной (состоявших под негласным надзором), а также Д. Д. Солодовникова, привлеченного по делу «М. Р. Союза». «Деятельность Филатова,—писал Зубатов,—носит социал-демократический характер, а для проявления ее он пользуется средствами, как легальными, так и нелегальными. Начавши с преподавания, с кружком других неблагонадежных лиц, в воскресной школе фабрики Прохоровых, Филатов перешел в последнее время к непосредственной пропаганде и не далее как 1-го мая текущего года явился руководителем конспиративно-организационной сходки рабочих (в Сокольниках)»[14])...

Вышеперечисленные «дела» не представляют, разумеется, крупного значения; описывая их с некоторыми подробностями, я имел в виду определенную цель: хотя эти «дела» проливают свет лишь на некоторые незначительные уголки революционного подполья Москвы, но они позволяют судить о том, как выросли за одно неполное пятилетие ряды социал-демократического авангарда, как сотрудничество борьбы, идейное родство, товарищеское взаимодействие, личные симпатии быстро создали незримую, легкую, но прочную ткань, которая, внедрясь в общественный организм, уже стойко выдерживала размашистые удары все более свирепевшей охраны.

И за выпуклым, упрямым лбом Зубатова уже начинали копошиться некоторые сомнения; ему стала вспоминаться фраза, вычитанная им в юности—крылатое слово Бардиной:

«Идеи на штыки не уловляются!».

Но Зубатов упорно верил в безграничную силу тридцати сребренников и думал: если не на штыки, то на рубли уловятся!

ПРОЛЕТАРИАТ ПРОСЫПАЕТСЯ

В начале главы я говорил о борьбе, которую предприняли в первой половине 97 года рабочие некоторых промышленных заведений Москвы, за сокращение рабочего дня. Эти партизанские выступления были отголоском того движения, толчок которому дали петербургские события.

На вполне законные и более чем скромные требования пролетарских масс царское правительство ответило, по своему обыкновению, репрессивными мерами: высылками, отдачей под гласный надзор и т. под.

Приведу несколько примеров, подвернувшихся под руку.

По делу о «беспорядках», имевших место в IV—97 г. на Катавских горных заводах (Уфимск. губ.), 11 «зачинщиков» были отданы под гласн. надз. полиции на 2 года вне фабричных районов. Выслали «за подстрекательство к стачкам и забастовкам»: из Петербурга в В. С.—2; из Вильны в Вятскую губ.—52 и в Уфимскую губ.—8; из Минска в Уфимск. губ.—2; и т. д. Всего, по одному постановлению О. С. от 31 октября 97 года, подверглось преследованиям 80 рабочих. 12 рабочих ткацких фабрик в Кинешемском уезде тоже за «подстрекательство» были ограничены в правах жительства...

Правительство решетом хотело вычерпать потоки народного недовольства, разливавшиеся по стране.

Московский пролетариат и во второй половине 97 г. продолжал обнаруживать свою жизненность. Сделаю беглый обзор явлениям этого порядка по записям (несовсем полным), которые у меня сохранились.

12 мая 97 г. 256 работниц и 134 рабочих табачной фабрики Габая отказались продолжать работу и через выборных потребовали увеличения расценка на 7 коп. Управляющий предложил обождать ответа неделю-другую; забастовавшие отказались и собрались во дворе. Приехали фабричный инспектор и обер-полицеймейстер (какое внимание!), и когда уговоры их стать на работу действия не оказали, забастовавших отправили в пересыльную тюрьму. Через день освободили подростков (моложе 18-ти лет), а 17-го числа—остальных; в тот же день арестовали главного зачинщика—Н. Т. Красивского (впоследствии—видный «зубатовец»). Н. Н. Алексеев за агитацию во время этой забастовки был отдан под гласный надзор полиции на 1 год.

Одновременно возникло брожение среди рабочих табачной фабрики «Дукат», которое было сорвано задержанием «смутьянов»: М. С. Федулова, Ф. Ф. Кузина, С. В. Шелковникова, К. Г. Саратова, Л. И. Лиштвана и... бывшего околоточного надзирателя Г. Н. Танцюра.

31-го мая рабочие завода Ширмера потребовали прибавки жалованья; им накинули от 2 до 2½ рублей в месяц (но в книжки не внесли)—хозяин боялся стачки; но перед пасхой Ширмер свое вернул: не выдал рабочим наградных, что составляло 20—30 рублей на душу.

В том же мае владелец чулочно-ткацкой фабрики Чудаков понизил расценок на 1 коп. с платка; рабочие были недовольны, но бунтовать из-за такой малости не решались, а плутоватый хозяин, зная, что «без копейки рубля не бывает», стал класть в свой широкий карман не копейки, и не рубли, а сотенки.

На резиново-ткацкой фабрике Зелига 8 работниц более трех лет набивали хозяйскую мошну; им все сулили прибавку в 50 коп.; сулили, а не давали: «обещенного, мол, 3 года ждут»; лопнуло женское терпение, и 13 июня работницы забастовали. Тогда только Зелиг раскошелился.

19-го июня на картузной фабрике Рогожина 13 рабочих забастовали, требуя, чтобы им дали «фабричные права» (относительно внутреннего распорядка); пятерых забастовщиков посадили в городской арестный дом. Произошло недоразумение: администрация и рабочие «права» понимали, очевидно, неодинаково.

15-го июня на берегу реки Москвы собрались 15 рабочих фабрики Мещерина и решили требовать 50 коп.—1 руб. прибавки (на месяц); утром следующего дня «депутат» К. П. Лукашков заявил от имени товарищей это требование мастеру Лукашкову, который обещал сообщить об этом ходатайстве фабричному инспектору; согласились ждать. И ничего не дождались.

5-го августа столяры мебельной мастерской при аукционном зале (в числе 25 человек) потребовали сокращения рабочего дня на 1 час; хозяин мастерской Левенсон предложил великодушно рабочим 5 руб. «на чай»; 4 человека (В. Продувалов, Е. Ковалев, А. Минаев и М. Крокунов) оказались достаточно сознательными и, отвергнув подачку, оставили работу; их отправили в участок, дали расчет.

Содержатель коробочного заведения Цезарь Фланден перевел мастерскую в новое помещение, где не нашлось спален для рабочих; для оказания еще большего внимания к своим служащим он сбавил расценок. 42 рабочих 22/VIII забастовали; 19 из них «Цезарь» рассчитал, что ему, вероятно, и требовалось.

15-го сентября на пуговичной фабрике Ронталлера уменьшили расценок—сбавили 1 коп. с дюжины—все ту же копейку, без которой у капиталистов рублей не бывает. Рабочие в числе 71 забастовали; их уволили.

Заволновались опять прохоровские рабочие; 11/X ожидалась забастовка; заготовили 300 городовых по близости, в помещении арестантских исправительных рот; проведали об этом ткачи и решили обождать: «пусть, говорили, полицейские в арестантских ротах посидят!»

Фабрикант Грессар предложил набойщикам своей фабрики переселиться на «вольные квартиры», обещая за это прибавку в 1 р. 20 коп., но отказываясь оформить ее. Дешево фабрикант оценил жилище рабочего! 53 набойщика пригрозили забастовать (13/X), но—«пороху нехватило».

9-го октября рабочие механической мастерской Зубарева заявили жалобу на то, что хозяин не выдает им 2-недельного заработка. Вызвал фабричный инспектор Бубнов хозяина и напомнил ему, что законы все же существуют. Зубарев обещал расплатиться 20-го.

20-го октября утром 385 рабочих фабрики Л. Беляева, собравшись у конторы, потребовали увеличения сдельной платы; хозяин отказал; пошли работать, а часть менее смиренных послала 3-х ходоков к Бубнову просить содействия, чтобы «прибавили», а тот сообщил имена этих «депутатов» (И. В. Косяков, А. Гаврилов и Т. Гордеев) полиции,—за тем, наверное, чтобы их «убавили»; но обошлось благополучно.

21-го октября рабочие типографии Лашкевича (100 человек) потребовали, чтобы им уплатили деньги в срок; явился полицейский пристав, и хозяин смилостивился.

8-го декабря у фабриканта Зелига опять вышло недоразумение с рабочими, которые остались недовольны новыми правилами внутреннего распорядка: они требовали, чтобы им давали попрежнему утром и после обеда полчаса на «чаепитие». Послал хозяин за фабричным инспектором, а 500 рабочих собрались у конторы. Согласился Зелиг, но свои полчаса оттягал: заставил вечером работать до 7½ час. (вместо 7); а полиции «на всякий случай» имена зачинщиков указал (А. Д. Толочина, П. О. Давыдова и А. Д. Суркова).

Не всегда так мирно обходилось. На заводе Бромлея рабочие требовали повышения платы; мастер согласился набавить 20 коп., а помощник директора завода Потапов не утвердил нового расценка и получил за это от слесаря Ф. А.*) два удара по физиономии. Помощник директора утерся, но расценок оставил прежний; зато ему, наверное, плату повысили...

Пробовали рабочие иногда и усовещевать своих хозяев. Вот как урезонивал некий аноним фабриканта П. К. Котова: «вы—люди, а другие-то разве скот? Отняли у своих рабочих полчаса и рассчитываете, что так надо... Вы сделаете выгоды на 150 руб., а мы вам убытку в месяц на 300 руб., если вы не перемените правил».

Угроза, заключавшаяся в письме, указывала, что «направление умов» рабочего класса принимает не совсем миролюбивое направление.

Новое «настроение народного духа» (как писывали ветхозаветные жандармы) проявлялось не только у рабочих. Как мы видели, в числе зачинщиков оказался и бывший чин полиции. Торговца Г. В. Снеткова арестовали (2 ноября 96 г.) за то, что он «возмущал солдат в казармах к неповиновению». Ночной сторож С. Иванов избил околоточного Фомина, пригрозившего ему штрафом (его выслали за это из Москвы на 2 года). Крестьянин С. Михайлов, будучи недоволен судом, открыто «порицал правительство», как донес о том 17/VIII князь Сергей Трубецкой приставу 1-го уч. Пресненской части (каждый оказался на своем месте!)...

Доносчики уже не решались выступать открыто и вымещали свою злобу анонимно; так, один указывал (6/VI) на А. К. Пестова, как на пропагандиста у Бромлея; другой писал, что у модельщика на заводе Фольк в ящике с инструментами хранятся прокламации; третий сообщал, что рабочий на фабрике Севастьянова Ф. Ф. Заовражный «спорит с фабричными относительно

---

*) Фамилия у меня записана неразборчиво. *Л. М.*

религий, не признает иконы спасителя и принадлежит к какому-то тайному обществу»; четвертый доносил 4-го июня просто, что Н. Меркулов—«негодяй-социалист»...

Мелкие факты, незначительные требования, робкие выступления, иногда с налетом былого раболепия... Но за этими фактами уже чувствовался явный сдвиг в миропонимании рабочих низов, ощущались и большая личная самосознанность, и нараставший дух протеста, и попытки индивидуального дерзания.

Глухая ночь общественной реакции миновала. Начало светать. На востоке из-за свинцовых туч вырвались первые лучи алой зари—вестники грядущего солнца свободы, новой светлой жизни!

Приближалось «начало конца»...

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

1. Предатели в деле „Союза“ были: Николай Теселкин, о котором еще будет речь впереди, поручик Андрей Обольянинов и студент Василий Роев. Обольянинов был организатором кружка „милитаристов“, входившего в „Союз“; кроме того, он выдал Владимира Вигилева (умер в ссылке), которому посоветовал бежать, дал ему нелегальный паспорт и сообщил об этом охране. В 1895 г. Обольянинов был назначен полицейским приставом Петровско-Разумовского участка г. Москвы, а через год перевелся на службу в Воронежскую губ.

Роев дал на дознании о „Союзе“ злостные, откровенные показания; когда он сидел в тюрьме, его пытались отравить (послали с'естные припасы, отравленные атропином); потом был под надзором в Вятской губ.

2. Дело было разрешено „в. п.“ от 16/VII — 87 г.: Пик и Эдельман были сосланы в В. С. на 10 лет, Болотина—на 8 л., Губарева—на 5 л., Гурвич на 4 г.; другие отделались меньшими карами.

3. В то время как Н. Ф. Дмитриев сидел в тюрьме, ожидая ссылки, брат его Григорий Дмитриев был назначен делопроизводителем московского о. о. (1887 г.). Перед этим он был с 1884 г. чиновником петербургской охранки; а до того—секретным сотрудником под псевдонимом „Богородицкий“. Впоследствии Г. Дмитриев редактировал „Минские Губерн. Ведомости“, а в 1902 г. заведывал типографией Кушнерева в Москве.

4. В. Данилов за распространение революционных изданий в народе был приговорен Харьковским судом на 4 года к. р.; по отбытии наказания был водворен в 1885 году на поселение в Якутском округе; за оскорбление часового был осужден на 6 месяцев работ, но в июне 1886 г. бежал, а через 4 месяца уже сидел в Московской тюрьме; в мае 1888 г. он снова в Якутске, но „за из'явление отказа в добровольном исполнении распоряжения о переводе в другую камеру“ приговаривается к отдаче в работу на заводах на один год; затем его водворяют в м. „Родчево“, Колымского округа, где он занимается метеорологическими наблюдениями и скотоводством. Уже в то время Данилов имел, очевидно, религиозный уклон, т. к. в официальной ведомости ссыльных числился с отметкой: „духоборец“; в 1909 г. он был в Париже, где проповедывал теорию „богочеловечества“, в 1910 г. уехал в Россию.

5. Дело о московском народовольческом кружке было разрешено адм. пор.; приговорены в В. С.: Гоц—на 8 лет, Дмитриев и Сипович—на 6 лет; в З. С.: Тихомиров, Емельянцев, Казанский, Гофман—на сроки от 4 до 6 л.; Нагель—год тюрьмы и высылка за границу; Яворовский и Кузнецов—в северные губ.; Главацкая, Слепян, Соколова, Ежовская, Жилинский и Калиновский—т. з. до 1 года; Старцев—гл. н. учебн. начальства.

6. Скрывшись за границу, Обухова жила в Цюрихе под фамилиями Кирсановой и Воробьевой; в апреле 1888 г. была в больнице для душевнобольных св. Анны и вскоре умерла. Под именем Мнилго в тульской типографии жил, по свидетельству В. Г. Богораза, А. Пашинский, работавший и в новочеркасской типографии народовольцев; личность его осталась охране совершенно неизвестной.

7. Часть шрифта была потом обнаружена по обыскам у П. Лопатина, (в декабре 1886 г.) и у Г. Аппельберга (в мае 1887 г.).

8. В. А. Денисов, старый народник, один из немногих москвичей, имевших непосредственные сношения с тульской типографией.

9. В. П. Морозов после ареста психически заболел и был помещен в больницу для умалишенных (в Казани), в которой пробыл несколько лет; впоследствии отошел от политики и занялся антиквариатом (в Москве).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ II

1. По некоторым сведениям — непроверенным, впрочем, программа „социалистов-федералистов“ написана Г. Ф. Здановичем, которому, во всяком случае, принадлежит одна из статей, помещенных в „Самоуправлении“ (По процессу „50“ Зданович получил 6 л. к. р.; в виду „выраженных им верноподданнических чувств“, ему „всемилостивейше разрешено жительство в империи“—в 1889 г.).

2. В эту поездку Фигнер виделась с В. Л. Бурцевым, скрывшимся перед этим из Сибири и направлявшимся за границу, которому и были поручены заботы по изданию следующих номеров „Самоуправления“.

3. Г. А. Мачтет, писатель, в 60-х г. г. был в ссылке; умер в начале 90 г.г.

4. Несомненные описки—речь идет о Василии Николаевиче Морозове и об Иване (не Василии) Васильевиче Сотникове.

5. М. Л. Бицурина ранее служила у Л. М. Родионова и, кажется, играла ту же роль; потом была использована на дознании, как уличающая свидетельница.

6. П. Ф. Николаев, писатель; по д. Каракозова был осужден на 8 л. к. р. в 1883 г. вернулся из Сибири; умер в 90-х г.г.

7. А. И. Бычков был осужден в 1883 г. киев. в.-о. с. на 10 л. к. р., замененных лишением прав и ссылкой на поселение в Иркутск. г.

8. С. И. Виноградов был опубликован, как шпион, в I—V—1889 г. в № 1-м заграничного журнала „Le Socialiste“; служил после провала чиновником моск. охр. о., а в 1905 г. перешел в полицию кавказского наместничества.

9. Миррер М. В. был выслан в Иркут. губ. на 5 л.

10. С. С. Костромин при вторичном аресте покончил с собою 12/III—1898 г., в Доме предвар. заключения.

11. После разгрома московской группы самоуправленцев, О. Фигнер поехала опять за границу, где пред'явила претензии В. Бурцеву, выпустившему вместо „Самоуправления", что ему было поручено, свой журнал—„Свободную Россию".

12. Н. К. Паули, будучи эмигрантом, вошел в сношения с Рачковским с целью, будто бы, убить его; в следующем году он поехал в Россию, был на границе арестован, дал злостные показания; жил потом в Туркестанском крае.

13. Несколько ранее, 9-го октября, в Петербурге был задержан другой нелегальный—Александр Лебедев, тоже бежавший в III—1888 г. из Сибири; на прибытие его в столицу „в начале октября департамент полиции получил указания" („Обз." XIII, 59). По аналогии можно заключить, что и в данном случае дело не обошлось без участия „Попова".

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ III

1. Уместно здесь упомянуть и Михаила Александровича Помер (был причастен к делу убийства шпиона Рейнштейна), который вбил не один гвоздь в гробовую доску покойной „Народной Воли": благодаря этому провокатору были арестованы в начале 80-х г.г. Савелий Златопольский и другие нелегальные, которых он снабжал фальшивыми паспортами; как известно, Судейкин предлагал Дегаеву „устранить", ради собственной реабилитации, Помера, но начальник последнего, Скандраков, на это не согласился. После убийства Судейкина, Помер, опасаясь своей жены (сестра Льва Тихомирова), просил, чтобы его арестовали, и месяца три он сидел при охранке; впоследствии служил в управлении Николаевской ж. д.

2. П. А. Муханов был сослан в В. С., где во время известного „Якутского протеста" ссыльных убит 21-III-1889 г.

3. С. А. Иванов по „Лопатинскому процессу" был приговорен к к.р, заключен в Шлиссельбургскую кр., откуда освобожден в 1905 году, после чего уехал за границу; живет в Париже.

4. Б. Д. Оржих был сослан в к. р.; в 1905 г. из Сибири уехал в Японию, а оттуда—в Южную Америку.

5. Беневольский в 1905 г. вышел в отставку, поселился в Саратовской г., откуда писал доносы (на известного врача Ченыкаева и др.).

6. „Мария Николаевна"—Р. Р. Кранцфельд, содержавшая, под именем акушерки Татьяны Голубевой, конспиративную квартиру в Петербурге, на которой укрывались исполнители приговора над Судейкиным; в Саратове жила под фамилией Аделаиды Беляевой; ее спутником был З. З. Васильев; оба потом эмигрировали за границу.

7. С. Терешенков и П. Степанов были выданы провокатором Н. Теселкиным; их сослали в В. С. на 5 л.

8. По „в. п.“ от 17-VI-1887 г. С. Капгер был сослан в В. С. на 5 л., А. Бородзич—в З. С. на 5 л. и И. Соколов—туда же на 3 г.

9. С. Н. Чернышев в 1881 году был приговорен „за богохульство“ к лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленные места Сибири; в августе 1882 г. „всемилостивейше прощен“.

10. П. Савельев после выступления в роли уличителя в созданном его доносом деле был принят в моск. охр. о. (под фамилией Черкасова) на должность филера, но, в виду причастности его к краже у прис. пов. Фуркасовского, был уволен и удален из Москвы; впоследствии вернулся и поступил рабочим на завод Гантера.

11. Ф. А. Липкин—впоследствии с.-д., известный под литературным псевдонимом „Череванин“.

12. П. П. Крафт—в девятисотых г. г. видный член партии с.-р.; умер в 1907 г.

13. В. К. Курнатовский, попавши в Сибирь, принял участие в протесте „романовцев“ и был присужден к к. р.; умер за границей 19-IX-1912 г.

14. До настоящего времени опубликованы только два „Обзора“ важнейших дознаний: за 1901 и 1902-й годы (издание А. Сурат, Ростов на Дону, 1906).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IV

1. По „агентурным данным“, участниками с'езда были: А. Александров, И. В. Сплецкий, Н. М. Лысогорский, А. В. Милашевский и Д. Д. Кузнецов.

2. Е. Ф. Пигрова в 1886 г. была слушательницей курсов в Москве; в следующем году она была выслана на родину; 11/XII—1889 г. ей было разрешено, вследствие поданного ею прошения, жительство в столице. Это и есть, вероятно, время ее „падения“.

3. На сходке, происходившей 14/IV у В. Черняева, Круковский был избран для поездки за границу в качестве делегата московского студенчества, но он отказался, и вместо него поехал Доброправов.

4. Дело было разрешено административным порядком: П. Аносов и Н. Каратыгин получили по 2 г. т. з.; Круковский—1 г. 8 м.; О. Балакирева, В. Барыков, Намитниченко—1 г. 6 м., А. Синицын, А. Ижевский—1 г.; остальные — по нескольку м. т. з. (Н. Каратыгин † весной 1893 г. в „Кресте“).

5. „Центральная Касса“ по своему уставу имела целью „оказание помощи лицам, пострадавшим за общественное дело“—определение растяжимое.

6. Амвросов был все же арестован и после 2-х г. т. з. в XI—1893 г. отдан п д гл. н. п.

7. В. Воровский—впоследствии представитель советской власти в Италии; убит монархистом Конради в Швейцарии в 1923 году.

8. Семякин в то время заведывал III-м делопроизводством д-та п., в котором сосредоточивались дела агентурные и розыскные вообще.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ V

1. С. М. Гинсбург была арестована 31-го мая 1889 г. в Крыму, по д. замышлявшегося покушения на Александра III; осужденная на вечное заточение, покончила с собой в Шлиссельбургской крепости в 1891 г.

2. К петербургскому кружку д-т п. подводил старого предателя, бывшего народовольца И. Ф. Окладского (жившего под фамилией Петровского), в качестве специалиста по террористической технике, но ход этот успеха не имел.

3. Письмо П. Л. Лаврова, найденное у Н. Истоминой.

„Дорогие товарищи. Пользуюсь случаем от'езда приятеля, который увидит многих из вас, чтобы послать вам издалека товарищеский привет. Лично я едва ли знаю кого-либо из вас, но нас соединяют одни и те же стремления: пробить на нашей родине путь социалистическим принципам, подорвать самодержавие, удушающее русское общество, бороться до конца для этих двух целей теми средствами, которые будут сподручны при данных обстоятельствах и не находятся в противоречии с принципами социализма, нами проповедуемыми. Цели эти требуют разнообразной деятельности, и для них нужны люди разных положений и разных темпераментов. Поэтому я позволяю себе всех жрецов на этой почве считать своими товарищами, идут ли они сеять идеи социализма в деревнях, работают ли они в промышленных центрах, среди фабричных рабочих, организуют ли они заговоры в войсках, или идут на личную прямую борьбу с правительством и его органами в решительных действиях. Различие социально-революционных программ, если только они все социально-революционные, не имеет особого значения, так как каждая личность всего лучше действует в той сфере и теми способами, которые наиболее подходят к ее темпераменту. Не критика прежних приемов важна, а выработка новых, соответствующих настоящему настроению общества. Недовольство в России повсеместно. Сознательных приверженцев и защитников настоящий порядок не имеет. При серьезной организации оппозиционных сил и при энергическом действии против него, он едва ли мог бы устоять, но, насколько мне известно, именно организации недостает нашим оппозиционным силам и согласного действия разнообразных элементов, в них входящих. Над этим особенно приходится работать, и я верю, что она не опустит рук ни перед какими неудачами, что она сумеет воспользоваться всеми элементами недовольных, теперь существующими в нашей родине, что она найдет средства побороть противников. Мне нечего повторять все то, что вы знаете, именно, что всякое серьезное социально-революционное предприятие в России может рассчитывать не только на мое сочувствие, но и на мое содействие в тех пределах, которые ставят моей деятельности мои старческие силы и ограниченное время, которым я могу располагать.

П. Лавров

Париж. 3 января 1888 г.
22 декабря 1887 г.

4. Н. Истомина, отданная под надзор „в избранном ею месте жительства“, поселилась в Нижнем-Новгороде; здесь 14/IV—94 г. она пыталась покончить самоубийством (бросилась в Волгу), но была спасена; по некоторым сведениям, в 1895 году Истомина вышла замуж (за рабочего Цветкова) и впоследствии, проживая в Киеве, снова приняла участие в революционной деятельности.

5. Дело о петербургском и сабунаевском кружках разрешено „в. п.“ от 22/I—1892 г. следующим образом: И. Рапопорт—5 л. т. з. и 10 л. В. С.; В. Гусев и М. Сабунаев—2 г. т. з. и 10 л. В. С.; Я. Юдилевский и Д. Волков—1 г. т. з. и 5 л. В. С.; Р. Протас—1 г. т. з. и 5 л. В. С.; В. Турковский—1 г. т. з. и 3 г. В. С.; Петр Кулаков и С. Фойницкий—5 л. В. С., К. Кочаровский и Н. Беляев—5 л. З. С. В. Бучульская (ур. Гурари)—Вологодск. г. на 5 л.; Б. Гурвич, А. Карелин, М. Шеффер—3 г. в Волог. г.; Ф. Горский, Л. Осинский, М. Осинский, М. Соскис, Н. Израильсон, П. Виноградов, С. Яновский, М. Четвергова, А. Сазонов, П. Мануйлов, Е. Бруггер—т. з. от 1 г. до 1 г. 6 м. с ограничением в правах жительства; Г. Волков, Э. Нопевич, П. Крафт, А. Диордиенко, Г. Яблочков, А. Второв, Л. Депсамес, Г. Родзевич, А. Моравский, М. Золотилов, Я. Питерский, С. Сухаревская, П. Шмулевич, Т. Комягина, В. Иванов, Е. Чириков, Л. Колибрина, Ю. Марина, М. Средницкая, Е. Алексеева, В. Кармазинский—т. з. от 1 м. до 10 месяцев, А. Белевский, Н. Истомина, Д. Золотов, Ю. Родзевич, А. Говядинов, О. Наливкина, Н. Дмитриев, В. Селицкий—гл. н. на разные сроки. Относительно 19-ти лиц дело приостановлено впредь до явки или розыска, а дела о 23-х лицах—прекращены.

Кроме того, отдельным „в. п.“ от 19/IX—1892 г.—по делу „об укрывательстве Сабунаева“, были приговорены: В. Неклепаев—на 2 г. т.з. и 5 л. В.С.; С. Островский—1 г. 8 м. т. з.; В. Панебратцев—1 г. 6 м. т. з.; Н. Крутовский—1 г. т. з.; П. Добрынин, А. Монвиж-Монтвид, И. Пареных, В. Успенская, Н. Нарбеков, В. Каратыгин, В. Тихорский, П. Субботин, И. Покровский, В. Шестаков, П. Ершов, и А. Преображенский—к т. з. от 4-х до 6-ти м.

6. М. В. Сабунаев был исключен из Московск. ун-та в 1882 году за студенческую историю, затем, считая себя скомпрометированным по делу витебской типографии народовольцев, перешел на нелегальное положение; был потом арестован под именем Диомида Назарова в Петербурге, по делу Г. Лопатина, и в марте 1886 года сослан на 5 л. в г. Верхоленск, Иркутской губ., откуда 31/X—1888 г. скрылся. После ареста в Костроме, 19/I—95 г. был доставлен в Якутск для отбывания 10 летнего гл. надзора; в 1903 г. был допущен к практическим занятиям при Иркутской больнице.

7. И. Рапопорт действительно заболел в тюрьме психическим расстройством и, как неизлечимый, был досрочно освобожден из тюрьмы и проживал потом, по некоторым сведениям, попрежнему больной в Одессе.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VI

1. „Союз“ (№ 1-й) издан был в формате $^1/_4$ писчего листа, на обложке значилось: „Содержание: От редакции Сборника.—С чего начать? Открытое письмо.—Голос народовольца.—Хроника общественного движения.—Месяцеслов.—СПБ. Январь 1893 г. Цена 50 коп.“. На последней странице обложки сборника было помещено интересное „об'явление“ о том, что „предлагаются гектографы, желатинная масса и химические чернила (с требованием обращаться в редакцию)“ и что „нужны в провинции типографский и литографский станки“.

2. В. Н. Цирг (родственница, по жене, В. Гольцева) принадлежала к числу интимных знакомых семьи Серебряковых и совершенно бессознательно играла, как и другая приятельница „мамочки“—М. Н. Корнатовская,—роль тех „ширм“, которыми огораживалась для отвлечения всяких подозрений в своей шпионской деятельности А. Серебрякова.

3. В некоторой связи, повидимому, с деятельностью группы „Союз“ находится появление программы „от имени соединенных групп социалистов-революционеров“, которая преследовала также об'единительные цели. Копия рукописи этой программы была представлена в д-т п. Бердяевым 23/III—1893 г. с пояснением, что она „еще не пущена в обращение“ (?!). Позднее, на запрос петерб. г. ж. управления о существовавшем в Москве кружке „соединенников“, отпечатавшем программу соединенных групп социалистов-народников, моск. охр. отд. ответило, что, по агентурным сведениям, для обсуждения этой программы в Москву приезжал орловский врач П. П. Румянцев.

Программа „соединенников“ является характерным памятником того переходного времени, когда пробудившаяся революционная мысль, пугливая и неуверенная в себе, не находила еще своего языка и, возлагая попрежнему, надежды главным образом на „общество“ и на интеллигентскую среду, занималась поисками магических об'единительных формул, что накладывало на все такие компромиссные попытки отпечаток половинчатости и политического косноязычия.

Полагая, что Россия „стоит на пороге великих событий“, соедин. группы социалистов-революционеров считали, что „все, кому дороги интересы народа“, должны готовиться к предстоящему перевороту, и что эта готовность „всего лучше может быть достигнута соединением и организацией всех оппозиционных сил страны, созданием единой практической и чисто политической партии,“ при чем „об'единяющей силой может послужить только идея о необходимости в России политического переворота, имеющего целью достижение политической, гражданской и национальной свободы и введение представительного образа правления, „как необходимой гарантии этой свободы“.

Имеющую образоваться организацию соедин. группы предлагали назвать „народной социальной революционной партией“, так как „это название всего лучше выражает идеи, лежащие в основе общественного движения в России“.

„По своим политическим воззрениям члены соединенных групп—республиканцы, но они стоят не столько за республиканскую форму, сколько за республиканские учреждения, хотя бы и при сохранении монархической формы правления“...

Народная партия—„существенно федералистическая“, но она „намерена держаться централистического начала до известного времени, до тех пор, пока народное дело, расстроенное и запущенное правительством, будет направлено и урегулировано“.

„Соедин. группы считают экономические требования столь же существенными для целей партии, как и требования политические... но при экономической программе она придерживается своего основного правила: требовать только ближайших постепенных реформ, стремиться к проведению мероприятий, практически осуществимых“.

В тактическом отношении соедин. группы стоят „за организацию чисто конспиративную“; относительно „террористического метода“ они „не думают отрицать самого принципа метода“, но не „при настоящем положении, когда вопрос идет о широком общественном движении“.

„По отношению к возможным крестьянским бунтам и аграрным преступлениям народная партия держится выжидательного и крайне осторожного положения“. В то же время партия „постарается войти в близкие отношения с либералами, поощряя их к активности, помогая им всем, чем может“...

И так далее—в том же роде.

4. И. И. Добровольский по делу „о пропаганде“ (193-х) был приговорен ос. прис. прав. сената от 23/I—78 г. к лишению прав и ссылке в к.р. на 3 г., но во-время скрылся с женой за границу; по распоряжению французских властей от 6/IX—1894 г., ему был воспрещен, в числе иностранных „анархистов“, в'езд во Францию; жил в Женеве; состоял, как значится в розыскном списке д-та п., „главным редактором „Самоуправления“.

5. Е. И. Шефтель была приятельницей М. Н. Корнатовской, а может быть знала и сама Серебрякову; отсюда и осведомленность охраны о предстоящей поездке Ш., за которой в виду этого усердно следили; в июне (1893 г.) она, по сведениям д-та п., уже находилась в Швейцарии, где жила недалеко от Женевы (pension Chesceau).

6. В. И. Бриллиантов попал на замечание охраны еще в 1889 г. когда пристав 3-го стана Калужского уезда „усмотрел“ у него, в бытность его сергиевским волостным писарем, в записной книжке „предосудительные заметки“ и нашел каталог систематического чтения; тогда же д-т п. перлюстрировал письмо, адресованное А. Гурьеву в Харьков, в котором упоминалось имя Бриллиантова и шла речь об устройстве книжных складов для деревни. „Писаря“ не замедлили, конечно, уволить с должности.

7. В это дело о контрабанде были замешаны еще: В. Щавинский, находившийся в переписке с Гурьевым, братья Александр и Ян Вильские

(последний жил в Люттихе и был в сношениях с польск. социалистами), а также пролетариатец Ромуальд Мельчарский (в Цюрихе), посылавший нелегальщину через Вацлава Петша в Петербург на имя Владимира Митрофанова Андреева. Кроме того, по сведениям д-та п., тогда же в Москве должен был появиться ученик Львовского политехникума Толочко, намеревавшийся провезти тюк нелегальных изданий. На это моск. охр. отд. уведомило, что квартиру семьи Толочко посещают „колисты“ Абрамович, Воровский и др., а также студент Латухин, который в своем кружке хвастался, что может доставать любые революционные издания. По этому поводу д-т п. сообщил, что Латухин, очевидно, имеет в виду контрабанду, которую организовала в Лемберге Ольга Франко, которой один транспорт уже отправлен через Радзивилов в Харьков.

8. К. Н. Медынцев в 1887 г. был обыскан в Москве в виду обнаружения его писем у арестованного А. А. Шухта (дело Брагинского).

9. Дело о „Союзе“ было разрешено „в. п.“ от 1/III—1895 г., которым были приговорены: А. Королев—3 г. т. з. и 5 л. Вологод. г.; К. Медынцев—3 г. т. з. и 5 л. В. С.; В. Барыбин—2 г. т. з. и 3 г. В. С.; Е. Барыбина—1 г. т. з. и 3 г. Вологод. губ.; В. Бриллиантов—3 г. Архангельск. губ.; В. Щавинский и А. Вильский—8 м. т. з.; А. Кугушева—6 м. т. з.; Г. Куприянов—3 м. т. з.; Б. Петш—2 м. т. з.; А. Гурьев—2 г. гл. н.

10. А. А. Клопов состоял коммерческим агентом железных дорог; служивший у него Андреановский, взятый под наблюдение, вначале очень смущал охранку своими раз'ездами, пока не выяснилось их служебное значение. В годы „смуты“ Клопов, пользуясь связями в „высших сферах“, подал записку о необходимых реформах, которая успеха не имела.

11. Насколько моск. охр. отделение дорожило своей „мамочкой“, видно из того, как оно бережно относилось к ее „ширмам“; когда, например, моск. г. ж. у. запросило в июле 1894 г. сведения о степени благонадежности М. Н. Корнатовской, то моск. охр. отд. ответило, что „она находится в сношениях с учащейся молодежью и ни в чем предосудительном не замечена“, хотя эта alter ego Серебряковой имела отношение чуть ли не ко всем конспиративным московским кружкам.

12. Так как программа саратовской „Земли и Воли“ нигде опубликована не была, то не лишне будет привести здесь некоторые выдержки из нее.

„Апатия и индиферентизм, овладевшие русским обществом в 80-е годы, несомненно, проходят. Общество пробуждено и, отбросив, как ненужную ветошь, еще недавно занимавшие его вопросы личной нравственности, снова встало на вполне реальную и здоровую почву обсуждения социальных вопросов, главным образом, вопроса о народном благе... На этих основаниях мы полагаем, что наступило время для возобновления революционной деятельности и возрождения разрушенной организации социально-революционной партии. Мы полагаем, что последняя задача лучше всего может быть достигнута обнародованием программ тех кружков, на которые теперь распалась партия, и считаем при этом возможною выработку общепартийной программы, как результата соглашений и компромиссов между отдельными кружками социалистов-революционеров. Мы избираем лозунгом своего кружка слова „Земля и Воля“, как слова, освященные кровью и страданиями прежних борцов и прекрасно резюмирующие сущность наших требований“...

„По основным своим (политическим) убеждениям мы—республиканцы, но мы не имеем оснований надеяться, чтобы Россия миновала ту стадию развития политических форм, которую переживала и переживает Зап. Европа,—стадию конституционную. Выставляя, поэтому, требование конституции своим ближайшим требованием, мы, тем не менее, будем продолжать борьбу за скорейший переход строя конституционного в республиканский. Отличительные черты русского монархизма, ненависть и презрение к нему всех мыслящих людей, народа и общества позволяют надеяться, что этот переход не заставит себя долго ждать“.

В положительной своей части программа „Земли и Воли“ была весьма умеренной; принимая принцип всеобщего избирательного права, она требовала исключения неграмотных; признавая необходимость федеративного строя, программа высказывалась однако за предоставление, на первых порах, полной автономии только Польше, Финляндии и Остзейским губерниям. Требуя политических свобод, уничтожения сословий, чинов и орденов, „если окажется возможным, замены постоянной армии народным ополчением“, программа в области экономической ограничивалась полумерами (расселение крестьян на государственных землях выкуп частновладельческих земель, „строгое законодательство, охраняющее права и здоровье рабочих“ и т. д.). Относительно тактики, новые „землевольцы“ заявляли себя сторонниками террора, признавая его, как метод действия, „могущественным орудием борьбы с деспотизмом“, но понимая его, „как ряд террористических действий, как систему борьбы, а не единичные попытки отдельных самоотверженных партизанов“. Боевая тактика, определяла, в свою очередь, „строго централизованную систему организации“. Другим формам борьбы программа отводила второстепенное место: „пропаганда устная и, где окажется возможным, письменная и печатная своих идей, организация новых кружков, устройство касс и в редких случаях агитация среди народа—район деятельности отдельных кружков“.

Вообще программа саратовских землевольцев носила диллетантский характер, была недостаточно продумана, и потому естественно, что никакого успеха она не имела.

Кто играл роль осведомителя в деле Иванова—мне неизвестно. Возможно, что это предательство было дебютом художника С. В. Праотцева, который как-раз в это время начал свою шпионскую карьеру; он находился в сношениях с саратовцами и потом многих из них выдал; о нем еще будет речь впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VII

1. Вот главное содержание „Программы народовольцев“ (III—1892 г.):

„По основным своим убеждениям мы — социалисты. Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство и братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а, стало-быть, и прогресс. Вместе с тем мы убеждены, что только народная воля может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в общественную жизнь, проходит предварительно через сознание и волю народа. Народное благо и народная воля—два наши священнейшие и неразрывно связанные принципа...“

„Исповедывая социалистические принципы, мы считаем возможным и необходимым революционной борьбой расчистить почву, добиться возможности открыто бороться во имя их; поэтому мы ставим своею ближайшею задачею... произвести политический переворот“.

„Временное правительство, сделавши рядом мероприятий невозможным возврат самодержавия и обеспечив политическую свободу, передает власть Учредительному Собранию, избранному свободно, всеобщей подачей голосов, которое должно перестроить государственные и общественные учреждения, согласно воле избирателей...“

Как социалистическая партия, народовольцы выступают со своей программой, в которой, кроме требования „постоянного народного представительства, имеющего полную власть во всех общегосударственных вопросах“, и политических свобод провозглашается „принадлежность земли народу“ и рекомендуется „система мер, имеющих передать в пользование рабочих как национальную собственность, все заводы и фабрики“.

„Помимо деятельности пропагаторской и агитационной, программа признает и деятельность разрушительную, террористическую, с одной стороны, как средство самозащиты, с другой стороны, как способ подрывания обаяния правительственной силы и поднятия революционного духа народа. Организация достигает своих целей путем образования тайных обществ и сплочения их вокруг одного центра, путем приобретения влиятельного положения в администрации, войске, обществе и народе“.

Партия берет на себя почин самого переворота, „не дожидаясь, когда народ будет в состоянии обойтись без нее“.

2. Воззвания, отправленные Короткевичем, были адресованы в Нижегородскую губернию; о судьбе их там рассказывает подробно В. Г. Короленко в статье „История одной подпольной прокламации“ (журнал „Голос Минувшего, № 1-й, 1920 г.).

Народовольческие листки имели распространение и в других губерниях, где в связи с этим возникло несколько „дел“. В 1892 году было возбуждено дознание в Пензенской г. по поводу получения крестьянами воззвания „От группы народовольцев“. В том же году был привлечен саратовским г. ж. упр-ем крестьянин С. Намнясов, хранивший „Письмо к голодающим“. За чтение того же письма на сходе в Карай-Салтыковском волостном правлении тамбовск. г. ж. упр. привлекло несколько человек. В 1893 году в Казанской г. крестьяне С. Бынков, Г. Аввакумов, Т. Никитин и Г. Колонтаев обвинялись тоже в чтении на сходе „Письма к голодающим“.

3. По официальной версии, „Письмо к голодающим крестьянам“ составлено Н. М. Астыревым. В. Чернов в своих воспоминаниях („Записки революционера“, т. I) автором воззваний за подписью „Старый друг“ называет П. Ф. Николаева.

4. История печатания первых народовольческих листков (группа Астырева) для меня остается невыясненной. Можно думать, что они оттиснуты в легальной типографии. Вот, например, таинственная история появления „Первого письма к голодающим крестьянам“, партия которых была захвачена у Н. Астырева. По рассказу Е. Медникова, посвященного во все тайны зубатовских махинаций, М. Н. Корнатовская принесла от С. Жевайкина к В. Цирг (сведения Серебряковой) прокламацию, в которой оказался дефект. В ночь на 30/III—92 г. Корнатовская была у Жевайкиных с несколькими десятками тех же воззваний—уже исправленных; днем 30/III она, как мы видели, отнесла их к Астыреву. На следующий день после ареста Астырева было поставлено наблюдение за книжным магазином Прянишникова, в котором служил Жевайкин, и за легальными типографиями „Экономической“ и Александровой. Очевидно, охр. отд-ние не имело сведений о том, где печатались листки. (Интересно, что в „За сто лет“, в хронике, где сообщалось об аресте Астырева, отмечено: „Взята народовольческая типография, печатавшая „Первое письмо к голодающим“). Между тем тот же Медников сболтнул как-то, что в Москве есть „две шлепалки“. Представляется невероятным, чтобы охр. отд-ние отказало себе в удовольствии арестовать хотя бы одну из двух. Как мы знаем, Корнатовская, по агентурным сведениям, была в непосредственной связи с „центром“, выпускавшим прокламации, и даже давала исправлять отпечатки. Как же могла не знать о том, где печатаются листки, Серебрякова, пред которой у Корнатовской секретов не было?

„Мамочка“ охраны знала каждый шаг своей поверенной. Корнатовская ночевала обыкновенно в квартире Цирг (д. Кольбе), у которой, кроме ее, дочери Веры и двух сыновей, жили еще Лидия Крапихфельд, Тихомиров и еще один студент. Все, что происходило в этом общежитии, Серебряковой было известно. В XII—1891 г. агентура сообщила, что „кольбовцы“ перепуганы и даже запретили Тихомирову переписывать какую-то нелегальщину в виду того, что Корнатовская заметила за собой „хвост“ и даже обозвала следившего за ней нахалом. Медников выговаривал по этому поводу филеру Шаганову, зачем он не бросил „Маньку“, когда она его „ловила“.

С какой быстротой доходили сведения о „кольбовцах“, видно из следующего примера. 20/XI—91 г. Цирг младший получил на вокзале Николаевской жел. дор. ящик, который отвез домой; филеры поспешили осведомить своего шефа об этом событии, но на следующий день (в 3 часа) Медников уже мог разочаровать своих ищеек: „в ящике были судаки“,сказал он... О том, что Цакони дал Павлу Цирг 15 экз. какой-то нелегальщины, что он скоро должен уехать и тому подобные сведения доходили до охранки, как по телефону...

5. „В. п.“ от 15/XII—1893 г. приговорены: Н. Астырев—2 г. т. з. и Вологодск. г. на 3 г.; А. Белезеров, Н. Шатерников и М. Чалусов—1 г. т. з.; С. Жевайкин — 6 м. т. з. и 3 г. гл. н.; Лея Хоммер, Е. Пронина, П. Намитниченко, Р. Поленов, В. Скляров, А. Благоразумов, Г. Мандельштам, Н. Смеречинская, Ф. Хоммер—3 г. гл. надз.; А. Розанов—1 г. гл. н.; Е. Ювеналъева (Кускова) — 1 м. т. з.; В. Меньшиков, П. Стаханов—3 нед. т. з.; М. Прокушев—10 дней т. з.; В. Шрейдер и В. Парфенов—вменено предварит. заключение (П. Короткевич умер 7/II—93 г. в доме предв. заключ.).

6. М. Иолшин был в 1891 г. выслан за Шелгуновскую демонстрацию под негл. надз. пол., по Казанскому делу сослан на 3 г. в Вологодскую губ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ VIII

1. Е. П. Медников похвалялся, что около „Ягубова“ стоят три „приятеля“ (охраны). Первым из этих агентов был, несомненно, М. М. Петров („Пуговка“). Другой, вероятно,—Н. Руделев, хотя он был и не совсем „около“ Ягубова. Третьим мог быть—Ф. Невский, хотя последний в то время, когда он сделался секретным сотрудником охраны, от Егупова несколько отдалился, может быть, по велению Зубатова, в виду того, что „Факельщик“ и без того был хорошо „освещен“.

Возможно, впрочем, что под этим третьим Медников разумел другое лицо. Не думаю, что это была Серебрякова —„мамочка“ с Егуповым в непосредственных отношениях не была и осведомлялась о нем через своих друзей (Корнатовская, Цирг).

Есть основание предполагать, что в среде студентов Петр. академии, у которых Егупов вначале часто бывал, находился еще осведомитель охраны, и таковым мог быть некий „Жигачев“ (я не знаю, действительная ли это фамилия, но она значилась на конверте, в котором были собраны письма этого сотрудника). В числе петровцев в те годы, действительно, был студент Е. Н. Жигачев, который вращался в кружках и даже являлся об‘ектом наблюдения: так, 5/I—1891 г. он выбыл в сопровождении филеров в Петербург, а оттуда, по агентурным сведениям местного охр. отд-ния, уехал 19/IV того же года в Рязань.

На всякий случай приведу здесь некоторые выдержки из донесений этого секретного сотрудника, которые сами по себе представляют интерес и, кроме того, могут способствовать точному установлению личности осведомителя.

В 1897 г. „Жигачев“ доносил Зубатову: „Прозоровский привез две прокламации, приглашающие на диссертацию Хвостова... Новую программу видел у Богомолова; она из Смоленска". 12/III: „Сегодня еду в Вязьму варить гектограф с Васильчиковым". 2/IV: „Получил у Прохоровой две польских прокламации". 5/V: „В Москву приезжает Рума, предостерегают. Кильчевский обещал документально доказать, что Рума служит у вас". 1/VI: „Асеев привез в Рязань целую библиотеку по рабочему вопросу". 15/VI: „Прозоровский отвез в Рязань Томсон-Яну литературы на 18 р.". 1/VII: „Приехал Ф. Невский. Говорит, в Ярославле пишут про вас, Шелонского и девицу по Сабунеевскому делу; сведения дал, пожалуй, и Фединька". 6/VIII „Жигачев", сообщая сведения о Томсон-Яне, уволенном с Рязанского завода, добавляет: „Спьяну потерял на Архиерейской даче нелегальщину... Грозмани приглашал Прозоровского в кружок". 29/IX он доносит: „В пятницу у меня собрание тамбовцев. Меня укусила бешеная собака—делаю прививки. Познакомился с Пенковским у Ламакина — не трогайте последнего". В этом же письме „Жигачев" просит Зубатова простить его (недоразумение с начальством вышло из-за поездки агента в Тулу и женитьбы его „по секрету"), прибавляя: „у меня, кроме вас, ни на кого надежды нет, окончательно погибаю"... 10/XI „Жигачев" пишет: „Из арестованных вам известны Залыгин и Вольский — это и есть Иуда. Яковлев уверен, что вы его арестуете, ибо взята рюмка с чернилами" (гектографскими). Далее „Жигачев" доносит 24/XI: „В пятницу Прозоровский с Богомоловым сварили гектограф, идет печатание „Эрфуртской программы". 29/XII: „У нас идет печатание брошюр. „Эрфуртская программа" готова. Переписывается Тун и др".

В 1898 г. „Жигачев" доносил 26/III: „В понедельник у меня вечеринка; нельзя ли вызвать меня официально в отделение. Это мне на руку". В апреле: „Прозоровский повез в Рязань 30 экз. своего издания „Гибель мелкого производства", через Прохорову я получил два польских журнала „Walka klasow". 13/IV Сестра Вановского незадолго до ареста передала курсисткам Прохоровой и Алексеевой брошюры и прокламации для рабочих. По случаю ареста подозревают Колышкина. Все время вожусь с народоправцем Нефедовым; в Рязань ездил техник Михаил Як. Яковлев"...

На письме „Жигачева" от 16/III—1897 г., где он говорил, между прочим: „6 лет вас знаю" и упоминал о своей поездке в Н.-Новгород и о „сестренке с Кавказа", Зубатов пометил: „Жигачев выдохся". Из этого документа следует, что „Жигачев" сделался секретным сотрудником в 1891 году. К сожалению, донесений „Жигачева" за первые годы его деятельности мне не пришлось видеть.

2. Петров Михаил Михайлов, из московских мещан; был студентом Ново-Александрийского института, из которого уволен за участие в „беспорядках". В IV—1890 г. подал в д-т п. прошение о разрешении поступить обратно в институт; с этого времени, очевидно, сделался секретным сотрудником охраны. Чтобы провал „Русско-кавказского кружка" не вызвал подозрений в отношении к Петрову, во время ликвидации этой группы был оставлен, в качестве „громоотвода", нетронутым Авалиани, тоже приятель Егупова. Вопрос о виновнике провала организации,

насколько мне известно, не возникал в виду того, что сам главный организатор кружка кончил предательством.

В VIII—93 г. Петров был еще в Москве, и вследствие его указаний велось наблюдение за братьями Жмуровыми, Чичкиным и др. Впоследствии Петров поступил в Лесной институт, где кончил курс и, кажется ушел в частную жизнь, благополучно закончив свою шпионскую карьеру.

3. Федор Михайлов Невский, сын костромского врача и домовладельца, поступивши в Московский университет, принял живейшее участие в кружковой жизни. Имел большой круг знакомств в революционной среде. Затем, по выражению Медникова, „отбился от партии и обабился". Действительно, наблюдение за Невским отмечало частые посещения им ресторанов, знакомство его с цирковыми наездницами, певицами и т. д. Кризис разрешился тем, что Невский сделался осведомителем московского охр. отд-я; это случилось, вероятно, в феврале 1893 г.; 9 числа этого месяца Зубатов получил, как я упоминал выше, агентурным путем протоколы заседаний студенческого „центрального союза", в котором Невский был участником. Во всяком случае является несомненным факт: 15/II—1892 г., поздно вечером, Невский явился в нетрезвом состоянии в московск. охр. отд-ие и заявил желание немедленно видеть „начальника"; вызвали Зубатова, который и беседовал с ним tête-à-tête. Это появление Невского в охранке, вопреки правилам Зубатовской конспирации, могло случиться лишь на первых порах его „сотрудничества",—вследствие неопытности и „по пьяному делу". Заагентурившись, Невский снова принял живое участие в революционной деятельности, освещая главарей „союзного совета" (Ширский и др.), народоправцев (Виктор Чернов) и др. К числу знакомых Невекого принадлежали, помимо Корнатовской и Цирг, А. Максимов, С. Прокопович, В. Святловский и пр. Рослый, цветущего здоровья блондин, Невский уже в то время не имел почти зубов (любил очень сладости); кажется, успешно кончил университет и уехал на родину.

4. В списке библиотеки Егупова, доставленном несомненно М. М. Петровым, значились преимущественно нелегальные издания ходового типа, но были и труды, заслуживавшие особенного внимания, например: „Социальный Сборник", изданный в России в 1888 г. „Волжско-камской группой социалистов-народников", а также: „Раскол внизу и раскол вверху", А. Пругавина (книга эта была уничтожена по распоряжению цензуры).

5. Руделев, Николай Иванов, привлекался в Петербурге по делу местных рабочих кружков. В VIII—1892 г. д-т п. полагал назначить Руделеву местопребывание вне столичных губерний и г. Тулы, а 11/IX того же года поручил, как мы знаем, Бердяеву расспросить Руделева о лицах, упомянутых в его „заявлении". Агентом московск. охр. отд-я Руделев сделался, вероятно, ранее; так, когда Руделев приезжал в конце лета 1892 г. в Москву и, получив у Рыжкиной 3 брошюры (одна из них была Степняка), возвращался в Тулу, то с ним был послан филер Сачков, который потом рассказывал мне, что Руделев в дороге дал ему, опасаясь быть арестованным, саквояж с нелегальщиной, который взял обратно

только по приезде на место. Сачков же ездил потом в Харьков для свидания с Руделевым, который ему сообщил, что из Саратова приезжали два революционера с предложением устроить покушение на царя при посредстве дальнобойного ружья, для чего предлагали хорошенько практиковаться в стрельбе.

О сотрудничестве Руделева в охране в кружках все-таки узнали, что видно из отношения д-та п. от 13/VIII—1896 г., в котором, на основании сведений, полученных московск. г. ж. уп-м, сообщалось, что тульский рабочий Некрасов выслал в Москву Борису Алексеевичу (Кварцеву) карточку Руделева для того, чтобы могли его выследить и убить; на это предприятие было собрано до ста рублей, а исполнительную роль в этом деле взял на себя уволенный из мастерких Московско-Брестск. жел. род. рабочий Шушин.

На это московск. охр. отд-е ответило, что, действительно, летом текущего года у некоторых, наиболее конспиративных тульских рабочих возникло подозрение относительно надежности известного д-ту п. поднадзорного Николая Руделева, имеющего в Туле слесарную мастерскую, причем, в целях проверки поведения Руделева и для выяснения, не посещает ли он, бывая в Москве, кого-либо из главных полицейских агентов, тульчане просили москвичей последить за Руделевым; письмо с таким поручением было получено Павлом Колокольниковым, по последствий не имело.

Из воспоминаний В. Святловского видно, что Руделев в конце 80-х г.г. стоял во главе петербургских рабочих кружков и участвовал в 1889 году вместе с Федором Афанасьевым в выработке устава „Общества Рабочих“ („Былое“ №№ 17 и 19, 1922 г.).

6. М. И. Бруснев состоял на замечании охраны с 1886 г.; будучи студентом СПБ-го технол. ин., он был одним из деятельнейших организаторов и пропагандистов в рабочей среде; окончивши курс на инженер-технолога, Бруснев в 1891 г. переехал в Москву. По делу „Русско-кавказского кружка“ Бруснев был приговорен („в. п.“, 7/XII—94.) на 4 г. т. з. и 10 л. ссылки в В. С.

7. Ф. А. Афанасьев, игравший видную роль в петербургских рабочих кружках, был вызван в Москву М. И. Брусневым, как опытный пропагандист. Накануне ликвидации „Русско-кавказского кружка“, 25/IV—92 г. Афанасьев присутствовал на собрании у Бруснева, которое покинул за полночь; заметив филеров, наблюдавших за квартирой Бруснева, он направился за Пресненскую заставу, где несколько раз „припадал к земле“, чтобы отвязаться от соглядатаев, и добился того, что они его бросили, и он скрылся. Через месяц Афанасьев снова попал в „сферу наблюдения“, которое в июне за ним начали вести хронически, так как около него образовалась „компания“ рабочих (Яшка и др.). Д-т п. требовал арестовать Афанасьева, но охр. отд-е берегло его „на разводку“; наблюдение за ним и его товарищами велось в июле и августе, но филеры так надоели рабочим, что они стали им „кулаки показывать“; а сам Афанасьев пообещался кого-нибудь из шпиков убить. В сентябре 1892 г. Афанасьев, работавший

на Даниловской мануфактуре (за Трехгорной заставой), и его друзья (Капранов и др.) были арестованы. После годичного т. з., Афанасьев был отдан под гл. н. п.; в 1901 г. он поселился в г. Иваново-Вознесенске, снова принял участие в рабочем движении и 22/X—1905 г., во время рабочих волнений, был избит смертельно казаками.

Интересен один факт, находящийся в связи с именем Ф. Афанасьева. 3/II—1893 г. в охр. отд-е являлся ткач Алексеев, который служил секр. сотрудником лет семь тому назад; он сообщил кое-какие сведения об Афанасьеве и получил от Медникова... 30 копеек.

Дешево платили рабочим—даже в охране!

8. „Программа временного организационно-исполнительного комитета" опубликована в книге: „От группы Благоева к Союзу Борьбы". Поэтому ограничиваюсь приведением наиболее существенных пунктов этого интересного документа.

1. „Убежденные социалисты-революционеры, мы стремимся к созданию в ближайшем будущем боевой социально-революционной организации..

3. Последователи научного коллективизма, мы утверждаем, что социалистический идеал может целостно воплотиться в общественных формах лишь в мучительном процессе экономического развития, при активном, однако, воздействии на общественные формы живой человеческой личности...

4. Мы стремимся непосредственно к достижению политической свободы и в ней видим первый шаг на пути целостного осуществления социалистического идеала...

10. Признавая рабочий пролетариат, как экономическую категорию, верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих, с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии..

12. Признавая наступательный политический террор главным орудием борьбы с самодержавием, мы, однако же, утверждаем, что систематический террор возможен лишь при таком развитии организации, которое обеспечит живой приток сил..."

Этот проект программы, составленный П. Кашинским, не имел вполне законченного вида и находился еще в порядке дискуссии; его читали и на собрании, состоявшемся как-раз накануне ликвидации группы. М. И. Бруснев, стоявший в то время на почве марксизма, а также его приятель Ф. Афанасьев не разделяли всех тезисов программы Кашинского, но, повидимому, ради об'единительных целей не находили возможным решительно ее отвергнуть.

Это явление политического гермафродитизма — совмещение марксизма с террористической тактикой в ту смутную эпоху, когда водораздел главенствующих революционных течений будущего только еще намечался— не составляло особой редкости.

По отзыву Бруснева (статья его: „Возникновение первых с.-д. организаций", в № 14 „Пролетарской России"), „Егупов был террорист и конспиратор“. Но таковым же был и Кашинский. Л. Б. Красин в своих воспоминаниях („Дела давно минувших дней“, „Пролет. Революция“, № 15) склонен считать Кашинского сторонником экономического материализма; но, не говоря уже о его проекте программы, в котором террористическая тенденция так резко выражена, выше мы видели, как он чурался „плехановщины“; вернее, Кашинский, как и многие другие, был в то время „на распутьи“. Конспиратором же он был еще более, чем Егупов; Стрелкова, у которой он часто бывал и которую очень донимали его предосторожности, немало трунила над ним по этому поводу, имея в виду его отчаянную близорукость.

Сторонником террора был и другой видный член „Русско-кавказского кружка“— Авалиани, который на почве этих симпатий был в близком контакте с группой лиц (А. Ф. Боборыкин, А. А. Иогансон, А. Н. Максимов и В. М. Каверин), которая в то время была занята обсуждением вопроса о возможных формах организации и которая пришла к заключению, что наилучшим для данного момента способом действия является „террор рассыпным строем“, в виду его несложности и практической выполнимости.

Здесь будет уместно сделать некоторые замечания по поводу указанных выше воспоминаний Бруснева. Он пишет, между прочим, что на собраниях, на которых обсуждался проект программы, присутствовал и Н. Руделев (действительная роль которого ему, повидимому, осталась неизвестной). В документах охраны, как мы видели, в числе участников этих собраний названный провокатор не указан, но назван другой рабочий—А. А. Эрман. Изменила ли память автору воспоминаний, или здесь кроется уловка охранников—судить не берусь... Должен еще упомянуть, что Ф. Афанасьев арестован в Москве, а не в Петербурге, как это значится у Бруснева.

9. „В. п-ем“ от 13/III—1895 г. были приговорены: О. Рункевич, В. Шумов, С. Иваницкий — 5 л. В. С.; К. Волосович и Л. Бейн — 3 г. Арханг. губ.; А. Ануфриев — 3 м. т. з. и 1 г. гл. н.; П. Салоид — 3 г. гл. н.; Ф. Снятиковский и Архангельский—2 г. гл. н.

Дела об А. Потоцком, Ф. Свириденко, А. Гемпель, В. Здзярском, В. Рункевиче, Н. Андрусевиче, П. Немцеве и Ф. Свидерском были прекращены.

С. Райчин был сослан на 10 л. в В. С. и П. Кашинский — на 5 л. в Степное ген.-губ-во.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ IX

1. Членами студенческого „Центрального союза“ были „по агентурным сведениям“: Ширский, Ряховский, Козлов, Звягинцев, Черновы (Владимир и Виктор), Кащенко, Камаринец, Стаханов, Тесленко, Жданов, Снежинский, Яковлев, Попов, Рейнгольд, Белецкий и... Невский, автор этого перечня, из скромности занявший в нем последнее место.

2. Алексей Никифоров Шустров, рабочий, шпионил в Петербурге в 80-х г. г., а потом в Смоленске и Москве; выдал нелегального А. Мака-

ревского; в 1888 г. служил филером при московск. охр. отд., но не поладил с Медниковым, уехал в Петербург, где открыл монтерную мастерскую на Петербургской стороне (Малый проспект, д. 82—11). Шустров родился, приблизительно, в 1860 г.; среднего роста, с окладистой рыжей бородой; лицо широкое, полное, рябое; глаза серые, маленькие, жульнические; человек мало развитой, хитрый, нахальный.

3. Рачковский в апреле 1894 г. доносил д-ту п. следующее: эмигрант Е. Лазарев виделся во Франции с другом своим по Самаре В. А. Осиповым, который, получив от него поручения, выехал с женой своей Викторией Павловой в Россию и на границе был принят в наблюдение варшавскими филерами. Осипов сначала посетил Киев, а затем отправился в Москву.

Осипов—известный публицист „Изгоев", ныне живет опять за границей.

4. Такое издательство и было основано в Лондоне под названием „Фонда Вольной Русской Прессы". Не лишним будет сообщить здесь некоторые детали, касающиеся этого революционного предприятия.

В ноябре 1893 г. в Нью-Иорк приехал Е. Лазарев с двумя молодыми людьми, прибывшими из России, имена которых знали только он, его товарищ Дебагорио-Мокриевич и А. М. Еваленко (агент д-та п., носивший псевдоним „Сергеев"), которому накануне прибытия гостей Гольденберг говорил, что „их надо беречь, не забудьте, что они действуют в России".

Для того, чтобы лучше „сберечь" приезжих (это были: А. И. Ерамасов и В. А. Попов, у которого скрывался после побега из Сибири Лазарев), к ним заботами Еваленки были приставлены провожатые. Из Америки Попов и Ерамасов отправились в Лондон и Париж, где имели свидание с М. Ошаниной, Шишко, Чайковским, Кравчинским, Кельчевским и позже в Женеве—с Плехановым.

Предметом совещаний Попова с эмигрантами был вопрос о постановке за границей издательства нелегальной литературы. Если верить Рачковскому, Попов и В. Короленко были основателями (вероятно, в денежном отношении) „Фонда В. Р. Прессы", первые листки которого появились в декабре 1893 г.

Для характеристики деятельности этого „Фонда" приведу здесь копию письма неизвестного автора, который в феврале 1895 г. писал из Женевы в Харьков, на имя Н. П. Тахановича: „В Лондоне Волховским и Степняком издаются непериодически прекрасные летучие листки. Адрес конторы таков: R. F. P. Fund Co 15, Augustus Road, Hammersmith, LONDON W. Видно, русская оппозиция много поумнела за последние 10 лет... Здесь не встретишь озлобленной болтовни, время горячки, видно, прошло... Все, не имеющее значения фактического, изгнано, в этом вся его привлекательность и сила.. Если хотите получать, то поступать надо так: я вышлю для вас на соответствующую сумму, вы же вышлите мне в марках... Листки будут присылаться из Лондона или на имя выписывающего, чтобы замаскировать, могут быть высланы в платном конверте с какой-нибудь коммерческой фирмой в заголовке, или в таких же конвертах на вымышленное имя, напр., машиностроительное агентство шлет письмо инженеру, в последнем случае, пусть выписывающий передаст своему швейцару или дворнику, чтобы тот брал письма, адресованные на подобное лицо; вообще, нужны предосторожности, какие найдете подходящими. Редакция приняла такую систему распространения своих листков. Пишите в Женеву: „Poste restante, rue du Mont-Blanc“.

Разумеется, этот способ распространения изданий „Фонда“ часто не достигал цели, отчасти потому, что сами адресаты, до которых „Листки“ доходили, иногда уклонялись от их получения, или же представляли полученное по начальству (вероятно—прочитавши). Так поступили, например, известный москвич, издатель К. Т. Солдатенков (4/XI—1894 г.), правление Моск. Земельного банка (25/X—1894 г.) и др.

5. Н. Н. Михайлов, будучи студ-м Киевск. ун-та (в 1890 г.), стоял во главе „марзианцев“; живя в Уфе, он нашумел своим процессом: ранил на почве ревности товарища прокурора казанск. окр. суда, был судим и оправдан. —

Врача Н. Н. Михайлова не следует смешивать с дантистом Н. Н. Михайловым, известным провокатором.

Относительно И. Е. Бондаренко, имя которого нам уже известно по истории с Теселкиным — агентом Бердяева, у заграничной агентуры имелись еще такие сведения: в мае 1894 г. было получено (Рачковским) „из совершенно секретного источника“ письмо В. Бурцева в Петербург „к либералу“, который ему ответил 14/26 мая, называясь „литературным человеком“ и „другом читателя“; последний, по агентурным сведениям, составил совместно с Л. Тихомировым и П. Лавровым известное обращение Исполнительного Комитета к Александру III *). Бондаренко был посредником в обмене этими письмами.

6. Наблюдение за перепиской Мусиньянца дало еще один эпизод, имеющий косвенное отношение к делу армянских националистов.

В II—1894 г. д-т п. препроводил московск. охр. отд-ю копию письма из Москвы, за подписью „твой Кот“, в Женеву, на имя Е. Грамматиковой в котором сообщалось, что автор и его товарищ „Саша“ стремятся к сближению с купеческой молодежью, в целях революционной пропаганды среди приказчиков, артельщиков и конторщиков.

Автором оказался Мусиньянц, жених адресатки, жившей до от'езда за границу рядом с ним в Невских номерах. Брат Грамматиковой — Александр был известен еще ранее, когда, обучаясь в Вяземской гимназии, он затевал вместе с товарищем П. Беневоленским издавать подпольный „центральный журнал“ под названием „Перья“.

7. Письмо к Мигдисову очень интересно в бытовом отношении и стоит привести его целиком.

„Копия письма, полученного из Вана: Дорогие! Будучи постоянно в раз'ездах по окрестностям, я не имел возможности изложить вам раньше

---

*) Речь идет, повидимому, о Н. К. Михайловском.

все собранные сведения. С 12-ю вооруженными товарищами в течение 35 дней я об'ехал 4 горные провинции. Миссия наша состояла в том, чтобы пройти Читах и там основать провинциальные правления. Удача превзошла всякие ожидания, несмотря на встречавшиеся повсюду препятствия. Затем мы об'ехали II, III и IV провинции. Эти провинции суть: Гайоц-Дзор, Чатах, Рштоник и Мокос. В Чатахе был произведен выбор членов правления, в Мокосе, вследствие малочисленности партии, учреждено временное правление, а в Рштонике мы скрылись в пещере Григория Парскацу, где принимали деревенских депутатов. Мы чуть не подверглись нападению курдов, но успели во-время выбраться из пещеры, не дав им возможности окружить нас. По выходе наша партия разделилась на две части: половина заняла позицию на возвышенности сейчас же, другая же присоединилась впоследствии. Мы ожидали перестрелки, но курды заблагорассудили убраться во-свояси. В Рштонике просили нас действовать осторожно, так как состав там маленький и сильный недостаток ружей и патронов. Затем мы благополучно добрались до берега моря, где нас ожидали с лодкою наши. К нашему союзу в Рштонике принадлежат священники, монахи русские и проч. Действия наши принимают постепенно широкие размеры. Все четыре провинции поддерживают между собою постоянные сношения. Обитатели Рштоника более надежны, чем в Мокосе. Все настроены очень воодушевленно и держат нашу сторону. Опасаюсь только, что мы не в состоянии будем обеспечить их оружием. Многие беглецы из'являют желание работать вместе с нами, требуя от нас обеспечить их существование. Сако и Вардон произвели на всех хорошее впечатление. Они очень почитают русских армян. Меня просили поскорее вернуться к ним. Пусть Ташо приедет поскорее, так как в одной из провинций нужно непременно устроить склад оружия.

Вторично напоминаю относительно снабжения оружием. Вопрос этот требует скорейшего разрешения вследствие своей важности. Я об'явил во всех провинциях, что это обязанность центрального правления, между тем в Ване отказываются уделить провинциям оружие. Напишите в Ван официально, чтобы они исполнили наше требование. Вышлите поскорее 8 штук золота. Для переправы оружия имеются три женщины и много мужчин. Для Арчинского правления держите в Эривани запас 10 штук револьверов, может, удастся отправить“.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ X

1. Ближайшим поводом для установки постоянного наблюдения за братьями Черновыми послужило предписание д-та п. от 4/IV—1893 г., основанное, повидимому, на перлюстрационных данных, в котором сообщалось, что канцелярский служитель Иван Михайлов желает запастись ядами через Владимира Чернова, брат коего их уже добыл, но почтой послать опасается.

На это московск. охр. отд-е ответило, что Виктор Чернов об'единяет остатки народовольцев (А. И. Латухин, М. Н. Стрижев, Н. П. Ашешов). Позднее (в сентябре) Бердяев еще донес: „Появился № 2 „Летучего Листка“ (народовольцев), завтра на несколько часов будет у меня; Чернов получил его от Влад. Жданова; Александр Мягков имеет связи с издателями „Л. Листка“; Браудо доставил (в Москву) 20 экз. № 1 и 30 экз. № 2 „Л. Листка“; он сообщил некоторые подробности о петербургской организации; сказал, между прочим, о том, что письмо из Акатуя, помещенное во 2 номере „Л. Листка“, писано „Якубовичем“ (В. И. Браудо поехал из Москвы во Владимир с „хвостом“ в виде филера Шаганова).

Относительно Владимира Чернова в январе 1894 г. были получены еще такие агентурные сведения: 10-го числа он взял (кажется—от брата Виктора) гектограф, а 13-го „никого не пускал к себе, так как занимался гектографированием, которое и закончил благополучно, ибо в это время Бердяеву было не до таких пустяков: „наклевывалась“ типография и обыски были нежелательны.

Длительное наблюдение за Владимиром Черновым привело к тому, что он стал догадываться, что за ним следят; по крайней мере, он жаловался (Невскому), что его „преследует извозчик на серой лошади“ (на самом деле охранники никогда не пользовались лошадьми светлых мастей—слишком заметными).

Наблюдением за Виктором Черновым было констатировано появление в Москве саратовского землевольца Н. И. Иванова, который явился к нему 24/IX вместе (по предположению) с Н. А. Иорданским.

2. „Выясненный ход к центру“ можно считать и для нас выясненным; этот ход: Максимов—Цирг—Серебрякова, что находит себе подтверждение и в следующем докладе московск. охр. от-я от 14/IV—1894 г., за № 954/84: „На-днях поступили агентурные указания, что 24 апреля, после своего венчания (с Верой Цирг), Александр Николаевич Максимов выедет по Волге в Самару, куда его посылает орловский центр, который обусловливает эту поездку предварительной женитьбой Максимова“ (речь шла, повидимому, об устройстве конспиративной квартиры).

Деятельность московской группы народоправцев мог освещать также Невский, продолжавший и после поездки в Петербург дружить с Черновыми.

Но имеются обстоятельства, которые заставляют думать, что в Петербурге имелся и самостоятельный агентурный источник. Так, в одной записи у меня значится: „23/II—1894 г. Бердяев ездил в Петербург и привез от корзины ключи, которые даны были для того, чтобы их бросить в воду“. Кому были даны ключи от корзины, доставленной в Смоленск, в которой были типографские принадлежности,—мне неизвестно.

Затем, в целях осведомления, в феврале месяце было разрешено приехать в Петербург М. Натансону. Проездом из Орла, он виделся в Москве с П. Николаевым, Н. Ф. Цвиленевым, М. И. Молчановым и А. П. Ивановым, а в Петербурге имел сношения с Э. Кобылянским, С. А. Переселенковым, А. И. Александровым и др.

То же самое было проделано и с приятелем Натансона; 9/IV—1894 г. д-т п. телеграфировал московскому охр. отд-ю: „Тютчеву разрешено приехать на несколько дней в Петербург; наблюдение учреждено“. Что это наблюдение имело свой результат, видно из другой телеграммы Зволянского Бердяеву: „Тютчев и Гедеоновский, повидавши Сущинского, вчера вечером выехали вместе, взяв билет в Болхов. Гедеоновский говорил, что заметил за собой и другими в Орле хвост“.

Является вопросом: кому именно Гедеоновский об этом говорил? Сущинскому? А Сущинский—М. Петрову?..

3) Вот вкратце содержание „Манифеста социально-революционной партии Народного Права“, датированного: 19/II—1894 г.

Отмечая „опасность современного положения“, «Манифест» заявляет, что „единственный выход—решительный поворот в сторону политики народных прав и интересов, что может быть достигнуто только путем непосредственного участия страны в делах управления, т.-е. заменою самодержавия установлением свободных представительных учреждений“.

„По мнению партии, понятие о народном праве включает в себя как понятие о политической свободе, так и понятие о праве народа на обеспечение его материальных интересов на началах организации народного производства... Гарантиями этого права служат представительное управление на началах всеобщего голосования и политические свободы, необходимым условием которых является признание права на политическое самоопределение за всеми национальностями и областями, входящими в состав России“.

„Партия ставит своей задачей об'единение всех оппозиционных элементов страны и организацию такой активной силы, которая всеми доступными ей моральными и материальными средствами добилась бы освобождения от современного политического гнета самодержавия и обеспечила бы за всеми права человека и гражданина“.

Единственным, кажется, откликом на „Манифест Н. П.“ был „Ответ группы южнорусских рабочих“ (напечатан в брошюре „Царское правительство и рабочие“, 1895 г.), в котором, между прочим, заявлялось: „Мы, южнорусские рабочие, думаем, что наше экономическое положение улучшится только тогда, когда земля и орудия производства будут государственными; кроме политических требований мы считаем необходимым, чтобы конституция обеспечивала за народом и социально-экономические требования нашей программы, для проведения которой мы, отдельные группы рабочих, будем организовываться в партию и, когда она будет достаточно сильна, с оружием в руках потребуем проведения нашей программы в жизнь“.

Помещая „Манифест Народного Права“ в „Обзоре“ (XVIII), официальный летописец добавил (и не без оснований): „Составители этой программы, ставившие себе целью „об'единение всех оппозиционных сил“, умышленно обошли молчанием вопросы о тактике, но, насколько известно, симпатии их были всецело на стороне террористической борьбы“.

4. М. А. Мопцевич в 1885 г. привлекался по д. „Пролетариата“ (участвовал в устройстве тайной типографии в Варшаве—на Сенной ул.,—занимался пропагандой среди рабочих); в 1887 г. был сослан на 5 л. в В. С.; по отбытии ссылки жил в Самаре, а с июня 1893 г.—в г. Орле, после чего перешел на нелегальное положение.

5. По заграничным агентурным сведениям, В. Величкина, находясь за границей, поддерживала знакомство с В. Бурцевым и находилась в сношениях с лондонским „Фондом Вольной Русской Прессы“, для листков которого обещала давать сообщения о России и, между прочим, отправила туда для напечатания статью об обстоятельствах смерти учителя Дрожжина, полученную от М. Алехина (привлеченного к дознанию при виленском г. ж. у.).

В. Величкина (по мужу Бонч-Бруевич) умерла 30/IV—1918 г.

6. Сергей Михайлов Смирнов по ярославскому делу был сослан в З. С. на 3 г.; определением правит. сената от 27/VII—1889 г. за сопротивление, оказанное политическими ссыльными, в числе 22 человек, при отправлении их 9/VI—1888 г. из Тюмени, был приговорен, с лишением прав, к т. з. на 1 г. 4 м. Наблюдением по г. Смоленску, где Смирнов состоял под надзором, помимо сношений с Лежавой и Гедеоновскими, было установлено его знакомство с Д. Н. Жбанковым.

Нельзя не упомянуть здесь о том, что в делах московского охр. отделения имеется записка начальника этого отделения за № I/II (1896 г.) директору д-та п. относительно сотрудничества в петербургском охр. отделении Смирнова, привлекавшегося по „Народному Праву“.

7. „В. п.“ 22/XI — 1895 г. были приговорены: к ссылке в В. С.: Н. С. Тютчев и М. А. Монцевич — на 8 л.; Н. П. Фонякова и Е. К. Яковлев — 6 л.; М. А. Натансон, А. В. Гедеоновский, М. И. Жерякова, Л. С. Александрова, М. А. Ромасев, А. М. Лежава — на 5 л.; в Архангельскую губ.: Е. Троицкая, И. Львов, А. Максимов—на 3 г.; в Вологодскую губ.—Вик. Чернов—на 5 л.; В. Лебедев, И. Кумапин, Н. Жданова, Л. Чернова—на 3 г.; П. Николаев, Вл. Чернов, И. Прозоровский, С. Смирнов, А. Сазонов, В. Башмачников, С. Сотников, А. Александров—на 3 г. гл. н.

По „в. п.“ от 24/I — 96 г. были приговорены в В. С.: В. Браудо, М. Сущинский, Н. Белецкий, К. Иванов, В. Окольский — на 8 л.; М. Александров—на 3 г. т. з. и 5 л. В. С.; А. Никитинской — 3 г. Арханг. губ.

По „в. п.“ 17/I—1896 г. Н. Флеров приговорен на 2 г. т. з. и 3 г. Арханг. г.; М. Ослопова—1 г. т. з. и 3 г. гл. н.

8. В поисках „резерва“ народоправческой типографии московск. охр. отд-ние, помимо розыска, предпринятого в Воронеже, установило через неделю после ликвидации наблюдение за упоминавшимся выше Н. Е. Кушенским, которое, однако, выяснило лишь, что он занимался в это время, главным образом, своей невестой, с которой 15/V—1894 г. уехал в г. Тамбов и оттуда—в имение военного врача Ф. А. Жирова (женатого на его сестре).

Несколько позднее, в виду полученных агентурных сведений о том, что резервы типографии находятся в городе Саратове, в помянутый город были командированы московские филеры, но об этом деле будет рассказано особо.

Н. Е. Кушенский привлекался к дознанию политического характера еще в 1887 году и с того времени состоял под негл. н. п. В 1894 году он снова обратил на себя внимание перепиской с Ерамасовым, ездившим за границу для свидания с эмигрантом Е. Е. Лазаревым; он посылал также в заграничные издания статьи, „осуждавшие русское правительство“.

9. П. П. Мануйлов в 1882 г. был исключен из Харьковск. ун. за участие в „беспорядках“; в 1884 г. привлекался в Воронеже за то, что давал нелегальщину реалисту Ф. Агаркову; по „в. п.“ 11/IV—1885 г. выслан в З. С. (г. Березов) на 3 г.; в 1890 г. по Сабунаевскому делу был арестован и по „в. п.“ 22/I—1892 г. подвергнут т. з. на 1 г., после чего ему было воспрещено жительство в университетских городах и г. Твери на 5 л.

10. А. Кранихфельд — урожденная Дара, большая приятельница М. Н. Корнатовской, появилась на московском горизонте в начале 1891 г.; квартира ее, по выражению Медникова, была „постоялым двором“, потому что ежедневно у нее были гости из числа радикальной молодежи (В. Громан, Е. Мягков, Е. Поленов, Н. Ашешов, К. Намитниченко, С. Жевайкин, Ф. Невский и т. д.). За квартирой „цыганки“ (как называли Дару охранники) было почти постоянное наблюдение, которое велось, когда она жила в д. Тихомирова, по Конюшенскому пер., из дома, расположенного „визави“, в котором поселились филеры Д. Попов и Зайцев. Благодаря тому, что у Дары долгое время окна совсем не занавешивались, соглядатаи видели почти все, что происходило у нее. Об этом было, впрочем, известно и другими путями — иногда до мелочей, например: „был Гольцев и пил водку“.

После смерти В. Кранихфельда Дара вышла вторично замуж за П. Н. Малянтовича.

11. В виду частых „провалов“ московская кружковая публика стала мнительной и начала „подозревать“; обвинили курсистку Н. Г. Косюра, у которой случайно увидели письмо жандармского генерала Шрамма к председателю человеколюбивого общества Яковлеву об оказании ей помощи. Пала тень на Н. Наумова (знакомого Прозоровского и др. петровцев); но он потребовал „доказательств“, которых не оказалось. Дошла очередь и до Корнатовской, которая была причастна ко всяким конспирациям и тем не менее оставалась неуязвимой, что многие об'ясняли по наивности тем, что она состоит „агентом“, не догадываясь, что именно это и требуется охране для прикрытия действительного осведомителя — Серебряковой. В конце-концов Корнатовской прямо заявили (VI—1895 г.): „Если вы, Мария Николаевна, будете возиться еще с нелегальными делами, мы вас пропечатаем“. На это Корнатовская, не чувствуя за собой никакой вины, заявила: „попробуйте!“ И продолжала свою бессознательную службу охране...

Впоследствии Корнатовская вышла замуж за Елагина и уехала в Саратов.

12. Эмиграция отнеслась несочувственно к предложениям Эртеля отчасти из предубеждения к его личности: ему приписывали оговор писателя Кривенко на дознании (в 1884 г.) по делу секретаря газеты „Новости" Грекова (который, впрочем, и сам выдавал на допросах). По этому делу Эртель просидел 1 г. в Д. П. З. и затем был выслан из Петербурга. Эртель писал (в 1891 г.), что „заветнейшая мечта моя, это—написать роман, только не в условиях русской жизни, о молодом движении, начиная с 19/II и кончая казнью первомартовцев"; об этом он говорил и Лаврову и сообщал Черткову (в 1894 г.), говоря, что намерен собрать за границей соответствующий материал. Эртель умер в 1908 г., не выполнивши своего намерения.

13. В. Я. Яковлев — литературный псевдоним „Богучарский", автор трудов: „Государственные преступления в России", „Из прошлого русского общества" и др., принимал живейшее участие в издании исторического журнала „Былое"; умер в 1915 г.

Покойному везло на провокаторов, хотя пострадать от них ему и не пришлось,—отчасти, б.-м., потому, что он был в стороне от активной революционной деятельности. В связи с пребыванием Яковлева в Москве находится одно обстоятельство, оставшееся недостаточно выясненным: в мае месяце 1895 г. он виделся с Юрковским—из харьковских, которого наблюдение привело в гостиницу „Славянский Базар"... к жившему там Семякину (приезжал в Москву для совещаний с Зубатовым по делам агентуры), которому этот Юрковский жаловался, что за ним следят; предполагалось, что сей „харьковец" поедет в Воронеж, куда „может-быть, приедут потом из Харькова (сначала—в Усмань) нижегородцы Н. Кисляков и С. Смышляев".

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XI

1. В XI — 1893 г. П. Ширский, по агентурным сведениям, отвез (это было отмечено и наружным наблюдением) литографский камень на станцию „Быково" (в окрестностях Москвы), где отдал его на хранение управляющему каким-то владением Ильину; камень этот Ширский взял от Ментова, к которому принесли его из дома Зачатиевского монастыря, где жил, кажется, Калафати; филеры очень потешались, глядя, как тащили эту тяжесть, меняясь по-очереди, Калафати, некий техник и... Ф. Невский! Тот же Калафати отнес 9/XII—1893 г. гектограф к Жданову.

Невольно бросается в глаза одно обстоятельство—та снисходительность, с которой относилось охр. отделение к „принадлежностям тиснения", ходившим по рукам наблюдаемых.

Из агентурных сведений „Жигачева" (примечание 1 к гл. VIII) мы знаем, как этот с. сотрудник с Васильчиковым—в Вязьме, а позже Прозоровский с Богомоловым — в Москве варили гектографы.

10/VII—1893 г. Бердяев, сообщая д-ту п. о том, что Александр Иогансон был в с. Озерцах, Зарайского уезда, у братьев Л. и А. Покровских, добавлял, что у них там припасены мимеограф и пишущая машина.

Мы уже знаем (гл. X, примечание 1), гектограф имел и Вл. Ч при чем агентуре было даже известно, когда он на нем работал. То же самое было, как мы увидим в следующей главе, с О. Хаминым и В. Ждановым, которому 9/XII—1893 г. вышеупомянутый Калафати принес гектограф, что было отмечено и филерской проследкой.

Несмотря на эти вполне точные сведения, охр. отделение их не утилизировало, предоставляя наблюдаемым беспрепятственно множить „запрещенные сочинения". Престидижитатор агентуры Зубатов руководствовался в этих случаях особыми соображениями: иногда он не брал „техники", чтобы не скомпрометировать своих секретных сотрудников, часто стоявших к ней вплотную; вообще же он находил, что выгоднее поймать с нелегальщиной десяток революционеров, чем одного с „техникой".

Порою эти розыскные трюки доходили до виртуозности. Например, весной 1893 г., при производстве обыска у Б. А. Келлера, командированному специально для руководства этим следственным действием чиновнику охраны Войлошникову было приказано не обращать внимания на „вещественные доказательства", которые могут оказаться у обыскиваемого; в силу этого распоряжения пачка нелегальщины, лежавшая совершенно открыто на полке, и даже гектографские чернила, стоявшие на окне, которыми пристав Шидловский начал писать протокол, были оставлены в неприкосновенности. Вся эта комедия была разыграна для того, чтобы придать обыску характер простой формальности и бросить тем самым тень подозрения на Келлера с целью замаскировать действительного осведомителя.

2. В квартире Л. Конкевича были переписаны: Б. А. Келлер, М. П. Бойков, Б. В. Авилов, А. В. Агарков, П. С. Ширский, А. Н. Мамуна, А. Р. Брилинг, Н. Н. Вашков, Н. А. Шумицкий, П. Н. Фомин, В. В. Полянский, В. Е. Потресов, А. А. Малиновский, Н. Г. Гамбаров, А. С. Астахов, Д. В. Ламба, В. Я. Павлов, К. Н. Забнин, В. П. Бирк, И. С. Станишевский, П. А. Рождественский и Л. Н. Блинов.

Из этого списка видно, что некоторые, более или менее видные в будущем социал-демократические деятели (А. Малиновский, Б. Авилов, Н. Вашков) в то время не уклонялись от участия в земляческих организациях, ставивших на первый план защиту академических интересов.

3. В числе высланных 3/XII—1894 г. были, кроме вышеперечисленных участников собрания у Конкевича: Н. А. Ряховский, С. Н. Ставровский, В. П. Кащенко, М. В. Камаринец, Н. К. Кондорский, Л. М. Рейнгольд, Н. А. Иорданский, Н. Я. Петров, Т. И. Попов, В. Г. Михайловский, Н. Н. Черносвитов, В. А. Щерба, С. Е. Иванов, П. Г. Смидович, А. И. Пискунов, Е. А. Флеров, Н. А. Флеров, В. А. Семашко А. А. Некрасов, Д. А. Протопопов, М. Л. Сергиевский, В. К. Руднев, Т. Н. Атабеков, М. Н. Атабеков, К. К. Осипович, П. В. Денисов, И. О. Снежинский, Ю. Ф. Семенов, И. Т. Павлицкий, В. А. Дрелинг, Д. П. Калафати, А. Н. Винокуров и М. Е. Цейтлин.

4. Владимиров об'явил, в качестве приват-доцента при Московском

университете, курс философии уголовного права; его появление на столичной кафедре вызвало сильное возбуждение среди студенчества в виду предшествовавшей деятельности нового профессора в качестве защитника ростовщика Кравцова и земского начальника Протопопова, процесс которого когда-то нашумел.

Судебная комиссия С. Совета нашла, что Владимиров, до 1888 г. стоявший за состязательный процесс и за выборную мировую юстицию, менял затем свои убеждения по мере того, как выяснялось реакционное направление на верхах. „Признавая, что Владимиров проповедует реакционные идеи, что он берется за защиту заведомо грязных дел, что проповедь реакционных идей может оказать деморализирующее влияние на студентов, суд. комиссия постановила не допускать В. в Московский университет“.

В виду этого С. Совет послал к Владимирову депутацию с предложением, во избежание могущей произойти демонстрации, отложить чтение лекций; подвергнутый бойкоту, В. отменил об'явленный им курс.

5. Полного текста „петиции 42“ в моем распоряжении нет; по другим моим записям, в ней содержались еще требования об увольнении оберполиц-ра Власовского и упразднении охр-го отделения.

Во всяком случае, выступление с подобной петицией в то время являлось проявлением некоторого гражданского мужества, и будет справедливым привести имена участников этого акта, совсем незаурядного в истории русских университетов.

Петицию подписали профессора: И. Сеченов, Ф. Эрисман, Н. Грот, Н. Филатов, А. Столетов, Ф. Фортунатов, Н. Стороженко, А. Остроумов, П. Дьяконов, А. Шварц, А. Фохт, А. Чупров, А. Крюков, М. Духовской, В. Миллер, К. Тимирязев, А. Маклаков, Л. Лопатин, И. Горожанкин, И. Нейдинг, В. Шервинский, Н. Корсаков, П. Виноградов, М. Мензбир, М. Карелин, И. Огнев, Н. Миропольский, С. Корсаков, К. Павлинов, А. Бобров, В. Герье, А. Булыгинский, Д. Анучин, Н. Зелинский, Ф. Корш, С. Соболевский, Н. Умов, А. Кожевников, В. Ключевский, М. Соколов, В. Тихомиров, Ю. Гамбаров.

6. В архиве судеб. комиссии С. С. были документы обвинительного характера и письма защитительные, касавшиеся подозрений в предательстве: Клопского, Н. Г. Косюры (см. прим. 11 к гл. X), Скерста (приговорен к удалению из Демидовского лицея), Горячкина (покинувшего тот же лицей), Алексеева, некоего М. Р. и др.

Из упомянутых лиц В. Ю. Скерст был скорее шантажистом, чем шпионом; за скандальные истории его исключали из всех учебных заведений, куда он поступал. В IV—1894 г. Скерст был подчинен негл. надзору и удален из Москвы. У жившего вместе с Скерстом студента А. В. Горячкина товарищи нашли донос на тамбовское землячество, адресованный генералу Шramму.

Подозрения относительно Клопского (подлежавшего, вследствие „в. п.“ от 6-II—1893 г. т. з. — на 1 м. и гл. н. п. на 2 г.) основывались исключительно на том обстоятельстве, что он, несмотря на то, что его разыскивали, жил в Москве более или менее явно и полиция его не арестовывала. Но об'яснялось это очень просто: охрана не интересовалась толстовцами и агентуры среди них не имела.

Что касается В. А. Алексеева, то он, действительно, дал на дознании по делу Астырева изобличающие других показания (в частности—о казанцах: Соскисе, Прокушеве и др., имевших отношение к распространению „Лет. Листка“ народовольцев). Но Алексеев писал свои пространные об'яснения, будучи ненормальным, в припадке религиозного помешательства; он оправдывал, как значится в № 3 „С родины на родину“, „низость своего поведения тем, что познал истинное христианство“.

Инициалы „П. Р“. относились, по всей вероятности, к Рудницкому, который был сотрудником с-петербург. охр. отделения, а потом „работал“ у жандармов в Киеве и Одессе.

7. В списке участников С. Совета весеннего состава 1895 г. значились: В. Ф. Макеев, М. И. Масленников, Н. Н. Веселовзоров, М. Н. Янишевский, В. Е. Павлов, В. М. Фивейский, Н. А. Шишло, Г. Д. Няшин, А. И. Антоконенко, В. Н. Серебренников, С. Д. Крылов, В. Е. Алексеевский, Н. Н. Бельский и Э. Ф. Руди.

8. Дознание о „С. Совете“ было разрешено „в. н.“ от 6-XI—1896 г. так: П. Ширский, Н. Бельский и И. Денисов — 3 г. гл. н. в Арханг. губ.; П. Милюков — 2 г. гл. н.; В. Фивейский, Г. Горшечников, П. Лавров, М. Загрядков, Г. Логачев, М. Янишевский, Э. Руди, В. Ширский, А. Лосицкий, С. Крылов — несколько недель т. з. и 3 г. гл. н.; Н. Веселовзоров и Н. Шишло — 1 г. гл. н. Об остальных дело было прекращено (по манифесту).

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XII

1. Деятельность Бруснeвской группы в Петербурге уже достаточно освещена в литературе. Одесский кружок, из которого вышел ряд крупных с.-демократов (Нахамкис, Вельтман - Павлович, Г. Циперович) занимался пропагандой среди матросов и рабочих уже в 1892 году.

К. Чекеруль-Куш и жена его Анна (ур. Барабаш) были арестованы в Юрьеве в конце 1893 г.; у них был найден склад революционных изданий и рукописей на русском, польском и немецком языках; на дознании выяснилось, главным образом, благодаря показаниям Николая Адамовича, что к кружку принадлежали студенты Юрьевского ун-та И. Давыдов, А. Скворцов, Н. Байздренко, Д. Исаев, М. Косач, И. Федоров; кружок занимался пропагандой среди рабочих и переводами сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса и Бебеля. По этому делу Байздренко получил 6 м. т. з. и 2 г. гл. н.; супруги Чекеруль-Куш — 4 м. т. з. и 2 г. гл. н.; Давыдов— 3 г. гл. н. в сев. губ.

Александр и Анна Машицкие, а также многие другие, были привлечены к дознанию вследствие заявления, сделанного донскому жанд. упр. рабочим Петром Ветровым, который затем отравился 16/XII—1893 г.

2. Винокуров был удален из Москвы в марте 1890 г. во время „беспорядков“; снова был выслан 3/XII — 1894 г. в числе других 46-ти лиц в связи со студенческими волнениями. В следующем году Винокуров был арестован в Екатеринославе, по ходу дознания о кружке Мицкевича. Когда московск. охр. отд-е сообщало жанд. упр-нию сведения о Винокурове, оно вычеркнуло сведения о посещениях Корнатовской квартиры Винокуровых и то, что в доме Ляховой, где жила Корнатовская, бывала Винокурова; сведения же о том, что в доме Трусова, где жила Серебрякова с мужем, бывала Винокурова, было оставлено: „так, в случае чего, скорее подумают на „Маньку“,— рассуждал Зубатов, делая шахматные ходы своей агентурной „королевой“.

3. Рабочие мастерских Московско-Брестской ж. д. давно были об'ектом внимания революционных агитаторов; еще П. Аносов и А. Синицын старались проникнуть в их среду; о том же думали Бруснев и Егупов; вел пропаганду среди этих рабочих и А. Н. Добронравов (высланный в 1890 г. в Нижний-Новгород, где он и умер). К этой пропаганде имеет отношение и следующий случай: 29 / XII — 1894 г. младший фельдшер Моск.-Брестск. ж. д. представил в полицию брошюры „Социализм и политическая борьба“ и „Хитрая механика“, найденные матерью А. Н. Егорова в шкапу после уехавшего жильца, пом. машиниста Моск.-Брестск. ж. д. Я. И. Мотина, которого на следующий день и арестовали.

4. В ответ на сообщения д-та п. о Чичкиных и К-о Бердяев донес, что в перлюстрациях идет речь о кружке саморазвития, в котором участвует до 20-ти молодых людей; кружок имеет польские нелегальные издания и распространяет гектографированные брошюры; за ним имеется наблюдение внешнее и „внутреннее“.

Бердяев в данном случае не лгал: Чичкин был приятель Батурина, жившего вместе с Шестопаловым, знакомым М. М. Петрова („Пуговка“), который и „освещал“ их деятельность (между прочим указал на Жмурова, имевшего брата-вольноопределяющегося и сестру, которые, живя на Воробьевых горах, хранили, будто бы, нелегальщину; за ними тоже было наблюдение).

5. В „Материалах для биографического словаря социал-демократов“ (Москва, 1923 г.) относительно П. И. Винокуровой, между прочим, сказано, что она „входила в образовавшийся тогда женский кружок из трех человек, завязывала связи с женщинами-работницами“ и т. д. Возможно, что эти сведения относятся к П. П. Марголиной, В. Ф. Поздняковой и Г. Г. [illegible], которых охрана считала принадлежащими к кружку Винокуровых.

6. Из воспоминаний С. И. Мицкевича („Пролет. Рев.“ № 14) видно, что летом 1894 г. в Горках, Переяславского уезда, происходило мимеографирование [illegible] Ленина „Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов“. В этом деле принимали непосредственное участие А. А. Ганшин и В. Н. Масленников. В моих материалах нет указаний на то, что охр. отд-ние знало об этом деле, хотя о том, что у названных

лиц есть принадлежности тиснения, оно было осведомлено, что доказала ликвидация их кружка 9/VI—95 г.

7. Воззвание, составленное 7/VI на собрании, состоявшемся у Кирпичникова, начинается обращением: „Товарищи-рабочие!“ и затем оповещает, что „рабочие, понявшие необходимость бороться сообща, соединились в „Рабочий Союз“ и приглашают рабочих всех фабрик и заводов присоединиться к ним“ за тем, чтобы „дружно бороться за право свободно собираться для обсуждения своих дел“, бороться, „пока вся земля, все фабрики и заводы не сделаются общественной собственностью“.

Представляет интерес и набросок программной формулировки, найденный в бумагах Кирпичникова (переписанный на машине и отгектографированный); привожу заключительную часть: „Итак, организация, организация и организация—вот политика пролетариата. Все, что стоит помехой на этом пути, должно быть устранено. У нас в России такой помехой является абсолютизм. Поэтому, у нас программа деятельности передовых бойцов пролетариата такова: тайная организация пролетариата для достижения политической свободы и политическая свобода для беспрепятственной, открытой организации пролетариата“.

8. В числе материалов, отобранных у Ганьшина, были 30 экз. „Летучего Листка“ народовольцев и визитная карточка студента Лесного инст-та Выходцева; последний летом 1895 г. приезжал из Петербурга в Москву, был под наблюдением, в виду имевшихся указаний на то, что он распространяет „Летучие Листки“. Источником этих агентурных сведений мог быть тот же „лесник“ М. М. Петров; возможно, что последний „освещал“ и Ганьшина, учившегося в Петербургском технологическом институте.

9. В. М. Каверин (упоминавшийся уже по делу о „Русско-кавказском кружке) „привлекался к дознанию в Пензе и по „в. п.“ от 9/XI—1894 г. был подвергнут т. з. на 1 м. и гл. н. на 1 г.

10. Показание М. Мандельштама о том, что типография, обнаруженная у Масленниковых, была приобретена им в Риге и затем находилась в его распоряжении до VI — 1895 г., стоит в некотором противоречии с воспоминаниями С. И. Мицкевича („На грани двух эпох“), по рассказу которого у братьев Масленниковых шрифт, похищенный из московской типографии, был еще ранней весной 1894 г.; кроме того, как мы уже видели, валик для станка был доставлен К. А. Кирпичникову незадолго до ликвидации группы Андреем Карпузи. Возможно, что Мандельштам показал в данном случае неверно с тем, чтобы сбить с толку жандармов.

11. Жандармским дознанием был выяснен лишь некий „Барбасов“, но охр. отд-ние сразу установило, что эта кличка относится к Д. Колчину (одно время он служил в часовом магазине Перекудина, на Солянке); по агентурным сведениям, Колчин (были сообщены его приметы) должен был присутствовать 3/IX—1895 г. на собрании рабочих в д. 43, на Семеновской ул. 5/IX Зубатов читал Медникову письмо секр. сотрудника, который сообщал: „В доме Климовой, в воскресенье, произошло 3-е собрание, но Барбасов на нем не был — он уходил на фабрику; за ним посылали, но не нашли; ему скоро предстоит отбывание воинской

повинности. На сходке был Коровин, Ромашков и др. К этой компании принадлежит рабочий Еремеев Мишка, живущий в доме Исакова, на Татарской ул.“.

По поводу этого письма Медников заметил: „Не Мишка, а Сашка“.

За Ромашковым наблюдение велось с 25/VIII; у него был знакомый Яковлев.

12. Достойно примечания: несмотря на то, что личность Якова Дмитриева Лебедева охр. отд-м была точно установлена (крестьянин Верейского уезда, Хапольской в., д. Облянищева, 26 л., работал на ф. Михайлова), на запрос жанд-го упр-ния о нем последовал ответ: „Выяснить не представилось возможным“; более того: по приказанию Бердяева фамилия Лебедев была совсем „вычищена“ из переписки по этому делу.

13. Сведения, которые были сообщены ген. Шрамму охр-м отд-м о рабочих, упомянутых в показаниях Р. Наумова, были следующие:

П. Чернов — как лицу вредного направления, ему было воспрещено жительство в Москве сроком по 1/VII—96 г.

С. Федотов—известен по д. Мицкевича и о „Московск. Рабоч. Союзе“; знаком с привлекавшимися в разное время „по Рабочему Делу“ Я. Ларионовым, П. Егоровым, А. Кудриным, А. Карпузи, Т. Самохиным, Н. Хозецким, Ф. Поляковым и М. Васильевым.

П. И. Гончаров — участвовал в сходке, состоявшейся осенью 1895 г. в Говейной роще; был арестован по д. „Московск. Рабоч. Союза“.

Ф. Игнатьев — как лицу вредного направления, было воспрещено жительство в Москве по 1/VII--1896 г.

В. Дешевой — в июле 1896 г. был под арестом за подстрекательство рабочих к забастовке. Брат его Петр—тоже.

А. Маклаков—до ноября 1895 г. состоял под негл. н. полиции.

Е. Сеняев—до сентября 1894 г. тоже состоял под н. н. п.

А. Кудрин—привлекался в 1895 г. по группе с.-д.; за вредное направление было воспрещено жительство по 1/VII—1896 г.; имел общий с Федотовым круг знакомых.

Относительно И. Е. Царева в охр. отд. тоже имелись сведения, но о них оно почему-то нашло нужным умолчать. Между тем, еще 26 / X — 1895 г., служивший на ленточной фабрике Сегалова в Москве крн. А. Н. Стрельцов являлся к приставу 1-го уч. Хамовнич. ч с заявлением о том, что „на фабрике скрывается высланный из Петербурга И. Е. Царев, распространяющий брошюры“. Мне неизвестно, какая судьба постигла этот донос, но нельзя сомневаться, что он, а равно и доносительное рвение Стрельцова, не были так или иначе использованы.

По „в. п.“ от 28/I—1898 г. И. Царев был отдан под гл. н. п. на родине на 1 г. П. Чернов получил 2 г. гл. н. вне столиц и фабричных районов, а И. Горбунов—1 г. гл. н. на родине.

Относительно других лиц, привлекавшихся по „С. Р.“, мне известно только, что К. Бойэ был приговорен на 3 г. ссылки в Архангельскую г., а Ф. Бойэ—на 3 г. гл. н. на родине.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XIII.

1. В числе задержанных 4/V—95 г. (большей частью на несколько дней) были: Е. Д. Смирнова, А. И. Павелко-Поволоцкий, М. Д. Загряцков, С. Ф Иванов, И. И. Корчемкин, Ф. П. Крылов, Н. Д. Пухтинский, В. И. Бельцов, И. И. Оловянников, И. О. Глебин, В. Ф. Соколов, Г. К. Хрщанович, А. М. Форафонтова, Е. В. Чуреева, В. С. Горский, А. П. Истокская, В. В Салатко-Петрищев, Н. А. Янковский, А. А. Яновский, Г. Д. Карпузи, Е. В. Котельникова, Г. П. Михайловский, А. С. Качковская, А. А. Крутикова, П. И. Немцев, М. М. и П. М. Териховы.

Аресты были многочисленны вовсе не потому, что заговор отличался обширностью; обыскивали и задерживали „на всякий случай“ в виду важности дела (замышлялся „террористический акт первостепенного значения“) и с целью прикрыть агентуру, которая стояла слишком близко к заговору.

В числе арестованных были даже явные социал-демократы (брат и сестра Карпузи), а также люди, им, повидимому, сочувствовавшие, если судить по отобранной у них литературе; таковы, например, Оссопинская (рукопись „Женщина и работница“, литогр. бр. „Наемный труд и капитал“), Уваркина („1-е мая—4 речи рабочих“); Скворцов („Эрфуртская программа“ и „Социал-Демократ“, № 2). Дознанием было установлено также, что на собрании у Егорова читали „Наши разногласия“ Плеханова.

2. По „высочайшему повелению“ от 14/II—96 г. о московском террористическом кружке были отданы под гласный надзор полиции: З. Герngрос—на 5 л. в Закавказье; И. Войнарский—3 г. в З. С.; Н. Пухтинский—3 г. в В. С.; Е. Смирнова—3 г. в Вологодск. губ.; А. Акимова, Н. Аракчеева—на 5 лет; И. Скворцов, В. Оссопинская, А. Филатов, О. Чистякова, М. Рыжкина, В. Соколов—на 3 г.; З. Уваркина, А. Вильковская, В. Муринов, П. Руденко—на 1 г.. Об 11 лицах дознание было прекращено.

О дальнейшей судьбе Распутина известно, что, находясь в ссылке, он подал „покаянную“ и, живя в Средне-Колымске, „стоял вне колонии“ политических ссыльных, а в 1902 году оттуда уехал (Цыперович; „За полярным кругом“, 282 стр.).

Т. Акимова во время отбывания одиночного заключения заболела психическим расстройством.

3. Чтобы сбить с толку кружковую публику о причинах провала распутинской группы, Зубатов пустил через агентуру слух, что причиной ареста был донос дворника, который почуял будто бы, что от квартиры Бахарева „пахнет недобрым“ (газами); эта полицейская басня была принята всерьез, и подобная версия о провале „распутинцев“ нашла себе место в заграничной прессе («Лет. Листок» Ф. В. Р. П., № 27).

4. Воззвание, которому не суждено было увидеть свет, имело такое содержание: „Группа народовольцев, издающая „Листок“, занята в настоящее время печатанием книжек для народа. За последний год ею изданы

следующие брошюры: „Рабочий день“, „Царь-Голод“, „Ткачи“, „Об'яснение закона о штрафах“, „Об'яснение новых правил для рабочих“. Теперь печатаются „Гвоздь“ и „Углекопы“... Недостаток денежных средств подвергает опасности самое существование типографии, деятельно разыскиваемой полицией, — необходима помощь посильными денежными взносами“.

5. В Петербурге, по делу лахтинской типографии были еще арестованы: П. И. Белов; П. Ф. Борисов; И. А. Долинин, И. Е. Смирнов, А. С. Шаповалов, М. П. Кузьмин, С. О. Кржицкий, А. И. Косолобов, З. Т. Ковалевский, Н. Н. Книпович, М. А. Кондратьев, П. И. Попов, Н. Ф. Тульский, А. Е. Тулупова, А. Ю. Фейт, Л. М. Книпович, В. И. Купцов, С. Н. Кургуев, З. П. Невзорова.

В Одессе были задержаны: А. Л. Катанская, Д. К. Крайнев, М. Г. Тулупов, А. В. Гертопан, Х. С. Чернявский, а в Аккермане: В. П. И. П. и Г. П. Приютовы, А. Ф. Осмиховский и Ковалевский. У Приютовых был обнаружен склад последних изданий группы народовольцев.

6. О рабочей партии думал не только Приютов. В дневнике, отобранном у Михаила Тулупова, между прочим, имеются такие записи: первое собрание группы народовольцев было 11/XI—95 г.; „поводом для собрания было то, что группа эта соединилась из кучки интеллигентов и рабочих; у интеллигентов были материалы для издания и средства, а у рабочих—типография, и они работали в ней. Интеллигенты считали себя членами группы, а рабочих—исполнительным средством их гения; они от рабочих знали все до мельчайших подробностей, а мы про их дела ничего не знали“...

7. Интересную характеристику „смутного времени“ 90-х г.г. и новой ориентации эпигонов народовольчества мы находим в письме В. Я. Яковлева, который, будучи сторонником этого течения революционной мысли, писал еще в IX—95 г. за границу: „Странная вещь, но даже мне, живущему здесь и постоянно вращающемуся в известной среде, нелегко разобраться в том удивительном шатании политической мысли, которое служит толичительным признаком переживаемого времени. Года три-четыре тому назад социал-демократическое направление не могло даже считаться сколько-нибудь заметным явлением русской жизни; теперь оно безусловно господствует: к нему пристало значительное количество революционно-настроенной молодежи“ и т. д. („Былое“, VIII—1917 г., ст. В. Кранихфельда).

8. Нельзя не признать, показания Шулятиковой грешили излишней откровенностью—в этом отношении она следовала, очевидно, примеру самой Прейс и других. Показания Шулятиковой не носили, впрочем, покаянного характера; она была сослана в Сибирь, где вышла замуж за Распутина и под этой фамилией была арестована по делу о готовившемся покушении на жизнь министра юстиции Щегловитова: ее задержали с бомбой в Петербурге 6/II—08 г., а через 11 дней после этого казнили.

9. Охранному отделению приходилось иногда поневоле выступать в роли блюстителя „добрых нравов“. По поводу посещения Прейс и Олениным номеров „для свиданий“, отделение представило обер-полицеймейстеру доклад (29/XII—97 г., № 16.162), в котором выступило против гостиниц „специального назначения“. Рассказывая об упомянутом свидании, во время которого Прейс предлагала Оленину „организовать группу для террористических действий, обещая в случае согласия средства для выполнения предприятия, при чем тут же передала ему народовольческий листок“,—охранное отделение жаловалось, что благодаря наличности нескольких выходов из подобных гостиниц филеры не могли уследить за выходом наблюдаемых из „Малого Эрмитажа“, и таким образом конспирация Прейс удалась.

Описанный случай не был единичным. Так, например, пропагандист И. И. Чорба после свидания с рабочими, чтобы избежать прослежки, брал проститутку и оставался ночевать в номерах д. Егорова, где филеры вынуждены были его оставлять. Руководствуясь теми же мотивами конспирации Н. Н. Шатерников, опустивший 29/III—92 г. в почтовые ящики 15 конвертов с прокламациями, закончил день ночевкой в известной гостинице Виноградова, на Страстном бульваре.

Во всех подобных случаях, заканчивало охр. отд-ние свой доклад, главная цель наблюдения—установление личности наблюдаемых, оставалась недостижимой, так как за неприменением к таким гостиницам общих правил о прописке видов на жительство, никаких формальных следов пребывания там посетителей не оставалось.

10. 28—IV—96 г. в Москве были арестованы еще: С. К. Иванов, Н. А. Кабанова, А. П. Богословский, С. Г. Григорьев, Б. А. Федченко, С. Н. Маслов, Н. К. Иванов, Лев Печковский, М. А. Кабанова, А. С. Жебровский, Т. Ф. Оленина, Н. Н. Андрианов, Д. В. Нагорский, А. В. Ивинский, Б. П. Модестов, В. Ф. Иванов, В. Цебриков, К. Красавин; М. П. Захлыстов.

11. П. И. Кусков был арестован 8—III—90 г. во время московских студенческих беспорядков; 18—IX—92 г. был обыскан и привлечен к дознанию по Казанскому делу о „Летучих листках“ народовольцев, 12—I—93 г. его отдали под н. н. п.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ XIV.

1. При октябрьском письме Лаврова, занимавшем 3 листа небольшого формата тонкой пергаментной бумаги, была еще записка, с которой скалькировали копию. Другое послание Лаврова с датой 16—28/I—1896 г. (с обращением „Дорогие товарищи!“) было скопировано 1/II—1896 г. в московск. охр. отделении для Зубатова, к которому оно поступило тоже агентурным путем (через Гуровича, который дал заграничным революционерам для писем „надежный“ адрес своей сожительницы Воейковой). Письмо Лаврова написано 28/I, а 27/I было сделано распоряжение о перлюстрационном контроле корреспонденции на имя Воейковой.

2. А. Казанцев был предназначен к высылке пред коронацией; 6/V—1896 г. его обыскали и арестовали, так как у него нашли партию революционных изданий: „Что нам нужно и начало конца“; „На рубеже двух царствований“, Тарасова; „Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске“ (гект. бр.) и др. Привлеченный к дознанию при московском г. ж. у., К. дал откровенные показания, вследствие которых 5/VII—1896 г. была арестована с нелегальщиной К. Кузнецова и разыскивался давший ей эту нелегальщину Владимирский.

3. П. Марышев приезжал в Москву в V—1895 г. и в I—1896 г.; за ним велось наблюдение; в последний раз он останавливался у Ковалевой и часто посещал М. Н. Котова, который стоял во главе кружка с социал-демократическими тенденциями. „Котовский“ кружок составляли: С. Л. Депсамес; М. К. Малишевская; Н. И. Гущин; Д. И. Виноградов; П. А. Нестеров; А. Ф. и В. Ф. Шилины; Б. Д. Фридман; С. Л. Франк; Н. Б. Захадер; К. А. Новгородцева; Н. М. Степанов; Б. П. Григорьев; Е. Н. Дмитриева; П. Ф. Теплов; И. Я. и Г. Я. Франчески; А. А. Жардецкая; А. Ш. Коган и Ф. А. Данилов.

М. Н. Котов по „в. п.“ от 5/XI—1897 г. был приговорен к 4 м. т. з. и 2 г. г. н.

4. Возможно, что в данном случае речь идет на самом деле не об Анне, а об Инне Гермогеновне Смидович, вся родня которой не давала покоя охране; помимо брата ее Петра, о котором уже была речь, под наблюдением находилась еще Ольга Гермогеновна Смидович, которая в V—94 г. была замечена в сношениях с эмигрантом И. Бланковым — „сподвижником Бурцева“; за корреспонденцией ее была тогда же установлена „цензура“ (перлюстрация писем П. Смидовича началась еще ранее—24/II—1892 г.).

5. Несмотря на то, что Иваново-Вознесенск находился в сфере московского влияния, никакой агентуры столичная охрана там не имела; между тем в этом промышленном центре уже тогда велась пропаганда, которой руководил Ф. А. Кондратьев, стоявший во главе кружка иваново-вознесенских и шуйских рабочих; одним из деятельнейших помощников его был А. Евдокимов; интересна рукопись, отобранная у последнего при его аресте в I—1896 г.; я приведу в качестве показательного документа целиком содержание этой программы, носившей заглавие: „Практическое обоснование рабочего движения, выработанное согласно с условиями данного момента“.

«а) Конечная задача союзов: 1) отнять накопленный труд из рук частных лиц и сделать его собственностью общества; 2) выработать способ пользования этим сокровищем.

б) Для большего удобства союз возникает в виде местных, отдельных, хотя и имеющих между собою связь кружков.

1. Возникновение такого кружка возможно при наличности хотя бы двух критически мыслящих личностей, желающих осуществлять прогресс в человечестве.

2. Пропаганда направляется на более развитых рабочих обоего пола.

3. Для собрания имеется особая квартира, которая должна стоять вне подозрений полиции, так что частые собрания на одной квартире нежелательны.

4. Кроме общих собраний, необходимы собрания для лиц, подготовленных к вступлению в кружок, где более опытные члены занимаются их подготовкой.

5. Каждый вновь вступающий член должен быть известен одному или двум старым членам.

6. Лица, возбудившие почему-либо сомнения в своей искренности, в кружки не принимаются.

7. Прежде введения нового члена в кружок необходимо дать ему некоторую подготовку, чтобы принципы рабочего движения освещались для него работой собственной мысли.

8. Члены кружка обязаны сохранять тайну организации, забота же о личной безопасности предоставляется собственному усмотрению каждого члена, ибо найти границу между благоразумной осторожностью и пискарной премудростью поистине невозможно.

9. Средствами пропаганды служат: изучение политической экономии, как „науки работников“; общее научное образование; чтение литературных и публицистических произведений, проникнутых принципами рабочего движения; разные брошюры и статьи по рабочему вопросу; ознакомление с рабочим движением в России и за границей; журналы, изданные рабочими и для рабочих; устные беседы о положении рабочего класса и т. п.

10. Члены кружка основывают кассу, отчисляя 2% месячного заработка, средства которой употребляются на выписку книг, наем квартиры и пр.; кроме того, из этой кассы отчисляется особый фонд на помощь пострадавшим за пропаганду членам и их семействам.

11. Кружок должен завести сношения с другими местными организациями.

12. Члены кружка могут быть командированы в другие местности для направления в желательном смысле где-либо происходящих беспорядков, для пропаганды и основания новых кружков.

в) Разросшиеся в данной местности кружки об'единяют рабочих в местный союз, принимающий для более успешной борьбы с фабрикантами цеховую организацию.

г) Делами союзов заведывает особое выбранное правление из нескольких лиц.

д) Союз борется с капиталистами путем строго расчитанных стачек, достигая этим повышения заработной платы и укорочения рабочего дня и в то же время способствуя развитию в рабочем классе солидарности и человеческого достоинства.

е) Местные союзы об'единяются в рабочую партию, которая имеет свое правление и борется на политической почве. Рабочая партия поддерживает сношения с рабочими партиями всех стран.

ж) При первой же возможности достаточно об'единенные рабочие пред'являют правительству свои требования:

1. Признание законом рабочих союзов, касс, библиотек без контроля правительственных чиновников.

2. Дозволение рабочим совещаться о своих делах и бороться с фабрикантами путем стачек.

3. Неприкосновенность без суда личности рабочего и всякого члена государства.

4. Установление законом 8-часового рабочего дня.

5. Полнейшая свобода слова и печати.

6. Контроль над фабричными работами.

з) Когда рабочие добьются исполнения этих требований, то дело их об'единения пойдет еще быстрее и скоро они достигнут такой силы, для которой изменить существующий строй на началах братского труда будет возможно без пролития крови.

6. Как раз в это время (30/IV—1896 г.) в охр. отд. поступил анонимный донос, посланный на имя генерал-губернатора, в котором писалось: „Не берите греха на душу—прикажите удалить из города Надежду Шестакову, любовницу политического Флегонта Данилова... У нее хранятся все бумаги политические". Н. А. Шестакову не замедлили обыскать, при чем нашли „Открытое письмо Николаю II" и другие листки; ее арестовали, а Данилова выслали.

7. Киселев прибыл в Москву 25/XII—1895 г. из Нижнего-Новгорода, который являлся в то время марксистским питомником. Вместе с Киселевым приехал А. А. Суворов; за обоими с 1/I—1896 г. было установлено наружное наблюдение, которое особых результатов не дало; выяснилось только, что Киселев занимался комиссионерством по велосипедному делу.

8. Будучи в Петербурге, Колокольников останавливался „без прописки" у Н. Дудина и В. Кудрявцева и виделся с С. Казанцевым, М. Ракитиным, С. Костроминым, Е. Душиной, А. Волковой, Е. Чуреевой, А. Рябининым, Н. Рубакиным и А. Звягинцевой.

9. На время коронационных торжеств были удалены из столицы, между прочим: Г. Б. Красин, Н. Ментов, Г. Карпузи, Л. И. Биронт, при чем разрешили, чуть ли не умышленно, избрать себе на время высылки местожительством г. Тулу целой группе лиц, более или менее единомышленных, каковы: А. Рязанов, Л. П. Радин, супруги Волоцкие, А. Мурнпова, К. Чекеруль-Куш, С. Н. Ставровский, В. А. Руднев, рабочие—С. Ф. Федотов и П. С. Солдатов.

10. 22/II—1896 г. при вятск. г. ж. у. было возбуждено дело о сотруднике газеты „Вятский Край", поднадзорном В. С. Арефьеве, по обвинению его в составлении воззвания „С.-Петербург. 1 го января 1896 г.", которое писец губ. земск. управы В. Г. Горохов оттиснул на управском гектографе в количестве 100 экз. В бумагах Арефьева была найдена запись: „В. В. Мягкову, для передачи И. М. Блову". При выяснении оказалось, что заметка эта относилась к Москве и касалась Ивана Мат-

веева Белильцева, состоявшего секретным сотрудником московск. охр. отделения и работавшего на заводе Носенковых, где в то время, как мы уже видели, циркулировали революционные воззвания.

11. По делу, „Московского Рабочего Союза“, были еще арестованы: Б. А. Кварцев, П. Н. Колокольников, В. П. Суходольская, Н. М. Величкин, К. М. Величкина, М. Ф. Бойэ, Е. А. Скобникова, В. В. Мягков, В. П. Толстов, Л. С. Костромина, Н. В. Мягков, Э. Г. Гамбургер, Л. Л. Рума и рабочие: З. Л. Лавров, З. Я. Литвин, А. И. Пильчиков, Н. И. Федоров, Я. С. Бугров, В. Семенов, М. Н. Белогуров, С. Елизаров, Ф. Л. Лукьянов, В. И. Пискунов, П. И. Гончаров, А. К. Мешков, П. П. Емелин, Т. Я. Евстигнеев, Е. С. Круглов, Г. С. Малахов, А. М. Тананин, А. В. Истомина, М. Афанасьев, Г. П. Лапшин, Н. Е. Афанасьева, Ф. Д. Кулагин, О. Васильев, В. П. Дешевой, А. И. Гузичев, Е. С. Мартынов, А. Н. Григорьев, П. П. Дешевой, И Л. Пальчиков, П Егоров, Ф. А. Ремизов, М. П. Гумилевский, И. Михайловский, Г. Д. Гаврилов, А И. Писчиков, В. М. Смирнов, М. И. Поддевкин, Е. П. Листратов, Н. А. Миролюбов, М. П. Моргунов, Н. Г. Гаврилов, Н. Г. Трусов, Н. М. Смирнов, В. И. Цепляев, Е. И. Немчинов, И. М Гаврилов, С. В. Дуплин.

Рума был арестован 12/VII—1896 г., когда прибыл в Москву по Курской ж. д.; он имел заграничный паспорт и 1370 франков; при нем нашли еще брошюры: „Речь Алексеева“, „Сибирь и каторга“ Кенана и 23 рукописи по рабочему вопросу.

12. Последствия „интимных“ разговоров с Зубатовым пришлось испытать державшемуся наиболее корректно с ним Леопольду Рума, которого по выходе из тюрьмы заподозрили (я думаю — не без инспираций его опасного собеседника) в предательстве: в 12 номере „Искры“ было даже заявлено 6/XII—1901 г.: „В Перми не менее комфортабельно устроился еще более вредный человек—Рума. Как известно, Рума был провокатором по делам 1896—97—900 гг. (московским)“. Насколько мне известно—Рума провокатором не был.

13. Заагентурены были: М. Афанасьев (впоследствии — известный деятель зубатовских рабочих организаций), П. П. Емелин, М. И. Поддевкин, который подлежал обыску в ликвидацию 6/VII—1896 г., но оказался выбывшим на родину (возможно, что уже состоял агентом) и, кажется, некоторые другие.

14. В. Бонч-Бруевич выбыл в IV — 1896 г. с В. М. Величкиной (впоследствии его женой) в Цюрих, где вошел в сношения с Аксельродом и Плехановым в качестве делегата московской социал-демократической организации и занялся организацией транспорта революционных изданий в Россию („Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода“, т. I, 136).

15. В числе арестованных по д. „М. Р. С.“ было 7 человек с завода Гоппера. Как видно из ответа московского охранного отделения на запрос ж. управления (VIII—1897 г.), кружок на этом заводе был организован Т. Т. Самохиным, который был потом привлечен к дознанию при петер-

бургском г. ж. у.; в 1894 г. во главе этого кружка стоял рабочий А. И. Привалов, а позднее—А. К. Мешков, которым руководил П. Колокольников. Кружковые собрания гопперовцев происходили у П. Егорова.

16. По делу „Р. С.“ был арестован 11/II—1896 г. рабочий В. Н. Булгаков, который состоял секретным сотрудником Зубатова; в одном из писем, кажется—позднейших, адресованных на имя Павлова (Медникова), Б. просил устроить его на завод А. Гутмана; когда именно Б. заагентурен, мне неизвестно.

17. Филерская экскурсия в Прибалтийский край повела в дальнейшем тоже к „ликвидации“, во время которой был арестован и „транспортист“—И. Пуце. На дознании он признал, что был передаточным агентом по пересылке нелегальных изданий из-за границы в Россию.

7/VI—1897 г. Пуце показал: в VI—1896 г. он встретил в Либаве Э. Ролау; узнав, что П. получал через пароходного служащего Штрангмана нелегальщину, Ролау поручил ему устроить транспортировку русских революционных изданий и дал цюрихский адрес Бонч-Бруевича, с которым должен был снестись Синицын. Штрангман согласился перевозить, но отказался получать на свое имя в Любеке. Будучи в Риге, Пуце познакомился с немецким с.-д. Миллером, который, уехав за границу, вскоре сообщил адрес склада транспортов: „Lubek, Mittelstrasse, № 30, A. Mann“. Ролау передал адрес Синицыну, а тот сообщил его Бонч-Бруевичу; последний в VIII—1896 г. уведомил, что книги высланы и сообщил адрес для писем в Цюрих: „Leiter Grabon, № 37, бюро, Луиза Деблер“. Вскоре Штрангман доставил $2^1/_2$ пуда нелегальщины, которую Пуце и повез в Москву, где Синицын, у которого он ночевал, уплатил ему 55 руб., а остальные (42 р.) обещал уплатить потом, но не заплатил...

18. Кроме взятых с поличным, 2/XI—1896 г. были арестованы еще интеллигенты: Л. М. Серебряков, А. В. Генерозов, С. И. Преображенский, О. Г. Смидович, Е. А. Флеров, С. С. Якобсон, Б. А. Юрковский и К. В. Зейдлич, а также рабочие: Д. Т. Александров, Е. А. Андреев, К. П. Барютин, А. М. Богомолов, М. Васильев, Н. В. Голеев, И. И. Дробиков, С. Е. Дубинкин, Н. Х. Дубов, А. Л. Кононов, К. И. Крышенский, Г. Липатов, С. Липатов, И. И. Листиков, М. Ф. Лихачев, Г. М. Лукьянов, С. Ф. Михайлов, М. А. Пантелеев, П. Прохоров, М. Н. Русанов, К. М. Сухов, В. Д. Терехов, Д. М. Убогов, А. П. Никитин, А. С. Черняев, Ф. М. Кудрявцев, И. П. Волков, Н. Александров, А. А. Александров, К. Ф. Евдокимов, Т. Федоров и В. Н. Булгаков (относительно последнего см. прим. 16-е).

19. Н. А. Горячева на дознании показала, между прочим, что машину, на которой ею переписывалась нелегальщина, она купила у своей квартирной хозяйки К. М. Ионовой (о ней уже была речь), и что брошюры „Основные положения Эрфуртской программы“ Каутского и „Людвиг Фейербах“ Энгельса дал ей техник Пиотровский (Казимир Иеронимов — уезжал за границу и разыскивался по д. „Народного Права“).

20. Вот список рабочих, отданных под гл. н. п. (на 1 год): Г. Липатов, М. Лихачев, Кочергин, М. Лихачев, Г. Лукьянов, Н. Александров, С. Липатов, И. Дробиков, С. Дубинкин, Ефим (Иван?) Шумов.

21. Было воспрещено жительство в губерниях столичных и фабричных районах на 3 года (по 17/I—1900 г.), следующим „бромлеевцам“: И. М. Глебову, П. К. Михайлову, В. С. Кузнецову, Ф. А. Боечину, И. Н. Петрову, и на 2 года: Б Е. Дегтеву, А. М. Нуждину, И. И. Артемову, Т. П. Двойникову, Н. Д. Никифорову, В. З. Соколову, В. П. Прохорову, С. И. Яконовскому, Ив. Е. Егорову, Е. А. Чернышеву, И. В. Гудкову, В. И. Попову, А. М. Нуждину, Г. А. Ефимову, С. А. Смирнову, А. Т. Долгушину, И. Ф. Мизонову и Е. А. Строгову.

Такая расправа была вызвана желанием припугнуть рабочих завода Бромлея, среди которых революционная пропаганда пустила корни. На это обратил внимание даже заведывавший заводом инженер-технолог Стекольщиков, который счел своим нравственным долгом донести об этом полицейскому приставу (1-го уч. Серпуховской части), указав зачинщиков—рабочих П. И. Хайлова и И. Михайлова. Но охранное отделение и без того было осведомлено; оно даже знало, какая нелегальщина (и по какой цене) распространяется на заводе (в кружке Крышенского, Богомолова, Кононова, Сухова), а именно: „Социализм и политическая борьба“ Плеханова—75 к., „Развитие научного социализма“ Энгельса—50 к., „Наши разногласия“ Плеханова—2 р. и пр.

Осведомленностью этой охранное отделение было обязано своему молодому сотруднику Емелину, который 25/VIII—1896 г. писал, например, господину Лебедеву (старинный псевдоним Зубатова): „На нашем заводе, т.-е. заводе Бромлея, что у Крымского моста, была вызвана стачка... Борис Алексеевич [1]) рекомендовал нового интеллигента; по приметам это должен быть тот, которого вы мне показывали карточку; он раньше назывался, будто бы, Абрам Вениаминов; а кто живет с Капитоном [2])—не знаю. Извините, что письмо без марки—ей богу нет денег ни копейки. Г-н Лебедев! Всепокорнейше прошу вас, будьте добры, помогите мне сколько-нибудь деньгами... Не думайте, что дай человеку один раз, он и будет попрошайничать. Меня же заставляет крайняя нужда. Известный Вам Павел Павлов Емелин“.

В дальнейших своих сообщениях тот же агент, уже за псевдонимной подписью,—не без умысла выбранной—„Рысаков“, сообщал о пропаганде среди рабочих, о замышляемых стачках, о деятельности „Каранатыча“ [3]) и т. д. Писал, между прочим, Емелин о том еще, что Афонин, подозревая Дуплина в шпионстве, сказал: „Степан служит в сыщиках“; сообщал также, что после ноябрьских арестов рабочие обозлились на интеллигентов и, когда к кучке рабочих в портерной попытались „примазаться“ два таких пропагандиста (один рябой), то их сочли за шпионов и выгнали вон.

---

[1]) Кварцев.

[2]) Сухов.

[3]) Мешков.

А „примазаться“ охотников было, повидимому, не мало. Интеллигенты искали связей с рабочими иногда и не в подобающих местах. Емелин рассказал, между прочим, о случае с рабочим Н. П. Алфимовым; последний в одном из притонов когда-то знаменитой Драчевки познакомился со студентом Никольским, который дал ему свой адрес (Ляпинское общежитие) и обещал достать „хороших книг“.

Нам еще придется в дальнейшем встретиться с этим птенцом гнезда Зубатова.

22. Охранному отделению было известно, что у Войткевича имелся гектограф, которого по обыску у него не нашли. Он успел его спрятать после того, как забрали во время студенческих беспорядков его товарища Дубинского.

ПРИМЕЧАНИЯ к ГЛАВЕ XV.

1) В перлюстрированном письме К. Чеботарева (31/I—1896 года) к И. Ф. Топчиеву в Екатеринбург сообщалось об остракизме, которому подвергнут Захарьин, и о 18 „отступниках“, записавшихся на лекции и лишенных за то „всех льгот курсовой организации“.

2) Интересна мотивировка политического тезиса, которую разв воззвание „С. Совета“ от 21/III—96 г.

„Современный ун-ий режим есть лишь частное проявление государственной политики. Борясь против насилия и произвола начальства, студенчество будет закаляться и воспитываться для по ческой борьбы с общегосударственным режимом. Систематическое дение реакционных начал в жизнь ун-ов со стороны правит-ва вождалось полной деморализацией профессуры и упадком чувств ственного достоинства в студенчестве. Удаление проф. Эрисмана, чение Попова обязательным лектором, увеличение штатов ун-ой по уничтожение института старост на мед. фак., предоставление прав ун-та исключительного права распределять летние занятия между сту лишение армян и поляков возможности оставаться в качестве орд ров и экстернов при клиниках и пр. и пр.,—все эти безобразные и ные меры не вызвали никакого протеста со стороны студен-ва, чт детельствует об указанному падке чувства собственного достоинства Беспорядки, поставленные на общестуд. почву, взволновав студ. вызовут к активной жизни наилучшие элементы, для которых стану смысл и значение протеста. Выразив активный протест, студ-во по что его нельзя безнаказанно оскорблять, и что бывает предел ег пению“...

3) Число задержанных в XI—96 г. студентов по делу союзни организации возросло потом до 70 с лишком; среди них были мненные „политики“ (из которых некоторые заняли потом видное в революционном движении), например: И. Ф. Блинов, М. К. Во В. Г. Громан, А. П. Доливо-Добровольский, Н. А. Семашко, С. Н. и др.

4) Некоторые педеля, помимо исполнения своих прямых обязанностей—шпионить для университетской инспекции, состояли платными агентами охранного отделения, которому доносили не только на студентов, но и на профессоров и на свое начальство; одним из таких секретных сотрудников был педель П. А. Сарычев-Кулешов (агентурный псевдоним—„Куликов“), с которым имел дело Медников.

5) По распоряжению д-та полиции от 18/I—97 г. были лишены права жительства в столице студенты Московского университета: А. А. Ассинг, И. И. Барамов, И. Ф. Блинов, И. М. Бондаренко, Н. В. Васильчиков В. Г. Громан, В. С. Дерябин, М. П. Доброхотов, П. И. Кирсанов, С. И. Корнилов, П. М. Коротенко, И. М. Курило, В. Н. Михалевич, А. Г. Михайловский, П. М. Назарьев, А. О. Огаджанов, Д. С. Платонов, М. Р. Ростошинский, Н. А. Семашко, С. Н. Слетов, А. А. Ступин, В. М. Турбин, Н. Х. Фосс и М. В. Чиков.

6) В качестве членов «С. С.» 23/III—97 г. были арестованы: Е. И. Лятоскевич, Г. Л. Корякин, П. Х. Канонов, А. В. Артюшков, С. И. Ершов, С. А. Королев, В. Д. Чельцов, В. П. Одинцов, С. И. Солнцев, С. Л. Маслов, Б. Н. Захаров, Ш. М. Чериковер, А. В. Ильинский, С. А. Мирошниченко, В. Н. Клириков, А. М. Квасницкий, Я. О. Пилсудский, Л. Ф. Друговино, С. Г. Крупнов, Ф. Х. Коренев, С. П. Гвоздев, В. Ф. Дорошевский, Ц. Л. Гинсбург, К. Ф. Рожновский, Н. К. Кинчер и В. П. Грацианский.

Из членов суд. комиссии были задержаны: С. С. Карасева, О. С. Тер-Степанов, А. К. Долгов, П. В. Фандеев, Л. Н. Рывкин, С. В. Шаповалов, В. Н. Шкварцов, М. С. Щукин и А. М. Станиловский.

И. А. Кашин и В. В. Маньков были взяты, как „издатели“ (советских листков). Арестованные: М. И. Мережинский являлся представителем бюро труда, а П. С. Завриев и А. С. Кулеш были кассирами. Д. И. Виноградов подвергся аресту исключительно на основании перлюстрационных данных. З. В. Гусеву, П. А. Казанского, В. С. Колокольцову, В. В. Назарова и К. М. Острова задержали в виду результата обысков у них.

Из упомянутых лиц Солнцев попал на замечание охраны еще в 1896 году, когда было сперлюстрировано его письмо в Нежин к брату Сергею, в котором он писал (14—XI), что принимает деятельное участие в кружке, ставящем целью „воспитание борцов за политическую свободу“. Кашин обратил на себя внимание, когда явился 2/I—97 г. в охранное отделение с заявлением, что его приятель Васильчиков страдает напрасно, так как к «С. С.» не принадлежит, и что брошюру Аксельрода ему дал он—заявитель. Из документов, отобранных по обыску у Кулеша и Острова, видно было, что они придерживались социал-демократического направления.

7) М. Ф. Ветрова была арестована в Петербурге 21/XII—96 г.; допрашивавшие ее ж. о. Шмаков, прокурор Кичин и Семякин, пользуясь душевной депрессией арестованной, вынудили от нее кой-какие признания, что и толкнуло Ветрову на роковой шаг. Памяти Ветровой (под

таким же заглавием) посвящена книжка, изданная за границей в 1898 Обществом народного права.

8) Кто был заместителем „Фединьки“—мне доподлинно не известно. Из студентов Московского университета в те времена состояли, как мы увидим далее, секретными сотрудниками московского охр. отд. Лысогорский и Адам Гедвило (псевдоним „Панов“); последний был удален из Москвы за участие в беспорядках и по возвращении сделался агентом Зубатова. Гедвило был приятелем Рожновского (арестованного на сходке у Медведевых), которого он злостно предал в 99 году (по виленскому делу). Осведомителем по студенческим делам в 90-х годах был еще К. В. Молчанов, которого я лично видел в охранном отделении, куда он явился 18/III—1892 г. с письмом к г. Павлову (Медникову, бывшему тогда в отсутствии) и с просьбой дать „в счет будущего“ денег; в доказательство своего бедственного положения он представил скидочную квитанцию железной дороги на проезд из Тулы в Москву; Зубатов приказал выдать этому белокурому юноше с лицом ребенка, но пахнувшему водкой 10 рублей...

ПРИМЕЧАНИЯ к ГЛАВЕ XVI.

1) За подстрекательство к стачке на Мытищинском заводе рабочим М. А. Смирнову, Г. М. Курбатову, Е. С. Павлову, А. П. Поросятникову, Г. Михайлову и М. Г. Менлку было воспрещено жительство в фабричных районах, столицах и их губерниях.

2) В I—97 г. циркулировали еще воззвания: одно, гектографированное, по поводу забастовки на фабрике Коншина и другое, за подписью „Рабочего Союза“, сообщавшее о стачке на петербургских фабриках Паля, Штиглица и на Охтинской мануфактуре и о том, что, поверив новым обещаниям, рабочие 13/I встали на работы.

Позже появился гектографированный „Отчет кассы Рабочего Союза“ за январь и февраль 1897 г., который был издан, по сведениям охр. отд-ния, кассиром А. Кулешом. Вот содержание этого „Отчета“: „Приход (остаток от 1896 г.; от спб-х товарищей; за карточки; от благотворительного учреждения (60 р.); от организации; от ч. р.; от г. т.; из С-ка (60 р.); от 1225 (100 р.) и т. д., всего—1.228 р. 73 к. Расход: помощь (заключенным, высылаемым, высланным рабочим и интеллигентам, их семьям и безработным)—676 р. 50 к.; литература—70 р.; конспиративные расходы—71 р.; уплата долгов—300 р.; итог—1.117 р. 50 к.“

3) В круг знакомых Рыкачева входили, между прочим, техник И. С. Бабаджан и В. Н. Хатунцев, арестованный потом, С. П. Красиков—сожитель Д. К. Лысогорского и А. Л. Де-Вальден, который был 17 обыскан (по доносу) и арестован в виду того, что у него обнаружено много нелегальной литературы (соц.-демократической—польской и русской).

4) В предмайскую ликвидацию 97 г. были еще задержаны рабочие 4/IV: Н. А. Рыбаулин, М. Е. Семенов, Е. Иванов и А. Н. Артамонов

18/V—Н. Н. Олимпиев и 1/V—М. И. Рожанов; первые пятеро были вскоре освобождены. По ходу дознания об этой группе была арестована еще 13/V Л. И. Биронт. Кроме того, были обысканы 4/IV Э. Гамбургер и П. И. Соломин.

5) Кто же этот осведомитель—Лысогорский? Из лиц, вращавшихся в революционных кружках того времени, с такой фамилией был известен только студент московск. ун. Дмитрий Константинов Лысогорский, которого (см. предыдущую главу) охр. отд-ние аттестовало, как „социал-демократа по убеждениям“; донося в I—97 г. о С. П. Красникове, оно снова повторило этот отзыв, упомянув, что и названный студент и его сожитель Н. К. Лысогорский „сочувственно относятся к соц.-демократическим доктринам“. В 95 г. Л. жил в квартире „тамбовцев“ вместе с Б. Я. Рытовым (Терентьевым), Н. С. Жихаревым, А. А. Сабуровым, М. Ф. Владимирским и А. Ю. Фином.

6) Мне кажется, я не имею права умолчать о некоторых фактах, связанных с именем Николая Ивановича Малинина, оценку которых я, впрочем, не могу взять на себя, за неимением всех необходимых сведений.

10/XII—04 г. нач. петербр. г. ж. у. донес д-ту п. за № 18298 о том, что задержанный по д. об'единенной с.-д. организации петербургских студентов неизвестный 8/XIII назвался Николаем Ивановым Малининым. На этом донесении директор д-та п. положил резолюцию: „В Казани был Малинин, который оказывал услуги по Саратову в бытность там начальником г. ж. у. полковника, а ныне генерала, Иванова и предлагал ротмистру Боброву выяснить Гершуни. Не тот ли?“.

Здесь следует упомянуть, что Иванов в Саратове был лишь до I—01 г., а в 04 г., если не ошибаюсь, именно он был начальником петербурского ж. у.; Бобров же был назначен нач-м саратовск. охр. отд-ния в VIII—02 г. К этому необходимо прибавить, что в XII—98 г. в Москве был арестован (по делу «Союза борьбы») студент московск. университета Николай Иванович Малинин, саратовский уроженец, и что помощник нач-ка московск. охр. отд-ния Сазонов, сообщая д-ту п. в VI—99 г. имевшиеся у него агентурные сведения о саратовском с.-д. комитете, в числе членов такового называл Касперовича, Фофанова и Н. И. Малинина. Следовало бы разобраться в этой истории.

7) По наблюдению в Курске за Лосицким, кроме Гуковского и Минятова, были выяснены: И. К. Кондорский, Н. М. Катаев, Т. И. Попов, В. К. Руднев, Н. А. Никольский, Н. В. Чернышева, акушерка Солодилова. Так как признаков „южной типографии“ не оказалось (она была обнаружена южнее—в Екатеринославе), то наблюдение в Курске обошлось без ликвидации.

8) Это было чуть ли не последнее появление М. Н. Корнатовской на горизонте первопрестольной. „Манька“ изменила вскоре „Мамочке“ и вышла замуж за Б. Елагина, с которым и поселилась затем в Саратове. Дальнейшая ее судьба мне неизвестна; если Мария Николаевна

жива, она могла бы многое поведать о прошлом московских революционных кружков, в жизни которых ей пришлось играть такую печальную роль.

9) У Семеновой и Никитина по обыску взяли, кроме трех брошюр („Два письма к Н. К. Михайловскому“ марксистов, печ., 94 г. и др.) рукопись, касавшуюся французской революции 48 года. У П. Н. Ястребова-Чумина, кроме заграничных изданий и воззваний „Рабочего Союза“ были обнаружены два гектограф. листка: „Стачка железнодорожных служащих в Швейцарии на Северо-восточной жел. дор.“ и „Гамбургская стачка“, оба—от имени „Московского Рабочего Союза“ (последний из них с датой: 7/XII—96 г.).

10) Последнему „Московскому Раб. Союзу“ вообще не везло; после ликвидации его старалась допять еще перлюстрация. Так, 20/XII—97 г. д-т п. препроводил моск. охр. отд-нию копию корреспонденции, посланной из Калуги на имя П. М. Острова, в которой неизвестный автор писал: „Необходимо, не медля ни минуты, передать приложение по адресу: „Семинарский тупик, д. Кудрявцева, кв. 6, спросить Лидию Павловну Мандельштам“... Вручить лично, от кого—не говорить. Для тебя опасности никакой... Письмо к тебе это—уничтожь“. Содержание приложения (сокращенное) было такое: „В ночь на 13 дек. у здешнего статистика П. Н. Быкова... произведен обыск, во время которого ваш адрес найден на ряду с адресом Ульянова, живущего в доме Романовского... В случае дознания он намерен изложить дело так... Прошу передать все это Ульянову... Желательно, чтобы настоящее письмо было уничтожено как можно скорее“.

Старая история: письма конспираторы уничтожали, а копии с них охрана утилизировала!

О значении адреса Л. Мандельштам (урожденная Кранихфельд) рассказано ниже (по д. Роговина).

10) Следует упомянуть еще об одном деле (я не вполне уверен,—относится ли оно к числу социал-демократических). 29/X—97 г. в конфиденциальном письме на имя Л. А. Ратаева (заменившего больного Семякина по заведыванию отделом политических розысков д-та п.) Зубатов писал: „Вашему Высокородию известно, что у „Старомосковского кружка“ имеются две конспиративных квартиры: одна—в доме Боровковой, по 1-му Волконскому пер., там, где живут супруги Андрей Нилов и Елизавета Алексеева Елагины, а другая—в доме Кудрявцева, по Семинарскому тупику, у Лидии Павловой Кранихфельд. Обе квартиры находятся на расстоянии трех минут ходу и помещаются в очень глухой местности, близ Екатерининского парка. С первого появления в Москве Александр Иогансон вел дело исключительно через Кранихфельд, квартира которой целиком может считаться за его организацией.

„12 сего октября, в 10 час. 40 мин. утра к супругам Елагиным пришел неизвестный господин, который через 30 минут пошел от них к Кранихфельд. Не застав последней дома, он вышел и, постояв минут 5 на углу Божедомки, направился в Ново-Екатерининскую больницу вероятно—по ошибке, так как Елагина занимается в Старо-Екатерининской больнице и, спросив о чем-то, поехал на извозчике в Выползов пер., в дом Васильева, где живет недавно обысканная по делу Каммера фельдшерица Елена Николаева Добровольская“...

Из дальнейшего повествования о похождениях неизвестного установилось, что он, взявши дорожные вещи с Курского вокзала, выехал вечером в Петербург, сопровождаемый филерами, которые отметили, что наблюдаемый дважды раскланивался через окно с ехавшим тем же поездом Н. К. Муравьевым. Из этого ясно, писал в заключение своего доклада Зубатов, что неизвестный „принадлежит к группе Иогансона, представителем которой и главным работником в петербургском кружке является известная д-ту п. Скалова“.

В Петербурге таинственный незнакомец был немедленно выяснен, о чем Ратаев поспешил сообщить в Москву. Это был Х. М. Роговин, который, по сведениям д-та п., в VII—97 г. „скрылся из Петербурга и, по слухам, перешел на нелегальное положение“. В II—93 г. Роговин был обыскан в Берлине в числе 13 русских студентов, при чем у него нашли по обыску номер „Саксонской Рабочей Газеты“ с отчетом о с'езде германских соц.-демократов (XI—92 г.). По возвращении в Россию Роговин был вызван в д. п., где дал „удовлетворительные об'яснения“ о своем поведении в Берлине; 28/1—97 г. он присутствовал на собрании у А. Г. Каррик, на котором члены общества „Помощь“ обсуждали способ превращения этой организации „в орудие социалистической пропаганды среди рабочих“...

А для чего Роговин ездил в Москву,—осталось покрыто мраком неизвестности.

Государств. публичная
историческая
библиотека

Фундаментальная
Библиотека
К. У. Т. В.
ИСКЛЮЧЕНА

2-й год издания. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1926 г.** 2-й год издания.

НА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ БИБЛИОТЕКУ

12 книг в год — 12 книг в год

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА“

Предполагаемое содержание:

1. **Тайные общества в России в начале XIX в.** К столетию восстания декабристов. Новые материалы, статьи и воспоминания. Печатается.

2. **Краухов. Красный лейтенант.** Воспоминания о Севастопольском восстании 1905 г. Печатается.

3. **А. П. Корба.** Из эпохи „Народной воли“. Воспоминания. Печатается.

4—5. **М. Ф. Фроленко. Воспоминания.** В 2 томах. С предисловием В. Н. Фигнер.

6. **В. Деготь.** Записки большевика-подпольщика.

7—8. **Л. П. Меньщиков. Охрана и Революция.** К истории тайных политических организаций в России. По материалам департамента полиции и Московского охранного отделения. Часть II. 1898—1905 гг.

9. **Кара и Нерчинская каторга.** Сборник воспоминаний и статей. Составлен Нерчинским землячеством о-ва политкаторжан.

10. **В годы первой революции.** Сборник статей и воспоминаний. Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова.

11. **Ссылка в эпоху первой революции.** Сборник статей и воспоминаний. Под ред. Н. Чужака-Насимовича.

12. **Орловский централ.** Сборник статей и воспоминаний. Составлен Орловским землячеством о-ва политкаторжан.

Каждая книга размером **12—15** листов со многими иллюстрациями, что составит в год приблизительно **150** листов.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на год (12 книг)—**15** руб.; на ½ года (6 книг)—**8** руб.; на **3** месяца (3 книги)—**4** руб. **50** коп.

В отдельной продаже цена книги **1** руб. **50** коп.—**2** р. **50** к., а всей библиотеки свыше **20** рублей.

При одновременной подписке на журн. „КАТОРГА и ССЫЛКА“ и ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННУЮ БИБЛИОТЕКУ

Подписная цена:

на год (20 книг)—**25** руб.; на ½ года (10 книг)—**18** р. **50** к.; на 3 мес. (5 книг)—**7** руб. **50** коп.

Подписку направлять в Контору Издательства Всесоюзного Общества Политич. Каторжан: Москва, Лубянский пассаж, 32. Тел. 3-6[illegible]

КОНТРОЛЬНЫЕ